

Федеральное агентство научных организаций
Южный научный центр Российской академии наук
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН
Фонд имени священника Илии Попова

КАЗАЧЕСТВО РОССИИ
В БУНТАХ, СМУТАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ
(к столетию событий 1917 года)

Материалы Всероссийской научной конференции

г. Ростов-на-Дону
4–5 октября 2017 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2017

УДК 94(47)

К14

Редакционная коллегия:

акад. Г.Г. Матишов (ответственный редактор)
д. и. н. А.В. Венков, к. полит. н. Д.И. Узнародов

**Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию
К14 событий 1917 года): материалы Всероссийской научной конферен-
ренции** (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.) / [отв. ред. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. – 384 с. – ISBN 978-5-4358-0156-9.

Материалы Всероссийской научной конференции «Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года)» посвящены проблемам участия казаков в русской Смуте и в становлении российской государственности, в народных движениях XVII–XVIII вв. (восстания И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачёва, Ф. Сухорукова), в революционных событиях 1905–1907 гг.; факторам и причинам антиреволюционных настроений в казачьем социуме после событий Октября 1917 г.; взаимодействию казачества России с Белым движением в период Гражданской войны; изменению жизненного уклада казачьих общин после окончания Гражданской войны; казачьему движению в период «поздней» перестройки и в постсоветский период.

Издание рассчитано на профессиональных историков, студентов высших учебных заведений и на всех, кто интересуется историей казачества.

УДК 94(47)

*Сборник материалов конференции подготовлен в рамках выполнения
Государственного задания ЮНЦ РАН на 2017 г.,
тема «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона
с древнейших времен до нового времени», № госрегистрации 01201354248*

ISBN 978-5-4358-0156-9

© ЮНЦ РАН, 2017

© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2017

Federal Agency for Scientific Organizations
Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
Institute for Social and Economic Research and Humanities
of the Southern Scientific Centre RAS
Priest Iliya Popov Foundation

*T*HE COSSACKS OF RUSSIA
IN REBELLIONS, TIMES OF TROUBLES,
AND REVOLUTIONS
(to the centenary of events of 1917)

Proceedings of the All-Russian Scientific Conference

Rostov-on-Don
4–5 October 2017

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2017

UDC 94(47)

M39

Editorial Board:

Academician RAS G.G. Matishov (Managing Editor)

Dr (History) A.V. Venkov, PhD D.I. Uznarodov

(2017) Matishov G.G. (Ed.) The Cossacks of Russia in rebellions, M39 times of troubles, and revolutions (to the centenary of events of 1917): Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 4–5 October 2017). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 384 p. (In Russian). ISBN 978-5-4358-0156-9.

Materials of the All-Russian Scientific Conference “The Cossacks of Russia in rebellions, times of troubles, and revolutions (to the centenary of events of 1917)” are devoted to the issues and problems of participation of the Cossacks in the Russian Time of Troubles and formation of the Russian statehood; the participation of the Cossacks in the people’s movements of the XVII–XVIII centuries (rebellions of I. Bolotnikov, S. Razin, K. Bulavin, Ye. Pugachev, F. Sukhorukov); the participation of the Russian Cossacks in revolutionary events of 1905–1907; the factors and causes of anti-revolutionary attitudes in the Cossack social environment after the events of October 1917; the interaction of the Cossacks of Russia with the White Movement during the Civil War; the transformation of the way of life of the Cossack communities after the Civil War; the Cossack movement in the period of “late perestroika” and in the post-Soviet period.

The publication is intended for professional historians, students of higher educational establishments, and readers interested in the history of the Cossacks.

UDC 94(47)

Conference proceedings are within the implementation of SSC RAS state task for 2017, topic “The study of intercultural interactions of the Lower Don population from the ancient times to the current time period”, State Registration № 01201354248

ISBN 978-5-4358-0156-9

© SSC RAS (2017)

© ISERH SSC RAS (2017)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема участия казачества России в бунтах, смутах и революциях важна и актуальна, особенно в контексте мероприятий, посвященных столетию событий 1917 года.

Из истории мы знаем, какую роль сыграли казаки в Смуте и какое участие они приняли в становлении российской государственности и тем самым ускорили завершение этого периода. Известно участие казаков в народных движениях XVII–XVIII вв. (восстания И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачёва, Ф. Сухорукова), которые сейчас всё чаще называют бунтами.

Казаки сотрясали основы государства, но, найдя свою нишу в составе Российской империи, они стали ее опорой.

Важнейшей функцией казачества была военная служба, защита границ Империи. К началу XX в. донские казаки достигли пика своей боеспособности и блестяще проявили ее в Первой мировой войне.

Минимальные потери (особенно – пленными) и большое количество наград указывают на высокий уровень военного профессионализма, стойкость, патриотизм казаков и продуктивность всей системы казачьей службы.

Другой важной задачей, возлагаемой царской властью на казаков, стали их полицейские функции. Опыт привлечения казаков к несению полицейской службы появился в конце XVI в. Во второй половине XVIII в. происходит срастание верхушки донского казачества и государственных структур. После восстания декабристов, которое нашло поддержку среди значительной части дворянства, самодержавие попыталось найти новую широкую социальную опору и нашло ее среди казаков. С 1827 г. наследник российского престола одновременно является верховным атаманом всех казачьих войск.

Казаки сыграли важную роль в подавлении восстаний в Царстве Польском, в Венгрии. Казаки сыграли решающую роль (что подтверждается особой грамотой царя в 1906 г.) в подавлении Первой русской революции. Внутренняя убежденность казаков в необходимости и целесообразности таких действий подпитывалась сложившейся на Дону ситуацией, когда огромная масса безземельных и малоземельных крестьян с завистью смотрела на казачьи земли. Кроме того, этому способствовала вся система внутривойскового и внутриобщинного воспитания казаков в духе верности службе, России и самодержавию. Большую роль в духовном воспитании казаков играла церковь.

При исполнении полицейской службы и карательных акций казаки отличались дисциплинированностью, верностью присяге царю и общей политической благонадежностью по отношению к существовавшему

режиму. Это обстоятельство стало определяющим в отношении к казачеству со стороны различных политических сил в Российской империи и со стороны широких масс населения России. В то же время казаки были той силой, которую царское правительство привлекало для пресечения межнациональных столкновений, в том числе и еврейских погромов. На Дону в период Революции и Гражданской войны казаки в погромах не участвовали и их не организовывали.

В условиях развития капиталистических отношений в обществе казачество, как сословие, как иррегулярное войско, выступающее «конно и оружно», было обречено. В борьбе с советской властью казаки были единственным сообществом, обеспечивающим на Юге массовую поддержку Белому движению.

Относительно казачества изначально четкой правительственной программы у большевиков не было, но, учитывая переход подавляющего большинства казаков на сторону белых, началось массовое физическое истребление казаков. Расказачивание предполагало не только физическое уничтожение большинства боеспособных казаков, но и подрыв экономики казачьих станиц, ломку казачьего менталитета, культурных основ казачества.

Мы помним, с каким энтузиазмом началось возрождение казачества в 1989–1990 гг. Помним казачье движение в период «поздней перестройки» и в постсоветский период, участие казаков в событиях 1991–1993 гг., бои в Приднестровье и Абхазии. А сейчас мы с сожалением наблюдаем процесс «ритуализации» в казачьем движении, увлечение гербами, придумывание новых наград, в то время как масса проблем казачества еще не решена.

В настоящее время большинство казаков – наших современников по национальности себя казаками не считают.

Существующие ныне различные казачьи движения и общественные институты с различной атрибутикой не охватывают большинства потомственных казаков. Однако по существующему законодательству казаком считается лишь член зарегистрированного государством казачьего общества. Это оставляет за бортом процесса возрождения казачества большую часть потомственных казаков. Наметилась тенденция власти и современных казачьих лидеров вновь навязать возрождающимся казачьим структурам полицейские функции.

И всё же мы верим в будущее казачества, верим, что потомки казаков продолжают славные дела своих предков.

*Председатель Президиума ЮНЦ РАН,
член Президиума РАН,
академик Г.Г. Матишов*

Раздел 1

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

И.О. Тюменцев	9
И.Ю. Юрченко.....	19
Н.В. Рыбалко, А.В. Ивина	27
С.В. Мирский	33
Е.В. Кусаинова.....	48
Р.Н. Евдокимов.....	56
С.Я. Суций	63

Социально-экономическая природа русской Смуты начала XVII столетия: к вопросу о незаконченной дискуссии о крестьянских войнах в России

В пореформенной России с 60-х гг. XIX в. вплоть до развала СССР в 80-х гг. XX в. проблемы социально экономической истории России неизменно оставались в центре внимания отечественной историографии и общественной мысли. Последующие два десятилетия нигилистическое отношение к марксистской теории и материалистическим учениям привело к тому, что проблемы экономической истории явно оказались на периферии научных исследований, уступив место ранее слабо разрабатывавшимся в советской исторической науке просопографии [1; 2], политической истории, истории культуры, быта и краеведению. Лишь в последнее время мировой экономической кризис, обнаруживший неспособность современной науки, прежде всего исторической, дать ответы на вызовы времени, заставил западных, а теперь и российских историков вернуться и по-новому оценить, казалось бы, канувшие в лету дискуссии по проблемам социально-экономической истории.

Одной из таких дискуссий являлось выяснение природы русской Смуты начала XVII столетия. В дореволюционной историографии долгое время выясняли, что породило Смуту: вмешательство в русские дела иноземцев или внутренний кризис [3].

В советской историографии первые историки-марксисты в 20-х гг. XX в. попытались с позиций исторического материализма переосмыслить знания, накопленные предшественниками, и выработать новую концепцию событий Смутного времени. М.Н. Покровский считал, что в начале XVII в. в стране имел место классовый конфликт – «казацья или крестьянская революция», аналогичная «Великой крестьянской войне» в Германии [4]. Взгляды М.Н. Покровского приняли и развили его ученики [5].

Построения первых историков-марксистов страдали социологическим схематизмом и склонностью к модернизации событий прошлого, поэтому, когда дело дошло до углубленного анализа источников, в историографии наметился отход от первоначальных оценок всей Смуты как «крестьянской или казацкой революции». С.Г. Томсинский вплотную подошел к пониманию Смуты как гражданской войны эпохи феодализма [6]. С.М. Дубровский пришел к выводу, что крестьянской войной была не вся Смута, а только восстание И.И. Болотникова [7].

В 30–40-х гг. XX в. в литературе под влиянием трудов Б.Д. Грекова утвердились взгляды на Россию IX–XIX вв. как на феодальное государство, а народные выступления XVII–XVIII вв. стали рассматриваться как крестьянские войны – «проявления высшей формы классовой борьбы при феодализме». Оценки событий начала XVII в. как «крестьянской» или «казачьей» революции, вождями которых являлись самозванцы, были признаны ошибочными [8–11].

В 40–50-е годы XX в. И.И. Смирнов выполнил фундаментальное исследование, посвященное восстанию И.И. Болотникова, в котором обобщил и критически проанализировал основной массив выявленных к тому времени источников по этой теме. Историк пришел к выводу, что в 1606–1607 гг. в России имела место первая в истории страны крестьянская война, основными силами которой были крестьяне, холопы, казаки и мелкие служилые люди по прибору и которая шла под лозунгами уничтожения крепостнических отношений и ликвидации крепостнического гнета. Причины поражений восставших виделись в стихийности выступлений, неорганизованности и низкой сознательности крестьянских масс [12].

Исследования советских историков 30-х – начала 50-х гг. XX в. существенно продвинули вперед изучение событий 1606–1607 гг. и 1611–1612 гг., но, как совершенно справедливо указал Р.Г. Скрынников, в их трудах Смута перестала рассматриваться как единый комплекс событий и оказалась расчлененной на крестьянскую войну, под которой понималось восстание И.И. Болотникова, и иностранную интервенцию – события 1604–1606 и 1608–1618 гг. Более того, И.И. Смирнов неправомерно отверг само понятие «Смута», принятое историками XVIII–XX вв., объявив его «буржуазным» [13].

Во второй половине 50-х гг. XX в. в СССР появились специальные исследования, посвященные отдельным периодам и сюжетам Смуты, которые не укладывались в рамки прежних концепций [14] и вызвали бурную дискуссию по проблемам теории и истории крестьянских войн, которая развернулась во второй половине 1950–1960-х гг. на страницах журналов «Вопросы истории» и «История СССР» [15–22].

Небольшая часть историков предлагала вернуться к рассмотрению крестьянских войн как раннебуржуазных революций, в основе которых лежал конфликт между нарождающимся (но не созревшим) буржуазным укладом и перешедшей в наступление против него феодальной реакцией [23]. Наступление феодальной реакции объяснялось изменениями в международном разделении труда, которое породило процесс вторичного закрепощения крестьян в Европе к востоку от Эльбы, уничтоживший нарождающийся капиталистический уклад в Германии, Речи Посполитой

и т. д. Проблема заключалась в том, что в ходе вспыхнувшей в то время дискуссии о зарождении капитализма в России обнаружить капиталистический уклад в экономике России до конца XVIII в. не удалось. Споры возникли относительно времени появления «ростков» капиталистического уклада: до Смуты или после нее. Другая дискуссия о закреплении крестьян показала, что закрепощение крестьян в России, в отличие от других стран Восточной Европы, являлось «первичным» и было вызвано внутренними, а не внешними причинами.

Господствующей в историографии гипотезой проводилась оценка российских смут и бунтов XVII–XVIII столетий как крестьянских войн – «высшей формы классовой борьбы при феодализме». Примечательно, что вместо выяснения социально экономической природы этого явления историки занялись его внешним описанием, подобно выяснению 15 признаков «развитого социализма».

В ходе споров А.А. Зимин предложил рассматривать всю Смуту как крестьянскую войну, которая началась в 1603 г. и закончилась в 1614–1618 гг. Периодом наивысшего подъема борьбы посадских, крестьян и казаков, по мнению историка, было восстание И.И. Болотникова, после которого начались спад и перерастание классовой борьбы в национально-освободительную [24; 25]. Развернутое обоснование гипотезы многоэтапной крестьянской войны 1603–1618 гг. на обширном архивном материале дал В.И. Корецкий. Историк пришел к выводу, что основной причиной крестьянской войны в России явилось утверждение крепостничества в русской деревне, а крестьянская война была ответом на этот процесс. Ограниченность классового самосознания крестьянства, полагал В.И. Корецкий, не позволила ему победить. Ученый считал, что историческое значение крестьянской войны заключается в том, что она являлась первым в истории России массовым выступлением крестьянства против угнетателей, которое на несколько десятилетий задержало утверждение крепостного права в стране [26; 27]. Концепция А.А. Зимина – В.И. Корецкого была принята многими советскими историками [28–31].

Основной экономической ячейкой феодального способа производства является феодальная вотчина, которая представляет собой своеобразную диполь из собственного хозяйства землевладельца и крестьянских хозяйств. Крестьяне получают землю у землевладельца для заведения своего хозяйства («посилья»), обрабатывают ее своими орудиями труда и производят продукт, из которого отдают владельцу за пользование землей ренту (обычно это прибавочный продукт), оставляя у себя часть продукта, необходимого для поддержания и воспроизводства собственного хозяйства.

Исследователи установили, что существует три основных вида ренты: «отрабочная», «натуральная» и «денежная». На ранних стадиях развития феодализма превалировала отрабочная рента. Крестьянин был вынужден отрабатывать свое право владения землей в хозяйстве землевладельца, производя в его хозяйстве прибавочный продукт. В собственном хозяйстве он производил в основном необходимый для семьи продукт. Историки-марксисты отмечали, что при такой организации производства в феодальной вотчине существуют «классовые противоречия» между землевладельцем и крестьянином по нескольким вопросам [32]:

1. *Вопрос о земле.* Крестьянин заинтересован в расширении своего земельного надела, чтобы получить возможность производить не только необходимый, но и прибавочный продукт, тогда как землевладелец заинтересован в максимальном увеличении своего земельного надела под собственным хозяйством, чтобы крестьянин именно здесь производил прибавочный продукт, а величина крестьянского земельного владения была минимальной, достаточной для производства необходимого продукта.

2. *Вопрос о воле.* Крестьянин мало заинтересован в результатах своего труда в господском хозяйстве, так как всё необходимое получает в своем хозяйстве. Хозяин же заинтересован в обратном, поэтому вынужден использовать методы экономического принуждения, чтобы заставить работать на себя. Отсюда наличие различных форм крепостной зависимости крестьян от землевладельцев.

3. *Вопрос о величине ренты.* Хозяин кровно заинтересован в увеличении размера ренты, так как от этого зависит величина его доходов. Крестьянин же стремится к уменьшению ренты, или, хотя бы, чтобы она была «по старине», чтобы сосредоточиться на работе в своем хозяйстве.

Следующей ступенью развития феодального хозяйства, согласно построениям марксистов, является переход к натуральной ренте, т. е. господин оставляет у себя минимальное для собственного обслуживания хозяйства и большую часть своей земли передает в пользование крестьянам. Крестьянин получает возможность всё время трудиться в своем хозяйстве и производить там не только необходимый, но и прибавочный продукт. Затем прибавочный продукт изымается в виде продуктовой ренты землевладельцем.

1. *Вопрос о земле.* Противоречия по этому вопросу ослабевают, так как земля фактически находится в руках крестьян. Остается получить ее в собственность и оформить юридически.

2. *Вопрос о воле.* Также отходит на второй план, поскольку для работы в собственном хозяйстве не нужно внеэкономического принуждения, что влечет за собой ослабление крепостнического режима.

3. *Вопрос о величине ренты.* Становится ключевым, так как господин стремится отобрать не только необходимый, но и прибавочный продукт, крестьянин же, наоборот, желал бы сохранить необходимый, но часть прибавочного продукта.

Третьей и последней ступенью развития феодализма считается переход к денежной ренте, когда господин перестает собирать ренту продуктами и заставляет крестьян продавать произведенные им товары на рынке и платить ренту деньгами. В этих условиях крестьянин еще более заинтересован в совершенствовании процесса труда и выгодной торговли, чтобы оставлять у себя как можно больше прибавочного продукта, тогда как феодал стремится, наоборот, собрать с него как можно больше денег. Начинается процесс быстрой трансформации натурального хозяйства в товарное, происходит накопление капиталов и формирование рынка рабочей силы, которые, соединяясь в производстве, рождают капиталистический уклад.

Несмотря на то что советские историки исповедовали в качестве метода изучения материалистическую диалектику, основное внимание они уделяли анализу антагонизмов и «классовой борьбы» между феодалами и крестьянами. Тот факт, что на протяжении всего существования феодального строя феодалы и крестьяне не могли друг без друга существовать, оказывался вне поля зрения исследователей. Между тем, феодал остро нуждался в крестьянине, потому что без его рабочих рук земля становилась пуста и никакого дохода не приносила. В свою очередь крестьянин остро нуждался в феодале как защитнике от посягательств внешних врагов, разбойников, а крупное феодальное хозяйство являлось своеобразным экономическим стабилизатором крестьянских хозяйств, так как в годы стихийных бедствий, войны и голода феодал не только оказывал помощь своим крестьянам, но зазывал, «вывозил» к себе и помогал новым страдникам. Неслучайно главными антагонизмами между феодалами на протяжении всего периода феодализма являлись не только борьба за землю, но и борьба за рабочие руки [33].

Помимо этого, последовательная смена видов ренты – это всего лишь научная теория, определяющая магистральный путь развития феодализма. В жизни было иначе. На практике в структуре, взыскиваемой феодалами с крестьян, как правило, соседствовали все три формы ренты: отработочная, натуральная и денежная, но одна из них доминировала над другими. Помимо этого, развитие рентных отношений отнюдь не было поступательным. Были периоды быстрых продвижений вперед и откаты назад. Путь прогресса в большинстве стран, прошедших феодализм, потому и оказался извилистым.

Известный специалист, занимавшийся тематикой вторичного закрепощения крестьян, Б.Ф. Поршнева заметил, что в Европе к востоку от Эльбы на смену натуральной и денежной ренте пришла отработочная рента в виде барщины. Исследователь установил, что барщина – это особая форма отработочной ренты, возникающая в период позднего феодализма и сильно отличающаяся от ранней отработочной ренты. Главное отличие заключается в том, что землевладелец, видя выгоды торговли продуктами сельского хозяйства, решает сам ими торговать на рынке и пытается возродить в своей вотчине крупное сельскохозяйственное производство [34].

Чтобы организовать крупное сельскохозяйственное производство:

1) феодал должен, прежде всего, отобрать у крестьянина землю (к примеру, «огораживание» в Англии). Мало того что резко обостряются антагонизмы между посадскими и крестьянами по вопросу о земле, подрываются самые основы крестьянского хозяйства;

2) насильственно разоренного крестьянина нужно заставить работать за минимальную плату в крупном хозяйстве феодала, но это невозможно без возрождения крепостного права в самых жестких формах. Вновь резко обостряются противоречия в вопросе о воле;

3) обостряются и никогда не затухавшие конфликты между феодалом и крестьянином по вопросу о ренте;

4) к былым противоречиям прибавляется и конкуренция феодала и крестьянина на рынке сельскохозяйственной продукции. Крупное хозяйство феодала способно производить крупные партии товара на рынок и вытеснить экономическими и внеэкономическими методами мелкое крестьянское производство с рынка.

Из защитника, покровителя и спасителя феодал сразу же превращается во врага – губителя крестьянского хозяйства. Нити, некогда объединяющие хозяйства феодала и крестьянина в феодальной вотчине, лопаются. Если между феодалами и крестьянами к тому же имеются религиозные и национальные противоречия, накопленные антагонизмы превращаются в пороховую бочку, способную взорвать существующий строй. Именно в этот момент феодалы и крестьяне внутри вотчины вступают в решительную схватку за выживание, в ходе которой решается главный вопрос «крестьянской войны» – выбор пути развития товарного производства в сельском хозяйстве страны: через крупное феодальное, или через крестьянское хозяйство.

Размах конфликта зависит от уровня развития товарного производства и рынка в стране, с которыми связаны вотчинное и крестьянское хозяйства. Рост спроса на сельскохозяйственную продукцию на рынке ведет к резкому обострению антагонизмов между феодалами и крестьянами

внутри феодальной вотчины, а его падение разряжает обстановку. Причем эти обострения и сглаживания противоречий происходят синхронно в вотчинах, имеющих связи с рынком, и при этом они никак социально-политически не связаны между собой. Отсюда такой размах крестьянских движений, их «стихийность» и несознательность крестьян.

По большому счету от выбора пути развития товарного производства через крупное феодальное или мелкое крестьянское хозяйство зависит выбор пути развития капитализма в стране. Если побеждает феодал, то со временем он может превратиться в капиталиста – юнкера, и страна идет по юнкерскому пути развития капитализма (Германия, отчасти Англия); если побеждает крестьянин, он превращается в фермера, и страна идет по американскому пути развития капитализма (США, отчасти Франция).

Подводя итог, можно дать новую формулировку «крестьянской войны» – это действительно высшая форма социальной борьбы в период позднего феодализма, в ходе которой разрываются прежние внутри вотчинные связи и решается вопрос о пути развития товарного производства в стране через хозяйства феодалов или крестьян.

Надо понимать, что это теоретическое построение. Жизнь гораздо многообразнее, а пути развития товарного производства извилистее. Тем не менее предлагаемые нами теоретические построения можно использовать для анализа крупных социальных конфликтов нового и новейшего времени. Если с этих позиций оценить смуты и бунты XVI–XVIII вв., считавшиеся в советской историографии крестьянскими войнами, то ни одно из них не соответствует этому определению. В основе Смуты начала XVII в. лежал конфликт внутри служилого сословия, а не противоборство вотчинников, помещиков и крестьян [35–42]. Восстания С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачёва, движение гайдамаков на Украине были порождены политикой «огосударствления» вольного казачества и включения его в структуру Российского государства на правах служилого сословия. Подлинными крестьянскими войнами, по всей видимости, являлись Революция 1905–1907 гг., а также Революция и Гражданская война 1917–1922 гг. Неслучайно их главным вопросом был аграрный.

Проведенный анализ историографии свидетельствует о том, что отказ от рассмотрения Смуты как острого социального конфликта, наметившийся в современной литературе под влиянием цивилизационного подхода [43–45], на наш взгляд, является малоперспективным и приведет к возрождению прежнего взгляда на Смуту как на народный бунт, «бесмысленный и беспощадный». Московия XVI в. только повернулась к Европе, поэтому ее вовлеченность в общеевропейские процессы того времени не следует преувеличивать. Соглашаясь в целом с мнением исследователей, считаю-

щих, что в настоящее время нет достаточных оснований рассматривать Смуту как классическую крестьянскую войну, необходимо отметить, что это не значит, что данное явление мировой истории не следует изучать. Наоборот, теоретическое исследование феномена крестьянских войн, на наш взгляд, необходимо продолжить и постараться выяснить их социально-экономическую природу. Это позволит установить более определенно, почему народные движения в России XVII–XVIII вв., и прежде всего Смута, нельзя считать крестьянскими войнами и почему требуется конкретизация в использовании термина «гражданская война».

Необходимо отметить, что за почти три века научных изысканий была проделана значительная работа по сбору, анализу и интерпретации источниковых материалов по истории Смуты, высказан широкий спектр мнений и оценок, многие из которых, казалось, забытые, имеют тенденцию возрождаться на новом уровне исследований.

Примечания

1. Козляков В.Н. Михаил Романов. М., 2004.
2. Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005.
3. Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории. Киев, 1993. Ч. 1–2. С. 11–23.
4. Покровский М.Н. Смутное время // Энциклопедический словарь Русского библиографического института. М., [б. г.]. Т. 39. С. 646.
5. Фирсов Н.Н. Крестьянская революция на Руси. М.; Л., 1927. С. 61.
6. Томсинский С.Г. Крестьянское движение в феодально-крепостнической России. М., 1932.
7. Дубровский С.М. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России. М., 1925. С. 43–54.
8. Бибиков Г. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. 1946. Т. 19. С. 3–16.
9. Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль, 1939.
10. Покровский Н.И. Начало народной войны в Московском государстве в 1608–1609 гг. // Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета. 1945. Т. 6. Вып. 3. С. 3–45.
11. Рубинштейн Н.Л. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды Государственного исторического музея. 1948. Вып. 20. С. 47–58.
12. Смирнов И.И. Восстание И.И. Болотникова 1606–1607 гг. М.; Л., 1951. С. 493–513.
13. Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в России в начале XVII в. Л., 1985. С. 6–7.
14. Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957.

15. Зимин А.А. Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 99.
16. Зимин А.А., Преображенский А.А. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XX в.) // Вопросы истории. 1957. № 12.
17. Корецкий В.И. Из истории крестьянской войны в России начала XVII в. // Вопросы истории. 1959. № 3.
18. Лебедев В.И. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1954. № 6.
19. О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве XVII века // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 204–208.
20. Овчинников Р.В. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. России // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 69–83.
21. Овчинников Р.В. О начальном периоде восстания И. Болотникова // Вопросы истории. 1955. № 1.
22. Смирнов И.И. О некоторых вопросах борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 116–131.
23. Маковский Д.П. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967.
24. Зимин А.А. Указ. соч.
25. Зимин А.А., Преображенский А.А. Указ. соч.
26. Корецкий В.И. Указ. соч.
27. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.
28. Назаров В.Д. О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 120, 126.
29. Пронштейн А.П. Решенные и нерешенные вопросы истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 151–161.
30. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII в. Ростов н/Д, 1983.
31. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 32–70.
32. Поршнева Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.
33. Там же.
34. Там же.
35. Dunning Ch. Crisis, Conjuncture and the Causes of the Time of Troubles // Harvard Ukrainian studies Essays presented to Edward L. Keenan on his sixteenth Birthday by his Colleagues and students. Cambridge, 1995. Vol. XIX. P. 97–98.
36. Dunning Ch. R.G. Skrynnikov, the Time of Troubles, and the 'First Peasant War' in Russia // Russian Review. 1991. № 1. P. 71–81.
37. Skrynnikov R.G. The Time of Troubles: Russia in Crisis, 1604–1618. Academic International Press, 1988.
38. Skrynnikov R.G. The Civil War in Russia at the beginning of the seventeenth century (1603–1607): its Character and Motive Forces. London, 1993.
39. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII ст.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 242–248.

40. Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М., 2005. С. 370–380.
41. Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 166–167.
42. Черепнин Л.В., Пашуто В.Т. Образование Русского централизованного государства в сравнительно историческом аспекте (XVI–XVII вв.) // Вопросы истории. 1978. № 2. С. 50.
43. Perrie M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: the False the Time of Troubles. Cambridge, 1995.
44. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.
45. Ульяновский В.И. Указ. соч.

Казачья история в бунтах, смутах и революциях: новейшая историография XX – начала XXI вв.

На протяжении всей зафиксированной в источниках истории взаимодействия вольного и служилого казачества с соседними государственными структурами, прежде всего России, Речи Посполитой, Крымского ханства и Турции, в анналах которых и сохранились сведения о казаках, последние регулярно оказывались если не всегда инициаторами, то почти всегда живейшими участниками всевозможных военных конфликтов, смут, восстаний, крестьянских войн, а затем и революций. Причем следует заметить, что сами казаки могли выступать как бунтарями, так и на стороне правительственных сил. Поэтому вполне естественно, что изучение бунтарских традиций казачества и участия казаков в различных социальных, конфессиональных, этнических и политических конфликтах всегда привлекало внимание «заинтересованных» государственных учреждений и политических сил. Актуальность рассматриваемой темы породила довольно обширную историографическую традицию, краткому обзору эволюции которой с 1917 г. и по настоящее время посвящена эта статья.

Уже в дореволюционной отечественной историографии участию казаков в бунтах и революции 1905 г. уделялось значительное внимание. Однако развитие такой тематики отчасти сдерживалось по цензурным и конъюнктурным соображениям. Так, длительное время тема Пугачёвского бунта была под негласным запретом, и А.С. Пушкину, который намеревался написать историю этого события, пришлось преодолевать значительные затруднения, как при сборе материалов, так и при подготовке публикации. Напротив, участие казаков в подавлении революционных выступлений в 1905–1907 гг. освещалось достаточно широко, но при этом замалчивались факты антиправительственных выступлений в самих казачьих частях, когда казаки отказывались участвовать в разгоне митингов, демонстраций и т. п.

В советской историографии тема участия казаков в бунтах и революциях, как и вся казачья тематика в целом, оказалась в очень своеобразном, двойственном положении, которое отражало двойственность политики советской власти в отношении самого казачества в СССР. Уже в первые постреволюционные годы появилась оригинальная формулировка «трудовое казачество», которое в логике классовой борьбы противопоставля-

лось «кулацко-атаманской верхушке». В советской историографии казаки, с одной стороны, представлялись в качестве мелкобуржуазной прослойки, «прикормленной» царизмом, когда речь шла о подавлении революционных выступлений в 1905 г. или о белоказаках в Гражданской войне, а с другой стороны, если говорили о крестьянских войнах XVII–XVIII вв., то казаки мыслились как авангард крестьянства в антифеодальной борьбе. Разумеется, в советской историографии большое внимание уделялось казачьей проблематике революций 1917 г. и Гражданской войны, где борьба партии большевиков за массы трудового казачества стала одной из главных тем. Она рассматривалась в большом количестве работ, посвященных истории большевистской партии, установлению советской власти и событиям Гражданской войны на Дону, Тереке, Кубани, Урале, в Поволжье, Семиречье и на Дальнем Востоке. Причем, как правило, само слово «казачество» в название публикаций не выносилось. В этом контексте большую роль в развитии советской историографии казачества сыграла докторская диссертация Л.И. Футорянского «Казачество в период буржуазно-демократических революций в России» (1974), а также ряд его работ, посвященных казачеству в годы Октябрьской революции и Гражданской войны, где казачество было вынесено в название и стало главным объектом диссертации и публикаций. Также нужно назвать монографии И.Ф. Мужева «Казачество Дона, Кубани и Терека в революции 1905–1907 гг.» (Орджоникидзе, 1963), В.М. Самосудова «Социально-экономические предпосылки перехода сибирского казачества на позиции демократической революции» (Омск, 1965), Д.С. Бабичева «Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов» (Ростов-на-Дону, 1979), Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского «Борьба партии за трудовое казачество (1917–1920 гг.): О деятельности Казачьего отдела ВЦИК» (Грозный, 1980). Одним из наиболее полных исследований по истории казачества в Гражданской войне, обобщающим результаты, полученные всей советской исторической наукой, стала монография А.П. Ермолина «Революция и казачество» (Москва, 1982). Ее можно взять в качестве эталона советской историографии данной проблемы. Понятен и интерес советских авторов к героическим подвигам «красных казаков» – командарма 1-й Конной С.М. Будённого и других советских командиров. Наконец, когда в годы Второй мировой войны, и особенно с началом Великой Отечественной войны, остроактуальными стали темы патриотического характера, в истории казачества значительное место заняли сюжеты, связанные с участием казаков в отражении иноземной агрессии. Наибольшего внимания в этом контексте удостоились действия казачьих войск в Отечественной войне 1812 г., в освобождении балканских славян в русско-турецких и других войнах.

Главными героями в советской историографии казачества стали Иван Болотников, Степан Разин, Кондратий Булавин и Емельян Пугачёв. Им посвящались многочисленные публикации, как научного характера, так и учебные, популярные издания, детская литература, художественные произведения на исторические темы.

Многие советские исследователи и особенно авторы научно-популярных и историко-литературных произведений, писатели, публицисты многократно обращались к революционным традициям казачества – изучали, освещали и поэтизировали его роль в народных восстаниях и крестьянских войнах, в особенности под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачёва, которые становятся подлинными героями XVII–XVIII вв. для советской историографии, а в популярной литературе даже награждаются эпитетами «пламенных революционеров». Эта тема привлекала к себе пристальное внимание ученых, педагогов, политических и популярных писателей с первых лет советской власти. Причем в те годы для характеристики движений Разина и Пугачёва использовался такой термин как «казачко-крестьянская революционная война» [1]. Книжки и брошюры авторы в то время писали, что называется, на скорую руку, в условиях текущего политического момента без серьезной исследовательской проработки источников и историографии при неразвитой методологической основе примитивизированного марксизма.

В 1930–1950-е гг. распространенной формой научного освещения событий казачье-крестьянских восстаний Болотникова, Разина, Булавина и Пугачёва были публикации стенограмм публичных лекций видных ученых-профессоров (см. напр. [2; 3]). Выделяются в эти годы специальные работы А.Н. Лозановой, посвященные сбору и публикации преимущественно фольклорных источников о Разинском и Пугачёвском восстаниях. Большая же часть изданий конца 1920-х – первой половины 1950-х гг., как и в предыдущие годы, носила политико-пропагандистский характер. Издавались различные художественные произведения на эти темы: повести, романы, поэмы, песни, драмы.

В последующие годы советская историческая наука достигла существенного прогресса в исследовании казачье-крестьянских движений. Наибольший вклад в научное изучение этой темы внесли столичные институты Академии наук СССР в Москве и Ленинграде, а также научные центры на Урале и в Поволжье. Существенный вклад в изучение этой проблематики внесли и историки областных университетов в так называемых регионах традиционного проживания казаков на Дону, Тереке, Кубани и др.

Во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. были изданы сборники источников по истории казачье-крестьянских восстаний XVII–XVIII вв.

Например, фундаментальный четырехтомник, выпущенный Институтом истории СССР АН СССР совместно с Центральным государственным архивом древних актов (ЦГАДА) в издательстве АН СССР в 1954–1962 гг., – «Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов». В Ленинграде в 1968–1975 гг. Ленинградское отделение Института истории АН СССР опубликовало в издательстве «Наука» двухтомник «Записки иностранцев о восстании Степана Разина». Издавались библиографические описания, источниковедческие, краеведческие и исторические исследования, статьи и очерки о Разине и разинцах. Известный специалист и автор нескольких научных и научно-популярных книг о Степане Разине и крестьянской войне под его руководством, изданных в конце 1980-х – начале 1990-х гг., В.М. Соловьев, позднее, в 1995 г., защитил первую в России докторскую диссертацию по проблематике историографии казачества [4]. Из числа научных публикаций о восстании Болотникова надо выделить фундаментальную монографию И.И. Смирнова «Восстание Болотникова. 1606–1607», изданную Институтом истории АН СССР в 1949 г. и переизданную в 1951 г. Среди исследований Булавинского восстания можно назвать монографию Е.П. Подъяпольской «Восстание Булавина. 1707–1709», изданную Институтом истории АН СССР в 1962 г., диссертации Б.Ф. Любченко [5] и О.Г. Усенко [6].

Не меньшего внимания в классической советской исторической литературе этого периода был удостоен и Емельян Пугачёв. По случаю 200-летней годовщины Пугачёвского восстания в 1973–1976 гг. состоялись тематические научные конференции разного уровня, как местные, так и всесоюзные. В их числе организованные Институтом истории АН СССР в Оренбурге (15–16 октября 1973 г.), Уфе (3–5 июня 1974 г.), Казани (26–27 ноября 1974 г.), где прошла специализированная научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг., и в Челябинске (1976). В этот период также вышли многочисленные специальные научные и научно-популярные юбилейные издания.

Отдельно необходимо отметить фундаментальное трехтомное издание «Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.: Восстание Пугачёва» коллектива авторов под общей редакцией В.В. Мавродина, опубликованное в 1961–1970 гг. ЛГУ совместно с ленинградским отделением Института истории АН СССР.

Институт истории СССР АН СССР совместно с Центральным государственным архивом древних актов (ЦГАДА) регулярно публиковал источники и документы по истории крестьянских войн, а также источниковедческие исследования по этой проблематике. Так, в 1975 г. ИИ СССР

АН СССР совместно с ЦГАДА опубликовал в издательстве «Наука» обширный сборник документов ставки Пугачёва и повстанческих властей. Источниковедческим проблемам изучения крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачёва была посвящена изданная в 1980 г. Институтом истории СССР АН СССР монография признанного специалиста по этой теме Р.В. Овчинникова «Манифесты и указы Е.И. Пугачёва». Позднее, уже в 1995 г., продолжая исследования советских времен, в Институте российской истории Российской академии наук была опубликована монография Р.В. Овчинникова «Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками: Источниковедческое исследование». А затем в 1997 г. под редакцией членкора РАН В.И. Буганова (посмертно) вышло фундаментальное комментированное издание, подготовленное под руководством Р.В. Овчинникова (ответственный исполнитель, автор введения и примечаний), – «Емельян Пугачёв на следствии: Сборник документов и материалов», которое впервые в полном объеме включило в себя протоколы следственных показаний Пугачёва. Большое внимание Р.В. Овчинников уделил изучению исторического наследия А.С. Пушкина в освещении событий Пугачёвского восстания в специальных исследованиях в 1960–1980-е гг. Позднее Р.В. Овчинников совместно с Л.Н. Большаковым выступили авторами вступительной статьи к очередному изданию «Истории Пугачёва» А.С. Пушкина.

Отдельно стоит обратить внимание на специальное исследование, посвященное участию казаков, И.Г. Рознера «Казачество в Крестьянской войне 1773–1775 гг.», изданное в 1966 г. в Львовском университете. Это довольно редкое явление для классической советской историографии, когда казачество, как предмет специального исследования, прямо выносится в заглавие работы. Чаще всего советские историки 1960–1970 гг. использовали в названии терминологию «крестьянских войн», что соответствовало ортодоксальному марксистско-ленинскому классовому подходу и принципам пролетарского интернационализма. Хотя уже в эти годы звучали и осторожные сомнения в однозначности трактовки пугачёвщины только и исключительно как крестьянской войны, характерной для периода феодализма. Так, в первой статье «Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачёва: (Причины и характер)», открывающей юбилейный сборник докладов Всесоюзной научной конференции, посвященной 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 гг., академик Л.В. Черепнин пишет: «Думается, что рассмотрение Крестьянской войны под предводительством Пугачёва, которая не была буржуазной революцией, на фоне антифеодальных движений в других странах той эпохи более исторично, чем иногда встречающееся сопоставление ее с крестьянскими движениями в средневеко-

вой Европе XIV века, например, с жакерией во Франции или восстанием Уота Тайлера в Англии». И далее подтверждает свою мысль следующим соображением: «Не случайно такое внимание к Пугачёву проявили его современники – правительства и общественность ряда европейских стран второй половины XVIII века» [7].

В советское время широко публиковались исследования, документы и учебные материалы о Разине и Пугачёве краеведческой направленности, освещающие участие в казачьих восстаниях и крестьянских войнах различных народов Поволжья. В особенности такая «краеведческо-пугачёвская» тематика была популярна в Башкирии. Здесь стоит вспомнить, что башкирское войско находилось на казачьем положении и башкирские ополчения входили в число казачьих войск со времени добровольного перехода на службу к Ивану Грозному и вплоть до военных реформ 1860–1870 гг. Один из вернейших сподвижников Пугачёва командир башкирского ополчения и народный поэт Салават Юлаев (в русских источниках XVIII в. – Елаев) в годы советской власти стал подлинным национальным героем и остается им по сей день. Многократно переиздавались в Башкирии романы и повести С.П. Злобина о Салавате Юлаеве. Специальные источниковедческие исследования посвятила Салавату Юлаеву И.М. Гвоздикова в 1982 г. и 1984 г. В это же время вышел специальный библиографический указатель, составленный Р.М. Гималитдиновой. В Башкирии издавали и специальные учебные пособия для студентов по теме участия башкир в восстании Емельяна Пугачёва. Эта традиция была продолжена и в новейшей российской историографии исторического краеведения в Башкортостане.

В постсоветской российской историографии 1990-х и 2000-х гг. сменились тематика и методология научных исследований бунтарских и революционных событий в истории казачества, сместились акценты и оценки исторического значения антиправительственных выступлений с участием казаков, как в период крестьянских войн и казачьих восстаний XVII–XVIII столетий, так и в годы революционных потрясений и Гражданской войны. Значительно изменились и предпочтения издателей популярной и художественной исторической литературы.

Говоря о характерных особенностях современной историографии участия казачества в бунтах и революциях, прежде всего, следует отметить бурный всплеск разнообразных публикаций неакадемического характера. В том числе и всевозможных псевдоисторических произведений в печально популярном жанре фолк-истори. В качестве примера назовем только одно из последних произведений наиболее одиозных авторов Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко «Пугачёв и Суворов: тайна сибирско-американской

истории» (Москва, 2013). С начала 1990-х гг. особенно широкое распространение получили переиздания дореволюционных и эмигрантских авторов, издатели которых, как правило, не утруждали себя серьезной предпечатной подготовкой и снабжением издаваемых книг научным аппаратом, комментариями, критическими вступительными статьями серьезных ученых и т. п. Очень яркий пример такого рода изданий это многочисленные переиздания «Древней истории казачества» Е.П. Савельева. Если первое переиздание этой книги в 1991 г. предваряла вступительная статья признанного специалиста Н.А. Мининкова, то в издании 2007 г. вступление написал А.И. Асов – широко известный своими, мягко говоря, нетрадиционными взглядами, представитель так называемой «альтернативной истории». Надо сказать, что такие откровенно ненаучные публикации продолжают и поныне. На таком фоне серьезные научные исследования зачастую оказываются «похоронены» под спудом множества низкокачественных и дилетантских публикаций. Следует также заметить, что в последние годы всё больший объем публикаций приходится на интернет-источники. С точки зрения российского авторского права и действующего законодательства РФ размещение информации в сети Интернет приравнивается к публикации, однако с точки зрения ученого сообщества в большинстве своем такие публикации не обеспечивают ни надежного закрепления авторских прав, ни действенного рецензирования, ни каких-либо других институциональных функций научной деятельности.

В целом, оценивая современное состояние отечественной историографии бунтарских и революционных традиций казачества, можно отметить значительное увеличение количества и номенклатуры диссертационных исследований и научных публикаций, особенно статей в рецензируемых журналах, существенное сокращение доли публикаций источников, смещение акцентов с исследования казачье-крестьянских бунтов и войн на разработку тематики участия казаков в Великой русской революции 1917 г. и Гражданской войне, где приоритет отдается не столько «красным», сколько «белым» и «зеленым» казачьим формированиям и структурам, и, наконец, существенное сокращение в процентном отношении (при общем количественном росте) числа исследований и публикаций по участию казаков в бунтах и революциях по отношению к громадному (почти экспоненциальному) росту числа публикаций по истории и культуре казачества, а также философских, экономических, политических, юридических, педагогических и других работ, посвященных казакам.

Примечания

1. Феноменов М.Я. Разиновщина и Пугачёвщина. М., 1923. С. 87.
2. Смирнов И.И. Иван Болотников: Стенограмма публичной лекции. Л., 1950. 36 с.
3. Граве Б.Б. Восстание Пугачёва: Стенограмма лекции тов. Б. Граве, прочит. 23 июня 1936 г. Л., 1936. 29 с.
4. Соловьев В.М. Отечественная историческая мысль о восстании С.Т. Разина: дис. ... докт. ист. наук. М., 1995. 502 с. Прил. (210 с.).
5. Любченко Б.Ф. Общественно-политическая лексика и фразеология в исторических песнях о Булавином восстании: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. ун-т им. А.А. Жданова. Ленинград, 1977. 24 с.
6. Усенко О.Г. Социально-политические представления участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: на примере восстания К.А. Булавина: дис. ... канд. ист. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1991. 346 с.
7. Черепнин Л.В. Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачёва: (Причины и характер) // Героические страницы истории народов нашей Родины: докл. Всесоюз. науч. конф., посвящ. 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е.И. Пугачёва / отв. ред. акад. Л.В. Черепнин; Институт истории СССР АН СССР. Челябинск, 1976. С. 7.

Казачий приказ в Смутное время начала XVII в.*

Смутное время в России начала XVII в. стало настоящим испытанием для Московского государства. Сложная политическая обстановка в условиях гражданской войны способствовала формированию социально активных групп населения, а падение авторитета верховной власти привело к росту протестных настроений и популярности самозванческих идей с надеждой на лучшее будущее.

По замечанию А.Л. Станиславского, Смутное время «вывело на историческую арену новый “класс” – казачество, и новоизбранный царь [Михаил Романов] был вынужден считаться с казаками, сыгравшими значительную роль в освобождении страны от захватчиков, но при этом не допуская разрастания их привилегий» [1].

Именно в Смутное время впервые встречаются упоминания о Казачьем приказе. Историки не раз обращали внимание на факт его существования. В контексте изучения истории казачества упоминания о данном ведомстве можно встретить в сочинении А.Л. Станиславского [2], в рамках характеристики системы государственных учреждений и биографий дьяков и подьячих о нем писали С.К. Богоявленский [3], С.Б. Веселовский [4], Н.П. Ерошкин [5], Н.Ф. Демидова [6], И.О. Тюменцев [7], Н.В. Рыбалко [8], Д.В. Лисейцев [9].

Деятельность Казачьего приказа, тем не менее, не стала предметом специального исследования. В то же время важно понять, каким образом царь и правительство взаимодействовали с казачеством, какое место отводилось Казачьему приказу в системе государственного управления в начальный период его существования и на завершающем этапе Смуты.

От ранней истории Казачьего приказа не сохранилось какого-либо единого комплекса документов. Однако представление о месте ведомства в системе управления можно получить через реконструкцию биографий приказных служащих и документов сферы их деятельности.

Неоднозначным является вопрос о времени создания Казачьего приказа. Первая дата, появившаяся в научном обороте, – 1618 год [10]. Большая часть исследователей склонна относить учреждение ведомства к 1613 г.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Институты государственного управления в России в Смутное время начала XVII века» № 15-31-01202 (a2).

[11–15]. Р.Г. Скрынников, И.О. Тюменцев и Н.В. Рыбалко связали начало его деятельности с работой тушинской администрации Лжедмитрия II в 1608–1609 гг. [16–18].

Версия о 1609 г. как о времени функционирования приказа строится на грамоте Лжедмитрия II от 6 декабря 1609 г. Яну Сапеге под Троице-Сергиевым монастырем, написанной в ответ на челобитную казачьего атамана Степана Ташлыкова. Лжедмитрий II указал: «...Атаманов и казаков, которые в полку, беречь, чтоб им от литовских людей насильства и обиды некоторые не было». А если не смогут дальше служить, велел отпустить и «...велеть им явитца в приказ боярина нашего и воеводы Ивана Мартыновича Заруцкого» [19]. По склейкам грамоты – скрепа дьяка Богдана Грязева, справа – подъячего Герасима Матвеева. Прямого названия «казачий» в документе нет, но зафиксирована деятельность приказного учреждения, ведавшего вопросами казачьей службы, фамилия руководителя, дьяка и подъячего, предположительно того же ведомства.

Д.В. Лисейцев оспорил эту дату учреждения приказа, аргументируя свое суждение лишь отсутствием упоминания названия учреждения. Исследователь отметил, что это могло быть любое другое ведомство с военно-сословными функциями или войсковая канцелярия, приведя в пример, что в I Ополчении казаки были под руководством Разряда [20].

Однако в защиту своей позиции можно высказать следующее.

1. Версию о Разрядном приказе мы можем однозначно исключить, так как известно, что Разрядный приказ в Тушино и Коломне возглавлял Д.Т. Трубецкой [21]. К тому же Разрядный приказ занимался назначениями на государственную и военную службу служилого сословия. В документе же речь идет о донском казачестве, то есть о вольных казаках.

2. Вряд ли это была канцелярия – в тексте грамоты дано конкретное указание на приказ как отдельное ведомство.

3. В актовом делопроизводстве того времени достаточно часто можно встретить ситуацию, когда ведомство обозначали не по названию, а по имени и фамилии руководителя приказа или дьяка. Можно также привести другой пример – с четвертными приказами, когда на начальном этапе существования каждого их называли именами дьяков, их возглавлявших.

Таким образом, суть вопроса заключается не в том, употреблялось или нет название «Казачий приказ» именно в таком словосочетании, а в том, что в администрации Лжедмитрия II в 1609 г. функционировал приказ, который занимался службой донских казаков, а возглавлял его казачий атаман, пожалованный самозванцем в чин боярина.

С 1613 г. деятельность Казачьего приказа фиксируется более явно. По данным, представленным в справочнике «Приказы Московского

государства» со ссылкой на работу Д.В. Лисейцева и документы из фондов Разрядного (210) и Посольского (77 – Сношения с Персией) приказов, возглавляли данное ведомство в первые годы правления М.Ф. Романова князя и бояре: с 1612/13 по 18 апреля 1614 г. боярин И.А. Колтовский, в июле 1614 г. – Ф.И. Леонтьев, в июле 1615 г. – И.М. Пушкин, в 1616–1617 гг. – И.М. Бутурлин, в июле – декабре 1617 г. – кн. И.Ф. Волконский-Лось, с апреля 1618 г. по ноябрь 1619 г. – окольничий князь Г.Г. Волконский-Кривой [22].

За период с 1613 по 1618 г. удается установить имена 6 дьяков, сменявших друг друга в Казачьем приказе: Матвей Сомов, Иван Алексеев, Дементий Образцов, Тимофей Игнатъевич Агеев, Семен Заборовский, Потап Внуков.

Матвей Сомов начал свою карьеру как дьяк Лжедмитрия II в приказе Казанского и Мещерского дворца в 1610 г. в период пребывания самозванца со всей администрацией в Коломне [23]. В 1614 г. М. Сомов служил в Казачьем приказе [24].

Иван Алексеев известен на службе с 1611 г. – был дьяком в Челобитном приказе Подмосковного (Первого) ополчения и объединенного ополчения [25; 26]. В 1613–1616 гг. служил дьяком в Казачьем приказе [27; 28]. В Приходно-расходной книге есть упоминание о том, что 8 октября 1615 г. было велено откупщику С. Денисову из Переславля Рязанского «зачесть в его откуп 23 рубля, что были у него взяты Иваном Алексеевым и другими» [29]. Позднее, в 1617–1618 гг., дьяк И. Алексеев был в объездах по Москве [30].

Дьяк Дементий Образцов в 1612–1613 гг. находился в Великом Новгороде в период шведской оккупации [31]. При М.Ф. Романове в июле 1615 г. был дьяком в Казачьем приказе [32]. Позднее, в 1615–1617 гг., служил дьяком в Нижнем Новгороде [33].

Тимофей Игнатъевич Агеев начал свою карьеру с должности подьячего в Судном Московском приказе в правление В.И. Шуйского, в 1612 г. уже дьяком служил в Коломне [34]. Продолжал службу там же с декабря 1612 г. по январь 1614 г. [35]. 29 октября 1615 г. – дьяк и воевода в Калуге [36], в 1616 г. был отозван и находился в объездах по Москве – в 1617, 1618, 1619 гг. [37]. Также с мая 1617 г. по ноябрь 1619 г. – дьяк Казачьего приказа [38].

Семен Заборовский известен как подьячий Посольского приказа в 1594 г., в январе 1610 г. был дьяком Лжедмитрия II в Калуге в Поместном приказе, оставался там служить с воеводой – о сборах им «запросных денег» известно с 1612 г. по март 1613 г. [39]. При Михаиле Романове в 1613 г. был отправлен вместе с Ушаковым к римскому императору с известием о венчании на царство Михаила Романова, в 1614 г. участвовал в дипломатической поездке в Голландию [40; 41]. В 1615 г. вместе с Д.М. Пожарским,

позднее с М. Борятинским, участвовал в военных действиях против Лисовского [42; 43]. С 1616 по 1617 г. известен как дьяк Казачьего приказа [44].

Потап Внуков известен как городской дьяк с 1612 г. – служил дьяком на Устюжне Железнопольской [45], в 1613 г. – на Ваге, с 1615 по 1617 г. значился дьяком в Туле [46]. С апреля 1618 г. по ноябрь 1619 г. он был дьяком в Казачьем приказе [47].

О конкретной деятельности приказа сведения сохранились лишь отрывочно. Известно, что 26 июля 1614 г. посольские дьяки П.А. Третьяков и С. Романчуков писали в своей грамоте о присылке в Посольский приказ из Казачьего 10 казаков [48].

В грамоте от июля 1617 г. М.Ф. Романова на Белоозеро было указано собрать «казачьи кормы», а о количестве собранного прислать отписку в Казачий приказ дьякам Потапу Внукову и Тимофею Агееву [49]. Из Приходно-расходной книги от 7 июня 1617 г. известно, что в Казачий приказ поступило жалование казакам, находившимся под Смоленском, в размере 486 руб. [50].

Таким образом, из биографий приказных служащих видно, что все они до назначения в Казачий приказ имели опыт административной работы в разных ведомствах. Одновременно в приказе на начальном этапе его деятельности при Михаиле Романове служили два дьяка. При относительном постоянстве службы дьяков в других ведомствах, в Казачьем приказе отмечается частая смена как руководителей приказа, так и дьяков. Срок службы каждого из вышеназванных дьяков в приказе был 1–2 года. Редко кто задерживался на третий год. Создается впечатление, что смена дьяков проходила запланированно, т. к. всегда оставался один служащий, который мог передать особенности работы в ведомстве вновь прибывшему. Из функций приказа, зафиксированных на начальном этапе его существования, можно отметить ведение личным составом казаков, сбор «казачьих кормов» и выплату казакам денежного жалования за конкретную военную службу.

Примечания

1. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С. 93.
2. Станиславский А.Л. Указ. соч. М., 1990. 270 с.
3. Боявленский С.К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. М., 1937. Т. I.
4. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. 340 с.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.
6. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия России XVII века (1625–1700). М., 2011. 719 с.

7. Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. 686 с.
8. Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. М., 2011. 656 с.
9. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 355–356, 670.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 27. СПб., 1894. С. 922.
11. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 11. М., 1968. С. 564.
12. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений. М., 1968. С. 56.
13. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 95.
14. Андреев А. Российская государственность в терминах. М., 2001. С. 69.
15. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 79.
16. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 203.
17. Тюменцев И.О. Указ. соч. С. 368.
18. Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 204–205.
19. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12. С. 77.
20. Лисейцев Д.В. Указ. соч. С. 355.
21. Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 202.
22. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 79–80.
23. Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 208, 400.
24. Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1898. Т. 3. С. 327–328.
25. Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 239, 253, 408.
26. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства (далее – АЮ). СПб., 1838. С. 235.
27. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 80.
28. АЮ. № 213. С. 225.
29. Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. XXVIII. Кн. 1. Донские дела. СПб., 1898. Стб. 51.
30. Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 187.
31. Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 303, 412, 429.
32. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 80.
33. Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 379.
34. Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 189, 190, 285, 389, 412.
35. Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 10.
36. Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени (1604–1617) // Смутное время Московского государства. М., 1912. Вып. 9. С. 243, 251, 259.
37. Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 10.
38. РИБ. Т. XXVIII. Стб. 607, 749.
39. Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 207, 284, 400, 412.
40. Собрание государственных грамот и договоров (далее – СГГид), хранящихся в государственной коллегии иностранных дел: в 4 ч. Ч. 3. М., 1822. № 15. С. 67.
41. РИБ. Т. IX. СПб., 1884. № 3. Стб. 40.

42. СГГид. Ч. 3. № 28. С. 131.
43. Дворцовые разряды. 1612–1628. Т. I. СПб., 1850. Стб. 199.
44. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 80.
45. Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 337.
46. Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 100.
47. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 80.
48. Веселовский Н.И. Указ. соч. С. 327–328.
49. Веселовский С.Б. Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913. № 31. С. 42–43.
50. РИБ. Т. XXVIII. Стб. 607, 749.

Казаки в событиях Смутного времени начала XVII в. (по мемуарам М. Мархоцкого)

В начале XVII в. Россия и Речь Посполитая практически одновременно оказались перед выбором исторического пути. Пресечение правящих династий и социальные осложнения привели в движение общественные силы. Традиционный порядок жизни изменился после начала Смутного времени.

История казачества в эпоху Смуты остается недостаточно изученной. Историки, обращавшиеся к этой теме, использовали в основном русские нарративные источники [1–3]. При этом одними из основных источников о событиях Смутного времени в России начала XVII в. являются записки польских современников. Из них можно выделить записки ротмистра Миколая Мархоцкого. В отличие от трудов хрониста П. Пясецкого [4] и С. Кобержицкого [5], хорошо знакомых историкам, рукопись Мархоцкого стала известна только в середине XIX в. До сих пор мемуары остаются неизученными в источниковедческом плане. Источник ни разу не был научно издан. Нам удалось подтвердить наличие четырех списков памятника из предполагаемых шести [6–9]. Один из них является неполным. Протографом является список, находящийся в Библиотеке им. кн. Чарторыйских (Краков) [6]. Сочинение впервые было издано Э. Рачинским по списку из Курницкой библиотеки [10]. Текст воспоминаний был издан в Польше по оригинальной рукописи только в конце XX в. Издатели М. Кубала и Т. Сцезор ограничились кратким описанием текста протографа [11]. В России лишь в начале XXI в. был выполнен русский перевод мемуаров [12]. Комплексное критическое изучение источника оставляет желать лучшего.

Анализируя текст, мы пришли к заключению, что в его основу легли заметки, сохраненные ротмистром. Часть документов он поместил в приложении к мемуарам [13; 14]. Содержание документов аналогично копиям польских бумаг из Государственного архива Швеции [15], а также материалам из Вроцлавской части собрания им. Оссолинских [16] и одной из рукописей Библиотеки в Курнике [17]. Это является доказательством того, что во время работы над мемуарами в распоряжении М. Мархоцкого находились документы, привезенные из России.

В отличие от своих соотечественников [18–23], ротмистр М. Мархоцкий постарался придать своему труду литературную форму. Стиль Мархоцкого, возможно, был одной из причин того, что его сочинение исполь-

зовалось в основном для иллюстрации событий Смуты [24–26]. Тем не менее его свидетельства поддаются проверке или уточнению по другим источникам. Воспоминания М. Мархоцкого также можно использовать для анализа и систематизации сведений, определения степени достоверности информации, изложенных в других источниках. Возможность сопоставить эти данные позволяет осуществить их взаимную проверку и восстановить более объективную и точную картину событий. Привлечение малоизвестных эпистолярных документов в сочетании с «Историей...» М. Мархоцкого позволяет внести ряд уточнений и дополнений в разработку вопроса [27–31].

Как известно, ротмистр М. Мархоцкий явился на службу Лжедмитрию II весной 1608 г. в составе группы войск под командованием кн. Р. Ружинского [32–40]. Князь Роман Кирикович Ружинский происходил из знатного православного украинского рода, положение которого особенно упрочилось в конце XVI в. Согласно источникам, ряд членов его семьи были гетманами запорожских казаков [41–45]. Не успев прибыть, наемники со слов своих товарищей убедились, что у самозванца нет средств на оплату войска. Поэтому они воспользовались обещанием Р. Ружинского удовлетворить их запросы и высказались за смену руководства. В результате переговоров с И.М. Заруцким, который, по свидетельству весьма осведомленного коронного гетмана С. Жолкевского, вплоть до бегства самозванца из Тушино играл одну из главных ролей в движении претендента на престол, компромисс был достигнут [46; 47]. Р. Ружинский был провозглашен новым гетманом, а его предшественника М. Меховецкого сместили и изгнали. Но успех не был полным. Самозванец остался в Орле, который, судя по всему, контролировали И.М. Заруцкий и его сподвижники.

Отмечая факт участия И.М. Заруцкого и его казаков в движении Лжедмитрия II, М. Мархоцкий дает ему характеристику. По его мнению, это был «муж добрый»; впоследствии, оскорбленный отношением к себе со стороны польской знати и интригами русских сторонников Сигизмунда III и Владислава Вазы, он со своими сторонниками начал бороться против войск короля. Примечательно, что польский коронный гетман С. Жолкевский характеризует его и казаков резко отрицательно. Впрочем, по-другому и не могло быть, так как гетман фактически являлся проводником польских интересов в России.

М. Мархоцкий отмечает, что еще с осени 1607 г. на «царской службе» находился шляхтич А. Лисовский, который двинулся в путь с 200 воинами, но прибыл на место уже с 700 людьми, значительная часть которых считалась «донскими» казаками. Указание ротмистра на прибытие «в то время» в Орел подкрепления в составе 5-тысячного отряда донских каза-

ков и примерно 3 тыс. запорожцев наводит на мысль, что в противоречиях с Р. Ружинским и его воинами Лжедмитрий II и его сторонники рассчитывали на помощь казаков. Последующие события показали, что они ошиблись в своих расчетах.

Князь Р. Ружинский понимал, что, опираясь на самозванных «царевичей», принятых ко двору Лжедмитрия II, а также на мелких дворян и казаков, не стоит и рассчитывать на завоевание московского престола. Он потребовал, чтобы «царь» объявил всех своих многочисленных «родственников» вне закона и казнил их. Казачьи атаманы, которые стояли у истоков движения, отошли на второй план. Новый гетман старался привлечь на свою сторону русских бояр и дворян. 14 (24) апреля 1608 г. он обратился с письмом к московским боярам кн. В.В. Голицыну и И.С. Куракину, в котором убеждал их в истинности «царя Дмитрия» [48]. По мнению автора послания, ранее наемники отказывались служить многочисленным «царевичам», поскольку самозванчество последних было очевидно. Поэтому только после того, как князь уверился в подлинности «царя», он начал служить ему, поскольку в прошлом его дед Остафий и отец Кирик «служили» царю Федору, а дядя Богдан, будучи «на царской службе», погиб под Ислам-Керменом. Другой его дядя, М. Ружинский, также «служил» русским царям. Скорее всего, под «царской службой» гетман подразумевал их участие в походах запорожских казаков, которые проводились по договоренности с Москвой или по ее просьбе. Казацкий атаман Богдан Ружинский действительно погиб в походе на татар, выступив против них согласно договоренности с Иваном IV Грозным [49]. Заявление гетмана стало веским аргументом в пользу самозванца. Однако бояре и дворяне явно не спешили переходить на сторону «Дмитрия» [50].

В конце весны – начале лета 1608 г. отряды самозванца нанесли ряд поражений правительственной армии и расположились в Тушино под Москвой. Массовый приток наемников в стан Лжедмитрия II продолжался. Как и ранее на юге, по мере продвижения к цели эти отряды увеличивались за счет добровольцев, в т. ч. казаков [51]. Например, к роте А. Млоцкого по пути в Тушинский лагерь присоединилось до 1 тыс. «простолудинов». М. Мархоцкий объясняет, что А. Млоцкий прибыл, «имеючи одну хоругвь гусар, другую – казаков». Отправленный в глубокий рейд по тылам правительственных войск, А. Лисовский сумел значительно увеличить свой отряд за счет местного населения [52]. Когда полковник попытался прорваться к Москве через Коломну и был разбит, он двинулся в южные и юго-восточные уезды страны, где снова пополнил свои силы с помощью местных дворян, служилых людей и казаков. Это помогло ему прийти в Тушино через Владимир и Суздаль [53–56]. Г. Виснер и П. Фло-

рек установили, что позже, в период активных боевых действий весной 1609 г., «полк» А. Лисовского состоял из воинов самого различного происхождения. В составе этого «полка» служили как ротмистры В. Чижевский и Я. Синявский с отрядами наемников, так и казацкие атаманы А. Болдырь, С. Епифанец, И. Чика, П. Матерый-Мартынов, Р. Прибытков, С. Ташлыков со своими станицами. Тем не менее, согласно войсковым реестрам, «полк» считался «казацким» [57].

Отдельно следует сказать о численности отрядов казаков в составе войска Лжедмитрия II. Вопрос количества сил самозванца освещен в источниках по-разному. Современник событий С. Маскевич считал, что на стороне самозванца было до 40 тыс. воинов. Львовский подстолий С. Домарацкий после возвращения в Польшу утверждал, что под знаменами «царя Дмитрия» находилось 30 тыс. чел. Оценки М. Мархоцкого таковы: он определяет силы тушинцев в 18 тыс. наемной конницы, 2 тыс. пехоты, 30 тыс. запорожских и 15 тыс. донских казаков. Именно на эти цифры равнялись при определении числа тушинских войск историки С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, И.С. Шепелев. Однако приведенные данные сильно преувеличены. Сведения из «Реестра войска самозванца», близкие к сведениям о численности казацких отрядов, указанной мемуаристом М. Мархоцким, помогают прояснить ситуацию. Численный состав казацких полков там определен следующим образом: полк Грица – 700 казаков; Ростенецкого – 500 казаков; Повидзавского – 700 казаков; Лиса – 150 казаков. Общая численность украинских казаков – 2050 чел. И.М. Заруцкий, по свидетельству М. Мархоцкого, командовал 5 тыс. донских казаков. В «Реестре войска самозванца» указана близкая к этой цифра – 4 тыс. [58–60]. По наиболее правдоподобным подсчетам, мобилизационные ресурсы донских казаков в период Смутного времени составляли 8–10 тыс. чел. [61], поэтому нам представляется сомнительным, чтобы ½ часть будущего «Войска Донского» поддерживала Лжедмитрия II. Скорее всего, под «донскими казаками» польские современники событий подразумевали не только казаков, но и часть русских сторонников самозванца [62]. Как правило, иноземцы достаточно плохо разбирались в особенностях русской жизни и довольно часто не замечали существенной разницы между казаками и прочими служилыми людьми. Тем не менее сведения М. Мархоцкого могут дать хотя бы приблизительное представление о соотношении численности русских и украинских казаков в составе «Воровского» войска.

Осенью 1608 г., после новых побед под Рахманцевым и Ростовом войска Лжедмитрия II заняли внушительную территорию Замосковья и Поморья. Часть населения уездов, захваченных тушинцами, подверглось «показаченью». К примеру, атаман Ф. Копнин, прибыв в Переяславль-Залесский,

стал набирать в свою станицу полных и кабальных холопов, даточных людей и т. д. Крестьяне называли подчиненных атамана К. Миляева «донцами», или казаками, пришедшими с Дона. На самом деле большая часть казаков из отряда К. Миляева были таковыми лишь по названию. Это были разорившиеся дворяне и дети боярские, для которых вступление в ряды казаков являлось возможностью хоть как-то выжить. К казачеству присоединялись также крестьяне и холопы, которых притягивали слухи о вольности и независимости. И таких примеров было множество. Здесь мы ограничимся еще одним из них: «Поместье Воина Густеньева в Бежецком стану пусто, людшек нет там ни одного, а тот Воин Густеньев, оставивши ту пустошь, воюет в казаках с Федькою с Броннниковым и с его товарищами» [62].

У М. Мархоцкого мы находим сведения о действиях тушинского казацкого отряда, которым командовал полковник Я. Кернозицкий. Офицер, как установил польский исследователь В. Полак, поступил на службу самозванцу почти одновременно с М. Меховецким [63], но вплоть до осени 1608 г. не играл заметной роли. Он даже не упоминается в «Реестре войска самозванца». Этот факт наводит на мысль, что он, возможно, являлся единомышленником М. Меховецкого, и его, таким образом, вместе с другими сторонниками прежнего гетмана удалили из Тушина. Не случайно в отряде Я. Кернозицкого, по данным Бельского летописца, было мало наемников, и он в основном состоял из украинских казаков полковника Грица (по «Реестру...», в его полку служило 700 запорожцев) и русских тушинцев из городов Литовской Украины и Псковщины, которыми командовал «боярин» Ф.М. Плещеев. По сведениям шведов, в отряде служило около 2 тыс. степных казаков и 4 тыс. русских тушинцев [64]. Местом сбора тушинских сил являлась Старая Русса. Я. Кернозицкий перерезал дороги на Москву, Ивангород, Орешек и организовал блокаду Новгорода. Между новгородцами и тушинцами были «многие бои» [65]. Однако, как выяснили шведы, стычки носили исключительно оборонительный характер [66].

В отличие от дворян поместного ополчения, наемники и казаки нуждались в довольно высоком жаловании, их надо было постоянно обеспечивать продовольствием. Впервые в истории податному населению Московского государства пришлось содержать целую армию. Сначала Лжедмитрий II и его сторонники пытались решить эту проблему традиционным путем. Проводился сбор денежных и натуральных налогов, и местные воеводы обязаны были содержать отряды наемников и казачьи части на полученные средства или за счет Государева двора. Самовольные реквизиции у населения запрещались. Поэтому долги самозванца наемному войску постоянно росли [67]. Поляки и литовцы всё чаще стали выражать недовольство. По инициативе ротмистра А. Млоцкого солдаты были

допущены к сбору налогов. Была введена т. н. «поносовщина» (индивидуальный налог). Солдаты разделили волости и села на «приставства» и начали собирать деньги и провиант в неограниченном количестве. Источники свидетельствуют, что казачьи станицы, как донские, так и запорожские, действовали на занятых территориях по законам военного времени. В приставствах казачьих полков ситуация ничуть не отличалась от той, которая сложилась в приставствах наемников [68–70]. Челобитные крестьян различных уездов подтверждают это. Население безуспешно просило «царя Дмитрия» о защите от них. Произвол, чинимый на местах, частично способствовал надеждам царя Василия [71]. В ответ на реквизиции и погромы на территориях, подконтрольных тушинцам, вспыхивают народные восстания [72]. Хорошо подготовленные и оснащенные роты и полки наемников разбивали слабо организованные отряды земских ополченцев, но им было не под силу подавить земское движение в целом. Выступления народа помогли кн. М.В. Скопину-Шуйскому вновь собрать войска и в союзе со Швецией начать активные действия против поляков и литовцев [73; 74]. Ему удалось не только разгромить отряды Я. Кернозицкого, выставленные против него в качестве заслона [75], но и разбить противника под Тверью 11 (21) – 13 (23) июля 1609 г. и переправиться на правый берег Волги у Калязина 24 июля (3 августа). В сражении у Калязина 18 (28) – 19 (29) августа 1609 г. попытки польско-литовских наемных войск остановить продвижение союзников закончились безрезультатно [76–83].

Осенью 1609 г. правительственные войска захватили такие стратегически важные пункты на пути к Москве, как Переяславль-Залесский (8 (18) сентября 1609 г.) и Александрова слобода (9 (19) октября). Наряду с этим, после вторжения короля Сигизмунда III в Россию среди тушинцев начались новые волнения [84]. Прибывшие в Тушинский лагерь королевские послы С. Стадницкий, К. Збаражский, Я. Тышкевич и Л. Вайер требовали от польско-литовских солдат вернуться на королевскую службу, угрожая в противном случае осудить их за измену и конфисковать имущество на родине. Тушинское войско разделилось на отдельные группировки по вопросу о поддержке короля [85–90]. Опасаясь за собственную жизнь, Лжедмитрий II с помощью верных ему донских казаков поспешил бежать из Тушино в Калугу (27 декабря (6 января) 1610 г.) [91].

После получения известий из Калуги о новом наборе наемного войска Лжедмитрием II [92] противоречия среди польско-литовских солдат увеличились. Мало того, отдельные отряды еще раньше заявляли о своем желании принимать решения самостоятельно, не подчиняясь командованию: «Предложения разные следуют, одни за Волгу хотят (идти), другие – в Калугу, третьи – в Польшу, и все разделиться согласны». Положение усугуб-

лялось присутствием в Тушино русских воинов, среди которых значительное число составляли казаки. В первой половине февраля 1610 г. в Тушино произошел бунт донских казаков, сведения о котором мы находим в т. ч. у М. Мархоцкого. Его свидетельства подтверждает К. Буссов. Позднее это выступление объясняли происками «царицы» М. Мнишек, которая, как показали секретари Сигизмунда III, «так подействовала на донцов, что 3000 их почти днем выступили в Калугу с несколькими русскими вождами». Предводитель «донцов» И.М. Заруцкий не только не поддержал это выступление, но и предупредил гетмана Ружинского [93], который напал на «изменников» и, по воспоминаниям М. Мархоцкого, положил до двух тысяч казаков. Об этом происшествии упоминает и князь Роман Ружинский, увеличивая цифру погибших в полтора раза: «И так мы уже донцов лишили, которые, поклявшись заодно с нами стоять вплоть до решения Вашей Королевской милости средь бела дня оружно от нас отошли, стубило их это решение, ведь их до трех тысяч на поле осталось трупами лежать» [94]. В письме от 8 (18) февраля 1610 г. брат «царицы» санецкий староста С. Мнишек извещал одного из своих друзей о случившемся бунте донцов и изображал ситуацию в Тушинском лагере следующим образом: «Не безопасны мы от неприятеля, а более всего от своих»; беспорядков ожидали «каждый час». Тушинские послы говорили в королевском лагере, что «войско взволновано известиями от некоторых лиц из этого лагеря о чем-то противном его ожиданиям», а также «интригами царицы». М. Мархоцкий умолчал или не обратил внимания на один существенный факт. В авангарде казаков, по словам С. Мнишека, шла конница, что было необычно для казачьих полков того времени. Возможно, польские современники не заметили здесь разницы между казаками и прочими русскими сторонниками самозванца. Поэтому можно предположить, что лагерь пыталась покинуть значительная часть русских войск.

Всё это иллюстрирует начавшийся крах тушинского режима. Вина за случившееся лежала, конечно, не на московской «царице» М. Мнишек, хотя именно ее происками пытались объяснить мятеж казаков. Но казаки, покидая Тушино, уходили не только к «царю Дмитрию» в Калугу, но и к польскому королю Сигизмунду III под Смоленск. Польские современники и хронисты были едины в том, что эти события в итоге способствовали падению Тушинского лагеря. «Те столкновения наши между нами и донскими казаками, – писал М. Мархоцкий, – явились первым несчастьем». В сложившейся ситуации Р. Ружинский просит короля о помощи, в первую очередь, военной: «Я как верный подданный Вашей Королевской милости господина моего милостивого прошу, чтобы была скорейшая помощь и скорейшее успокоение войска...». Но эти просьбы ни к чему не привели.

Под натиском правительственных сил наемники вынуждены были покинуть Тушино, их войско распалось, а кн. Р. Ружинский 25 марта (4 апреля) 1610 г. умер.

В очередной раз, по мнению ротмистра М. Мархоцкого, казаки сыграли определенную роль в событиях, связанных с борьбой Первого земского ополчения против польско-литовского гарнизона Москвы в 1611 г. После того, как отряды земского ополчения завладели Новодевичьим монастырем, П.П. Ляпунов с товарищами решили укрепить свои позиции в Замоскворечье. Как упоминает М. Мархоцкий, «(...) за Москвой-рекой поставили два острожка и оснастили мощно; а до этого ров глубокий от одного берега реки по всей протяженности Крым-города и Китай-города вплоть до другого берега проделали». В связи с этими событиями положение размещавшихся в Кремле и Китай-городе войск стало очень тяжелым. Потеря юго-западного участка стен Белого города, Новодевичьего монастыря и появление укрепленных позиций противника в Замоскворечье привели к тому, что отряды командира гарнизона велижского старосты А. Госевского и полковника А. Зборовского были полностью окружены и, как справедливо замечает Мархоцкий, «разве что птица могла перелететь, но человеку от нас выйти или к нам прийти, хоть бы он был самым хитрейшим, было трудно».

Оказавшись в таком нелегком положении, А. Госевский прибегнул к провокации. Он внимательно наблюдал за ситуацией в русском лагере: И.М. Заруцкий и казаки с Дона, ранее поддерживавшие самозванца, по-прежнему нещадно эксплуатировали попавшие в их распоряжение уезды. Их действия носили явно грабительский характер. При сборе провианта и денег часто доходило до насилия. Конечно, это вызывало отрицательную реакцию русских полководцев, стоящих во главе дворянских отрядов, которые часто набирались в уездах, разграбленных казаками. Ляпунов решил поставить на место своевольного атамана и его приспешников. 10 июля 1611 г. власти земского ополчения издали указ, в котором были установлены принцип сбора налогов и провианта, а также их раздел между отдельными отрядами. С этого времени все доходы должны были поступать в казну земского ополчения. Жалование теперь выплачивалось в зависимости от происхождения и продолжительности службы. Заодно казакам запретили самовольно собирать провиант и деньги в волостях, которые они тогда занимали. Мало того, у них могли отобрать прежние пожалования. В грамоте к городовому приказчику в Арзамас предписывается передать поместье казака Н. Киселева, получившего его в Калуге, прежнему владельцу – служилому человеку А. Бахметьеву [95]. За соблюдением этих нововведений должна была следить

смешанная комиссия, состоявшая из дворян, детей боярских, стрельцов и казаков [96].

Лишение возможности собирать налоги и провиант, передача этих обязанностей в руки смешанной комиссии не были одобрены казаками. Раньше они сами решали, сколько и у кого забирать, теперь же, лишённые этого права, должны были покорно подчиняться лидерам дворянства. Кроме того, запрет грабежа привел к тому, что они вынуждены были изменить свое отношение к целям службы, а именно к «изгнанию» поляков и литовцев из Москвы. П.П. Ляпунов, инициатор всех этих нововведений, стал их главным врагом.

А. Госевский хорошо знал, что И.М. Заруцкому и «донцам» нужен предлог для расправы с П.П. Ляпуновым. Поэтому литовский референдарий прибегнул к своему арсеналу средств, чтобы ввести врага в заблуждение. Командир гарнизона Москвы имел доступ к сохранившемуся архиву, в котором, вероятно, находились письма с печатью Ляпунова. Это позволило ему изготовить соответствующую фальшивку, которая послужила доказательством его контактов с полководцем русского земского ополчения. С другой стороны, на осуществление задуманного плана повлияла позиция Заруцкого и стоящих за ним казаков. Им нужен был лишь предлог, который и предоставил литовский референдарий, хотя немалую роль в произошедшем сыграло заключение в тюрьму Николо-Угрезского монастыря 28 казаков, которых позже без всякого разбирательства утопили. Ответственный за случившееся М. Плещеев за свое самоуправство должен был понести наказание, так как он нарушил закон, но Совет ополчения и П.П. Ляпунов об этом ни словом не обмолвились. Недовольство казаков достигло предела, когда тела погибших были привезены под Москву.

22 июля (1 августа) 1611 г. казаки дважды вызывали Ляпунова к себе, а когда он так и не появился, привели его силой. Он был зарублен. По утверждению М. Мархоцкого, главной причиной убийства стали обвинения полководца в сговоре с врагом, основанные на фальшивке А. Госевского, которую принес в лагерь ополченцев некий казачий атаман Сидор. Впоследствии с мнением М. Мархоцкого о причине гибели Ляпунова согласился С. Кобержицкий. Об этом упоминает и «Новый Летописец», только там казачий атаман назван «Симонкой Заварзиным».

Смерть Ляпунова привела к замешательству в рядах русских войск. Многие дворяне, опасаясь за свою жизнь, бежали из-под Москвы в свои усадьбы. Конфликт между дворянством и казаками, а также гибель Ляпунова в значительной степени лишили земское ополчение его силы. Оно оказалось не в состоянии освободить Москву и Русское государство от «ненавистных захватчиков». Правда, лидеры ополчения – кн. Д.Т. Трубец-

кой и атаман И.М. Заруцкий, используя авторитет архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына, управлявших Троицко-Сергиевским монастырем, которые рассылали письма с воззваниями о поддержке Первого земского ополчения, пытались привлечь под свои знамена дворянство [97], но количество новых добровольцев в сентябре и октябре 1611 г. было незначительным. Силам Первого ополчения не удалось достичь поставленной цели и разгромить противника. Но и гарнизон продолжал находиться в трудном положении – не хватало провизии и боеприпасов, всё более ощутимыми становились потери. Всё же только после ухода части польско-литовских войск в Речь Посполитую в первой половине 1612 г. и поражения Я.К. Ходкевича в боях со Вторым Земским ополчением 22–24 августа (1–3 сентября) 1612 г. польский гарнизон Москвы, оказавшись в безвыходной ситуации, вынужден был сдаться.

Проанализировав отрывки из сочинения М. Мархоцкого, можно прийти к определенным выводам. Нельзя отрицать, что события Смуты описаны Мархоцким весьма достоверно. К несомненным достоинствам его «Истории...» следует отнести стремление автора избегать домыслов. Благодаря такому подходу его свидетельства почти во всех случаях поддаются проверке или уточнению по другим источникам [98]. В труде ротмистра есть примеры того, как действовали казаки на службе Лжедмитрия II и в Первом земском ополчении. В целом ротмистр согласен, что в Тушинском лагере они не составляли единой силы. Действительно, пятигорцы и погребинские казаки входили в состав наемных полков самозванца. Но полки запорожцев подчинялись гетману Р. Ружинскому, а полк А. Лисовского – гетману Я.П. Сапеге. Всеми казачьими делами ведал глава специально созданного в Тушино Казачьего приказа атаман И.М. Заруцкий, пожалованный самозванцем в «бояре». В то же время казаки во главе с И.М. Заруцким, беглые холопы и служилые люди по прибору составляли значительную часть армии Лжедмитрия II, и польско-литовское командование было вынуждено считаться с ними. Успехи самозванца и войск Первого земского ополчения во многом объясняются присутствием на их стороне казаков [99].

Примечания

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 кн. М., 1988–1989. Кн. 3, Т. 12. С. 75, 81–83.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: в 18 кн. М.: Мысль, 1989. Кн. IV, Т. 8. С. 391.
3. Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // Он же. Собр. соч.: в 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 48, 51, 69.

4. Piasiecki P. Chronika gestorum in Europa singulariam. Cracovia, 1645. Существует издание XIX в. (Piasiecki P. Kronika Pawła Piasieckiego, biskupa przemyskiego. Kraków, 1870) и русский перевод (Пясецкий П. Смутное время и московско-польская война // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1887. Вып. 68. С. 1–73).

5. Kobierzycki S. Historia Vladislai Poloniae et Suaeciae principis. Dantisci, 1655. Недавно сочинение переиздали Я. Былинский и В. Качоровский (Kobierzycki S. Historia Wladyslawa, krolewiczka polskiego i szwedzkiego / wyd. J. Bylinski i W. Kaczorowski. Wrocław, 2005).

6. Biblioteka im. Czartoryskich w Krakowie (далее – BCz). Rkps. № 345, IV. Л. 1–48 об.

7. Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku (далее – BK). Rkps. № 319. Л. 1–38 об.

8. Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины (далее – ОР ЛНБ НАНУ). Ф. 5. № 5268/I. Л. 1–46 об. (там же находятся семейные документы Мархоцких под названием «Marchotiana», 10 ед. хр. (№ 4032/III–4042/I).

9. Stockholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev (далее – SRSPB). E. 8603. По указанной исследователями ссылке на собрание им. Оссолинских находится жизнеописание настоятельницы монастыря кармелиток (Zywoť wielebnej matki Teresy a Jesu, klasztorów we Lwowie i w Warszawie karmelitanek bosych fundatorki, który swojǎ rękǎ z rozkazania przełożonych i spowiednienia swego napisała // BO. Rkps. № 1259. Kodeks papierowy, pisany jednǎ rękǎ w XVII wieku. Л. 1–143). Содержание рукописи библиотеки Польской академии наук в Кракове посвящено представителям рода Мархоцких второй половины XVII в. (BPAU PAN. Rkps. № 688). В Архиве документов Института истории Польской академии наук в Кракове хранится не список, а краткое содержание источника (Zakład Dokumentów Instytutu Historii Polskiej Akademii Nauk w Krakowie: Teki Pawińskiego, Rkps. № 21. Л. 88).

10. Marchocki M. Historia wojny moskiewskiej. Poznań, 1841.

11. Marchocki M. Historia moskiewskiej wojny prawdziwa przez mię Mikołaja Scibora z Marchocic Marchockiego pisana // Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612 / wybór i oprac. M. Kubala, T. Ściężor, bmn, 1995.

12. Мархоцкий Н. История Московской войны / подгот., публ., перев., введ. стат., комм. Е. Куксиной. М.: РОССПЭН, 2000.

13. BK. Rkps. № 319. Л. 1–38. Там находятся копии документов: 1. Diskurs o królewiczu jmci ze strony Państwa Moskiewskiego // Ibid. Л. 38об.–43; 2. Pisanie moje, com je w historyi wspomniał do Iwana Szujskiego, które było przyczynǎ oswobodzenia Borzęckiego, i przeciwko wszystkim więźniom uczyniło go łaskawym, [było w tę słowa] // Ibid. Л. 43–43об.; 3. Odpis od niego, z którym mi Borzęckiego odesłał... // Ibid. Л. 43об.; 4. Орывок из «Instrukcja pp. posłom z wojska cara jm posłanym do JKM» // Ibid. Л. 43об.–44 об.

14. Marchocki M. Op. cit. S. 146–162: 1. «Instruktia posłom z wojska Cara do krola posłanym...»; 2. «Respons słowny przez J.M. Pana Podkanclerzego Coronnego»; 3. «Respons na piśmie posłom rycerstwa pod Moskwǎ...»; 4. «Poselstwo przez pana Stadnickiego...»; 5. «Script podany od koła rycerskiego...»; 6. «List od Carowey...».

15. SRSPB. E. 8597. Без пагинации.

16. BO. Rkps. № 12804. S. 215–220; 223–224; 224–230; 255–257.
17. BK. Rkps. № 325. Akta do dziejów Polski za Zygmunta III od 1605 r. do 1623 r. m. in. diariusz sejmowy 1606, vota senatorów na sejmie 1615 i 1616 roku.
18. Бельский С. Дневник 1609 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). 1848. № 6. Отд. 3. С. 1–24.
19. Дневник происшествий московских и посольства в Москву пана Н. Олесницкого и его секретаря А. Гонсевского / пер. с польского, предисл. и прим. Н.Г. Устрялова // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 2. С. 199–262.
20. Немоевский С. Записки Станислава Немоевского / публ., предисл. А.А. Титова; пер. с польского под ред. А.А. Кочубинского // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие ... И.А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 6.
21. Niemojewski S. Pamiętnik (1606–1608) / wyd. A. Hirschberg, Lwów, 1899.
22. Рожнятовский А. Дневник Марины Мнишек / отв. ред. Д.М. Буланин; пер. с польского, предисл. и комм. В.Н. Козлякова. СПб.: Изд-во Д. Буланин, 1996. (Studiorum slavitorum monumenta. Т. 9).
23. Dyamentowski W. Diariusz 1605–1609 // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. Т. 1. S. 1–166.
24. Korbut G. Literatura polska. Od początków do wojny świątoj. Warszawa, 1929. Т. I. S. 576.
25. Wiśniewski A. Historia literatury polskiej. Warszawa; Kraków, 1934. S. 98–99.
26. Maciejowski B. Piśmiennictwo polskie. Łódź, 1978. Т. III. S. 504–506.
27. List Jakuba Zadzika do Lawrentego Gembickiego, spod Smoleńska, 18.XII. 1610 r. // Riksarkivet Stockholm. Extranea Polen (далее – RaS, EP). Rkps. № 105 (sygn. AGAD, EP, 63–64).
28. List Aleksandra Gosiewskiego do Zygmunta III, Moskwa, 6.IV.1611 // BCz. Rkps. № 106. Без пагинации.
29. Relacja ustna bojarzyna, który dostarczył list Gosiewskiego, 1611 // BCz. Rkps. № 106. Л. 661–664.
30. Relacja pana Głoskowskiego taka towarzysza pana Strusza, 1611 // BR. Rkps. № 139. Л. 348.
31. Tumult wielki w Moskwie i Stolicy za nastąpieniem wojska naszego w Roku Pańskim 1610 // BCz. Rkps. № 105. Л. 347–347об.
32. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Собр. соч.: в 5 кн. СПб., 1868. Кн. II. С. 134, 137, 142–143.
33. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 3-е изд. СПб., 1910. С. 335, 574, 588.
34. List S. Charlińskiego do M. Radziwiłła 17 (27) października 1607 r. // AGAD. Rkps. Arch. Radz. Dz. V. T. 44. № 193.
35. Nowiny z Moskwy, listopad 1607 r. // Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской академии наук (ОР НБУАН). Ф. 5. № 5998/III. Л. 286об.
36. Maskiewicz S. Pamiętnik // Pamiętniki Samuela i Bogusława Kasimierza Maskiewiczów (wiek XVII). Wrocław, 1961. S. 30.

37. Маскевич С. Дневник 1594–1621 гг. / пер. с польского, предисл. и прим. Н.Г. Устрялова // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 2.

38. BudziŃo J. Wojna moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612 oprac. J. Byliński, J. Długosz. Wrocław, 1995. S. 79.

39. Будила Ю. История ложного Дмитрия 1603–1613 гг. // Памятники, относящиеся к Смутному времени начала XVII ст. (Серия «Русская историческая библиоотека» – далее РИБ). СПб., 1872. Т. 1. Стб. 127.

40. Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. / пер. с нем. Е.И. Бобровой; ред. С.А. Акулянец, М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 149.

41. Новицкий И.П. Князья Рожинские // Киевская Старина. 1882. Т. 2. С. 71–73.

42. Wolf J. Kniazowie litewsko – ruscy od konca XIY wieku. Warszawa, 1895. S. 420–421.

43. Nagielski M. Różyński Bohdan // PSB, T. XXXII. Wrocław, 1989–1991. S. 474–475; Он же. Różyński Ostafij Iwanowicz // Ibid. S. 479–480; Он же. Różyński Kirik // Ibid. S. 475–478.

44. Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. К., 1990. Т. I. С. 68.

45. Масенко Л.Т. Українські імена та прізвища. К., 1990. С. 9–10.

46. Zólkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej. Warszawa, 1966. S. 68.

47. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне / пер. с польского, предисл. и прим. П.А. Муханова. 2-е изд. СПб., 1871. С. 116–117.

48. Грамота кн. Р. Ружинского московским боярам кн. В.В. Голицыну и И.С. Куракину с призывом признать Лжедмитрия II, от 14.IV.1608 г. // SRSRB. E. 8610 (1); то же: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 218–221.

49. Nagielski M. Różyński Bohdan // PSB. T. XXXII. Wrocław, 1989–1991. S. 474–475; Он же. Różyński Ostafij Iwanowicz // Ibid. S. 479–480; Он же. Różyński Kirik // Ibid. S. 475–478.

50. Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск: ПятигорГПИ, 1957. С. 75.

51. List kniaża R. Różyńskiego do Aleksandra Zborowskiego 11(21).VII. 1609 г., Тушино // RaS EP. Rkps. № 113. Приход наемных отрядов из Речи Посполитой на службу к Лжедмитрию II продолжался вплоть до лета 1609 г.

52. Kognowicki K. Zycie Sapiehow. Wilno, 1791. T. 2. S. 155–158.

53. Naruszewicz A. Zywoť J.K. Chodkiewicza. Warszawa, 1805. T. 2. S. 249.

54. Niemcewicz J.U. Dzieje panowania Zygmunta III. Kraków, 1860. T. 2. S. 327.

55. Hirschberg A. Maryna Mniszchówna. Lwów, 1906; Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908.

56. Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. T. 1. S. 188.

57. Wisner H. Lisowczycy. Warszawa, 2004. S. 56.

58. Registr pułkowników i rotmistrzów wojska cara Dymitra // Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Rkps. № 102. Л. 438.

59. BCz. Rkps. № 2245. № 10. Л. 81.

60. Вержбовский Ф.Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. II. Война с Польшею в 1609–1611 годах. Варшава, 1898. С. 8.

61. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 84–85.
62. Долинин Н.П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958. С. 34.
63. Polak W. O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612 // Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu. R. 87. Z. 1. Torun, 1995. S. 24.
64. Almkvist H. Sverige och Rysland förbundet mot Polen, 1595–1611. Upsala, 1907. С. 128–129.
65. Архив Санкт-Петербургского института российской истории (АСПБФИРИ РАН). К. 276. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 35, 50.
66. Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московской войны XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 70.
67. Nowiny w lutym 1609 r. // ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. Ossolineum. № 168. Л. 540.
68. List K. Konwickiego do J. Sapiehi 28 listopada (8 grudnia) // ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. 1. № 45.
69. Listy T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 r. i 27 grudnia 1608 r. (6 stycznia 1609 r.) // Oddział Rękopisów Biblioteki Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (далее – ОР ВРАН). Rkps. № 345. № 91 и ОР ЛНБ НАНУ Ф. 103. Оп. 1. № 48.
70. Письма Х. Крузатти Я. Сапере 29.X (8.XI) и 29.XI (9.XII) 1608 г. о ситуации в Костроме // ОР ВРАН. Rkps. № 345. № 61, 64.
71. Грамота В. Шуйского ярославцам 28.VI (8.VII) 1609 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (далее – ААЭ). В 4 т. СПб., 1836. Т. 2. № 128. С. 239.
72. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер. с гол., прим., вступ. ст. А.А. Морозова. М.: Соцэгиз, 1937. С. 176.
73. Almkvist H. Op. cit. S. 129–134.
74. Leitsch W. Moskau und die Politik des Keiserhofes im XVII Jhdt. I Teil: 1604–1654. Graz, 1960. S. 46–49.
75. Новости из Московии, присланные в Вильно 27.V(6.VI).1609 г. // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. Смесь. С. 15.
76. Бельский Летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1978. Т. 34. С. 250.
77. Отписка кн. М.В. Скопина-Шуйского пермичам // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 136. С. 248–250.
78. Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. М., 2004. Т. VII. Ч. II. С. 256–257.
79. Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль, 1939. С. 124.
80. Козаченко А.И. Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII в. М., 1939. С. 84–85.
81. Рубинштейн Н.Л. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды государственного исторического музея (ГИМ). М., 1948. Вып. 20. С. 67.

82. Отписка из Ярославля в Пермь Великую // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 134. С. 247.
83. Бутурлин Д. История Смутного времени в начале XVII в.: Ч. 2. СПб., 1841. С. 281.
84. List J.A. Hrydicza do L. Sapiehi 18 (28).XI.1609 г. // SRSPB. E. 8604.
85. Instrukcja poslom z wojska Cara do króla poslanym w październiku 1609 r. // Marchocki M. Op. cit. S. 148–151; то же // SRSPB. E. 8597.
86. Prochaska A. Wyprawa na Smoleńsk // Kwartalnik Litewski. Wilno, 1911. Т. 8. S. 60–61.
87. List gońca p. Dobka do poslow 11 (21) grudnia 1609 r. // SRSPB. E. 8597.
88. Diariusz drogi krola Jmci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 augusta i fortunnego powodzenia przez lata dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / oprac. J. Byliński. Wrocław, 1999.
89. Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005. С. 216.
90. Relacja posłów krola // SRSPB. E. 8597.
91. Письмо С. Стадницкого Сигизмунду III 27 декабря (6 января) 1609 г. // Гиршберг А. Указ. соч. С. 168.
92. Письмо Лжедмитрия II наемному войску об условиях возвращения на службу 9 (19).II.1610 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских (ВМОИДР). М., 1855. Кн. 19. Смесь. С. 9–10.
93. Васенко П. Заруцкий Иван Мартынович (Иванович) // Русский биографический словарь (РБС). М., 1916. Т. 7. С. 448.
94. List od p. Rożyńskiego do Zygmunta III 6 (16).II.1610 г. // SRSPB. E. 8597.
95. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / сост. С.В. Веселовский. М., 1911 (Серия «Смутное время Московского государства 1604–1613 гг.: в 9 вып. Вып. 5). С. 376.
96. Забелин И. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1896. С. 270, 275.
97. «Окружная грамота (в списке) Троицы-Сергиева монастыря от Архимандрита Дионисия и Келаря Авраамия Палицына во все Российские города: о гибельном состоянии Государства, с убеждением, святостию закона, верных сынов Отечества ускорить на избавление Москвы от иноплемненных и присоединиться к находящимся там, под начальством Князя Трубецкого, войскам». 6 октября 1611 г. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД): в 4 ч. СПб., 1819. Ч. 2. С. 577–579.
98. Laskowski O. Odrębność staropolskiej sztuki wojennej // Przegląd Historyczno-Wojskowy. Warszawa, 1935. Т. VIII. S. 19.
99. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 25–32.

Казачество в Поволжье в 1614 г.

С избранием Земским собором 1613 г. государем всея Руси Михаила Федоровича Романова начался сложный процесс восстановления русской государственности. Появление новой династии приостановило развал государства и создало предпосылки для преодоления состояния анархии и Смуты в стране.

Правительственная политика по отношению к казачеству в этот период отличалась противоречивостью: с одной стороны, правительство стремилось поставить казачество под свой контроль и ликвидировать казачье самоуправление, а с другой, – было заинтересовано в сохранении значительной военной силы казачества и привлечении его на свою сторону.

Новый царь и его окружение, получив власть из рук земщины и казаков, начали проводить политику, не считаясь с их интересами. Казачьи отряды составляли значительную часть вооруженных сил Русского государства в первые годы царствования Михаила Романова. По некоторым данным, в конце 1612 г. стоявшие в Москве казаки в 1,5 раза превосходили по численности находившихся в столице дворян и стрельцов, вместе взятых. Тогда же была сделана попытка оставить на царской службе только «старых» казаков и таким образом уменьшить численность казачьих отрядов. Однако завершение мероприятий по «разбору» казаков правительству пришлось надолго отложить: в обстановке продолжавшейся войны с Речью Посполитой и Швецией оно не могло «разрушить» казацкое войско и вынуждено было мириться со службой в нем холопов и крестьян [1].

Особое внимание правительство уделяло одному из виднейших руководителей казачества в эпоху Смуты И.М. Заруцкому, не принявшему решение февральского Земского собора 1613 г. И.М. Заруцкий, обладая влиянием на вдову бывшего правителя Лжедмитрия Марину Мнишек, лелеял надежду возглавить государство при малолетнем царевиче Иване Дмитриевиче. Новая власть объявила И.М. Заруцкого врагом государства, на что он ответил разорением городов Епифань, Деделов, Крапивна на территории Тульской области.

У Москвы не хватило сил для скорого устранения угрозы, исходившей от Заруцкого, так как продолжалась тяжелая война на западе против польских интервентов, не были погашены очаги других внутренних мятежей в разных районах страны. Требовалось время для подготовки похода правительственных войск. Против атамана И.М. Заруцкого и казаков, при-

сгнущих на верность сыну Лжедмитрия II, были отправлены крупные воинские силы под командованием князя И.Н. Одоевского.

Само казачество в это время было разобщено. Чтобы не допустить соединения донского казачества с мятежным атаманом и привлечь его на свою сторону, Михаил Федорович отправил грамоту на Дон «в нижние и в верхние юрты, атаманом и казакам». В этой грамоте он призывал донское казачество пресечь «воровские смуты». За это государь обещал держать казаков «в царском милостивом жалованье и в призьенье свыше прежних великих государей» [2]. Сподвижники И.М. Заруцкого начали колебаться. Ряд городов, которые ранее контролировал Заруцкий, присягнули избранному царю Михаилу Романову.

Атаман отступил к Воронежу. Войско Заруцкого здесь пополнилось казаками: «и воронежские... атаманы усманские и соколовские всё сворова-ли, Маринке крест целовали и пошли с ними под Воронеж» [3].

В Воронеже И.М. Заруцкий оказался в непосредственной близости от Донского войска, которое в 1613 г. насчитывало только низовых казаков 1888 душ. К этому можно еще добавить казаков 17 верховых станиц [4]. Напугала правительство и вероятность поддержки Заруцкого волжскими казаками. На Дон и Волгу «летели» царские увещания и дары.

С 29 июня по 3 июля 1613 г. в четырех верстах от Воронежа, под Русским Рогом, произошло решающее сражение между казаками И.М. Заруцкого и войском И.Н. Одоевского. После этого сражения Заруцкий переправился через Дон и к концу 1613 г. достиг Астрахани. Есть известие, что он в это время обвенчался с Мариной Мнишек. Здесь против него выступил астраханский воевода кн. Хворостинин. Впрочем, Заруцкий сумел овладеть ситуацией в городе и казнить воеводу, после чего он объявил горожанам, что Московским государством «бутто Литва завладела», и начал им «делать утеснение великое». Те присягнули, видимо, не только Воренку, но и «царю» Дмитрию Ивановичу, которого, по слухам, на сей раз ждали из Персии [5].

Для борьбы с казачьей вольницей были задействованы все силы страны. Местом сбора правительственных войск определили Казань. В этих условиях Самара приобрела важное стратегическое значение, поскольку Саратов и Царицын были уничтожены в годы Смуты. Воеводы Казани и Самары пристально следили за действиями казачества, опасаясь военной угрозы, исходившей с Дона, и одновременно пытались использовать казачьи станицы для связи с Москвой.

В составе фонда Астраханской приказной палаты находится переписка И.Н. Одоевского с самарским воеводой Д.П. Пожарским в апреле – мае 1614 г., когда И.М. Заруцкий активизировал свои действия против мос-

ковского правительства [6]. Войско, возглавляемое Иваном Никитичем Одоевским и окольным С.В. Головиным, находилось в Казани, откуда посылали казакам увещательные грамоты.

Дмитрий Петрович Пожарский-Лопата приходился троюродным братом герою освобождения Москвы Д.М. Пожарскому, сам командовал передовым отрядом ополчения в 1612 г. Сражаясь против польских интервентов, Д.П. Пожарский под Москвой не раз сталкивался с казаками Заруцкого как в военных стычках, так и за столом переговоров. Так что своего противника он знал хорошо.

В борьбе с властями И.М. Заруцкий пытался опереться на астраханские низы, казаков и ногайцев, кочующих в Поволжье. В сентябре 1613 г. Д.П. Пожарский отправил донского атамана И. Онисимова к волжским казакам, чтобы привлечь их на свою сторону и заставить отойти от мятежных астраханцев. Склонить казаков на сторону московских властей полностью не удалось, однако споры о том, чьей стороны держаться, раскалывали местное казачество. Это мешало Заруцкому вовлечь казаков в свои планы.

Ногайцы привлекали Заруцкого наличием многочисленной и подвижной конницы. Глава Большой Ногайской Орды князь Иштерек прикочевал к Астрахани, «шертвовал» мнимому царевичу, дал заложников и согласился участвовать в походе, который замышлял вверх по Волге Заруцкий весной 1614 г. [7]. Уже 5 марта Д.П. Пожарский сообщал в Москву: «На весну ждем под самарский снизу воровских людей» [8].

По мнению Пожарского, сложившаяся обстановка требовала присылки подкрепления самарскому гарнизону из числа войск, стянутых в Казань под начальство воеводы князя И.Н. Одоевского. Однако того, как командующего правительственными войсками в Поволжье, беспокоила не столько судьба Самарской крепости, сколько возможность соединения Заруцкого с отрядами казаков, возобновивших военные действия и грабежи на Верхней Волге.

15 апреля 1614 г. Одоевский отдал распоряжение стрелецкому голове Г. Пальчикову отправиться с пятью сотнями стрельцов из Казани к устью р. Усы, построить там небольшую крепость – «острожек» и воспрепятствовать возможной попытке противника пересечь Самарскую Луку по Усе. В случае необходимости Пальчикову предписывалось помочь Самаре, но основной его задачей ставилось прекращение всякого движения по Волге мимо устья Усы.

Одновременно, 17 апреля, И.Н. Одоевский отправил в Самару Афанасия Аристова, который должен был отвезти на Дон «государевы грамоты». Также Аристов должен был узнать, есть ли ниже Самары на Волге заставы,

в каком количестве и сколько там размещено людей. Новые сведения о Заруцком, о волжских и донских казаках Одоевский просил сообщить незамедлительно [9].

Узнав о посылке Пальчикова, Пожарский стал требовать перевода этого отряда в Самару, приводя соображения как военного, так и политического характера. Он указывал, что действительной помощи друг другу удаленные на 60 верст гарнизоны оказать не смогут. Более того, запретив движение по Волге мимо своей заставы, Пальчиков перекрыл подвоз хлеба в Самару, где «всякие люди бедны и голодны и хлебного запаса продажного нет у них». Ходили слухи, что казанские воеводы хотят самарских жителей «голодом поморити», поэтому в Самаре было «в людях сумнение великое». По сведениям самарского воеводы, казачьи атаманы Неупокройшко Карга и Караулко поднимают казаков на поход под Самару. Пожарский предупреждал Одоевского и его помощников: «В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны, воров ожидаем вскоре... а которая, господа, над Самарским городом поруха учинится, и то, господа, не от меня, а от вас» [10].

Поэтому и ответная отписка самарского воеводы составлена в весьма категоричном тоне. На просьбы И.Н. Одоевского и С. Головина предоставить их посланнику на Дон Афанасию Аристову с Самары «вожи», лошадей и провожатых Д.П. Пожарский отвечал, что лишних «вожей» у него нет, все провожатые отправлены по государственным делам. Да и вообще, «никто степью ис Сомарского на Дон не знают». По его мнению, лучше «с Сомарского идти степью на Саратов. А из Саратова перевозиться на Крымскую сторону Волги на Камышенку и на Иловлю. А с Иловли на Царицын. А с Царицына на Пять Изб. А от Пяти Избах лошадей метать да садитесь в суды. А идти к атаманам и казакам в судах на низ Доном водяным путем». По суше от Царицына путь перекрыт ногайцами. Д.П. Пожарский настоятельно советует Одоевскому посылать гонца «от себя» на Дон из Казани. Так «прямее и ближе», да и «вожи и лошади в Казани есть». Такая решительная позиция самарского воеводы выясняется в конце письма: «А ты Семен (Головин) пишешь ко мне с указом запосмешно. Твой отец моему отцу нигде не указывал. А ты мне також не указывай. А вперед на Волгу гонцов посылайте сами... А ко мне с указом не пишите. Указу мне вашего не слушивать» [11].

То, что самарский воевода иногда позволял себе негативно высказываться в адрес стрелецкого головы Гордея Пальчикова, подчинявшегося И.Н. Одоевскому, нашло свое отражение в попытке Д.П. Пожарского оправдаться за «навет» в отписке от 30 апреля 1614 г. Как следует из документа, сын боярский Афанасий Аристов проездом из Самары в Казань

остановился в остроге, который был построен Пальчиковым в устье реки Усы и «лаял» Д.П. Пожарского, якобы распространяя слухи о готовности последнего присоединиться к мятежникам: «Де он то Офанасий сказывал будто в Сомарском ратным людям говорил: пойду де на Усу и острожек де велю срыть, а голову де стрелецково Гордея и стрельцы к себе в Сомарский возьму... А я де будто говорил, как де воровские люди Сомарский возьмут и я де умею воровать и от меня де многие города подрожат. И я господа такого слова не говорил» [12].

При всех спорах и конфликтах в правительственном лагере время работало не на Заруцкого. Во-первых, астраханских сторонников Заруцкого раздражала его дружба с ногайцами, в которых не видели надежных союзников и воспринимали скорее как враждебную стихию. Во-вторых, становилось всё более очевидным, что решающий перевес на этой последней стадии русской Смуты принадлежит царским войскам, а не мятежникам.

Споры из-за острожка на р. Усе закончились сами собой, когда из Казани по Волге вниз двинулась вся рать князя Одоевского, который 17 мая прибыл в Самару. В тот же день Пожарский и Одоевский получили важные известия из Астрахани. Прибыли из Астрахани астраханские «конные казаки Григорьевского приказа Засецкого: Микитка Иванов Короган с товарищы семнадцать человек», а в расспросе сказали о восстании астраханцев против Заруцкого [13]. На помощь повстанцам терские казаки прислали семьсот человек под начальством стрелецкого головы В. Хохлова. Астрахань была освобождена. И.Н. Одоевский воспользовался трудами Хохлова, въехал с торжеством в Астрахань и, видимо, старался присвоить себе славу победы над И. Заруцким.

И. Заруцкий вместе с Мариной Мнишек и ее сыном бежал на Яик, а затем был схвачен и заточен в Медвежьем городке. События развивались так быстро, что князь Иштерек, собиравшийся прийти Заруцкому на помощь, вернулся со своими улусами вверх по Волге к р. Сарпе.

Алаторские воеводы в своих отписках в Москву сообщали, что 6 мая из Самары приехал донской атаман Иван Онисимов и известил их о подходе двадцати тысяч ногайцев, которые перевезлись через Сарпу и направились в алаторские места. 13 мая отряд ногайцев в пятьсот человек напал на город, отогнал скот и взял полон. Подоспевшим казакам удалось отбить только полон, так как лошадей ногайцы уже угнали [14]. Встретив ожесточенный отпор со стороны казаков, князь Иштерек вынужден был уйти в степи ближе к Азову.

После разгрома И. Заруцкого и бегства Иштерека московское правительство приступило к планомерному наступлению на казачью вольницу. Отправив к донским казакам свое жалование «денежное, и селитру,

и сукна, и запас», Михаил Федорович надеялся с их помощью привлечь на свою службу остальное казачество. С этой целью в мае 1614 г. была отправлена грамота Донского казачьего войска к казакам волжским, яицким и терским, где говорилось о «присылке» этим казакам такого же большого царского жалования в случае готовности их служить государю [15]. Но если донские казаки, поверив обещаниям государя, высказали свою готовность служить под его началом, то волжские и яицкие казаки этого делать не торопились. В отличие от донцов, это казачество не было столь зависимым от государственных поставок продовольствия и оружия и не собиралось так быстро расставаться со своей свободой. Пока государство нуждалось в казачестве и использовало его в борьбе против ногайских мурз, казаки могли рассчитывать на жалованье и без прямого перехода на государственную службу.

И.Н. Одоевскому, назначенному после изгнания Заруцкого воеводой в Астрахань, пришлось заняться замирением края. Его деятельность в этом отношении выразилась в постоянных связях с казаками, которым он посылал жалованье, в постоянных посылках воевод для усмирения и уничтожения шаек, в восстановлении разрушенных мятежниками городов и острогов, в восстановлении прекратившихся вследствие грабежей воровских людей торговых сношений с персидскими и армянскими купцами.

В начале июня 1614 г. князь И.Н. Одоевский сообщал в Самару, что волжские казаки во главе с атаманами Тереней Усом и Ворзигой собираются идти с Яика на Волгу «стругами против коровану для воровства». Как только они выйдут на Волгу, на Иргизские вершины, они отправят в Самару около ста своих людей. Но среди этих казаков уже нет былого согласия – атаман Максим Дутая Нога вместе с братом Алексеем собираются покинуть отряд [16]. Несколько позднее Д.П. Пожарский сообщил о поимке на Иргизе Василием Хохловым шестерых «воровских» казаков, которые «в расспросе» сказали, что после астраханского погрома многие «воры» поразбежались и теперь живут на Волге «побегаючи» [17].

За И. Заруцким на Яик были посланы стрелецкие головы Пальчиков и Онучин, которые 23 июня осадили Заруцкого в городке яицких казаков, у которых он нашел убежище. После продолжительного и упорного боя они заставили казаков 25 июня 1614 г. выдать Заруцкого, находившуюся с ним Марину Мнишек и ее сына. Пленники были отправлены в Астрахань к Одоевскому, который немедленно же отправил их под сильным конвоем в Казань, а оттуда в Москву. В Астрахани, писал он царю, «мы держать их не смели для смуты и шатости».

Таким образом, Заруцкий после годовой борьбы был уничтожен; но необходимо было успокоить страну, привести к повиновению казаков

и ногайцев и уничтожить шайки, разгуливавшие по всему юго-востоку страны.

Выступления казачества, начавшиеся весной 1614 г., продолжались вплоть до 1618 г. Отдельные казачьи группировки действовали в верхнем Поволжье, в Пошехонье, Белоозерском и других краях [18].

Причины восстания были связаны в большинстве случаев с неудачами на царской службе и почти всегда с попытками администрации разбора станиц. Казачество свято берегло принципы, характерные для вольного казачества: вне зависимости от происхождения и срока поступления не выдавать казаков; контроль над персональным составом станиц должен находиться только в руках станичного атамана. Третье требование было общим для всего служилого и вольного казачества – справедливое и своевременное вознаграждение за службу. Наконец, отмена запретительных мер на торговлю казаков своей добычей [19].

Специфические казацкие цели движения, а также их грабежи и убийства способствовали растущей изоляции казаков от основной массы населения. Всё это позволило правительству Михаила Романова, не располагавшему крупными военными силами, нанести казачеству тяжелое поражение. Однако в обстановке затянувшихся войн полностью ликвидировать «вольное» казачество правительство не смогло.

Примечания

1. Станиславский А.Л. Восстание 1614–1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 111.
2. Российская историческая библиотека. Т. XVIII. Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. С. 79–80.
3. Станиславский А.Л. Челобитная Вельяминовых – источник по истории России нач. XVII в. // Советские архивы. 1983. № 2. С. 39.
4. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988. С. 277.
5. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С. 76–78.
6. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБ ИИ РАН). Ф. 178. Астраханская приказная палата.
7. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 89.
8. Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т. XXI. С. 229.
9. Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 178. Астраханская приказная палата. Д. № 64. Л. 1.
10. Там же. Д. № 109. Л. 1–2.
11. Там же. Д. № 65. Л. 1–3.
12. Там же. Д. № 91. Л. 2–3.

13. Там же. Д. № 151. Л. 1–2.
14. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 12.
15. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864. С. 11.
16. Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Астраханская приказная палата. Д. № 252. Л. 1.
17. Там же. Д. № 261. Л. 1.
18. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. С. 46.
19. Там же.

Корпорация белозерцев как пример решения проблемы привлечения казачества к государственной службе Московского царства в период преодоления последствий Смутного времени (20–40-е гг. XVII в.)

С конца 1620-х гг. исторические источники указывают на существование в России особой категории служилых людей, известных под именем «белозерцы». Особенность последних заключалась в том, что они являлись единственной казачьей общиной, в правовом отношении составлявшей отдельную городовую корпорацию, наряду с дворянами и детьми боярскими.

Исследователи по-разному понимали состав и происхождение белозерцев. Так, В.Н. Сторожев различал «белозерцев-казаков» и «белозерцев-неказаков». И те, и другие, по его мнению, были испомещены в Белой, Погорелом Городище, Волоке, Можайске, Оболенске, Кашире и Перемышле [1]. Издатели «Актов Московского государства», например, понимали белозерцев как служилых людей Белозерского уезда или городских служилых людей [2]. Согласно А.Г. Манькову и Г.В. Абрамовичу, белозерцы – переселенные из разоренных в начале XVII в. южных городов (Перемышль и др.) и наделенные поместьями помещики и казаки, а также казаки, получившие поместья на Белоозере за осадное сидение в Москве в 1618 г. [3]. А.И. Копанев и И.Д. Мартысевич также считали их землевладельцами Белозерского уезда, включавших в себя как казаков, так дворян и детей боярских, черкасов, иноземцев и т. д., происходивших из Смоленщины и других окраинных областей России и испомещенных там в 1613–1615 гг. [4]. А.А. Новосельский полагал, что белозерская корпорация была создана в 1612–1613 гг. «из группы казаков подмосковного ополчения и других категорий служилых людей, испомещенных на дворцовых и черных землях Белозерского уезда», а затем получивших дополнительные земельные дачи в Вологодском, Клинском, Звенигородском, Каширском, Оболенском, Перемышльском, Медынском, Шацком и Алатырском уездах. При этом каждая из этих групп белозерцев служила отдельно и имела своих особых окладчиков [5].

М.Ф. Владимирский-Буданов считал белозерцев казаками, происходившими от смоленцев, которые после взятия Смоленска поляками и литов-

цами были испомещены на Белоозере [6]. А.Л. Станиславский, в свою очередь, был твердо убежден, что белозерскую корпорацию составили поместные верстанные казаки, в подавляющем большинстве получившие поместья, причем «основные, а не дополнительные», в различных уездах в 1613–1620 гг. [7]. Мнение последних двух историков, причислявших белозерцев исключительно к казакам, полностью подтверждается документами. Так, например, уже из наказа М.Б. Шеину 1632 г. видно, что, помимо казаков, иных категорий служилых людей среди белозерцев не было [8]. На это же указывает и сметный список московского войска 1651 г. [9].

Причина, по которой часть казаков стали выделять в отдельный служилый разряд, состоит, по всей видимости, в стремлении государства централизовать и организовать управление множеством различных казачьих групп, верставшихся правительством на заключительном этапе Смуты. Выбор пал на Белоозеро потому, что в Белозерском уезде до 1612 г. не было своей служилой корпорации, – здесь вообще не существовало светского феодального землевладения. Таким образом, был выбран свободный (в делопроизводственном смысле) город, по которому казаки, наделавшиеся поместьями и вотчинами в различных районах страны, могли бы учитываться в Разрядном приказе [10]. Кстати, тогда же на землях Белозерского уезда получили поместья и вотчины московские дворяне, дворяне некоторых западных уездов, служилые иноземцы и казаки, формально не числившиеся по Белоозеру и входившие в другие служилые общины.

При этом создание белозерской казачьей корпорации преследовало цель организационно обособить землевладельцев, имеющих ограниченное (по сравнению с другими феодалами) право распоряжаться своими владениями, и этим способствовать сохранению поместного казачества. Не случайно поэтому не вошли в белозерцы почти исключительно те поместные казаки, которые имели владения в уездах, где по указу 1619 г. московским дворянам запрещалось приобретать владения и где поэтому угроза потери казаками своих поместий и вотчин была не столь велика [11].

Зарождение рассматриваемой корпорации происходило постепенно. Так, испомещения верстанных казаков с конца 1612 г. производились главным образом в Белозерском и Вологодском уездах на бывших черносошных и дворцовых землях [12]. Например, известно об упоминании на службе московского правительства уже в 1614 г. около 20 белозерских поместных атаманов, имевших поместья в Судской волости Белозерского уезда [13]; в 1617 г. – 42 атаманов и казаков вологодских помещиков и 24 – белозерских помещиков, бывших на службе в Ярославле, и 2 белозерских атаманов, находившихся в Дорогобуже [14]. Известно, что 55 вологодских и белозерских атаманов и казаков защищали Москву осенью

1618 г., а в 1621 г. на службу было направлено 89 казаков вологодских и белозерских помещиков [15]. В 1626 г. упоминаются служившие в Крапивне, в сторожевом полку, 16 атаманов и казаков вологодских и белозерских помещиков [16]. Таким образом, всего в Вологодском и Белозерском уездах получили поместья, вероятно, не более или немногим более 100 казаков [17].

При этом поместья, которыми наделялись верстанные казаки в 1613–1614 гг., мало чем отличались от мелких и средних поместных дворянских владений, т. е. давались на тех же правах, были сравнительно велики по размеру – от 50 до 250 четвертей, обеспечены крестьянскими руками и находились в основном в Белозерском и Вологодском уездах, где происходили также массовые раздачи поместий и вотчин дворянам и детям боярским [18]. С июля 1619 г. и до середины 1620-х гг. за Московское осадное сидение 1618 г. казакам по их челобитным стали выдавать и вотчины, причем первыми их получили так называемые старые белозерские, вологодские и шацкие помещики [19]. В то время верстанием казаков, с апреля 1613 г., ведал особый Казачий приказ, созданный на базе Челобитенного (сдвоенный с ним) [20].

Наиболее раннее свидетельство об уже собственно белозерцах относится к 9 августа 1632 г., когда в поход на Смоленск, с войском М.Б. Шеина, было указано выступить 323 атаманам и казакам, которые испомещены в разных городах, а написаны по Белоозеру [21]. В 1633 г. атаманы и казаки-белозерцы упоминаются в числе участников похода во главе с боярами-князьями Д.М. Черкасским и Д.М. Пожарским, шедшими на помощь М.Б. Шеину под Смоленск [22]. Кроме того, в 1632 г. двое белозерцев были включены в состав солдатского полка Вандама [23]. Правда, А.Л. Станиславский находит и более ранние данные о белозерцах – например, 1629–1630 гг., к которым относится упоминание смерти белозерца-казака А. Шайдурова [24]. Однако здесь, по всей видимости, исследователь не учитывает, что белозерские казаки еще не относились к белозерцам, а составляли предшествующую им корпорацию атаманов и казаков белозерских и вологодских помещиков [25]. По крайней мере, в сметах московских войск 1630–1632 гг. белозерцы еще не значатся [26]. Таким образом, видно, что полное организационное оформление белозерской казачьей корпорации происходит с началом Смоленской войны [27].

В правовом отношении белозерцы были приравнены к дворовым и родовым детям боярским украинских городов [28]. Организационно они делились на несколько групп, исходя из местоположения имений казаков, – это были помещики: белозерские, вологодские, алатырские, звенигородские, каширские, клинские, можайские, оболенские, перемышльские, ростовские, рязанские Окологородного стана, суздальские и шацкие

помещики. Кроме того, к белозерцам относили, по всей видимости, кормовых казаков Круговой станицы [29]. Общим управлением белозерцев занимался Разрядный приказ, а в отношении алатырских помещиков – Приказ Казанского дворца [30].

Служба белозерцев, как и поместных казаков вообще, не отличалась от службы дворян и детей боярских уездов, и, как и последние, они в служебном отношении были также разделены на две половины – 1-ю и 2-ю, т. е. служившие с 1 апреля по 1 июля и с 1 июля по осень [31]. Касательно мест службы известно, что в Смоленскую войну, помимо участия в походе Шеина на Смоленск, в 1633–1634 гг. белозерцы находились в Можайске. С 1636 г. белозерские, вологодские, звенигородские, клинские, медынские, перемышльские и ростовские помещики, а также казаки Круговой станицы служили в Крапивне, в сторожевом полку, а рязанские и алатырские помещики – в Переяславле-Рязанском. В марте 1637 г., по вестям о татарах, каширские помещики с другими служилыми людьми были в Дедилове. В 1646 г. упоминается служба в Карповом сторожевье белозерцев вологодских, белозерских, клинских, звенигородских и суздальских помещиков, а в Осколе – рязанских помещиков Окологородного стана [32].

Общая численность белозерцев в 1620–1640-х гг. менялась в сторону возрастания. Так, в августе 1632 г., как уже указано выше, она определялась в 323 атамана и казака [33]. В 1651 г. насчитывалось уже 434 белозерца: 6 белозерцев ростовских помещиков, 350 белозерцев из других городов, с учетом атаманов и казаков, ведомых в Разряде, и 84 белозерца алатырских помещика [34]. Сведения же о численности белозерской корпорации между приведенными годами весьма отрывочны. Так, в 1636 г. упоминаются на службе 37 шацких, 33 вологодских, 24 клинских и 75 алатырских помещиков; в 1637 г. – 30 рязанских, 23 перемышльских, 22 каширских, 9 вологодских, 8 клинских, 5 белозерских, 2 звенигородских и 1 медынский помещик, а также 4 кормовых казака Круговой станицы; в 1638 г. – 4 ростовских и 70 белозерцев вологодских, клинских, звенигородских и белозерских помещиков и кормовых Круговой станицы казаков и 24 белозерца рязанских помещика Окологородного стана; в 1639 г. – 36 белозерцев разных городов, 23 шацких помещика Окологородного стана, 41 алатырский помещик и 24 белозерца вологодских, клинских и белозерских помещика и кормовых Круговой станицы казаков; в 1640 г. 39 белозерцев ростовских, вологодских, клинских и белозерских помещиков, 23 рязанских помещика Окологородного стана и 38 алатырских помещиков. В январе 1649 г. в Переяславле-Рязанском упоминаются 26 белозерцев шацких помещиков [35].

Несмотря на рост численности белозерцев, их земельный фонд в 1630–1640-х гг. уменьшался по причине раздачи дворянам владений умерших

и не оставивших наследников казаков, которых было особенно много после Смоленской войны, а также путем сделок об обмене казачьих владений на владения московских и провинциальных помещиков. В связи с этим правительство стало предпринимать ряд действий по защите землевладения белозерской корпорации. Так, в 1636 г. были запрещены обмены поместьями и вотчинами между белозерцами и другими феодалами, продажа вотчин белозерцев и передача их выморочных поместий и вотчин кому-либо кроме самих же белозерцев. В 1637 г. последовал новый указ, который запрещал покупку и сдачу казачьих земель никому, кроме казаков, а в 1639 г. – указ о возврате и раздаче казачьих вотчин беспоместным казакам.

Эти постановления во многом способствовали сохранению фонда казачьих земель в руках белозерцев и их обособлению от других провинциальных феодалов. Однако во II половине 1640-х гг. опять начались нарушения с землей, поэтому в 1648 г. московские власти снова издали указ, подтверждавший все земельные сделки и раздачи, совершившиеся в царствование Михаила Романова, но в то же время запрещавший в дальнейшем передачу земель казаков другим феодалам [36].

В дополнение к этому нормы указов 1636 и 1637 гг. вошли в Соборное уложение 1649 г., в главу XVI «О поместных землях»: первого – в ст. 49, второго, косвенно, – в ст. 50 [37]. Немногим более чем через месяц после первого издания Уложения правительство еще раз подтвердило неприкосновенность казачьих вотчин, повторив фактически без изменений указ 1639 г. В 1650 г. белозерцам было запрещено продавать, менять и сдавать вотчины и поместья. В декабре того же года соответствующие статьи Уложения вновь были подтверждены, – проданные после 1649 г. казачьи вотчины надлежало возвращать белозерцам, а вопрос о денежной компенсации покупателям – решать в суде [38–40]. Указанные меры позволили сохранить земли за белозерской корпорацией.

Исходя из вышесказанного, белозерцы как особый служилый разряд стали результатом желания со стороны Московского государства организовать и упорядочить одну из наиболее незащищенных в экономическом отношении категорий поместных казаков, появившихся в России со времен Смуты. Это позволяло поддержать в их рядах социальную стабильность и тем самым должный уровень боеспособности.

Примечания

1. Указная книга Поместного приказа // Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом Министерства юстиции. Вып. 1. М., 1889. С. 126.

2. Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук (далее – АМГ). СПб., 1890, 1894. Т. I. С. 734. Т. II. С. 735.
3. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 67, 187; Акты Земских соборов // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. III. М., 1985. С. 353; Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 265.
4. Памятники русского права (далее – ПРП). М., 1959, 1957. Вып. 5. С. 514. Вып. 6. С. 235–236.
5. Новосельский А.А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 233.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 645.
7. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 224–225.
8. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 224; АМГ. Т. II. Стб. 386.
9. «Сметный список» военных сил России 1651 г. (далее – Сметный список 1651 г.) // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 10, 16, 29.
10. Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 158; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 225, 226.
11. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 225, 226.
12. Курбатов О.А. Указ. соч. С. 158; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 98, 100; Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке, собранные В.Н. Сторожевым. Вып. 1 // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. VIII серия. Т. IX. № 1. СПб., 1906. С. 13–29, 34–36, 42, 89–152.
13. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 100; Архив П.М. Строева. Т. II // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией Министерства народного просвещения. Т. XXXV. Пг., 1917. Стб. 327–328.
14. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 100; Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – КР). СПб., 1853. Т. I. Стб. 356–360.
15. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 100.
16. Записные книги Московского стола (далее – ЗК) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1884. Т. IX. С. 414.
17. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 100.
18. Новосельский А.А. Указ. соч. С. 238; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 102; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 6. Д. 41. Л. 64.
19. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 218; Шумаков С.А. Столбцы Поместного приказа // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. IV. 1908. Апрель. СПб., 1908. Отд. наук. С. 352–353.
20. Курбатов О.А. Указ. соч. С. 158.

21. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 223–224; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. III. С. 294; АМГ. Т. I. С. 433; КР. СПб., 1855. Т. II. Стб. 386.

22. ЗК. Т. IX. С. 541.

23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 44. Л. 159об., 165об., 166, 166об., 168, 169, 246.

24. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 223.

25. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 41. Л. 64, 161, 162.

26. Смета военных сил Московского государства на 1632 год («Сметной список 140-го году») // Военно-исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. Год изд. 2. № 9–10. Киев, 1910. С. 49–85; Сметный список 1639 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1849. III. Смес. С. 18–51.

27. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 225.

28. ЗК – Записные книги Московского стола 1636–1663 гг. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1886. Т. X. С. 73, 247–250, 345–346, 354, 476–478, 482, 483; Соборное уложение... С. 79; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 1. Л. 56, 99. Д. 3. Л. 202–206, 210–211об.; Оп. 6а. Д. 8. Л. 51, 104–105, 106–106об.

29. АМГ. Т. II. С. 37, 107; ЗК. Т. X. С. 24, 25, 46, 73, 74, 77, 79, 112, 114, 115, 158, 194, 197, 207, 209, 265, 327–328, 44–447, 476–478; Сметный список 1651 г. С. 29; Соборное уложение... С. 79; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 1. Л. 56, 86об.–87об., 96об., 98, 99, 138об.–139, 145об., 149об. Д. 2. Л. 100об.–103об. Д. 3. Л. 189, 202–206, 210–211об., Д. 5. Л. 498об.–500. Оп. 6. Д. 41. Л. 64.

30. ЗК. Т. X. С. 251; Сметный список России 1651 г. С. 16, 29.

31. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 226; ЗК. Т. X. С. 74, 197; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 2. Л. 100об., 101об. Д. 5. Л. 544, 566об.

32. АМГ. Т. II. С. 107; Записные книги Московского стола. Т. X. С. 24, 25, 46, 73, 74, 77, 112, 114, 115, 194, 207, 209, 251, 267, 327–328.

33. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 223–224; ААЭ. С. 294; АМГ. Т. I. С. 433; КР. Т. II. Стб. 386.

34. Сметный список 1651 г. С. 10, 16, 29.

35. АМГ. Т. II. С. 37, 107; ЗК. Т. X. С. 24, 25, 73, 74, 77, 112, 114, 115, 194, 197, 207, 209, 445–447.

36. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 226–228.

37. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 228; Соборное уложение... С. 265; ПРП. Вып. 6. С. 213; Указная книга Поместного приказа. С. 112–113, 147.

38. Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 228–229; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. I. С. 238, 249.

39. Соборное уложение... С. 265.

40. Указная книга Поместного приказа. С. 112–113, 147.

Динамика численности донского казачества и народные движения XVII – начала XVIII вв.*

К началу XVII в. донское казачество представляло сложившийся самобытный социум, хорошо укорененный в пределах своего «месторазвития», заключающего земли, протянутые на несколько сотен километров от Нижнего Дона к его верховым притокам. К этому времени взаимосвязи донских казаков с московскими властями уже ряд десятилетий носили разнообразный и достаточно устойчивый характер.

К рубежу XVII в. полностью определилась и системная «пророссийскость» казачьего социума Дона, не отменявшая его высокой политической автономии и сложного, зачастую ситуативного самопозиционирования в системе сопредельных государств и этнокультурных социумов. Однако при всех противоречиях, существовавших между Москвой и Доном, их «особые» отношения являлись данностью хорошо известной и учитываемой всеми соседями казаков.

Это «сродство» определяло неизменный интерес донцов к происходившему в русских пределах, став одной из причин их высокой вовлеченности в события русской Смуты начала XVII в. Хорошо известно, что активно поддержав Лжедмитрия I, они много сделали для его прихода к власти в Москве. Известно и то, что оказавшись на престоле, самозванец попытался дистанцироваться от ставших ненужными бывших соратников, щедро награждая и отпуская их на Дон [1].

Срок, отпущенный Лжедмитрию I в качестве русского самодержца, оказался коротким. Но и после его смерти кризис Российского государства не закончился. Смута продолжилась, переходя с одной своей стадии на другую. И на всех ее этапах в той или иной степени принимали участие донские казаки. Очевидно, что такое участие, неизменно сопряженное с вооруженным противоборством, вело к повышенным боевым потерям, сказываясь на общей численности донских казаков. Но данная вовлеченность в перипетии русского кризиса, присутствие и активная деятельность во многих регионах Московской России сопровождалась и пополнением казачьих рядов разнообразным людом.

* Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (2017–2019 гг.).

Тем самым, влияние Смуты на демографическую динамику донского казачества было предельно сложным. Однако фрагментарность и противоречивость исторических данных не позволяет достоверно восстановить динамическую кривую численности казаков в этот период. Тем более что неизвестно их общее число накануне лихолетья. Дискуссионным остается даже вопрос о степени участия донцов на отдельных этапах Смуты.

По мнению В.Н. Королева, в 1593 г. казаков на Дону насчитывалось более двух тысяч [2]. Согласно Р.Г. Скрынникову, «общая численность войска Донского в начале XVII в. не превышала 2000–4000 человек» [3]. Н.А. Мининков предполагает, что к концу XVI – началу XVII в. насчитывалось 8–10 тыс. казаков [4]. Расчеты Королева, очевидно, строятся на опубликованном А.А. Зиминим списке казачьих городков конца XVI в., фиксирующем населенность большинства из них по состоянию на 1593 год. Оценка Скрынникова опирается на данные о численности казачьих отрядов, пришедших с Дона к Лжедмитрию I (около двух тысяч человек, которые исследователь в первом приближении определяет как половину Войска Донского). Мининков увеличивает численность донцов в войске самозванца до 3,5–4 тыс. человек, замечая при этом, что на Дону для охраны городков должна была остаться треть казаков. То есть общая их численность составляла не менее 5–6 тысяч. Причем речь идет только о казаках «проживавших в Раздорах и в более нижних городках... Поэтому общая численность донского казачества была несколько выше» [5].

Если ориентироваться на имеющиеся факты, более приближенной к действительности представляется оценка Р.Г. Скрынникова. Действительно, в списке 1593 г. общее число казаков в 25 городках с известной людностью составляло всего 1270 человек. Конечно, центральные низовые городки, по которым нет точных данных, могли быть на порядок больше. Но речь должна была идти о многих сотнях, а не тысячах казаков. Даже если бы число насельников одного или двух из них достигало тысячи человек (что маловероятно), все крупнейшие низовые городки заключали бы в сумме порядка 3–4 тыс. казаков. А с учетом всех остальных поселений общий размер казачьего социума Дона должен был составлять в конце XVI в. около 4–5 тыс. человек. За десятилетие между составлением списка и началом Смуты это число могло вырасти, но едва ли вдвое. Очевидно, что 4–6 тысяч – наиболее вероятная численность донского казачества накануне русского лихолетья.

Дальнейшая их демографическая динамика на протяжении целого десятилетия была так или иначе увязана с русской Смутой. Хотя дальше этой простой констатации продвинуться весьма сложно, поскольку, как уже было сказано, повышенные потери донцов в эти годы совмещались

с их активным пополнением. И прихотливое соотношение данных двух переменных создавало демографическую кривую, пульсирующую в широком диапазоне. Даже приблизительная ее количественная реконструкция осложняется тем, что среди специалистов нет полного согласия относительно степени участия казаков в российских событиях на отдельных этапах Смуты, в том числе и в восстании И. Болотникова. Если большинство историков сходится на том, что донское казачество являлось одной из важных движущих сил восставших [6], то, по мнению А.Л. Станиславского, донцы и запорожцы, получив денежное жалование от Василия Шуйского, в народном движении серьезного участия не принимали [7]. Еще дальше идет И.О. Тюменцев, согласно точке зрения которого вольные донские казаки вообще могли почти не участвовать в событиях, происходивших в это время в пределах Московского царства. И среди участников повстанческого движения, а также в отрядах казацких царевичей в 1607–1608 гг. количественно полностью доминировали служилые казаки, а также «показавшиеся» холопы, посадские и крестьяне. Тогда как вольные казаки, представлявшие не только Войско Донское, но и Запорожское, Терское и Яицкое, появлялись в рядах восставших и разнообразных самозванцев эпизодически и только по личной инициативе [8].

Если данное утверждение соответствует действительности, то именно народный («социальный», согласно периодизации С.Ф. Платонова) этап Смутного времени оказал едва ли не минимальное воздействие на демографическую динамику донского казачества, в своей массе остававшегося в 1606–1607 гг. на Дону.

Но даже если бы масштабы казачьих потерь и пополнения на отдельных этапах Смуты были бы достоверно установлены, это не сняло бы проблем «качественного» порядка. Находясь в российских пределах, казаки в полном соответствии со своими традициями восполняли понесенные потери местными волонтерами. Однако насколько корректно называть донскими казаками людей, ни разу не видевших Дона, подчас никуда не убежавших, а просто подхваченных (причем зачастую на самое короткое время) казачьим отрядом, прокатившимся через их местность? Насколько психология этих людей соответствовала казачьей ментальности? Каковы были воинские качества вчерашних холопов и крестьян, из которых, по мнению А.Л. Станиславского, в подавляющей степени состоял, например, казачий отряд И. Заруцкого? [9].

Очевидно, что динамика численности донского казачества в период Смуты являлась величиной не только переменной, но и по сути неопределенной. Как и то, что период 1604–1613 гг. был связан с большими потерями, а значит и с самой серьезной кадровой «ротацией» Войска Донского.

Едва ли возможно достоверно определить удельный вес старожилов и новичков в казачьем социуме Дона на выходе из Смуты. Если исходить из общих потерь, понесенных казаками за эти годы, то полученное число может превысить размеры всего Войска Донского накануне Смутного времени. Действительно, в отдельные периоды потери донцов оказывались очень значительными. К примеру, только за два зимних месяца (январь – февраль) 1610 г. в столкновениях с поляками князя Рожинского и Млоцкого погибло более 2000 казаков [10].

То есть теоретически состав казаков мог перемениться полностью. Однако естественно предположить, что максимальные потери несли как раз вновь «показавшиеся» – местное пополнение казачьих отрядов. Тогда как старые казаки во время боевых действий сохранялись в значительно большем числе. К тому же, как уже было сказано, многие из них возвращались на Дон и принимали участие далеко не во всех перипетиях затянувшегося кризиса. Но то, что состав донских казаков за годы Смуты должен был серьезно обновиться, сомнения не вызывает. Утрата от четверти до трети их первоначального наличного состава не представляется завышенной оценкой происшедших перемен, которые на деле могли быть и еще больше.

Но, несмотря на понесенные потери, казачий социум мог почти не сократиться в размерах. Полученное в это время пополнение, даже с учетом повышенной убыли и разнообразного отсева большей части временных попутчиков казачьего войска, в конце концов, компенсировало потери. И к середине 1610-х гг. численность донских казаков могла составлять порядка 5–7 тыс. человек. Хотя непосредственно на Дону всё еще находилась меньшая их часть (еще в 1614 г. в Раздорах и расположенных ниже городках, заключавших основную часть Войска Донского, находилось менее 1900 казаков). Впрочем, уже через несколько лет, по мере стабилизации Российского государства, они практически полностью стягиваются в пределы донского ареала. При этом количество казаков к концу 1610-х гг. поднимается к 10-тысячной планке, а в дальнейшем несколько превышает ее.

Анализ дальнейшей демографической динамики казачьего социума обнаруживает временное «плато» – период более-менее устойчивой численности казаков, вплоть до азовской «пяtilетки» (1637–1641 гг.), связанной с масштабными потерями и ощутимым сокращением размеров Войска Донского. На восстановление его демографического потенциала потребовалось около десятилетия. Но рост казачества продолжился и в дальнейшем. К рубежу 1660-х гг. число казаков могло уже достигать или вплотную приближаться к 20 тысячам. Показательно, что на этой цифре впервые сходятся в своих оценках В.Н. Королев и Н.А. Мининков, очень по-разному

оценивавшие динамику донского казачества в конце XVI – первой половине XVII века.

Очевидно и то, что казаков на Дону в 1660-е гг. было больше, чем когда-либо раньше. В том числе за счет нового пополнения, в значительной степени сосредоточенного в верховых городках. Именно эта растущая количественная масса казачьей голытьбы являлась одной из основных причин высокой активности донцов, нашедшей выражение уже не только в набеговой практике, но и в масштабных походах В. Уса и С. Разина.

Но этими же походами почти 30-летний демографический рост донского казачества мог быть и остановлен. Особенно ощутимыми потерями обернулась казачье-крестьянская война 1670–1671 гг. В максимальной степени должно было пострадать недавно «показавшееся» население верховых городков, гораздо активнее вовлеченное в повстанческое движение, нежели низовые старожилы, представленные среди разинцев достаточно ограниченно.

Из нескольких тысяч донских казаков, двигавшихся со С. Разиным по Волге (численность их постоянно варьировала в диапазоне 5–10 тыс. человек) [11], максимальные потери могли понести те, что пошли с ним вверх от Царицына (таких могло быть порядка пяти тысяч). Жестокое поражение под Симбирском и последующие карательные действия победителей должны были существенно сократить число казаков-повстанцев. Однако самого донского казачьего социума репрессии практически не коснулись. Как известно, для Войска Донского всё обошлось принятием присяги царю.

И тем не менее разинское восстание обернулось сокращением численности донского казачества. В начале 1670-х гг. она опустилась заметно ниже 20-тысячной планки. По словам атамана легкой станицы Алексея Еремеева, опрошенного летом 1671 г. в Посольском приказе, «ныне де в Войске казаков близко к десяти тысяч, а как де будут с Хопра и Медведицы, и в то де время будет больше и десяти тысяч» [12]. В общей сложности речь могла идти о 13–15 тыс. человек [13].

Демографические потери конца 1660-х – начала 1670-х гг., очевидно, сказались и на соотношении двух основных средоточий казачьего населения. опережающий рост верховых городков в 1650-е – первой половине 1660-х гг. должен был пошатнуть традиционную демографическую доминанту нижнего Дона, на которое в первой половине XVII в. могло приходиться порядка $\frac{3}{4}$ – $\frac{4}{5}$ всего казачьего социума, а к середине 1660-х гг. уже менее $\frac{2}{3}$. Серьезные потери верховой голытьбы в 1670–1671 гг. на время восстановили привычное соотношение.

Но потребовалось всего несколько лет, чтобы поток переселенцев на Дон, обмелевший на рубеже 1670-х гг., вернул свои масштабы. Тем более

что причин для этого становилось всё больше. Постепенное смещение к югу крестьянской колонизации всё более сокращало расстояние между южными уездами Российского государства и ареалом донских казаков. Свою роль играло и включение в состав России плотно населенного днепровского левобережья (киевско-черниговские и полтавские земли), существенно увеличив миграцию украинского населения в южном направлении. А в последней четверти XVII в. к ним присоединяется миграция старообрядцев, активно селившихся по Чиру, Калитве, Медведице.

Демографические потери разинского периода могли быть восполнены уже к началу 1680-х годов. К этому же времени, очевидно, можно было ожидать и возвращение общей численности казаков к 20-тысячной отметке. Продолжался их рост и дальше, прервавшись только в конце 1680-х гг., в период жесткой религиозной конфронтации, когда всё более широкое распространение в верховых городках старообрядчества обернулось их серьезной «зачисткой», выполненной преимущественно силами самого Войска Донского. Но едва ли последняя могла долговременно сказываться на восходящей количественной динамике всего донского казачества.

Существуют различные оценки демографического потенциала казачьего Дона в начале XVIII в. При этом исследователи нередко не указывают – идет ли речь о Войске Донском или обо всем населении казачьего социума, что еще более запутывает изучение данного вопроса. В диапазоне 27–29 тыс. человек определяли численность донских казаков А.М. Савельев [14], В.И. Лебедев [15], Н.С. Чаев и К.М. Бибикова [16], А.М. Пронштейн [17]. По мнению А.П. Скорика, Р.Г. Тикиджьяна и В.П. Трута, данная цифра превышала 40 тыс. человек [18]. Еще большее число называет И.В. Лебедев, пересмотревший во втором переиздании своей монографии сделанную ранее оценку и утверждавший, что в начале XVIII в. на Дону проживало порядка 60 тыс. человек [19].

Размер статьи не позволяет уделить много места конкретным расчетам. Отметим только, что учет всех факторов миграционной и естественной динамики казачьего социума Дона конца XVII – начала XVIII вв. позволяет в первом приближении оценить численность служилых казаков накануне Булавинского восстания в 20–25 тыс. человек, а всё население казачьего социума в 55–70 тысяч.

Оценки демографических потерь донского казачества в 1707–1708 гг. варьируют в очень широком диапазоне (от 7 тыс. [20] до 37 тыс. человек [21]). А широкое участие в восстании запорожцев, крестьян, разнообразного беглого люда еще более осложняет расчет потерь непосредственно донского казачьего социума. При этом крайне противоречивой является информация о потерях восставших в крупнейших сражениях и жертвах

карательных операций. Спорной является и оценка численности казаков, покинувших Дон в это время.

В такой ситуации основная исследовательская задача – не определение точной цифры убыли казачества, но более-менее корректная фиксация общего ее порядка. Сравнительный анализ сохранившейся количественной информации позволяет сделать вывод, что наиболее вероятной величиной боевых потерь восставших является 10–12 тыс. человек [22], из которых 5–6 тыс. пришлось непосредственно на донских казаков. Порядка 2–3 тыс. «новопоказавшихся» и беглых высрал с верхнего Дона Ю.В. Долгорукий [23; 24]. Некоторое число (от нескольких сотен до 1–2 тыс.) казаков было уничтожено в результате карательных акций, а также погибло, сражаясь на стороне правительственных войск. Наконец, крупная группа казачьего населения ушла на Кубань с И. Некрасовым. Относительно ее численности называются цифры в диапазоне от 2 тыс. (500–600 семей) до 40 тыс. человек [25]. Наиболее взвешенной представляется оценка в 8 тыс. человек, в т. ч. 2–2,5 тыс. взрослых казаков.

В общей сложности Войско Донское в 1707–1708 гг. могло лишиться порядка 10–13 тыс. человек. «Гражданские» демографические потери донского социума могли составить несколько тысяч человек, а с учетом членов семей некрасовцев достигали или превышали 10 тысяч. Тем самым, если служилое казачество Дона потеряло около половины или более своей численности, то женское и детское население сократилось примерно на $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$. Общие демографические потери казачьего социума могли достигать 35–40 %. При этом убыль населения существенно различалась по отдельным территориям Дона. Максимальными оказались демографические потери его верховых ареалов (по Медведице, Хопру, Бузулуку и др.), которые могли утратить $\frac{2}{3}$ – $\frac{3}{4}$ и более своего населения.

Итак, народные движения XVII – начала XVIII в. являлись одним из серьезных факторов демографической динамики донского казачества. Жизнь казачьего социума, связанная с активной набеговой практикой и участием во множественных военных конфликтах, всегда отличалась повышенными потерями, определявшими пульсирующую численность донских казаков.

Вместе с тем в рассматриваемое столетие в их динамике обнаруживаются 25–30-летние периоды известной количественной стабильности, разделенные короткими (длиной в 5–10 лет) интервалами повышенной демографической изменчивости и, как правило, значительных потерь.

Первый из таких «разрывов» поступательности был связан с русской Смутой. Причем наиболее ощутимые потери донского казачества могли относиться к ее этапам, не связанным с восстанием И. Болотникова.

Второй пришелся на 1637–1641 гг. (годы Азовского сидения), зато третий и четвертый напрямую сопрягались с повстанческими движениями С. Разина и К. Булавина. Особенно чувствительным для демографии казачьего социума оказались последствия булавинского восстания, во время которого Дон мог лишиться до 40 % своего казачьего населения.

Примечания

1. История донского казачества. Ростов н/Д, 2008. С. 28.
2. Королев В.Н. Казаки донские // Энциклопедия культур юга России. Ростов н/Д, 2005. Т. 1. С. 115.
3. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. Смута. М., 1988. С. 220.
4. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 143.
5. Мининков Н.А. Указ. соч. С. 84.
6. История донского казачества. С. 29–30.
7. Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990.
8. Тюменцев И.О. Начальный этап восстания И.И. Болотникова и вольное казачество // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д, 2008. С. 48–49.
9. Станиславский А.Л. Движение И.М. Заруцкого и социально-политическая борьба в России 1612–1613 гг. // Исторические записки. М., 1983. № 109. С. 312.
10. Мининков Н.А. Указ. соч. С. 89.
11. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. М., 1954. С. 162–237.
12. Описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1872. Т. 2. С. 441.
13. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д, 1961. С. 71.
14. Савельев А.М. Трехсотлетие Войска Донского. 1570–1870. Очерки из истории донских казаков. СПб., 1870. С. 57.
15. Лебедев В.И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 26.
16. Чаев Н.С., Бибилова К.М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Булавинское восстание: сб. документов. М., 1935. С. 11.
17. Пронштейн А.П. Указ. соч. С. 71.
18. Скорик А.П. и др. Казачий Дон. Очерки истории. Часть I. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st003.shtml>
19. Лебедев В.И. Булавинское восстание. М., 1969. С. 16.
20. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времен до конца XIX века. Ростов н/Д, 1990. С. 408.
21. Половиненко Г.Г. Бунтівний Булавін. Луганск, 2007. С. 37.
22. Шкваров А.Г. Казачество эпохи Петра Великого. СПб., 2012. С. 243.
23. Лебедев В.И. Указ. соч. С. 22.
24. Шкваров А.Г. Указ. соч. С. 243.
25. Казачий словарь-справочник (в 3-х т.). Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 97.

Раздел 2

СПЕЦИФИКА УЧАСТИЯ КАЗАЧЕСТВА РОССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ XVIII – НАЧАЛА XIX вв.

В.С. Великанов	73
П.А. Аваков	80
Д.В. Сень.....	89
Е.М. Белецкая.....	98
А.В. Броварь, И.Е. Татаринов	108
С.Г. Воскобойников, Т.В. Щукина	116
А.В. Захаревич	122
Н.С. Степаненко	127

Несостоявшийся поход М.Г. Ромодановского в 1703 г. (меры российского правительства по поддержке И.С. Мазепы в его конфликте с казаками С.И. Самуся и запорожцами)

В истории Великой Северной войны 1700–1721 гг. имеется множество малоизвестных эпизодов, которые хоть и не оказали существенного влияния на общий ход войны, но информация о них существенно дополняет и расширяет наши знания о событиях этой войны и обстоятельствах, в которых принимались те или иные судьбоносные решения. Одной из таких неизвестных страниц является планировавшаяся отправка войск М.Г. Ромодановского на Украину в 1703 году.

Поводом для сбора российских войск стали многочисленные просьбы малороссийского гетмана И.С. Мазепы, с которыми он неоднократно, начиная с февраля 1703 г., обращался к российскому правительству. В своих письмах в Москву он сообщал, что им получены достоверные сведения о планах шведского короля Карла XII перенести в 1703 г. боевые действия в южную Польшу, а также о готовности поляков поддержать его в случае, если он поможет им подавить восстание С. Палия и С.И. Самуся и возвратит полякам контроль над Правобережной Украиной. И якобы именно для этого возможного совместного наступления в Подолии были сосредоточены крупные силы коронной армии и посполитного рушения под командованием польного гетмана Адама Сенявского. У российского правительства не было оснований не доверять этим сообщениям гетмана. Король Август не имел широкой поддержки среди поляков, и как только шведская армия летом 1702 г. пересекла польскую границу, к шведскому королю Карлу XII начали приезжать отдельные польские вельможи и делегации от шляхты отдельных воеводств для того, чтобы сообщить о своем отказе поддерживать законного польского короля Августа в его войне со Швецией. Особенно эти настроения усилились после неудачного для польско-саксонской армии сражения при Клишове 19 июля 1702 года. Однако в действительности ни о каких сепаратных переговорах со шведами о наступлении на Украине речь на тот момент не шла, и польские войска были собраны исключительно для борьбы с казацким восстанием на Правобережной Украине. Необходимо заметить, что обе стороны: казаки во главе с Самусем и Палием, а также польские власти, – обращались за помощью к царскому

правительству (в частности, казаки просили принять их в российское подданство и объединить Правобережную и Левобережную Украину под властью гетмана Мазепы), и оно в этом конфликте в конце 1702 г. решило поддержать своего официального союзника – польского короля Августа. Мазепа также отказался поддержать восставших казаков, вероятно опасаясь, что казачьи волнения перекинутся и на Левобережную Украину.

Еще одним фактором нестабильности на Украине были запорожские казаки. Поводом для конфликта с ними (кроме отказа поддержать правобережных казаков) было строительство российскими властями начиная с 1701 г. новой крепости Каменный Затон в районе т. н. Никитинской переправы (порогов, находившихся в районе современных Никополя и Каменки-Днепровской). Запорожские казаки считали эту территорию исконно своей и опасались, что появление данного форпоста позволит российскому правительству контролировать ситуацию в самой Запорожской Сечи (на тот момент она находилась всего на несколько десятков километров ниже новой крепости по течению Днепра, на острове Чертомлык, в районе современного села Капуловка, недалеко от Никополя).

Таким образом, весной 1703 г. на Украине имелся целый ряд угроз, для нивелирования которых Мазепе необходима была внешняя помощь в виде российских войск. Петр I отреагировал на просьбу гетмана достаточно оперативно, и уже 20 (9) марта 1703 г. последовал царский указ об отправке на Украину «для береженья богоспасаемого града Киева и Каменного Затона и великороссийских и малороссийских и украинных городов от приходу неприятельских воинских людей» белгородских ратных людей князя Михаила Григорьевича Ромодановского и севчан севского воеводы Семена Протасьевича Неплюева [1]. Первоначально в состав войск Ромодановского должны были войти около 11,5 тыс. чел.: 4,5 тыс. московских чинов и городских дворян и детей боярских, 4 тыс. слободских казаков и 3 солдатских полка (Севский новоприборный солдатский полк и два полка, набранных в начале 1703 г. Военным приказом из вольницы). Вместе с Ромодановским должен был действовать корпус Неплюева, который должен был насчитывать около 4 тыс. чел.: 464 представителя московских чинов и городских дворян сотенной службы, 447 севских полковых казаков, 1879 копейщиков и рейтар, сведенных в два полка, Якова Вечеслова и Григория Веревкина, и 1261 севского солдата (полк Никиты Кунингама) [2]. Таким образом, всего планировалось собрать около 15,5 тыс. человек, которые должны были явиться на службу не позднее 20 (9) мая 1703 г. Позднее, летом 1703 г., в состав корпуса были дополнительно включены еще 7 тысячных солдатских полков, 5 – набранные Разрядом в южных городах и еще 2 – из набора Военного приказа [3].

Необходимо отметить, что под командой Ромодановского и Неплюева практически не было опытных и боеспособных подразделений, и большую часть их войск составляли либо местные территориальные милиционные части, либо свеженабранные и слабоподготовленные солдатские полки. На службу в корпус Ромодановского были назначены те московские чины, которые не были на службе в Ингрии под командованием Б.П. Шереметева и Апраксина в 1702 и 1703 гг., а также городовые дворяне и дети боярские сотенной службы «замосковных, резанских, украинских, заочских городов» [4]. По мере явки на службу их распределяли по ротам по 80–100 чел., в каждой из которых были назначены выборные ротмистр, поручик и хорунжий. Всего было создано 44 роты: 9 рот стольников, 8 – стряпчих, 2 – московских дворян, 20 – жильцов, 5 – городских дворян [5]. При этом наиболее родовитые и знатные дворяне составили личную свиту Ромодановского, которая состояла из 2 обозничих, имевших придворные чины стольников, 4 сторожавцев (по 2 стольника и стряпчих), заимщика (стольник) и нескольких десятков завоеводчиков и адъютантов [6]. Из четырех тысяч назначенных на службу слободских казаков планировалось выбрать 500 человек, из которых должны были сформировать вербованный «купанейский» конный полк, который нес бы постоянную службу. Севский солдатский полк был сформирован в 1696 г. из комарицких и крупецких крестьян и содержался за счет местных доходов. В 1703 г. им командовал полковник Петр Гассениус. Четыре полка Военного приказа (два, назначенные на службу в марте, и два, добавленные летом) были сформированы лишь весной 1703 г. и были еще плохо оснащены и обучены. Ими командовали стольники и полковники Иван Меркулович Канищев (Конищев), Семен и Иван Федоровичи Нелидовы и полковник Ефим (Иоаким) Гулиц [7]. Полки, набранные Разрядом, также были сформированы весной 1703 г. из служилых людей «Белгородцкого и Севского полку и которые ведомы адмиралтейских дел в городах» [8]. Всего на службу было набрано около 5,2 тыс. человек, которые были расписаны на 5 тысячных полков, которыми летом 1703 г. командовали стольники и полковники Иван Емельянович Спешнев, Михайло Юрьевич Кобелев, Борис Миронович Батурин и Семен Норов (пятый полк временно не имел полкового командира) [9]. Эти полки находились в ведении не центрального Военного приказа, а местных белгородских властей и содержались за счет местных доходов. Во всех солдатских полках не хватало подготовленных командных кадров, поэтому была распространена практика назначения на офицерские должности младших по званию офицеров (например, ротами командовали поручики вместо капитанов, а должности прапорщиков могли замещать сержанты).

В реальности численность собранных войск, а также сроки их сбора, серьезно отличались от предписанных царским указом. К назначенной дате в наличии было всего около 6,5 тыс. ратных людей, в основном севчан. Петр I в своем письме Мазепе от 16 (5) мая сообщал, что в готовности к походу в Севске под командой С.П. Неплюева находятся «Севского полку конным московских чинов, и полковой сотенной службы, и копейщиком, и рейтаром, и казаком, и черкасом, и трубачем 4255 чел., пешим 155, да по наряду ис Приказа Военных дел салдатом 2212 чел. (здесь и далее в цитатах орфография и синтаксис источников сохранены. – В.В.)» [10]. Неплюеву было предписано действовать вместе с Мазепой «по вестям», т. е. только в случае, если подтвердятся известия о нападении на Малороссию со стороны мятежных казаков, либо поляков и крымских татар. Приезды на службу остальных ратных людей продолжались весь май и всё лето. Вместо четырех тысяч слободских казаков на службу явилось 3780 человек: Сумского полка полковника Андрея Герасимовича Кондратьева – 1380 чел., Ахтырского полка полковника Даниила Ивановича Пересветова – 950 чел., Харьковского стольника и полковника Федора Григорьевича Донца – 850 чел., Изюмского стольника и полковника Федора Володимировича Шилова – 250 чел., Острогжского полковника Федора Ивановича Куполева – 350 чел. [11]. Отдельного вербованного (кумпанейского) полка из слободчан было решено не набирать.

Между тем опасения Мазепы о «шатостях» запорожцев не были напрасными. 25 мая запорожцы напали в урочище между реками Янчакрак и Карачакрак на стрелецкий полк Алексея Чичагова, который направлялся с казной и припасами в Каменный Затон. Стрельцам удалось отбиться в обозе, но казаки «многих стрельцов перекололи и переранили» и смогли отогнать 78 лошадей [12]. Белгородский воевода князь Иван Михайлович Кольцов-Моссальский был вынужден спешно отправить на помощь чугуевских казаков, которые выручили стрельцов Чичагова из осады, и сопроводили их до Каменного Затона. На этом проблемы с запорожцами не прекратились. 8 июня воевода Данило Шеншин писал из Каменного Затона, что им получены сведения о том, что они планируют «совокупясь с ордой» «итти войной» на Левобережную Украину [13].

Эти события тревожили Мазепу. 22 июня 1703 г. к царю прибыл гетманский посланец, глуховский сотник Алексей Туровской, с письмом, в котором, в числе прочего, гетман в очередной раз предупреждал о «шатости» запорожцев и их связях с Палием и Самусем, в связи с чем предлагал полностью запретить любую торговлю и поездки в Запорожскую Сечь, а также просил прислать войска для взятия занятого запорожцами Кодака [14]. Однако царское правительство решило уклониться от прямого конфликта

с запорожцами и воздержалось от посылки войск М.Г. Ромодановского на Украину. Гетману было лишь обещано, что те солдатские полки, которые находились под командой М.Г. Ромодановского осенью 1703 г., будут размещены «на зимовые становища в ближних где местах от Запорожья», которые определит сам гетман. При этом гетманские власти должны были лишь взять на себя обеспечение солдатских полков хлебом и мукой, а все остальные расходы на их содержание будут осуществляться за счет царской казны [15].

Войска Ромодановского и Неплюева всё лето простояли в Севске и Путивле. Убедившись, что прямая угроза Украине миновала, царское правительство приняло в конце августа решение отпустить со службы по домам всех слободских казаков. А 6 сентября (26 августа) было решено перебросить 6 солдатских полков из корпуса Ромодановского под командованием его товарища Афанасия Михайловича Дмитриева-Мамонова к Смоленску и разместить их вдоль литовской границы [16]. В состав этого корпуса первоначально вошли 2 солдатских полка Военного приказа (Семена и Ивана Нелидовых) и 4 полка Разрядного приказа. Но уже 22 ноября Дмитриев-Мамонов получил указ отправить «разрядные» полки обратно Ромодановскому, а вместо них к нему должны были прибыть 2 оставшихся полка Военного приказа (Гулица и Канищева). При этом перед отправкой Дмитриев-Мамонов должен был выбрать из четырех уходящих полков «лутчей полк добрых и человечных салдат и учинить в том полку тысячу человек» [17], командование которым было поручено стольнику и полковнику Михайло Юрьевичу Кобелеву. Оставшиеся солдаты из «разрядных полков» вернулись к Ромодановскому, где из них вновь собрали 3 полка (всего, с учетом одного оставшегося, у Ромодановского осенью 1703 г. оставалось 4 солдатских полка, набранных Разрядом). Отряд Дмитриева-Мамонова расположился в октябре 1703 г. на зимние квартиры («станцеи») вдоль литовской границы в окрестностях Смоленска. По состоянию на 23 февраля 1704 г. в «выборном» полку Кобелева насчитывалось 884 человека: полковник Кобелев, подполковник Иван Иванович Сутенин, майор Михайло Бибииков, 4 капитана, 5 «поручиков вместо капитанов», 1 поручик, 7 прапорщиков «вместо поручиков», 9 прапорщиков и 855 урядников и рядовых. В полку также имелось 2 трехфунтовые полковые пушки («станки и колеса окаваны железом») и 10 знамен (одно желтое и девять – зеленых). В полку Ефима Гулица было 919 урядников и рядовых, умерло 56, бежало 50 человек. В полку Семена Нелидова насчитывалось 24 офицера (кроме самого Нелидова также подполковник Гаврило Никитич Репьев, майор Андрей Алексеевич Гнедышев, 11 капитанов, 10 подпоручиков и полковой квартирмейстер) и 826 урядников и рядовых (11 ротных

писарей, 22 сержанта, 33 капрала, 760 рядовых). В полку Василия Данилова (назначенного на место умершего в октябре 1703 г. Ивана Нелидова) «налицо» было 32 офицера (кроме самого полковника, также подполковник Артемий Прищевский, майор Семен Даронтьевич Бренев, 4 капитана, один «поручик вместо капитана», 11 поручиков, 8 прапорщиков, полковой адъютант, 2 сержанта «вместо прапорщика», полковой писарь и полковой каптенармус), 88 урядников (24 сержанта, 11 ротных каптенармусов, 10 подпрапорщиков, 10 ротных писарей, 33 капрала) и 833 рядовых. В полку Канищева общая численность личного состава не указана [18].

В конце октября Ромодановский неожиданно получил царский указ выдвинуться с оставшимися под его командованием ратными людьми из Севска, поближе к Гетманщине, в Сумы и Ахтырку, для демонстрации поддержки И. Мазепы («для страхания лехкомышленных запорожцов и полках украинских зломыслящих недоброхотов») [19].

Ромодановский выступил из Севска 15 (4) ноября и прибыл в Сумы 1 декабря (20 ноября). Уже 16 (5) декабря им был получен новый указ об отпуске со службы поместной конницы, а 4 января (24 декабря) – указ о размещении оставшихся под его командой солдатских полков на зимние квартиры. При этом вопреки обещанию, данному летом И.С. Мазепе, солдат разместили по квартирам не на Гетманщине, а на территории Ахтырского и Сумского слободских полков, подведомственных белгородскому воеводе. Один солдатский полк разместился в Ахтырке (полк Семёна Норова), и по одному в Сумах, Валках и Змиеве [20]. Вероятно, это было сделано для того, чтобы не обременять малороссийских жителей расходами на постой войск.

На этом фактически закончилась служба корпуса М.Г. Ромодановского в 1703 году. Поход «для береженья богоспасаемого града Киева» так и не состоялся, тем не менее сам факт сбора значительной группировки войск показывает, какое внимание российское правительство уделяло угрозам, возникавшим для Гетманщины как со стороны палиевцев и «шатких» запорожцев, так и со стороны поляков.

Примечания

1. Северная война 1700–1721 гг.: сб. докл. Т. 1 (1700–09). М., 2009. С. 161.
2. Рабинович М.Д. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования русской регулярной армии в начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 392–393.
3. Северная война 1700–1721 гг. С. 162.
4. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. II: с 1676 по 1688 г. / предисловие Министра юсти-

ции РФ А.В. Коновалова. СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2012. С. 240.

5. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 5. № 76. Л. 91–107.

6. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. № 76. Л. 98 об.

7. Автократов В.Н. Военный приказ (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.) // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 234.

8. Северная война 1700–1721 гг. С. 162.

9. Автократов В.Н. Военный приказ ... С. 234.

10. Гетман Иван Мазепа: Документы из архивных собраний Санкт-Петербурга (сост. Т.Г. Таирова-Яковлева). Вып. 1 (1687–1705 гг.). СПб., 2007. С. 40.

11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. № 76. Л. 371.

12. Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг.: сб. докл. СПб., 2014. С. 58–59.

13. Там же. С. 56.

14. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702–03). СПб., 1889. С. 193–195.

15. Там же. С. 200.

16. Северная война 1700–1721 гг. С. 162.

17. Там же. С. 179.

18. РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1704. № 31. Л. 2–29 (Структура и полнота представленных в отчете данных отличается по полкам. – В.В.).

19. Северная война 1700–1721 гг. С. 163.

20. Там же. С. 181–182.

Черкасск и Булавинское восстание в 1708 г. (нехрестоматийная хроника)

Еще четверть века назад восстание донских казаков под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина 1707–1709 гг. относилось к числу приоритетных проблем отечественной исторической науки. С прекращением диктата марксистского учения о классовой борьбе интерес историков к массовым народным движениям «эпохи феодализма» заметно снизился, следствием чего стало резкое сокращение исследований по этой тематике.

Несмотря на серьезные достижения советской историографии, создающие иллюзию всесторонней и доскональной изученности Булавинского восстания, многие его аспекты по-прежнему требуют самостоятельного исследования. К числу таковых принадлежит и одно из ключевых событий этого движения – взятие булавинцами Черкасска в апреле 1708 г., которое позволило повстанческому атаману возглавить Войско Донское. Хотя данный сюжет неизменно присутствует во всех работах, освещающих историю восстания [1], специальному изучению он еще не подвергался. Более того, в отечественной историографии XVIII–XX вв. суть этого события трактуется диаметрально противоположно, зачастую кратко и даже схематично. Не вполне ясна и политическая программа, которую К.А. Булавин пытался реализовать, будучи войсковым атаманом. Если вслед за Е.П. Подъяпольской и В.И. Лебедевым рассматривать его попытку нормализовать отношения с центральной властью и региональными администраторами всего лишь как увертку [2], то каковы тогда были истинные намерения атамана? Пытался ли он выиграть время для получения военной помощи от ногайской Кубанской орды, запорожского и кубанского казачества, или надеялся избежать неминуемого возмездия, убедив правительство в полной лояльности Войска Донского, как считали А.П. Пронштейн и Н.А. Мининков [3]? Как согласуется стремление булавинцев «удержать реку и жить по-прежнему» [4] с их наступлением на Саратов, Царицын, городки слободского Изюмского полка и крепости Изюмской черты, действиями против слободского Сумского полка и других правительственных войск, находившихся за пределами земли Войска Донского? Только ли «усилением классовой борьбы» после взятия К.А. Булавиным Черкасска был обусловлен «развал того “общего согласия” казачества», которое сложилось к маю 1708 г. [5], как полагал Н.С. Чаев, и существо-

вало ли это согласие в действительности? И если К.А. Булавин уже во второй декаде мая 1708 г. осознал беспроспективность продолжения борьбы с правительством и начал подготовку бегства в Прикубанье [6], то зачем ему понадобилось «распылить» свои силы и отправлять большую часть восставших на периферию, а самому оставаться в Черкасске с небольшим отрядом [7], вместо того, чтобы начать организацию массовой эвакуации? Не имели ли эти действия атамана тайных мотивов, связанных с желанием устранить трудноконтролируемые массы повстанцев и их авторитетных предводителей (С.А. Драного, И.Ф. Некрасова и др.) чужими руками, чтобы обеспечить себе безусловное лидерство и эмигрировать в более комфортном окружении? Ответы на эти и многие другие спорные вопросы истории Булавинского восстания ученым еще предстоит получить. Мы же рассмотрим события, происходившие в Черкасске со времени начала его осады К.А. Булавиным до момента смерти атамана, в контексте их влияния на общий ход востания. Составление максимально полной картины положения дел в войсковой столице поможет глубже понять непростую ситуацию, сложившуюся в окружении мятежного атамана и повлиявшую на его дальнейшую судьбу.

Как известно, отправной точкой для начала восстания в октябре 1707 г. стало убийство восставшими казаками во главе с К.А. Булавиным полковника князя Юрия Владимировича Долгорукого и членов его отряда, проводивших по указу царя сыск беглых русских людей в донских городках на р. Северский Донец [8]. По некоторым сведениям, К.А. Булавин совершил эту расправу по заданию войскового атамана Лукьяна Максимова и старшины, которые надеялись таким образом ослабить вмешательство правительства в донские дела [9].

Новая вспышка Булавинского восстания произошла в начале апреля 1708 г. Петр I принял срочные меры к его подавлению и направил на Дон карательное войско под командованием лейб-гвардии майора князя Василия Владимировича Долгорукого, брата убитого полковника. К тому времени борьба между сторонниками К.А. Булавина (среди которых были не только казаки, но и «новопришлые люди») и Войском Донским достигла предельного накала. Разбив 9 апреля 1708 г. под Голубинским городком возглавляемое Л.М. Максимовым походное казачье войско, булавинцы беспрепятственно двинулись к Черкасску для «истребления старшин» за то, что они «продали реку» и «живут с ними неправдою» [10].

Черкасск с конца XVII в. состоял из одиннадцати станиц. Шесть из них находились на Черкасском острове и были объединены общей наружной оградой: это две Черкасские станицы – Первая и Вторая, а также Средняя, Павловская, Прибылянская и Дурновская станицы. Рядом на Рыков-

ском острове, отделенном от Черкасского острова узкой Скородумовской протокой, обособленно располагались остальные пять городских станиц: Скородумовская, Тютюревская, и три Рыковских – Верхняя, Средняя (или Старая) и Нижняя (или Новая) станицы. Некоторые историки называют станицей селение «базовых» татар в городском предместье [11]. Фортификационные сооружения Черкаска были усовершенствованы после грандиозного пожара 1687 г., уничтожившего город почти полностью. В 1688 г. казаки обвели находившиеся на Черкасском острове станицы двойной дубовой стеной высотой в две сажени, потом построили новые башни и бастионы. По сведениям на июль 1708 г., войсковая столица имела на вооружении 44 артиллерийских орудия, из них 29 пушек и 7 мортир обороняли городские станицы Черкасского острова [12].

Ожидая нападения булавинцев, в городе спешно подготовились к осаде: перед крепостной стеной был установлен частокол, а к пушкам на раскатах войсковой атаман определил десятерых пушкарей, присланных по его просьбе из Азова, так как своим он уже не доверял. 27 апреля (по др. данным – 26 апреля. – П.А.) К.А. Булавин с повстанческим войском подошел к Черкасску и разбил лагерь на Васильевских буграх, в трех верстах выше города. Костяк его войска составляла конница, пехота шла по Дону на судах. По различным данным, силы восставших насчитывали от четырех до семи – восьми тысяч человек [13]. Некоторые свидетели событий сообщают, что их численность достигала 15–20 тысяч человек [14], но это явное преувеличение. Характерно, что повстанческое военное формирование, являвшееся в соответствии с нормами войскового права «воровским собранием», К.А. Булавин называл в своих «прелестных» письмах «съездным Войском Донским» или «походным войском», а себя – «войсковым походным атаманом» [15]. То есть, вслед за Степаном Разиным, он создал на Дону параллельную войсковую организацию, что привело к повторению ситуации двоевластия [16]. 28 апреля восставшие, соорудив мост на бударах, переправили свою конницу через речку Васильеву, а по Дону пустили «судовую силу», и вскоре окружили Черкасский остров [17]. Его осада продолжалась всего четверо суток. Но войсковая столица, неоднократно выдерживавшая в прошлом длительные осады и нападения турок и татар, не была взята штурмом – она пала, став жертвой малодушия, предательства и вероломного коварства. Булавинцы осуществили захват города в «лучших» традициях террористов. Произошло это следующим образом.

Еще по дороге к Черкасску К.А. Булавин получил челобитную от атаманов трех Рыковских, Скородумовской и Тютюревской станиц с просьбой во время приступа к городу не атаковать их станицы. Они предупредили,

что будут стрелять по булавицам «пыжами из мелкого ружья», и призвали их действовать точно так же [18]. То есть, население пяти городских станиц в количестве более тысячи человек смалодушничили, и чтобы обезопасить себя, решили сдаться без боя, изображая сопротивление лишь для того, чтобы их не заподозрили в солидарности с бунтовщиками. 28 апреля К.А. Булавин первым делом подошел именно к этим станицам, находящимся на Рыковском острове, «и была у него, вора, с станичными казаками пересылка» [19]. После недолгих переговоров казаки впустили булавицев в свои станицы «и к ево воровству склонились». Бунтовщики вошли в ближайшую к Черкасскому острову Скородумовскую станицу по мосту, переброшенному, вероятно, через Танькин ерик. Пытаясь выбить их оттуда, защитники Черкаска целый день обстреливали станицу из пушек и ружей и бомбили ее из мортир.

30 апреля по мосту через Скородумовскую протоку к Черкасску подошли парламентареры и передали войсковому атаману просьбу прислать в станицу для переговоров с К.А. Булавиным двух авторитетных старшин – братьев Василия Позднеева-старшего и Василия Позднеева-младшего, своих тайных союзников. Л.М. Максимов удовлетворил эту просьбу и вместе с братьями Позднеевыми послал в Скородумовскую старшин Матвея Можара (Матвеева) и Тимофея Соколова. Вечером, когда переговоры закончились, К.А. Булавин отпустил в Черкасск только М.М. Можара с Т. Соколовым, объявив Войску, что Позднеевы останутся у него в заложниках, пока черкасцы не выдадут ему войскового атамана и приближенных к нему четырех старшин: Ефрема Петрова, Никиту Соломату, Абросима Савельева и Ивана Машлыкина. В противном случае, лидер бунтовщиков грозился пойти ночью на приступ города. И хотя Войско ответило, что оно готово отразить нападение и не выдаст старшин, у части населения Черкаска был совсем другой настрой. Жители ближайших к занятому булавицами Рыковскому острову Дурновской и Прибылянской станиц «говорили всенародно, чтоб им за старшин не стоять, и к тому воровству склонились» [20]. Старшина Леонтий Позднеев также призывал «за тех стариков не стоять», так как «братьев ево в воровском Булавина обозе за них задержали» [21]. В ночь на 31 апреля казаки Дурновской и Прибылянской станиц, предав интересы Войска, перешли на сторону восставших и под руководством старшин Ильи Зернщикова (Григорьева) и Леонтия Позднеева арестовали атамана и старшин. На следующий день их передали товарищу К.А. Булавина Игнату Некрасову, после чего заложники были отпущены восояси [22]. Это был первый в истории донского казачества случай незаконного насильственного свержения действующего войскового атамана, смена которого в соответствии с нормами войскового

права являлась прерогативой исключительно Войскового круга. Данное событие не могло не деморализовать население Черкаска. Между черкасскими старшинами и К.А. Булавиным начались переговоры, на которых, вероятно, оговаривались условия сдачи города. 1 мая восставшие без сопротивления заняли войсковую столицу и расставили на всех постах свои караулы. Однако сам К.А. Булавин не вошел в Черкасск из соображений безопасности и остался в своем лагере на Васильевских буграх [23].

Попав в руки бунтовщиков, атаман Л.М. Максимов и его товарищи подверглись издевательствам и пыткам – их избивали плетьюми, чтобы вынудить отдать свои деньги и пожитки. К.А. Булавин присвоил себе их имущество – в течение двух дней его вывозили к нему из Черкаска на караване более чем из десятка лошадей. В городе начались репрессии против тех, кто оставались верными царю и не примкнули к восставшим. Так, пятерых казаков из других городков казнили только за то, что они назвали предводителя восставших изменником и отказались примкнуть к нему. 6 мая в «воровском кругу» близ Скородумовской станицы К.А. Булавин и его сообщники приговорили войскового атамана и пятерых старшин (пятым был Николай Иванов) к смертной казни «за их к ним войсковые обиды» [24]. Тогда же они сместили с должностей войсковых есаулов и разослали их по другим городкам «вместо ссылки». Л.М. Максимов и старшины были незамедлительно отведены на Васильевские бугры и там обезглавлены. Руководил казнью И. Некрасов, а К.А. Булавин на ней не присутствовал – он находился в гостях у брата Ивана в Рыковской станице [25]. Так Войско Донское лишилось своих легитимных руководителей и на некоторое время оказалось «обезглавленным». Но это продолжалось недолго. 9 мая Войсковой круг избрал К.А. Булавина войсковым атаманом. Ему удалось сделать то, что не смог осуществить в свое время С.Т. Разин: интегрировать «незаконную» повстанческую организацию в официальную структуру Войска, слить их воедино. Тем самым победа восставших на Дону была оформлена в соответствии с нормами войскового права. Тот же самый круг избрал на другие административные посты старшин, которые с самого начала восстания вели «двойную игру»: И.Г. Зерщикова, Т. Соколова, С. Ананьина. Они уже предали из своекорыстных расчетов Л.М. Максимова, а теперь, войдя в контакт с губернатором Азова Иваном Андреевичем Толстым, держали его в курсе всех событий, происходивших в Черкаске [26].

Не доверяя прежней войсковой элите, новоиспеченный атаман выслал из города десяток старшин, а еще двадцать человек бросил в тюрьму. Многих черкасских казаков К.А. Булавин ссылал в «верховые городки» целыми семьями, другие сами бежали в Азов и Троицкий, не желая быть сообщниками бунтовщиков и спасаясь от их репрессий. Начался отток из Черкаска

«верховых казаков» и бурлаков, опасавшихся царского возмездия в лице наступавших правительственных войск. Преданными сторонниками повстанческого лидера оставались рыковские казаки [27]. Почти сразу после избрания К.А. Булавина на пост войскового атамана казаки пяти станиц Черкасского острова составили против него заговор. Число заговорщиков доходило до 500 человек. Среди них были и близкие к К.А. Булавину люди, в том числе его давние союзники И.Г. Зернщиков, В.Л. Позднеев-старший и Т. Соколов. Целью заговорщиков был захват и выдача атамана в Азов. Предпринятая 1 июня попытка схватить его по пути на хутор В.Л. Позднеева-старшего, где он обычно мылся в бане, закончилась провалом [28].

Несмотря на то, что К.А. Булавин присвоил себе курень бывшего атамана, он не проживал в нем постоянно и периодически переезжал с места на место, останавливаясь то на Васильевских буграх, то на Черкасском острове, то на Рыковском. Он явно чувствовал себя неуютно в Черкасске, где не имел авторитета и значительной поддержки. Упрочнению его позиций не могла способствовать и такая популистская мера, как конфискация 20 000 руб., собранных для строительства каменного войскового собора, и раздача их «войску своему» в качестве жалованья. Черкасские казаки были обделены этим жалованьем. В то же время «голутьба» требовала от атамана на войсковых кругах более активных действий, предлагая «черкасских природных казаков всех побить и пожитки их разграбить» [29]. В одном из Войсковых кругов казаки «верховых» городков выразили К.А. Булавину недоверие. Они заявили ему, что он «много говорит, а с повинною к великому государю не посылает; не всех... их он... перекует, и ныне... их в согласии много, могут ево, Булавина, и в кругу поймать» [30]. После этого атаман, опасаясь заговора, арестовал этих казаков с их единомышленниками, и усилил свою охрану до 50 человек. Тогда же он под страхом смертной казни запретил говорить в городе не только о необходимости повиниться перед царем, но даже упоминать его имя [31]. Судя по всему, власть К.А. Булавина не только над всем Войском Донским, но даже над повстанческими группировками, возглавляемыми его сподвижниками, имела эфемерный характер. Вероятно, произошедшие в июне разгром слободского Сумского полка походным войском атамана Семёна Драного и разорение Мигулинского монастыря отрядом атамана Донецкой станицы Микулы Колычева не были санкционированы войсковым лидером. Не случайно верноподданный казак Василий Фролов и его товарищи уверяли князя В.В. Долгорукого, что «Булавин был дурак, всё воровство и вся надежда была на Драного», и об этом «все казаки сказывают» [32].

Атаманство К.А. Булавина продлилось менее двух месяцев. 7 июля, на следующий день после разгрома повстанческого войска под Азовом,

он был убит в своем доме заговорщиками, а его немногочисленных сторонников (около 50 человек) арестовали. При этом массовую поддержку заговорщикам из Черкаска оказали рыковские казаки. В тот же день новым войсковым атаманом был избран участник заговора И.Г. Зернщиков. 27 июля к Черкасску подошел князь В.В. Долгорукий с полками. Несмотря на выражение казаками полной покорности, он повесил в городе сорок восемь человек, а остальных привел к присяге на верность царю. Затем князь, оставив в Черкасске Симбирский пехотный полк «для укрепления и чтоб впредь шатости не было», пошел вверх по Дону, проводя по пути массовые расправы с казаками [33]. Вместе с ним отправилось походное казачье войско во главе с атаманом И.Г. Зернщиковым. В дороге по распоряжению Петра I его арестовали и отправили в Москву для проведения следствия [34]. Это был первый за всю историю донского казачества случай низложения и ареста действующего войскового атамана по личному приказу царя. Новым атаманом стал лояльный казак турецкого происхождения Петр Рамазан (Емельянов, Турчанин) [35].

Полностью Булавинское восстание было подавлено лишь к концу 1708 г. Итогом его стало, прежде всего, массовое истребление карательными силами донского казачества и пополнивших его ряды беглых. Войско Донское потеряло часть своей территории, его автономия была значительно урезана, а власть самодержавия над ним усилилась [36].

Так трагически завершилась последняя попытка донского казачества отстоять свою суверенность. Состоявшаяся в Черкасске в 1709 г. казнь И.Г. Зернщикова [37] стала последним аккордом мощного антиправительственного движения, скрытые пружины которого всё еще нуждаются в дополнительном изучении с новых методологических позиций.

Примечания

1. Ригельман А.И. История о донских казаках. М., 1846. С. 89–90; Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 2. М., 1788. С. 437–438; Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Ростов н/Д, 2001. С. 403; Соловьев С.М. Рассказы по русской истории XVIII века // Он же. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 597–598; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1935. С. 42–43; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709 гг. М., 1962. С. 144–145; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 68; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 249; и др.

2. Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 147–149; Лебедев В.И. Указ. соч. С. 72–73.

3. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 257–258.
4. РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 483 об.
5. Чаев Н.С. Указ. соч. С. 44.
6. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1935. С. 258, 270; Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 127; Сень Д.В. Отношения донского казачества с Крымским ханством в начале XVIII в. // Україна крізь віки: зб. наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смолія. Київ, 2010. С. 543–552.
7. Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 150–154; Лебедев В.И. Указ. соч. С. 71.
8. Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 72, 74, 121–129; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 224–228.
9. См.: Чаев Н.С. Указ. соч. С. 35–37; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 230–231.
10. Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 135–141, 143; Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России: сб. статей к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М., 1986. С. 69.
11. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). С. 322–323, 355; Сахаров П.П. Заселение Донского края в связи с условиями местного быта по печатным и рукописным материалам // Фонды Ростовского областного музея краеведения. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1/ 1–8. Л. 80; Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск, 2007. С. 207–208; Ригельман А.И. Указ. соч. С. 113; изобр. 18; Российский государственный исторический архив. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543. Л. 33.
12. Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 365–367; Сахаров П.П. Указ. соч. Л. 80; Крюйс К. Прилежное описание реки Дона, или Танаис, Азовскаго моря, или озера Меотскаго, Понта Эвксинскаго, или Черное море... // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собр. Д. 265. Л. 4; Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 233. Оп. 1. Д. 2. Л. 204; Витков З.А. Археологические раскопки на территории Даниловского бастиона в Старочеркасске // Историко-филологический сборник. Мурманск, 1959. С. 9–10; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 666–668 об.
13. Новое о восстании К. Булавина. С. 122, 125, 138; Булавинское восстание. С. 201–202, 230, 231, 233, 237, 238; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 493; Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПиБ). Т. 7. Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 649.
14. РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 493 об.; Булавинское восстание. С. 261.
15. Булавинское восстание. С. 450, 451, 452.
16. См.: Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 127–130, 133–135, 164; Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. М., 1994. С. 75–79.
17. Новое о восстании К. Булавина. С. 122, 125; Булавинское восстание. С. 237.
18. Булавинское восстание. С. 227.
19. Новое о восстании К. Булавина. С. 122–123, 125; Булавинское восстание. С. 231, 238, 304, 463; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 493–494.
20. Там же. С. 125.
21. Там же.

22. Новое о восстании К. Булавина. С. 122–123, 125; Булавинское восстание. С. 231, 238, 304, 463; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 493–494.
23. Булавинское восстание. С. 231, 238; Новое о восстании К. Булавина. С. 122, 123, 125; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 493 об.–494.
24. Новое о восстании К. Булавина. С. 122.
25. Булавинское восстание. С. 233, 237, 238–239, 260–261, 454, 457, 460, 463; Новое о восстании К. Булавина. С. 122, 123, 126; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 494.
26. Булавинское восстание. С. 238, 239, 309, 359–360; Новое о восстании К. Булавина. С. 127, 131; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13. Оп. 1. Св. 53. Л. 155 об., 224; Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 79–80, 145–146.
27. Булавинское восстание. С. 238, 239, 244–245, 252–253, 260, 266, 271; ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 838, 839–840; Новое о восстании К. Булавина. С. 129–130.
28. Новое о восстании К. Булавина. С. 129, 131; Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 145–146, 163–164.
29. Булавинское восстание. С. 239.
30. Новое о восстании К. Булавина. С. 129.
31. Булавинское восстание. С. 238, 239; Новое о восстании К. Булавина. С. 123, 129, 130; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 494.
32. Новое о восстании К. Булавина. С. 133; Булавинское восстание. С. 262, 267–269, 275, 278, 298; ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 676; Новые материалы о восстании на Дону и в Центральной России в 1707–1709 гг. // Материалы по истории СССР. Вып. 5. М., 1957. С. 519; Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 150–152.
33. Аваков П.А. Азовский поход булавинцев 1708 г. // Меншиковские чтения – 2015: Научный альманах. Вып. 6. СПб., 2015. С. 187–191; Булавинское восстание. С. 293, 296, 303–304, 308–309; Новые материалы о восстании... С. 524–527; Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 165–176; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 269–273.
34. ПиБ. Т. 8. Вып. 1. М., 1948. С. 37; Вып. 2. М., 1951. С. 470, 828; Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2378. Л. 1–1 об.; Новые материалы о восстании... С. 531, 532.
35. РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 1291 об., 1316 об.; Булавинское восстание. С. 334, 347, 349.
36. Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 179–191; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 273–281, 385–286, 288.
37. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1708 г. Д. 6. Л. 8 об., 27 об.; Ригельман А.И. Указ. соч. С. 97.

Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708 г. с Кубанью

Выступление под предводительством К.А. Булавина основательно исследовано в российской исторической науке [1]. В новейшей историографии наметилась тенденция к расширению сюжетов по истории этого крупного народного движения начала XVIII в. [2]. Появляются отдельные труды по историографии и источниковедению Булавинского выступления [3]. Подобное положение выглядит обнадеживающим на фоне снижения академического интереса к истории народных движений в России XVIII в. За определенным исключением (В.Я. Мауль, Е.Н. Трефилов, О.Г. Усенко), «прорывные» исследования появляются в этой области нечасто. Состояние новейшей историографии в целом определяется вводом в научный оборот неизвестных ранее источников, использованием новых исследовательских подходов и, думается, критическим переосмыслением лучших достижений дореволюционной и советской историографии.

История анализируемой переписки привлекала к себе внимание разных поколений отечественных ученых, занимавшихся историей Булавинского выступления: В.И. Лебедева, Е.П. Подъяпольской, А.П. Пронштейна, Н.А. Мининкова, Н.С. Чаева, О.Г. Усенко и др. Одни историки писали о связи повстанческой переписки с «прощупыванием» К.А. Булавиным почвы для отступления на Кубань [4], с чем можно согласиться. А.П. Пронштейн и Н.А. Мининков оправданно посчитали, что в Черкасске придавали большое значение «поддержанию мира и заключению союзнических отношений с кубанскими татарами» [5].

В.И. Лебедев обратил внимание на политическое значение переписки в связи с восстановлением при К.А. Булавине «прежних казацких вольностей», когда «Войско Донское сочло себя вправе решать внутренние и внешние дела. Этим объясняется посылка писем на Кубань» [6]. При этом мотивация Войска Донского развивать письменную и другую коммуникации с Кубанью выглядит более гибкой, нежели только из опасения подвергнуться нападению «со стороны кубанских кочевых орд» [7].

Более осторожен в своих выводах Н.С. Чаев, писавший: «Едва ли, однако, отмеченная политика Булавина (речь идет о переписке К.А. Булавина с

Хасаном-пашей, с кубанскими казаками и пр. – Д.С.) являлась самоцелью для представляемых последним слоев казачества; она, нам думается, прежде всего была призвана служить известным вспомогательным средством к отстаиванию Войском Донским своей “самостоятельности” от попыток Москвы более прочно освоить Дон как колонию» [8].

Е.П. Подъяпольская исследовала содержание переписки в контексте распространения раскола в среде повстанцев, сделала наблюдения о связях донских и кубанских казаков, многие из которых были старообрядцами и известны по событиям «раскола на Дону» конца XVII в. [9]. Ей же принадлежит суждение о том, что «по-видимому, кубанские раскольники откликнулись на призыв Булавина и его товарищей о помощи. Имеются сведения, что к нему пришли “из донских раскольников с Кубани и с Сорокани (р. Аграхани. – Д.С.) 1100 человек”» [10]. Суждение важное: дискуссия об историчности указанного свидетельства характерна и для сегодняшней историографии, недавно пополнившейся еще одним критическим мнением [11]. Автору статьи довелось ранее опубликовать отдельные работы о связях К.А. Булавина с ногайской Кубанью, с турками-османами и с кубанскими казаками, реконструируя план по отступлению казаков с Дона на Кубань [12].

Представляется перспективным изучить повстанческие документы, исходившие от Войска Донского на Кубань, не только в контексте истории так называемого «повстанческого архива», что блестяще продемонстрировано Е.П. Подъяпольской [13]. Во-первых, речь идет не только о количестве писем, там хранящихся, но также о формировании и содержании архива Войска Донского, не идентичного понятию «повстанческий архив» [14]. В этой связи стоит вспомнить, что только 9 мая 1708 г. К.А. Булавин был избран войсковым атаманом, получив насеку.

Во-вторых, состав адресатов и географию распространения документов, исходивших от Войска Донского в лице нового атамана, действительно стоит изучить в контексте борьбы казачества за свое «исконное» право на внешнеполитические сношения, ликвидированное после присяги 1671 г. Однако и после этого донцы продолжили «ссылаться» с различными государствами и властями, что вызывало осуждение Москвы. Несколько в стороне от этой проблемы находится письменная коммуникация Войска Донского с османским Азовом после 1671 г. Однако в целом речь идет об устойчивой культурной традиции донского казачества, вот почему переписка Войска Донского с адресатами вне России должна системно рассматриваться в своем многообразии и во внутреннем единстве.

В-третьих, переписка Войска Донского с Кубанью порождает ответные формы коммуникации со стороны адресатов, которые необходимо учиты-

вать, изучая реакции Крымского ханства и Османской империи на события, прямо или косвенно нарушавшие привычное состояние дел в их пограничных владениях. Как и в случае с выступлением донских казаков под руководством С.Т. Разина, в Бахчисарае и в Стамбуле активно собирали информацию о событиях на Дону, причем сопровождалось это передачей «по назначению» не только достоверной информации, но и слухов.

Информационное пространство Булавицкого выступления – малоизученная тема, особенное место в которой занимает «взгляд с Востока» на казачий Дон тех лет. Вовсе не выглядят преувеличением слова ачуевского мухафыза Хасана-паши и капычи-баши Алея-аги, сообщавших И.А. Толстому о том, что им «о Черкасском деле... ведомо» [15]. Безусловно, в формате одной статьи невозможно аналитически исследовать все заявленные вопросы.

Цель моего будущего большого исследования состоит в сравнительном изучении всех известных на сегодня случаев реализованной и нереализованной переписки войскового атамана К.А. Булавина с Кубанью (в лице турок-османов, ногайцев и кубанских казаков), рассмотренных в контексте других исследовательских проблем, среди которых – повстанческая переписка в истории войскового делопроизводства и войскового архива; установление количества, хронологии составления, отправки и доставки войсковых грамот и других документов с Дона на Кубань, объединенных темой налаживания связей и планируемого отступления; изучение способов доставки повстанческих документов к адресатам и их реакций, включая отправку на Дон ответных писем; выявление возможных связей между интенсивностью переписки в обоих направлениях и событиями на Дону периода весны-лета 1708 г.

Начну с того, что задолго до взятия Черкасска и обретения атаманской булавы в мае 1708 г. К.А. Булавин намеревался установить контакты с крымским ханом. Трон в Бахчисарае занимал тогда Девлет-Гирей II, известный своей заботой о кубанских казаках и отказавшийся в 1709 г. выдать российской стороне казаков И. Некрасова [16]. Из полученных российской стороной от запорожцев сведений за декабрь 1707 г. следовало, что, приехав из Кодака в Запорожскую Сечь, К.А. Булавин просил кошевого атамана Т. Финенко дать «ему с кошу лист и казаков до Крымского хана, чтоб... ехать ему в Крым и просить у Крымского хана орды на вспоможение себе...» [17]. Кошевой атаман тогда отказался выполнить просьбу К.А. Булавина. Впрочем, через некоторое время запорожцы, сражавшиеся тогда с российскими войсками, сами уже отправили к крымскому хану гонцов – «чтоб орду к себе привести на вспоможение». Что же до возможных связей К.А. Булавина с Крымом (или до реакции крымцев на очеред-

ное казачье «возмущение» на Дону), то оперативные известия о приходе «орды» на реки Татарка, Московка, а также о пребывании большой «орды» на р. Молочные воды, служат косвенным тому подтверждением [18].

В условиях наметившегося к середине мая 1708 г. противостояния с правительственными войсками К.А. Булавин стал планировать различные варианты своих дальнейших действий. Пожалуй, впервые о стратегическом характере такого планирования, связанного с возможным отступлением на Кубань, стало известно из содержания ведомости, полученной князем В.В. Долгоруким 18 мая 1708 г. из Черкаска: «А буде ратные государевы полки тех ево единомышленников побьют, и у него вора с Некрасовым положено збиратца по Дону в Цымле, а собрався итить на Кубань. И ныне вскоре на Кубань он вор с письмами посылает з Дону ис Кобылинка городка казака Антона Дорофеева да кубанского татарина» [19]. Обращает на себя внимание несколько интересных деталей: совсем небольшой временной разрыв между избранием К.А. Булавина войсковым атаманом (9 мая 1708 г.) и озвученными им намерениями уйти на Кубань; статус И. Некрасова, уже «засвеченного» присутствием при казни войсковой старшины, среди других соратников атамана; намерение вождя повстанцев изначально отправить на Кубань племянника атамана кубанских казаков С. Пахомова – Антона Дорофеева (Ерофеева), что следует из анализируемого ниже документа. Заметно стремление войскового атамана достичь большего эффекта от передачи на Кубань отписок и своих предложений, используя при этом доверительные каналы связи со своими корреспондентами.

Доставка войсковых отписок на Кубань, конечно, в разных смыслах, беспокоила и повстанцев, и их противников. Например, из Азова были отправлены в степь офицеры с командой из 60 человек; тревожился, несомненно, сам атаман К.А. Булавин. Подтверждения этому имеются. Речь идет об изменениях состава группы, которой надлежало доставить на Кубань несколько войсковых отписок – кубанским казакам (так называемым «ахреянам»), ачужевскому мухачызу Хасану-паше и видному представителю Кубанской орды Сартлану-мурзе. Согласно данным за 19 мая 1708 г., на этот раз передачу писем должны были осуществить 2 кубанских татарина и 2 казака [20]. Быть может, еще один казак и один татарин просто должны были пополнить группу А. Ерофеева. Далее последовали новые изменения в составе группы...

Вместо ранее предполагавшихся лиц, доставку отписок на Кубань должны были осуществить черкасский казак В. Шильца, два человека из верховых городков (казаки?), четыре «торговых армянина» и один кубанский татарин [21]. Обратим внимание на то, что вопрос о составе группы на Кубань рассматривался на войсковом круге! И вновь – изменение ата-

маном К.А. Булавиным, либо по его инициативе на круге, персонального состава указанной группы... Когда по пути на Кубань посланцев с Дона поймали «на степи» 28 мая 1708 г., то ими оказались турки-османы (2), татары (3) и армянин (1), при которых находилось еще 23 чел. «калмыцкого ясыря» [22]. Как видим, за период 9–27 мая 1708 г. состав группы с отписками на Кубань менялся как минимум четырежды, на что раньше исследователи не обращали должного внимания.

Указанные события происходили в то непростое время в истории выступления, когда К.А. Булавин вел себя непоследовательно даже по отношению к царской власти, когда его поведение и положение в Черкаске были особенно неустойчивы. Представляется возможным уточнить вывод Н.С. Чаева о том, что «это поведение следует признать крайне колеблющимся; в нем трудно подметить какую-либо определенную линию» [23]. Напротив, его действия по организации связей с Кубанью свидетельствуют о важности для повстанческого руководства «кубанского направления» по привлечению союзников и по достижению других амбиционных целей.

Интересно, как сам К.А. Булавин объяснял кубанским казакам, что отписки должен был доставить не А. Ерофеев: «И мы паопаслись с сим письмом ево Антона к вам послать, потому что от неправедных бывших наших старшин с кубанцы многия ссоры и разорения» [24]. Пленный «турчанин» из состава отправленной на Кубань группы потом утверждал на допросе в Азове, что «взял письмо от вора Булавина он, а другой товарищ его турчанин про то ведал; а досталные сказали, что де они про то не ведали (в действительности писем было несколько. – Д.С.)» [25]. Присланный из Стамбула на Дон осенью 1708 г. капычи-баша Алей-ага пытался убедить российские власти в том, что этих торговых людей необходимо «отпустить ... по-прежнему на Кубань для того, что де они те писма везли не из воли своей, убояс от него, вора, в Черкасском задержания и пожитков их грабежу» [26].

Версия османского чиновника кажется сомнительной, и вот почему: 1) К.А. Булавин, основательно подошедший к отбору «кандидатов» для включения в группу, должен был быть уверен в надежности именно последнего состава: напрасные угрозы могли только помешать задуманному; 2) грабить чужих торговых людей, удерживать их имущество в Черкаске повстанцы не стали: недаром при них обнаружили во время поимки не только «ясырь», но также деньги и прочее имущество – «платье» и «рухлядь». Наконец, указанный «турчанин» Алей (Али) являлся жителем Ачуева [27], мухафизу которого адресовалось одно из писем. Тот же Алей (Али) уже привозил письма из Ачуева в Азов И.А. Толстому. Таким об-

разом, для К.А. Булавина было выгоднее на каких-то иных основаниях, нежели запугивая, достичь договоренности с «турчанином», скрывшим информацию о войсковых отписках от кубанских татар и армянина.

Итак, в конце мая 1708 г. с Дона на Кубань должны были быть доставлены как минимум три отписки за войсковой печатью, которая намеренно попала в руки К.А. Булавину уже вскоре после захвата повстанцами Черкаска [28]. Однако имелась еще одна отписка к ногайским мурзам, не попавшая в сводку Е.П. Подъяпольской. Упоминание о ней, переданной с казаком В. Борисовым, содержится в войсковой отписке Сартлану-мурзе и другим мурзам за конец мая 1708 г. [29]. Составителем отписок следует признать войскового писаря И. Андреева, пребывавшего при новом атамане. Предполагалось, что все три отписки будут переданы казакам-«ахре-янам», две из которых надлежало затем отправить другим адресатам. Судя по всему, К.А. Булавин полагал, что адресаты непременно ему ответят. Он просил кубанских казаков поторопиться с ответом: «И вам бы пожаловать приехать к нам в Черкасской не помешкав с тем вместе, как посланы будут из Ачюева от Хасана паши и от Сартлана мурзы с письмами татары» [30]. Содержание «воровских» писем К.А. Булавина настолько встревожило азовского губернатора И.А. Толстого, что он приказал отправить команду к Черкасску «для отгону воровских ево конских табунов, чтоб оному вору бежать было не на чем» [31]. Такая задача была выполнена при активном участии возглавляемых В. Фроловым черкасских казаков-тум («полукровок»), вскоре прибывших в Азов. Кроме того, 31 мая 1708 г. И.А. Толстой написал в Ачуев Хасану-паше и Махмет-алею о «возмутительных делах» К.А. Булавина и о его переписке с Кубанью. Азовский губернатор просил своих визави: «И будет от тех воров явятся какия возмутительныя письма в стороне салтанова величества, и тем бы письмам не верить; а кто с такими письмами ... явятся, и, охраняя мирные договоры, таких поймав, прислать бы в Азов» [32]. Обрато на Дон посланцы И.А. Толстого привезли в начале июля 1708 г. два письма – от мухафыза Хасана-паши и от капычи Алея-аги. Турки-османы писали о приезде двух казаков с «листами» из Азова и о том, что им известно о «черкасском деле».

Важнее другое: какие-то посланцы К.А. Булавина на Кубань всё же попали, «и тех-де... казаков выслали они с Кубани с бесчестием, и что к ним от него в листах писано, и о том они объявили в Крым ханову величеству, чрез нарочную посылку» [33]. По словам турок-османов, хан Каплан-Гирей I «в Крыму и на Кубани учинили заказ крепкий под великим страхом, чтобы крымцы и кубанцы с азовцами, жили смирно и в дружелюбии и задоров бы никаких не чинили, и чтобы в Черкасск к Булавину никто ни для чего отнюдь не ездили и никаким словам его не верили» [34].

Таким образом, какие-то казаки сумели пробраться с Дона на Кубань и передали (попытались передать?) как минимум два письма от К.А. Булавина неустановленным адресатам. Вероятно, одно из них предназначалось кубанским казакам, другое – ногайцам. Это одна сторона вопроса, связанная с установлением интенсивности интересующей нас войсковой переписки, как сохранившейся, так и реконструируемой на основании косвенных данных.

Когда же указанные письма могли быть отправлены на Кубань? Выскажу гипотезу, что это могло случиться после событий, связанных с поимкой группы «турчанина» Алея, т. е. после 28 мая 1708 г. Ведь тогда цель не была достигнута. В нашем распоряжении имеются сведения, позволяющие проверить эту гипотезу. Речь идет о прибытии на Дон с Кубани от Хасана-паши и от кубанских мурз нескольких ногайцев с письмами для К.А. Булавина [35].

Указанное событие случилось до 8 июня 1708 г., т. е. прибытие посланцев нельзя считать реакцией на отписки К.А. Булавина, датируемые концом мая 1708 г., – хорошо известно, что до адресатов они не дошли. Другое дело, что это могло стать ответом на отписку, переданную на Кубань с казаком В. Борисовым, о которой шла речь выше. В ответ на полученные письма К.А. Булавин отправил 8 июня 1708 г. на Кубань казака ст-цы Черкасской – В. Косова и казака ст-цы Рыковской с письмами. В частности, атаман писал, «чтоб кубанская орда собрався пришли к нему в Черкасской, и чтоб с ним заодно итить к Азову» [36]. Не об этих ли казаках, якобы высланных с Кубани с «безчестием» после доставки писем от атамана, писали И.А. Толстому мухачыз Хасан-паша и капычи Алей-ага? Вероятность положительного ответа на поставленный вопрос существует: в обоих случаях фигурируют по несколько казаков – посланцев К.А. Булавина – и по несколько писем. Правда, в сообщении об отправке на Кубань казаков Черкасской и Рыковской станиц сначала говорилось о содержании одного письма, но ниже – о двух письмах [37]. Если в будущем обнаружится, что анализируемые выше отправки – разные, можно будет говорить еще о нескольких войсковых письмах на Кубань. Пока же можно насчитать, как минимум, шесть (по сравнению с тремя документами в сводке Е.П. Подъяпольской [38]), войсковых отписок за май – начало июня 1708 г., адресованных на Кубань.

Другая сторона вопроса связана с изучением реакций со стороны адресатов К.А. Булавина на попытки атамана завязать с ними связи через переписку. Турки-османы и ногайцы проявили определенную заинтересованность в налаживании контактов с «новой» властью на Дону. Во-первых, турки-османы отслеживали информацию о положении на Дону, а также о переписке атамана с Кубанью в лице местных казаков и ногайцев. О со-

держании подобных «воровских» писем они даже сообщили крымскому хану Каплан-Гирею I. Во-вторых, Хасан-паша и ногайцы вступили-таки в переписку с К.А. Булавиным: их посланцы вручили атаману как минимум два письма, написанных до 8 июня 1708 г. Следовательно, можно говорить еще о двух письмах, попавших в повстанческий архив (архив Войска Донского) в связи с «кубанской перепиской» 1708 г. В-третьих, ногайцы откликнулись на просьбу К.А. Булавина пригнать на продажу 2000 лошадей, что было особенно актуально для повстанцев в то время. Правда, вместо просимого количества с Кубани на Дон пригнали около 500 лошадей – вероятно, ногайцы решили не рисковать и продали Войску Донскому «пробную» партию лошадей.

Таким образом, предварительный анализ переписки Войска Донского с Кубанью свидетельствует о ее включенности в историю многих событий Булавинского выступления, в том числе связанных с так называемой «пограничной дипломатией» Войска Донского, с формированием войскового архива, отражающим политическую культуру донского казачества в новых условиях. Полученные результаты позволяют сформулировать новые вопросы по теме информационного пространства Булавинского выступления, отражающего уровни и виды коммуникации между его участниками и наблюдателями, включая взаимную передачу идей, образов, оценок.

Примечания

1. Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967; Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1966; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983.

2. Усенко О.Г. К уточнению биографии К.А. Булавина // Россия в XVIII столетии. М., 2002. Вып. 1. С. 97–108; Аваков П.А. Азовский поход булавинцев 1708 г. // Меншиковские чтения – 2015: науч. альманах. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 184–194.

3. Мининков Н.А. Реконструкция Булавинского архива Е.П. Подъяпольской // Архивы и архивное дело на Юге России: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 16–17 окт. 2015 г.) / отв. ред. Д.В. Сень, Д.П. Исаев, М.Е. Шалак. Ростов н/Д, 2015. С. 267–275.

4. Лебедев В.И. Указ. соч. С. 73.

5. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 260.

6. Лебедев В.И. Указ. соч. С. 73.

7. Там же.

8. Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708) // Тр. ист.-археограф. института АН СССР. М., 1935. Т. XII. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). (далее название сборника – «Булавинское восстание». Не путать со статьей Н.С. Чаева в указанном сборнике документов!). С. 52.

9. Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709. М., 1962. С. 104–106.
10. Там же. С. 106.
11. Усенко О.Г. Рецензия на монографию Д.В. Сень «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). 2-е изд., испр. и доп. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2002. 285 с. // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2003. № 4 (23). С. 239–241; Аваков П.А. Азовский поход булавиинцев 1708 г. // Меншиковские чтения – 2015. Вып. 6 (15). С. 188, 193–194.
12. Сень Д.В. Отношения булавиинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками. XVII–XVIII вв. // Вопр. истории. 2009. № 4. С. 89–96; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009. С. 203–233.
13. Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина ... С. 23–53.
14. Сень Д.В. Архив Войска Донского и история войскового делопроизводства: актуальные вопросы изучения // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): мат-лы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (4–5 апр. 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д, 2014. С. 479–488.
15. Карасев А.А. Бумаги, относящиеся к Булавиинскому бунту // Русский архив. 1894. Кн. III. № 11. С. 305.
16. Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. С. 82–84.
17. Булавиинское восстание. С. 363.
18. Там же. С. 365.
19. Там же. С. 244.
20. Подъяпольская Е.П. Новое о восстании Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 127.
21. Там же.
22. Там же.
23. Чаев Н.С. Указ. соч. С. 46.
24. Булавиинское восстание. С. 463.
25. Отдел рукописей РНБ. Эрмитажное собрание. № 559. Л. 16.
26. Там же.
27. Подъяпольская Е.П. Новое о восстании Булавина. С. 127.
28. Там же. С. 126, 128.
29. Булавиинское восстание. С. 460.
30. Там же. С. 464.
31. Там же. С. 258.
32. Карасев А.А. Указ. соч. С. 305.
33. Там же.
34. Там же.
35. Булавиинское восстание. С. 269.
36. Там же.
37. Там же.
38. Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С. 51.

Песни терских казаков о социальных конфликтах XVII–XVIII вв.

Семнадцатый век российской истории неслучайно назван «бунташным» столетием: Смутное время, городские восстания в Москве, в городах Поморья, во Владимире, Козлове, Воронеже, Курске, Томске, Новгороде и в Пскове; церковный раскол 1650-х гг., вызвавший в 1685 г. систему репрессий против раскольников; народное движение под руководством С. Разина (1670–1671 гг.), Соловецкое восстание 1668–1676 гг., Стрелецкий бунт 1698 г. [1]. Эти повсеместные волнения стали результатом противоречий, которые накопились в отношениях между разными социальными группами.

Вольное казачество приняло активное участие в событиях Смутного времени. В 1606 г. терские низовые казаки покинули Терек. Четыре тысячи казаков отплыли в Астрахань, но назад практически никто не вернулся. От сильного войска «вольных атаманов и казаков» осталось лишь 220 человек [2]. Движение под предводительством Ивана Болотникова приобрело социальный характер. Звучал призыв: «Боярским холопам побивати своих бояр». В то же время в Путивль с Терека прибыл еще один претендент на царские регалии – «царевич Петр» (Илейка Муромец). В его войске были в основном казаки (терские, волжские, а затем и запорожские).

Летом 1607 г. против повстанцев выступила армия Василия Шуйского. Началась осада Тулы, и 10 октября осажденные сдались. Последовала жестокая расправа над руководителями восстания: Болотников был сослан в Каргополь, позже ослеплен и утоплен; Лжепетра повесили. Антиправительственное движение было подавлено [3].

Далеко не все перечисленные события нашли отражение в фольклоре, однако отголоски народных волнений встречаются в песнях разных казачьих групп. На Тереке был известен сюжет об убийстве Ивана Карамышева [4], однако наиболее полная версия и ряд ее песенных вариантов были записаны на Дону. Князь И. Карамышев был послан в 1630 г. к казакам с грамотой, в которой им предлагалось выступить против Польши под начальством турецких пашей.

Нежелание воевать под предводительством своих врагов и подозрение в том, что Карамышев намеревался силой заставить их заключить договор с турками, послужило причиной того, что казаки схватили воеводу, избили его и затем утопили. Понимая, что убийство царского посла чревато

последствиями, казаки всячески стремились «изобразить дело так, будто Карамышев вел себя с ними непочтительно, чем объективно нарушил царскую волю» [5], что и нашло отражение в следующей песне:

Подымался с Москвы большой боярин
Он на тихой Дон Иванович гуляти,
Не доехавши тиха Дона, становился,
Похвалялся всех казаков перевешать.
Казаки-братцы тотчас догадались,
Во единый круг они собрались,
Среди круга становился большой боярин,
Он стал читать государевы указы.
Дочитался до царского титула,
Казаки все шапки снимали,
А большой царев боярин шляпы не снял;
От того казаки взволновались,
На боярина они бросались,
Буйну голову они срубили,
А бело тело в тихий Дон бросили.
И убивши, телу говорили:
«Почитай ты, барин, государя,
Не гордись ты перед ним и не славься!»
Ко царю они с повинной приходили... [6].

В другом варианте местом действия является матушка Камышинка-река, «супротив <...> устьица Самары-реки», по которой плывет «легка лодочка коломенка», а в ней – «млад посланник царев, Карамышев князь Семен сударь Константинович». В этом тексте посланник в левой руке «держит государев указ, а во правой руке держит саблю острую». Еще одна важная деталь: по берегу «ходили тут, гуляли добрые молодцы», а именно: «всё донские казаки, что донские, гребенские, запорожские, да и славные казаки, братцы, яицкие» [7].

Концовка песни весьма примечательна: казаки «думали крепку думушку за едино» и «сказали все словечушко в единый глас», затем «становили они пушечку, братцы, медную, закатили в неё ядрышко чугунное, что палили они в лодочку коломенку. Никого они в лодочке не ранили, только убили одного царского посланника» [8].

Таким образом, согласно традиционной фольклорной трактовке, в убийстве Карамышева участвуют не только донцы, но и гребенские, запорожские и яицкие казаки, что вполне вероятно, исходя из общего отношения казаков, не приемлющих указа, а также исторических свидетельств, приведенных выше.

Центральной фигурой в представлениях казаков о событиях XVII в., несомненно, был образ героя-бунтаря Степана Разина. О его популярности свидетельствует, в частности, количество песенных записей (№ 143–357), опубликованных в академическом издании [9]. Цикл терских песен начинается песенный сюжет «Степан Разин в казачьем кругу», опубликованный в «Терских Ведомостях» в 1868 г., озаглавленный С.Н. Азбелевым «Царь требует задержать Разина» [10]. Он же комментирует события, отразившиеся в песне.

В апреле 1670 г. в Черкасск из Москвы прибыл дворянин Г. Евдокимов «с документом, из которого следовало, что Разина и его приверженцев-бунтовщиков следует задержать» [11]. Однако прибывший в Черкасск Разин «учинил на кругу допрос Евдокимову: он кого он приехал – от государя или от бояр. Разин назвал Евдокимова боярским лазутчиком; приверженцами Разина он был убит» [12].

В песне события происходят «во славном городе Черкасске»; о предстоящем круге накануне «есаул гребенской клич закликивал». Описание круга достаточно подробное:

Во кругу стоит золотой бунчук;
Во кругу стоит атаманушка;
Перед ним стоит войсковой писарь,
В руках держит три указа государевы.
Он читает указушки скорописные,
Чтобы выслать Сеньку Разина
Во каменну Москву;
А до этого Сенька Разин
В круг не хаживал;
А теперь у нас он во кругу стоит,
Во кругу стоит он и речь говорит:
– Что не царские-де эвто грамоты,
А боярские-де эвто вымыслы.
И сказавши этак, он вышел из круга [13].

Близкий вариант был записан М. Карпинским в ст. Старощедринской (в настоящее время – Шелковской р-н Чеченской Республики) [14]. В приведенных текстах содержится резкое противопоставление бояр и богатых казаков Разину; подчеркнута независимость и дерзость его поведения в казачьем кругу.

Наиболее популярным в разинском цикле был сюжет о «сынке» Степана Разина («сынками» называли агентов Разина), бытовавший в станицах Терека и Сунжи и в XX в. Это два текста, записанные в экспедиции

Б.Н. Путилова (1945 г.) в ст. Старощединской [15], третий – там же, в 1965 г., в экспедиции «По следам Б.Н. Путилова» [16]; в 1964 г. – в ст. Орджоникидзевской (Слепцовской, в настоящее время – г. Сунжа в Республике Ингушетия) Ю.Г. Агаджановым [17], в том же районе в ст. Троицкой – студентами ЧИГУ в 1981 г. и др.

Зафиксирован действительный факт, когда за месяц до падения Астрахани там был схвачен, пытан и публично казнен агент-разинец. Главное внимание песни сосредоточено на изображении «сынка», его колоритной внешности, его вызывающего поведения и необыкновенной смелости. Терские варианты отличаются сжатостью и тонкой художественной отделкой стиха [18].

Значительный интерес представляет вариант, записанный от Н.М. Литвина [19]. Фактически в песне соединены два сюжетных мотива: сон молодца, который разгадывает его «родна маменька» («как тебе, мой сыночек, быть убитому», коню – «быть застреленному», молодой жене – «быть вдовушкою»), и появление в Астрахани разинского «сынка», дерзко разговаривающего с губернатором. В уральском варианте значение сна вместо матери разъясняет есаул [20].

Примечательно, что в песне «Сон Степана Разина», бытовавшей в станице Троицкой, подчеркивается его принадлежность к казачеству, помимо традиционного обращения «братцы»:

Как подули разбуйные ветры
Ой, да со восточной, братцы, стороны,
Ох, они сдули черную шапчонку
С моей буйной, братцы, головы;
Будто конь мой вороной
Расплясался да он, братцы, подо мной,
Расплясался, разыгрался,
Под удалым, братцы, казаком» [21].

С именем Разина прямо или косвенно связаны еще четыре песни, бытовавшие в гребенских станицах: «Гребенские казаки-разинцы вспоминают Терек», «Степан Разин в тюрьме», «Царь и бояре хотят казнить Разина» и «Два брата-полковника зовут голытьбу на Куру» [22]. В первой песне показан характер отношений гребенских казаков к Разину и разинскому движению. В ней упоминаются «Червленый град», то есть Червленая, одна из старейших станиц, которая долгое время выполняла функции войскового и культурного центра, и Терек:

Они идут, воспевают,
Реку Терек вспоминают.

Когда б если не батюшка Разин,
Давно б гуливали бы по реке,
На славной быстрой Гребенской» [23].

Во второй песне отражены предчувствия Степана Тимофеевича, его размышления перед казнью: он вспоминает, как гулял по морю синему Хвалынскому, «уж бил разбивал суда-корабли», и татарские, и персидские, то есть вражеские, а теперь он «в земляной тюрьме», в предчувствии своей кончины: «Положу я, младец, Тимофеевич сын, /На плаху свою буйную голову» [24].

В следующий сюжет вошел образ матери Разина, что необычно и составляет замечательную особенность этого текста. Попало в песню о Разине и имя царя Петра Алексеевича, что не соответствует исторической действительности: Петр родился 30 мая 1672 г., а казнили Разина 6 июня 1671 г. Следовательно, соединение имени Петра с темой Разина является анахронизмом. В последнем сюжете, по предположению В.Ф. Миллера, изображаются братья Разины, Степан и Фрол. Варианты сюжета отражают общий мотив противопоставления богатых казаков и голытьбы в сочетании с архаичным сюжетом – походом на Кавказ за добычей [25].

Еще два сюжета были опубликованы в сборнике «Русская песня в Дагестане»: «Что по синему-то ли по лиману» и «Как по городу Астрахану». В первой песне в легкой лодочке плывет «Стенька Разин, а еще Ванька Каин с братом», у которого «сердечко чисто выболело» в предчувствии беды. Заканчивается текст обращением министра к своим слугам: привести «Стеньку Разина сюда» и отрубить ему «буйну голову». Вторая песня содержит описание удалого молодца: в бархатном халате, «раскозловых» сапожках; «распуховые» перчатки на его «белых руках»; он «шел, не кланялся ни с кем». В тексте вполне узнаваем «сынок» Стеньки Разина [26].

Популярность личности Степана Разина, положительная оценка его деятельности, его борьбы против бояр и расправы с теми, кто стоял у власти, отраженная в фольклоре, подкрепляется выводами историков: «С. Разин звал к себе всех, кто был недоволен боярами, воеводами, приказными людьми, звал на борьбу за “добротого царя” Алексея Алексеевича, который будто бы находился среди казаков». Это было народное движение, в котором «разные социальные группы преследовали свои интересы, а его руководители были не без политических амбиций» [27].

Последним трагическим событием XVII в. был Стрелецкий бунт 1698 г., вызванный «озлоблением стрельцов из-за нововведений Петра I», ущемлявших их интересы, которые вели к неминуемой ликвидации самого стрелецкого войска. Царь постоянно «глушил строптивость и своеволие

стрелецких полков» [28]. Восстание стрельцов было жестоко подавлено, их полки прекратили свое существование.

Песни о восстании стрельцов были в фольклоре весьма популярны: общее число текстов об этом событии в издании исторических песен XVIII в. – 15, включая 5 терских [29]. Повторяющийся в песнях мотив заключается в противопоставлении былого отношения царя к стрельцам-бойцам («он допрежде нас дарил-жаловал») и нынешнего: «А теперь казнить велит. / Как и пятого и десятого /Кнутом сечь, /Как и третьего и четвертого /Казнить-вешати...». Стрельцы просят атамана за них заступиться, но тот отвечает: «Если вас простит – так бояр казнит» [30].

Из этого следует, что основа песни – конфликт стрельцов и бояр, и царь должен сделать выбор между ними. Ведь «одной из целей бунта была расправа с ненавистными боярами, правившими во время отсутствия Петра» [31]. В другой песне атаман, спасаясь от наказания, убегает на Терек, куда действительно бежали участники стрелецкого восстания [32]. Таким образом, «в песнях о стрельцах хотя и отражаются действительные события, но в специфическом преломлении сквозь призму народного понимания истории», – делает вывод Б.Н. Путилов [33].

Социальные потрясения еще не раз поднимали казаков на восстания. По приказу Петра князь Ю.В. Долгорукий отправился с несколькими воинскими командами на Дон, чтобы переловить беглых и силою вернуть их назад. Это вызвало открытое возмущение казаков, вылившееся затем в восстание под руководством Кондратия Булавина. Казаки напали на Долгорукого и убили его. Сюжет «Князь Долгорукий и казаки» относится к событиям 1707 г. [34].

Терская песня изображает допрос князя; в вопросе о количестве казаков заключен иронический намек на цель приезда Долгорукого. Ответ Долгорукого выражает беспомощность перед неисчислимыми силами казачества: «На всякого казака по десять стругов, /А на князя меня еще на один десяточек» [35]. Вариант с незначительными разночтениями (в частности, в концовке: «На всякого казака /По пятисот бурлаков») бытовал в ст. Бороздинской [36].

Ближайший сподвижник Кондратия Булавина, Игнат Федорович Некрасов (1660–1737), после подавления восстания увел часть казаков вместе с семьями на Кубань, а позже – в Турцию. Этим казаков стали называть «некрасовцами». Они основали несколько поселений на Таманском полуострове и стали принимать в свои ряды беглецов с Дона, Волги, Запорожской Сечи, Терека. Казаки-некрасовцы, переселившиеся в 1708 г. на Кубань, образовали своеобразную казачью «республику», которая просуществовала до 1740 г. [37]. Возможно, что часть некрасовцев бежала и на Терек.

В одной из терских песен о Некрасове своеобразно истолковывается причина ухода казаков:

Что на славной на речке
Было на Кошумовке –
Там жили-были казаки-други,
С Дону некрасовцы.
Служили они казаки-други
Верой-правдою;
И за то же их православный царь
Любил-жаловал,
Золотой казны много даривал.
А теперь на них православный царь
Распрогневался, –
Хочет им казакам-другам
Усы, бороды брить,
Да и хочет их православный царь
Казнить – вешати.
Не золотая трубонька вострубила,
Не серебряная свирелочка взговорила,
Возговорил речь атаманушка:
– Мы пойдете-ка, братцы, за Дунай-реку,
Мы пойдете-ка со всей святостью.
Мы без святости пойдём –
Путь-дороги не найдем;
А как святость мы возьмем,
Мы как по мосту пройдем» [38].

Отношение к ушедшим казакам в этой песне явно сочувственное, как к борцам за свободу.

На Тереке была записана и песня, в которой Некрасов изображен отрицательно, как нарушитель воинского долга; он якобы опаивает казаков-малолеточек «лютым» вином [39]. Причины возникновения такого направления в развитии сюжета проанализировал Ф.В. Тумилевич [40]. Песню, в которой Игнат украл царское знамя, записали студенты Чечено-Ингушского государственного педагогического института (в настоящее время – Чеченский государственный педагогический университет) в ст. Курдюковской:

Кто бы знал бы,
Братцы, рассказал

Про батюшку
Славный тихий Дон,
Про Игнашку-шельму казаченка.
На часах, братцы, он стоял,
Сделал он изменушку.
Забрался на вышку
Белую, высокую,
Он украл, утащил
Знамя царя белого.
Шел он, бежал на батюшку
На славный тихий Дон,
Собирал себе казаченков
С малых летушек.
Переправлял он своих казаченков
Через славный тихий Дон.
Он сажал своих казаченков
За единый круг.
Наливал своим казаченькам
Вина-зелия
Всем по чарочке по серебряной» [41].

При этом необходимо принять во внимание, что «малолетками» называли казачью молодежь допризывного возраста [42].

Песен о Емельяне Пугачёве в станицах не было. О его пребывании в начале 1772 г. на Тереке, где он подбивал казаков против войскового атамана, обещая выхлопотать утерянные старинные привилегии, но добился успеха лишь в трех станицах Терского семейного войска (Ищерской, Наурской, Галюгаевской) и был арестован при выезде из Моздока, посажен на гауптвахту, откуда через несколько дней бежал (вместе с цепью, которой был прикован к стулу), писал известный краевед-историк Г.И. Кусов [43].

Таким образом, в песнях терских казаков отразились основные социальные конфликты XVII–XVIII вв., причинами которых было сопротивление усилению царского и особенно боярского гнета, ограничение привилегий казачества, а также религиозная политика, что выразилось в бунтах и восстаниях и других формах народного движения. Песни терских казаков сохранили память о героях, которые боролись за свободу и независимость.

Примечания

1. Всеобщая история России с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. О.А. Яновского. М., 2008. С. 247–260; 307–324; С. 360.
2. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 44.
3. Всеобщая история России ... С. 253–254.
4. Полевые материалы фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского государственного педагогического института (далее – ЧИГПУ). «По следам Б.Н. Путилова». Информатор Е.М. Иванова, 1863 г.р., записана в ст. Гребенской Шелковского р-на Чечено-Ингушской АССР в сент. 1965 г.
5. Исторические песни XVII века. М.; Л., 1960. С. 346.
6. Исторические песни / сост., вступит. статья, подготовка текста и коммент. С.Н. Азбелева. М., 2001. С. 132–133.
7. Сахаров И.П. Сказания русского народа / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. II. С. 673.
8. Исторические песни XVII века. С. 101.
9. Там же. С. 148–214.
10. Исторические песни. С. 153–154.
11. Там же. С. 456.
12. Там же.
13. Исторические песни на Тереке / подготовка текстов, статья и прим. Б.Н. Путилова. Грозный, 1948. С. 38. № 26.
14. Там же. С. 39. № 27.
15. Там же. С. 39–43. № 28, 29.
16. Песни Терека: Песни гребенских и сунженских казаков / публ. текстов, вступит. статья и коммент. Ю.Г. Агаджанова. Грозный, 1974. С. 78–79. № 40.
17. Там же. С. 79–80. № 41.
18. Исторические песни на Тереке. С. 113.
19. Песни гребенских казаков / публ. текстов, вступит. статья и коммент. Б.Н. Путилова. Грозный, 1946. С. 65–67. № 6.
20. Исторические песни. С. 159.
21. Полевые материалы фольклорной практики ЧИГПУ. Информатор Л.Н. Егорова, 1930 г.р., зап. в ст. Троицкой Сунженского р-на Чечено-Ингушской АССР в июле 1981 г.
22. Исторические песни на Тереке. № 30–33. С. 44–46.
23. Там же. С. 44.
24. Там же. С. 45.
25. Там же. С. 47; С. 113–114.
26. Русская песня в Дагестане (в записях 1964–1969 гг.) / публ., вступ. статья и коммент. В.С. Кирюхина; отв. ред. Б.Н. Путилов. Махачкала, 1975. С. 192–193, № 325; С. 193, № 326.
27. Всеобщая история России ... С. 324.
28. Там же. С. 360.
29. Исторические песни XVIII века. М.; Л., 1971. С. 294.

30. Исторические песни на Тереке. С. 48.
31. Там же. С. 116.
32. Там же. С. 51.
33. Там же. С. 116.
34. Там же.
35. Там же. С. 51.
36. Исторические песни. С. 191.
37. Казачество. Энциклопедия. М., 2008. С. 386.
38. Исторические песни на Тереке. С. 52.
39. Там же. С. 117.
40. Тумилевич В.Ф. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2012. С. 127–140.
41. Терек вспышный: песни гребенских казаков / сост. Е.М. Белецкая, худ. С.В. Наймушина. Грозный – Екатеринбург, 1991–2007. С. 59.
42. Казачество. Энциклопедия. С. 357.
43. Кусов Г.И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А.С. Пушкина. Орджоникидзе, 1987. С. 194–198.

Роль донского казачества в формировании русского облика Донбасса

Сегодня одним из самых проблемных вопросов российско-украинских отношений является Донбасс и его административно-территориальный статус. Длительное время Донбасс как исторически сложившийся регион входил в состав Российской империи и по праву именовался югом России. Общеизвестно, что земли Донбасса еще в средние века начали осваивать донские казаки и на длительное время эти земли стали западной окраиной земель Всевеликого войска Донского.

После советских политико-административных экспериментов по созданию и территориализации Украинской ССР Донбасс оказался разьединенным между РСФСР и УССР. Сегодня, на фоне продолжающегося украинского гражданского конфликта народ Донбасса решительно осудил нацистский государственный переворот в Киеве и взял курс на реинтеграцию в состав Российской Федерации. Чем же обуславливается специфика культуры Донбасса и его безапелляционное стремление воссоединиться с русским народом? Следует ли считать народ Донбасса частью Русского мира? Какова роль донского казачества в формировании специфического и неповторимого облика Донбасса? Все эти вопросы сегодня приобретают особую актуальность.

Историческое наименование региона «Донбасс» впервые появляется в 1820-х гг. в работах известного российского ученого и горного инженера Евграфа Ковалевского [1]. В географическом плане территория Донбасса включает земли Подонцовья и Северного Приазовья. Еще задолго до начала промышленного освоения края он приобрел большое значение. Некоторые средневековые источники упоминают данную территорию, как «Дикое поле» или «Дикая степь», очевидно намекая на малочисленность и отсутствие оседлого населения.

Не можем согласиться с образом Донбасса как некоего пустого пространства и отметим, что регион практически никогда не пустовал. Согласно материалам археологических раскопок, в степной зоне, в районе Дикого поля фиксируется появление уже в XIV в. так называемых «русских поселков». В материальной культуре этих поселений отмечаются следы влияния традиций Киевской Руси и Золотой Орды. Так, керамический комплекс содержит «русское» влияние, аналог материалов с Нижнего Поднепровья и Нижнего Дона. В то же время в домостроительстве прослеживаются эле-

менты степной культуры: соответствующий тип отопительных сооружений, характерных для быта кочевников, употребление самана в качестве строительного материала и т. п. Очевидно, население характеризовалось неоднородностью этнического состава. Славянское население сохраняло свою культурную традицию, но в то же время вынужденно заимствовало элементы строительной культуры кочевников.

«Русские поселки» постепенно прекратили свое существование вскоре после распада Золотой Орды в конце XV века [2]. Отметим, что до начала XVII в. основными жителями Донбасса долгие годы были крымские и азовские татары, Большие и Малые ногайские орды. Татарские кочевья часто располагались на реках Боровая, Айдар, Деркул, то есть в непосредственной близости от «окраинных» городов Московского царства. При этом кочевые племена всячески препятствовали заселению степи славянскими этносами.

Ежегодно фиксировалось по несколько нападений татар на пограничные городки и поселения. Местами эти атаки приобретали масштабный характер, грозивший физическим уничтожением значительной части ее населения. Для защиты от татарских набегов своих южных рубежей российское правительство было вынуждено уже в XVI в. начать строительство оборонительной системы укреплений – засечных черт. Со временем эти сооружения обросли крепостями со стрелецкими гарнизонами и народным ополчением. Несмотря на то, что эти засечные черты располагались гораздо севернее Донбасса, базировавшиеся там русские сторожевые отряды выходили далеко в степь для наблюдения за татарами. Со временем южнее старых оборонительных линий построили новые крепости, становившиеся основой для новой засечной черты, под защитой которой строились новые деревни и города [3].

Стихийное освоение и колонизация Дикого поля начались еще в XVI в., т. е. гораздо раньше правительственной, проходившей под контролем государства и направляемой им. В авангарде колонизации оказалось донское и отчасти запорожское казачество. Их немногочисленные, но высококомобильные конные отряды действовали на территории Донбасса. Одновременно с этим продолжалось движение гражданского населения на юг. Как правило, степные районы колонизировались путем основания промысловых угодий – казачьих юртов, являвшихся коллективными земельными владениями. Историками отмечено, что на 1626 г. в бассейне Северского Донца существовало 9 юртов донцев [4]. Система юртов, учитывая сложную обстановку в степи, обусловила временный характер хозяйствования и не способствовала созданию постоянных поселений.

Для предупреждения и оповещения населения о нападении кочевников создавались сторожи – небольшие конные разъезды, состоявшие из «детей боярских». Они наблюдали и своевременно оповещали местное население о возможном набеге. Далеко выдвинутые в степь наблюдательные пункты располагались на достаточном для сообщения расстоянии друг от друга. Это способствовало своевременному получению необходимых военно-стратегических сведений, а также скорому принятию превентивных мер [5]. Примечательно, что в источниках за 1571 г. сохранились данные о местонахождении упомянутых сторож и территориях, за которыми велось наблюдение. Так, на территории Донбасса и прилегающих землях расположение сторож было таким: в верховьях Айдара, в устье Оскола, в устье Черного Жеребца находилась Бахмутовская сторожа, «а беречи им направо вверх по Донцу до Усть-Боровой днища» [6]. Самой южной сторожей, согласно источникам, была Айдарская, которую в 1579 г. вынуждены были оставить, поскольку «пришли крепости великие» [7].

Таким образом, к концу XVI в. русские сторожевые разъезды доходили до северско-донецкого участка Дикого поля, именовавшегося в документах того времени Крымской стороной. Позже, со строительством Белгородской черты, правительство начинает целенаправленное возводить опорные пункты колонизации. Так, в 1663 г. на р. Тор для защиты находящихся поблизости соляных варниц построен Маяцкий городок (ныне – с. Маяки Славянского р-на Донетчины), в 1676 г. – Соляный (Тор), в 1685 г. – Казачья Пристань (п. Райгородок на Луганщине).

Согласно архивным документам, первым опорным пунктом донского казачества на землях нынешнего Донбасса был Гундоровский юрт, о котором шла речь в челобитного атамана Полуекта Савельева и его казаков. «...В нынешнем государь, в 144-м году, ехали мы, холопи твои, к тебе государю, к Москве с Дону от Войска с отписками о твоём, государь, о великом деле, наскоро зимним нужным путем. ... А как мы ехали степью, и на дороге, в Гундоровском юрту, нашли на нас Азовские татаровя» [8]. Устройство юртов происходило традиционным для того времени образом. Как правило, войсковой круг выдавал «войсковую заимную грамоту», назначал разводчиков из числа казаков соседних станиц, наблюдавших за размежеванием земель с владениями соседних юртов, проводя указанные процедуры по «правде». Акт размежевания проходил торжественно, разводчики, именуемые «правдами», в сопровождении свидетелей, держа икону Спаса, шаг за шагом обходили кордоны нового юрта и оставляли отметки в виде зарубок на деревьях или земляных крестов. После этого в заимной грамоте производилась запись, после которой жители занимали новые уголья. На протяжении XVII в. юрты пре-

образовались в административно-территориальные единицы с центром в станичном городке.

Аналогично был основан Трехизбянский юрт (ныне – с. Трехизбенка Луганской области). Первое документальное упоминание о нём датируется 1647 г. Донской атаман Кирей Степанов сообщал в Посольский приказ о найденной казаками его станицы татарской сакме, отметив, что находилась она «выше Айдару, а ниже Боровой в казачьем юрту у Трех-изб... переехали татарскую сакму» [9].

По легенде, на месте основания юрта, а затем и будущего поселка, казаки обнаружили три избы, оставленные обитателями во время обильного паводка реки Северский Донец. Примечательно, что защитную функцию юрта отмечал о. Филарет (Гумилевский). В сборнике «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» за 1858 г. он писал: «Близ нынешней слободы есть урочище, которое ныне называется городком. Множество ям, служивших, вероятно, погребями для пороха и имущества, подтверждает верность предания о бывшем здесь городке. Этот городок был построен донцами для противодействия вторжению крымцев в Россию!» [10]. Тогда же были основаны Айдарский и Краснянский юрты. Так, в 1656 г. валуйский стольник и воевода В.Г. Фефилатьев докладывал в Москву о движении калмыков по степи, от р. Дон в направлении Крымского полуострова. Боярин подчеркнул, что о перемещениях кочевников ему рассказал казак Демка Круговой, отправленный войсковым начальством в Краснянский юрт с извещением о подготовке совместного похода казаков и калмыков против татар. В этой связи воевода лично, «для проведения вестей», посетил Айдарский юрт (1656 г.) [11].

Одной из характерных особенностей освоения Донбасса было то, что в авангарде этой колонизации стояли донские казаки. Массовое заселение донскими казаками донбасской степи относится ко второй половине XVII в. Эти земли, как и территориальные массивы по рекам Бузулук, Медведица и Хопёр, являлись районами ранней казачьей колонизации. Однако возникновение в бассейне Северского Донца постоянных населенных пунктов-городков происходило несколько позднее, чем на Дону. Именно донское казачество основало довольно значительное количество поселений на территории Донбасса и, в том числе, и на севере Луганщины. При этом подавляющее большинство населенных пунктов, возникших в начале XVIII в., состояло преимущественно из беглых, что объяснялось глубокими социально-экономическими изменениями внутри государства. Так, в ходе проводимого в 1707 г. князем В.В. Долгоруковым «сыска» в Обливенском городке было обнаружено 200 беглых, в Беловодске и Явсуге всех казаков признали «новопришлыми», а в Новоайдаре таковых нашли

150 человек [12]. Приток беглых в такие городки сформировал неоднородный как в этническом, так и в социальном отношении состав населения.

Социальная и имущественная дифференциация остро коснулись и донского казачества. В начале XVIII в. приходившие в казацкие городки беглые пополняли ряды казачьей гольтыбы. Ограниченность городской территории и постоянно растущая необходимость размещения вновь прибывших вынуждала казаков расширять свои территории, что порой приводило к конфликтам с населением смежных земель. Так, на рубеже XVII–XVIII вв. в Подонцовье возник спор между донцами и населением Изюмского слободского казачьего полка по землям в долинах рек Бахмут, Жеребец и Красная. Причиной конфронтации и последовавшего обращения сторон к правительству стали Бахмутские солепромыслы. Несмотря на то, что конфликты были спровоцированы малороссийскими полковниками, правительство изначально приняло их сторону, что в некоторой степени соответствовало изменившейся политике в отношении донского казачества. По результатам долгих разбирательств Петр I издал жалованную грамоту, согласно которой спорная территория окончательно отдавалась во владение Изюмского слободского полка. Отметим, что это не только не разрешило территориальный вопрос, но и еще более обострило ситуацию на солепромыслах. По мнению большинства историков, вспыхнувшее вскоре Булавинское восстание явилось следствием вновь возникших противоречий и неудовлетворенностью донцов решением правительства о солепромыслах.

Прокатившееся по Дону Булавинское восстание затронуло и земли нынешнего Донбасса. Оно привело к уничтожению принимавших участие в восстании донских городков и их населения, как во время военных действий, так и в ходе карательной акции князя В.В. Долгорукова. Руководствуясь в первую очередь указом Петра I о карательных мерах, князь исполнил указ буквально. В указе Петра I от 28 июня 1708 года говорилось следующее: «Опустошить... по Донцу сверху, по Луган, ... по Айдару всё. По Деркулу всё. По Калитвам и другим запольным речкам всё...» [13]. В сообщении князя В.В. Долгорукого в столицу указывалось, что «...непокоряющиеся и бунтующие с сопротивлением станицы, как-то: по Донцу почав с Шульгинки ... и все окольные их места, даже до самой Луганской станицы, – все вырублены и до основания истреблены и сожжены» [14]. В «Послужном списке князя В.В. Долгорукого» (1708 г.) сообщалось, что «их, воров, многих побили и покололи, а реку Дон вплавь многие потопли, а других на плову пристреливали ..., всё их воровское жилище розорено и выжжено без остатку, для того чтоб им, ворам, в том месте воровского собрания впредь не было» [15]. Из Гундоровского городка 12 сентября бри-

гадир Ф. Шидловский в донесении А. Меншикову писал: «От реки Дону пошли мы с полками к реке Северскому Донцу, для истребления оной же донской либерии и для искоренения таких же воров и завотчиков Голого и Тишки Белгородца, и для опустошения по росписи по Донцу построенных городков» [16]. Позже, выполнив приказ, он писал, что, будучи в донецких юртах, «всё без остатка выжгли и разорили, а именно 6 городков» [17]. В результате карательной акции большая часть населенных пунктов донских казаков в среднем течении Северского Донца была уничтожена, а численность населения существенно сократилась.

Таким образом, во второй половине XVII в. значительная часть территории Донбасса колонизировалась донским казачеством. С XVII в. судьба региона оказалась неразрывно связана с историей Российского государства и донских казаков. Сначала ими основывались временные поселения-юрты, позднее трансформировавшиеся в систему укрепленных городков, которые располагались на довольно значительном расстоянии друг от друга.

На раннем этапе колонизации и заселения Донбасса возникали укрепленные пункты, населенные смешанным славянским, преимущественно великорусским этносом. Встреча различных переселенческих потоков как из России, так и из Малороссии стала отличительной чертой этого процесса. Российское государство, заинтересованное, с одной стороны, в экспансии на юг, а с другой, – в устранении угрозы со стороны кочевников, всячески содействовало колонизации. Привлекая и оказывая поддержку переселенцам, правительство предоставляло различные льготы, решая таким образом стратегические государственные задачи.

В начале XVIII в. ситуация резко изменилась, а правительство Петра I стало проводить политику активного вмешательства во внутренние дела Земли Войска Донского. Это в свою очередь привело к временной приостановке «восточной», донской колонизации Донбасса, одновременно усилив западную, «украинскую» колонизацию, которая носила преимущественно крестьянский характер.

По данным на 1720 г. в составе Бахмутской провинции (нынешние земли Донбасса. – А.Б.; И.Т.) Воронежского уезда насчитывалось 14 населенных пунктов, среди которых наиболее заселены были Краснянская, Ново- и Староайдарская слободы. Общее количество населения в указанных слободах составило 3914 душ мужского пола. В целом же, по оценкам историка В.М. Кабузана, в Бахмутской провинции на тот момент проживало 6841 душ мужского пола русского податного населения и 152 души неподатного, а также 1753 малоросса (1540 государственных крестьян и 213 казаков) [18]. Одновременно с этим, спустя десятилетие после разгрома Булавинского восстания и карательной акции князя В.В. Долгору-

кого, Земли Войска Донского и соответственно Донбасс стали повторно заселяться. При этом вновь организованные поселения переняли старые названия, утратив свой станичный статус и превратившись в слободы со смешанным великорусским и малорусским населением. Исключение составляла станица Луганская, не участвовавшая в Булавинском восстании, и потому не подвергшаяся уничтожению. Она обладала одним из самых сильных на тот момент военным контингентом на Дону, насчитывая 662 казака.

Предпринимаемые правительством меры по колонизации края и медленное строительство оборонительных сооружений не привели к безопасности края. Разрушительный татарский набег 1736 г. значительно опустошил территорию Донбасса. Крупный татарский отряд проник за Южную (Окраинную) оборонительную линию между крепостями Св. Михаила и Слободской и, рассыпавшись на мелкие отряды, начал грабить и жечь поселки. Источники отмечают значительный ущерб: «За разорением от неприятельских людей татар, что Бахмутской провинции в слободах, обывателей мужеска и женска полу многое число взято в полон и побито, и хлеб стоячий и молоченный весь без остатка пожжен, и скот отогнан» [19].

В последующем XVIII веке, отмеченном борьбой между Россией и Турцией за выход к Чёрному морю и за обладание землями Новороссии, территории Подонцовья и Северного Приазовья утратили значение пограничной зоны между Россией и Турцией. Открылась новая эра – хозяйственное освоение Донбасса и новоприсоединенных земель Новороссии. Донские казаки также приняли в этом процессе самое непосредственное участие, заложив основы будущего процветания юга России.

В XIX веке в экономике нашего края произошли разительные перемены. В первую очередь отметим промышленный переворот 1830–1880-х гг., в результате которого стал активно осваиваться богатый сырьевой потенциал Донбасса, а выгодное географическое положение привлекало как отечественных, так и иностранных инвесторов. Интенсивно развивались угледобывающая промышленность и черная металлургия. А завоеванный выход в Азовское и Чёрное моря дал мощный импульс развитию торговли.

XX век наполнился событиями, которые разделили Донбасс, русских людей и донское казачество. Так, например, старинный центр донского казачества – станица Луганская, как и многие другие населенные пункты, основанные донцами, с 1920 г. пребывают в составе Украины. Однако не вызывает сомнения тот факт, что нынешняя Украина вступила в фазу трансформации своих границ. И есть уверенность, что историческая справедливость будет восстановлена.

Таким образом, донское казачество и Донбасс неразрывно связаны на протяжении нескольких столетий. Сегодняшняя специфика региона как части Русского мира обусловлена своеобразной этнической структурой населения в результате исторического заселения преимущественно русскоязычным населением и масштабной индустриализацией. Вне всякого сомнения, что народ Донбасса и донское казачество являются неотъемлемой составляющей Русского мира как цивилизационного проекта русского народа.

Примечания

1. Ковалевский Е.П. Опыт геогностических исследований в Донецком горном крае // Горный журнал. Кн. 2 (февраль). СПб., 1827.
2. История Луганского края: учеб. пособ. / И.Ю. Бровченко, А.С. Ефремов, А.А. Климов, В.С. Курило и др. Луганск: Альма-матер, 2003. 432 с.
3. Бунтовский С.Ю. История Донбасса: научно-популярное издание. Донецк: Донбасская Русь, 2015. С. 47.
4. Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века: Документы и материалы по истории края / сост. и авт. пояснит. текста проф. В.П. Загоровский. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. 192 с.
5. История Луганского края... С. 92.
6. Акты Московского государства. Книга Московск. Ст. № 1. Л. 48–53.
7. Там же.
8. Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. Кн. 1. Стб. 483.
9. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Инф.-изд. центр «Дончак», 2007. С. 188.
10. Филарет (Д.Г. Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. В 3-х т. Том. II. Харьков, 2005. С. 410.
11. Королев В.Н. Донские казачьи городки. С. 189–190.
12. Булавинское восстание. 1707–1708 гг. Сб. док. М., 1935.
13. Там же. С. 281.
14. Там же. С. 282.
15. Там же. С. 282–283.
16. Там же. С. 344.
17. Там же.
18. Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М.: Наука, 1976. 306 с.
19. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. X. № 7251 от 12 мая 1737 г. С. 145–146.

Донские казаки в боевых действиях против подразделений Е.И. Пугачёва

Тема участия донских казаков в боевых действиях против отрядов Е.И. Пугачёва была и по сей день является предметом многочисленных исторических исследований. Для представителей дореволюционной донской историографии: М.Х. Сенюткина [1], Б.Р. Хрещатинского [2], П.Н. Краснова [3], Е.П. Савельева [4] и др. – характерно ярко выраженное негативное отношение к Е.И. Пугачёву и его сподвижникам.

Несомненной заслугой донских историков советской эпохи: А.П. Пронштейна [5], Н.И. Мастеровой, Р.В. Овчинникова [6], а также историков, начинавших тогда свою исследовательскую деятельность и продолжающих ее сейчас: Н.А. Мининкова [7], А.И. Агафонова [8], В.И. Лесина [9] и др. – является введение в научный оборот большого количества исторических документов, которые ранее были недоступны и неизучены.

Современные исследователи: М.П. Астапенко [10], А.В. Венков [11], А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян [12], К.Г. Малыхин [13] и др. – продолжают обогащать источниковедческую базу и создавать на ее основе новые интересные работы об этой непростой странице истории донского казачества.

Важно отметить, что исследователи разных историографических периодов (дореволюционного, советского и современного) обращают внимание на некоторое колебание части донских казаков в момент прихода на Дон отрядов сподвижников Пугачёва, вплоть до перехода на сторону восставших.

Объясняют историки это следующим образом: XVIII век – время глубоких перемен в жизни донского казачества. Правительство стремилось существенно ограничить самоуправление на Дону. Войско Донское окончательно из союзной вольной республики превратилось в одну из «провинций» Российской империи. Из ведения Посольского приказа, согласно указу от 3 марта 1721 г., оно было передано Военной коллегии [14]. Донские казаки были включены в состав вооруженных сил как иррегулярное войско.

Разница с прежним положением состояла в том, что вместо особых взаимоотношений между Войском Донским и государем, посредством грамот и посольств, в обиход вошли распоряжения и приказы. Войсковой круг сначала временно, а с 1723 г. (до февральской революции 1917 г.) на постоянной основе утратил право избирать войскового атамана. Атаманы отныне назначались, т. е. становились наказными. При императрице Анне Иоанновне 4 марта 1738 г. название «войсковой атаман» было восстанов-

лено, однако оно использовалось одновременно с наименованием «наказной» и рассматривалось как пожалованный из рук правителя чин. На Войсковой круг созывали лишь для оглашения царских указов, распределения жалования и решения текущих дел. Рядовые казаки постепенно лишались своих традиционных прав, а власть сосредотачивалась в руках наказных атаманов и старшины, которые, наряду с государственной властью, были заинтересованы в снижении значения Круга.

Правительство Российской империи было настолько заинтересовано в ослаблении демократических традиций казачества, что даже пошло на фактическую передачу в 1753 г. должности атамана по наследству от Данилы Ефремова его сыну Степану. Центральная власть рассчитывала, что получит в лице атамана и донской знати социальную опору. Так и случилось. Однако рядовые казаки еще неоднократно выступали против устанавливающихся порядков, но всегда безуспешно. Впрочем, Российскому правительству пришлось одернуть С.Д. Ефремова, утратившего чувство меры в стремлении к обогащению. Но его заслуги во время дворцового переворота 1762 г. и сложная обстановка в период следствия (1772–1775 гг.) обеспечили ему довольно мягкое наказание – ссылку в Прибалтийский город Пярну.

Попытки перехода на сторону восставших некоторой части донских казаков объясняются недовольством политикой правительства, направленной на отмену традиционных прав казачества, опасением перевода казаков на положение регулярных (слободских) кавалерийских полков, сложностью противостояния многочисленным отрядам пугачёвцев и нежеланием воевать против «законного государя», который щедро раздавал обещания различных благ.

С другой стороны были и те, кто не испытывал колебаний и проявил себя верным слугой императрицы – матушки Екатерины II и защитником привилегий, которые получила донская старшина. Одним из первых отличился в боях с восставшими Илья Федорович Денисов. В начале марта 1774 г. 60-летний полковник сформировал отряд из 500 отборных казаков и выступил к Самаре, а затем к Оренбургу, вслед за генерал-майором князем П.М. Голицыным, к которому был прикомандирован. Он получил право на самостоятельные действия против пугачёвцев и проводил рейды к городу Уфа, во время которых неоднократно разбивал повстанческие отряды. У Стерлитамакской пристани на р. Белая его отряд столкнулся с 3-тысячным отрядом башкир, сражавшихся на стороне Пугачёва. Отважные казаки разгромили более многочисленного противника [15].

Между тем Пугачёв с основными силами рвался к Казани. Из полка Ивана Федоровича Платова, прикрывавшего Москву, в Казань была направлена сотня под командованием есаула Стрюкова. Они мужественно

обороняли кремль под руководством генерал-майора Павла Сергеевича Потёмкина, а во время одной из вылазок отбили у пугачёвцев пушку [16]. Подошедшие к Казани войска И.И. Михельсона в очередной раз разгромили восставших и сняли ее осаду.

После поражения под Казанью Пугачёв, переправившись на правый берег Волги, начал свое знаменитое «бегство-нашествие». Города и села Поволжья сдавались ему, а он уходил на юг. В начале августа 1774 г. войсковому атаману С.Н. Сулину поступило предписание князя Г.А. Потёмкина о создании ополчений из числа пожилых и молодых казаков, а также оказавшихся по разным причинам дома. Эту задачу атаман возложил на полковника М.С. Серебрякова. Михаил Сидорович успел собрать всего около 200 человек. В это время передовые отряды Пугачёва под командованием его полковников Акаева, Андреева, Иванова и др., численностью до 1,5 тыс. чел. подошли к верховым донским станицам [17]. Серебряков сообщил о болезни и укрылся в Новохопёрской крепости (впоследствии, учитывая предыдущие заслуги, он был помилован). Пугачёвцы, разгромив малочисленный отряд войскового старшины Кульбакова, захватили Етеревскую, Берёзовскую, Малодельскую, Заполянскую, Орловскую, Раздорскую станицы, привели население к присяге «Петру Федоровичу» и занялись разбоем и грабежом [18].

Руководить ополчением было поручено войсковому старшине Амвросию Гавриловичу Луковкину. Ему удалось собрать 550 казаков и внезапными ударами разгромить подразделения пугачёвцев, последовательно освободив все донские станицы, причем уже упоминавшийся Акаев был взят в плен [19]. Таким образом, в самые кратчайшие сроки представителям донской старшины удалось установить контроль над ситуацией и, располагая весьма немногочисленными силами, вытеснить отряды Пугачёва с донской земли.

Затем, уже в пределах Саратовской губернии, с А.Г. Луковкиным соединился отряд Алексея Ивановича Иловайского. Луковкин выделил Иловайскому из своего отряда 400 человек. Разведчики Иловайского обнаружили у р. Мечетной подразделение пугачёвцев численностью около 400 человек. 25 августа Луковкин и Иловайский со своими людьми атаковали противника и разгромили его, захватив в плен 106 человек [20]. После этого Луковкин вернулся на Дон, а Иловайский направился к Царицыну, узнав о том, что туда идут основные силы Пугачёва.

Здесь уже отличился И.Ф. Денисов. В августе 1774 г. его отряд был перебросен к Царицыну, где успешно воевал против пугачёвцев. Особенно отличился Илья Федорович в бою на р. Иловле, где он со своими казаками нанес поражение вражескому отряду численностью более 700 чел. и взял в плен 363 чел., которых сдал генерал-майору П.Д. Мансурову, под командованием которого находился [21].

В Борисоглебском уезде Воронежской области полк войскового старшины Осипа Петровича Лащилина разбил два отряда пугачёвцев, после чего крестьянские волнения здесь прекратились [22].

В это время на борьбу с Пугачёвым и его сподвижниками были направлены 30 донских казачьих полков. Однако лишь 14 из них приняли непосредственное участие в боях с восставшими [23].

Решающие события развернулись у Царицына, где сосредоточились казачьи полки Василия Ивановича Перфилова, Василия Манкова, Федора Артемьевича Кутейникова, Василия Яковлевича Грекова, Афанасия Максимовича Попова, Григория Михайловича Поздеева, Карпа Петровича Денисова, Михаила Ильича Денисова, которые усилили гарнизонную роту и ополчение города.

20 августа 1774 г. к Царицыну подошла 20-тысячная армия Пугачёва. После артиллерийской перестрелки Емельян Иванович стал отводить свои войска к р. Мечетной. Казаки совершили стремительную вылазку. Кавалерийский бой развивался с переменным успехом. Вырвавшийся вперед, Ф.А. Кутейников был ранен и захвачен пугачёвцами; впоследствии он чудом был спасен. Неожиданно на сторону Пугачёва прешли около 400 казаков во главе с хорунжими Терентьевым и Крапивиным [24]. Остальные пришли в замешательство и могли быть отрезанными от стен Царицына. Положение спас, вступивший с марша в бой, полк Варлаама Ивановича Денисова, отогнавший конницу восставших до их орудий. Интенсивный огонь пугачёвских пушек и ступившиеся сумерки заставили казаков отступить в крепость [25].

21 августа у стен Царицына сражение возобновилось. Казаки не стали отсиживаться в укреплениях. Они атаковали пугачёвцев и потеснили их. Упорство донцов и слухи о приближающихся к Царицыну войсках под командованием И.И. Михельсона посеяли неуверенность в рядах восставших. Пугачёв стал отводить свои войска. Казачьи полки в авангарде правительственных войск стали преследовать отступающего противника.

Последний крупный бой разгорелся у Сальникова завода. 24 августа И.И. Михельсон окружил пугачёвцев своими подразделениями. Утром 25 августа артиллерия правительственных войск открыла огонь по восставшим. Она подавила артиллерию Пугачёва и внесла панику в ряды повстанцев. Тем не менее Емельян Иванович сформировал из своей пехоты два каре, которые защищали обоз с награбленным богатством, и попытался поочередно прорвать фланги войск И.И. Михельсона. Конница восставших атаковала центр правительственных войск. Когда она ввязалась в бой с пехотными каре, кавалерия Михельсона, в составе которой находили донские казаки, ударила по пехоте восставших и разгромила ее. Конница

Пугачёва несла потери от артиллерийского и ружейного огня. Путь к мнимому спасению лежал через узкий мост, перекинутый через небольшой приток Волги. Михельсон заранее подготовился к этому вынужденному маневру восставших. Пугачёв попытался остановить свою кавалерию и возможно ему бы это удалось, если бы не новый стремительный натиск донских казаков. Основная масса конницы восставших была уничтожена, уцелевших преследовали казаки на протяжении 40 верст. Пугачёву с более чем тремя сотнями людей, среди которых впоследствии не оказалось ни одного верного ему человека, удалось спастись, переправившись на левый берег Волги. Его армия перестала существовать: 3 тыс. чел. было убито, 7 тыс. чел. сдались в плен, трофеями стали 25 орудий [26].

В погоню за Пугачёвым были отправлены несколько подразделений правительственных войск. Но проворнее других оказался отряд донских казаков А.И. Иловайского, действовавший совместно с подразделением яицких казаков премьер-майора Бородина. 5 сентября неподалеку от Саратова им удалось разгромить два отряда пугачёвцев. В этих столкновениях особенно отличился донской есаул Ефрем Попов. Затем Иловайскому из разных источников удалось узнать, что в ближайшем окружении Пугачёва зреет заговор: Творогов, Чумаков, Федульев, Пустобаев и другие, чтобы заслужить помилование, собираются выдать Емельяна Ивановича коменданту Яицкого городка полковнику Симонову. Иловайский неотступно преследовал отряд пугачёвцев и это ускорило развязку. Пугачёв был арестован заговорщиками и передан властям. Донские полки А.И. Иловайского, К.П. Денисова, М.И. Денисова участвовали под командованием А.В. Суворова в конвоировании Е.И. Пугачёва до Симбирска [27].

10 января 1775 г. Пугачёв был казнен в Москве. Но еще довольно длительное время потребовалось для ликвидации отдельных групп пугачёвцев и усмирения народных волнений в Поволжье, на Урале и в центральных губерниях России. В этих операциях были активно задействованы донские казачьи полки. Например, казаки И.Ф. Платова и М.И. Платова в 1775–1776 гг. разгромили несколько повстанческих отрядов в уездах Московской и ближайших к ней губерний. В частности, они ликвидировали подразделение атамана Румянчихина, взяв 500 чел. в плен и захватив 2 орудия. А казаки П.П. Ребрикова разгромили еще один многочисленный отряд повстанцев под командованием «пугачёвского полковника» Зубакина у города Нижний Ломов [28].

Донская старшина и большая часть казачества, проявив личную преданность Екатерине II, внесли большой вклад в разгром подразделений Е.И. Пугачёва. Совершив это, они продемонстрировали готовность отка-

заться от военно-демократических традиций в пользу превращения в особое самобытное сословие Российской империи.

Примечания

1. Сенюткин М. Донцы. Исторические очерки военных действий донцов. Ч. 1. М., 1866. С. 37–88.
2. Хрещатинский Б.Р. История лейб-гвардии казачьего его величества полка. Ч. 1. СПб., 1913. С. 23.
3. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона: краткий очерк истории войска Донского. Т. I. М.: Граница, 1992. С. 168–175.
4. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2008. С. 448–450.
5. Пронштейн А.П. Несколько документов из Ростовского областного государственного архива по истории классовой борьбы на Дону в конце XVIII в. // Археологический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 485–495.
6. Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. / сост. Н.И. Мастерова, Р.В. Овчинников, А.П. Пронштейн. Ростов н/Д, 1961. С. 41–60.
7. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 26–34.
8. Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение) Ростов н/Д: Приазовский край, 2001. С. 24–27.
9. Лесин В.И. Бунтари и воины. (Очерки истории донского казачества). Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 91–104.
10. Астапенко М.П. Донские казаки. 1550–1920. Ростов н/Д: Логос, 1992. С. 84–86.
11. История казачества России / под ред. А.В. Венкова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2001. С. 110–113.
12. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. и др. Казачий Дон: очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д: Изд-во обл. ИУУ, 1995. С. 87–88.
13. Мальхин К.Г. Очерки истории Донского края. Ростов н/Д, 2014. С. 75–77.
14. Полное собрание законов российской империи. (Собрание первое) (I ПСЗ). Т. V. № 3472; Т. VI. № 3750.
15. Сенюткин М. Указ. соч. С. 67.
16. Там же. С. 70.
17. Там же. С. 47–58.
18. Лесин В.И. Указ. соч. С. 91–92.
19. Сенюткин М. Указ. соч. С. 63–64.
20. Там же. С. 80.
21. Там же. С. 68.
22. Там же. С. 70.
23. Там же. С. 65.
24. Лесин В.И. Указ. соч. С. 95.
25. Сенюткин М. Указ. соч. С. 74.
26. Там же. С. 76.
27. Там же. С. 84–85.
28. Там же. С. 70–71.

**Степень участия войскового старшины
Ф.М. Персиянова 1-го в отводе донских казаков
на Кубань после подавления
Есауловского восстания в 1794 г.**

Данная работа посвящена скорее не вопросам, связанным с участием донского казачества в Есауловском восстании 1792–1794 гг, а его последствиям, выразившимся в отводе участников «возмущения» на новое место жительства и службы – Кавказскую линию. Причем в статье освещены не технические детали процесса отвода, а степень участия в нем войскового старшины Федора Матвеевича Персиянова 1-го.

Благодаря монументальному исследованию Ф.А. Щербины нам известны люди, занимавшиеся на Дону этим процессом: «Наряд казаков на переселение и самое отправление их на Кавказ частями поручено было генералу Мартынову, а размещение их на новых местах – главнокомандующему Гудовичу. Об этом же просил Гудовича и генерал Мартынов, выехавший в крамольные станицы и пославший надежных старшин в станицы верховые. Для сопровождения переселяющихся казаков генерал Мартынов, кроме регулярных войск, имел в своем распоряжении один Донской казачий полк. Начальство, по-видимому, опасалось что казаки выкажут еще раз нежелание идти на Кубань и осложнят дело переселения новыми беспорядками. До 30 июня Мартынов отправил первые три партии переселенцев в Темнолесский ретраншамент, в Кавказскую и Усть-Лабинскую крепости, под начальством войскового старшины Кумшацкого. Партии эти сопровождалась казаками Мартынова, Воронежским батальоном и эскадроном драгун. В конце июня было отправлено еще 200 семей к Прочно-Окопу при сотнике Чимигукове, 28 июня 100 семей к Воровскому лесу при есауле Сучилине и 30 июня 150 семей к Григориполису при войсковом старшине Кирееве» [1].

Как видим, среди перечисленных «отводцев» войскового старшины Ф.М. Персиянова нет. Однако в его послужных списках за 1799-й и 1810-й гг., хранящихся в фонде 341-го Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО) заявлено, что Персиянов «[1]794-го отряжен был для командования поселенными на Кавказской линии казаками» [2], причем одинаковым текстом как в одном, так и в другом списке.

Работая над темой «Участие донского казачества в боях с горцами в оборонительный период Кавказской войны (1801–1816 гг.)», мы не достаточно внимательно изучили труд Ф.А. Щербины, поэтому в своей монографии ввели ошибочное суждение о том, что именно Ф.М. Персиянов

был назначен в 1794 г. атаманом для выведения после Есауловского восстания с Дона на Кубань переселяемых казаков, а также что в 1795 г. он возвратился оттуда и снова стал работать в следственных комиссиях [3]. Естественно, атаманом над всеми выселенными на Кубань он не был, «отводцем», какими были вышеперечисленные офицеры, – тоже (их всех отметил Ф.А. Щербина. – А.З.).

Ответить на поставленный в названии статьи вопрос поможет нам та же работа Ф.А. Щербины: «Военная Коллегия, по просьбам казаков, поручила Гудовичу выбрать надежнейшего начальника из казачьего сословия и подчинить ему всех прочих, которых, в свою очередь, Гудович должен был разместить по отдельным станицам, сообразно с местными условиями. Если бы этих второстепенных чиновников оказалось недостаточно, то Гудович мог потребовать от донской администрации большего числа старшин... Сообщая о просьбе переселенцев оставить с ними казачьих офицеров, та же Военная Коллегия предложила Гражданскому Правительству Войска Донского командировать в каждые две станицы по одному полковнику с достаточным числом полковых старшин и выбрать вообще людей добросовестных, благонамеренных, знающих и попечительных, дабы они ни малейших притеснений казакам не чинили и соблюдали как служебные, так и станичные порядки» [4].

Думается, что Ф.М. Персиянов 1-й был командиром, присланным на Кубань в эту «вторую волну». Тем более что у Ф.А. Щербины мы можем прочесть еще одно уточнение: «В число трех полковников Военная Коллегия заранее назначила войскового старшину Илью Кумшацкого, сопровождавшего переселенческие партии и особенно аттестованного генералом Мартыновым» [5]. Получается, что слово «полковники» означало в указе не чин, а должность, то есть полковниками могли быть и войсковые старшины. Двое (Кумшацкий и Киреев. – А.З.) уже были на месте, нужен был третий: им и оказался Федор Матвеевич Персиянов.

Из его послужных списков мы узнаем, что войсковым старшиной он стал 9 августа 1792 г. за отличия в боях в Польше [6]. Прибыв на Дон, он сразу очутился в атмосфере волнений в Войске, вызванных «Есауловским возмущением». Как перспективного офицера, отличившегося в боевых действиях, его в 1793 г. назначают начальником Усть-Аксайского сыскального начальства, расположенного недалеко от г. Черкаска. Генерал-майор Д.М. Мартынов руководит действиями по подавлению движения. Очевидно Ф.М. Персиянов, занимая такую должность, занимался пытками и допросами вождей «возмущения»: Никиты Ивановича Белогорохова, Фоки Сухорукова, Ивана Рубцова и др. Это не доказанный факт, но вытекающий из его должностных обязанностей...

Начальство, видя, что этот офицер достаточно верноподданный и не даст разгуляться донской вольнице на Кубани, назначило его третьим «полковником» на Кавказской линии. А вскоре прислали и фактического командира нового казачьего полка, сформированного из переселенцев в 1796 г. и получившего название Кубанского, – премьер-майора Илью Федоровича Чернозубова, будущего героя Отечественной войны 1812 г. Но командовал полком он недолго, т. к. был отдан под суд за то, что отогнал 5000 баранов из-за Кубани.

Итак, остается невыясненным вопрос, куда был направлен Ф.М. Персиянов 1-й для нахождения на линии. Сотник Чимигуков привел 200 семей к Прочному Окопу, а есаул Сучилин 100 семей к Воровскому лесу [7]. Чины сотника и есаула не соответствовали должности полковника, поэтому нужен был человек, подходящий на эту должность. Наибольшее опасение у В.И. Гудовича вызывала станица Воровсколесская, причем по нескольким причинам. Во-первых, она имела крайне неудобное военно-стратегическое положение, находясь напротив наиболее беспокойного верхнекубанского кордонного участка, на удаленном расстоянии от населенных пунктов. Ближайшие в то время русские поселения – ст. Темнолесская (90 верст) и с. Круглолесское (основано в 1797 г., 55 верст), располагались на весьма значительном расстоянии.

Во-вторых, в случае военной тревоги переселенцам приходилось рассчитывать только на свои силы. Положение отягчалось тем, что на протяжении р. Кубани от Каменного моста (на территории современного города Карачаевска) и до Недреманного мыса существовало по меньшей мере 10 бродов, весьма удобных для переправы. В этой части Кубани броды были почти повсеместно, но скалистые берега давали возможность горцам переправляться на правый берег реки только в определенных местах. Броды заливались водой только в половодье или при ледоходе, поэтому горцы «воровские» набеги на Линию совершали преимущественно с конца мая до начала зимы, когда уровень воды в Кубани понижался или река покрывалась льдом. В-третьих, в Воровсколесскую, несмотря на все эти моменты, переселили меньше всего донцов [8].

Поэтому, очевидно, И.В. Гудович и направил в это тревожное место войскового старшину Ф.М. Персиянова. Мы не располагаем конкретными документами, подтверждающих это предположение, но следуя логике событий, на этом участке нужен был «полковник», а не есаул, – боевой офицер и верноподданный, человек, хорошо помнящий события бунта 1792–1794 гг. Указом Военной коллегии от 23 октября 1794 г. на имя И.В. Гудовича на Кубань назначены были донские старшины, как просили о том переселенцы, а все вновь поселенные станицы были подчинены

генерал-майору И.Д. Савельеву, командиру Моздокского казачьего полка [9].

Косвенным подтверждением того, что войсковой старшина Ф.М. Персиянов в 1794 г. был направлен в ст. Воровсколесскую является следующий факт из истории Кавказской войны. Осенью 1804 г. на Линию прибыли с Дона полки во главе с новым походным атаманом полковником В.А. Быхаловым 1-м, которые должны были сменить прибывшие в 1802 г. В «Месячном отчете о состоянии Войска Донского за январь 1805 года» под заголовком «Кавказская линия» приводилось следующее сообщение: «восемь полков: Кошкина 1-го в Константиногорске; Попова 3-го в слободе Павлодольской; Данилова 1-го в Недреманном ретраншаменте; Фролова 2-го в Кавказской крепости; Агеева 3-го при Усть-Тахтамыше над Кубаном; Грекова 20-го – при станице Воровсколесской; Щербакова 1-го при Усть-Лабинской крепости и Кутейникова 6-го у речки Малки в слободе Прохладной. Там же четыре полка: при полковнике Быхалове 1-м, подполковнике Крюкове 1-м, старшинах Аханове 1-м и Персиянове 1-м, командированные на перемену четырех вышеобозначенных, командирован в Моздок один полк при старшине Агееве 2-м» [10].

Но уже в «Отчете за февраль...» значится, что полк Персиянова 1-го занял кордон при станице Воровсколесской [11], сменив полк Грекова 20-го, который был почему-то снова отведен в отряд полковника Быхалова 1-го из четырех резервных полков, вернувшись на Линию уже по «Отчету» за май 1805 г. и став у Кавказской крепости [12]. Тогда же в слободу Павлодольскую вошел и полк Крюкова 1-го; полк Быхалова 1-го, сменивший полк Кошкина 1-го, вошел в Константиногорскую крепость, а полк Аханова 1-го стал у Баталпашинской переправы. Из всех перечисленных движений обращает на себя внимание то, что полк Персиянова 1-го занял свое место на Линии еще в феврале 1805 г., тогда как даже походный атаман, которому он подчинялся по службе, определился со своим местом только в мае!

Станица Воровсколесская на долгое время становится штаб-квартирой этого полка. Вероятно потому, что Федор Матвеевич закрепил за собой это место в свое пребывание на Линии в 1794–1795 гг. Единственный офицер Кубанского полка, проживавший к 1805 г. в ст. Воровсколесской, – сотник (в 1812 г. – есаул. – А.З.) Кузьма Кондратьевич Краснополов [13], знакомец Ф.М. Персиянова, еще по его бытию в станице в 1794 г. на станичном сходе организовал смену полка Грекова 20-го на уже знакомый станичникам полк Персиянова 1-го, обеспечив ему радушный прием бывших донцов. И наконец, Ф.М. Персиянов переселяет с Дона в Воровсколесскую свою семью (жену, приемную дочь и двух внуков) [14]. По всей видимости, должность для Персиянова уже была подготовлена им во время предыдущего пребывания.

И все эти вышеописанные события заканчиваются замечательной страницей в истории Кавказской войны – героической обороной ст. Воровсколесской 23 мая 1807 г., когда сам Федор Матвеевич, 52 казака его полка и местные казаки во главе с К.К. Краснополовым, обороняясь от 6–7 тысячного полчища закубанцев, уничтожили до 300 горцев [15]. Такого результата удалось достичь, благодаря тому, что Ф.М. Персиянов был связан в 1794 г. с казаками-переселенцами именно этой станицы.

Мало прямых документов, подтверждающих нашу гипотезу, идеи пришли как результат перечитывания труда Ф.А. Щербина, но события могли развиваться и в описанном русле: Ф.М. Персиянов был в 1794–1795 гг. начальником казаков-переселенцев ст. Воровсколесской, участвуя в судебных разбирательствах над ними на Дону, а затем и приехав наблюдать за ними. А потом этот контроль сказался на его службе на Линии в 1804–1810 гг. и в знаменитой обороне 1807 г. В биографии нашего героя эти события оказались прочно спаяны...

Примечания

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913. С. 124.

2. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 212. Л. 114об. – 115; Там же. Д. 504. Л. 63об., 66.

3. Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801–1804 гг.). Ростов н/Д, 2005. С. 165.

4. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. С. 124.

5. Там же. С. 125.

6. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 212. Л. 114об. – 115.

7. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. С. 124.

8. Соловьев И.А. Станица Воровсколесская: от форпоста до сельской глубинки. 2-е изд., испр. и доп. Ставрополь, 2011. С. 64.

9. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 125.

10. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 111. Л. 2об. – 3.

11. Там же. Д. 112. Л. 2об.

12. Там же. Д. 114. Л. 2об.

13. Колесников В.А. О первоначальном обустройстве станиц Кубанского линейного полка в 1794–1804 гг. // Гуманитарные и юридические исследования СКФУ. 2014. Вып. 3. С. 52.

14. Захаревич А.В. Некоторые уточнения, связанные с боем 23 мая 1807 г. по обороне станицы Воровсколесской // Историческое регионоведение Северного Кавказа вузу и школе: 8-я Всерос. конф. Ч. 1. Армавир, 2003. С.82.

15. Захаревич А.В. Участие донского казачества в обороне станицы Воровсколесской 23 мая 1807 г. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: матлы Всерос. науч. конф. Ч. 1. Москва – Ставрополь, 2001. С. 131–133.

Беглые казаки среди горцев Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в.

На протяжении XVII–XVIII вв. казаки принимали активное участие в различных волнениях и бунтах, сотрясавших основы российской государственности. Казаки Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачёв стали предводителями крупных восстаний, которые с большим трудом были подавлены центральной властью. Руководство страны постепенно пришло к осознанию необходимости «переформатирования» казачества из источника бунтарства в защитника рубежей молодой империи. Одним из проявлений этого процесса стало переселение на Кубань в конце XVIII в. запорожских (образовавших Черноморское казачье войско) и донских (вошедших в состав Кавказского линейного казачьего войска) казаков.

В первой половине XIX в. казачество стало форпостом российского влияния на Северном Кавказе. Тем не менее среди казаков были и те, кто бежал из родных станиц к «немирным» горцам. Тема беглых казаков в регионе всё чаще поднимается в работах современных историков [1–3]. В данной статье мы представим некоторые особенности бегства казаков к горцам Северного Кавказа.

Дореволюционный кубанский историк Ф.А. Щербина, отмечая определенную предрасположенность к бегству некоторых представителей казачества, писал: «Беглецы всегда играли заметную роль в рядах старинного казачества, особенно в период его образования. Между черноморскими казаками было также немало беглецов» [4].

В этом отношении большой интерес у историков вызывает фигура Семёна Атарщикова [5; 6]. Он родился в 1807 г. в ст. Наурской (в современной Чеченской Республике). Еще ребенком его отдали в кумыкский аул, где он научился кумыкскому, чеченскому и татарскому языкам. Уже в 16 лет он стал переводчиком в Моздокском казачьем полку [7]. Позже С. Атарщиков получил широкую известность на всем левом фланге Кавказской линии. Он имел много кунаков среди чеченцев, вместе с ними ходил в набеги на ногайцев. За подобные проделки Атарщикова нередко сурово наказывали [8].

После того, как полковник Г.Х. Засс в 1833 г. был переведен с Сунженской линии на Кубанскую, на Северо-Западном Кавказе появились и его верные сподвижники – братья-близнецы Георгий и Семён Атарщиковы. И если первый верно служил России, то последний продолжал свои

«проделки» и здесь. В октябре 1841 г. командир Хопёрского полка майор А.Г. Игельстром донес уже генералу Г.Х. Зассу, что 17 октября к горцам бежал сотник Лабинского полка Семён Атарщиков вместе с узденями Шереметом Лоовым и Идрисом Лафишевым. Он так же склонил к побегу абазинского князя Сералипа Лоова и двух строевых казаков Хопёрского полка – Василия Фенева и Ефима Петренко. Через несколько дней после побега Семён Атарщиков собрал партию из 40 горцев, и 27 октября близ поста Открытого они захватили двух казаков, из которых один был убит, а другой пленен.

Отправившийся в погоню российский отряд под командованием сотника Краснова настиг черкесов и нанес им поражение. По-видимому, Семёну Атарщикову что-то не понравилось у горцев. Один из его товарищей, казак Петренко, 19 ноября того же года явился к властям на Линию. Ввиду полного раскаяния, Петренко был прощен. Оценив великодушие властей, через два месяца на Линию явился с повинной и Семён Атарщиков вместе с беглым казаком Феневым. Их по Высочайшему повелению было приказано отправить на службу в Финляндию. Им выдали документы и оставили на свободе для приведения в порядок домашних дел [9].

Однако 18 сентября 1842 г. С. Атарщиков с В. Феневым снова ушли к горцам за Кубань. Фенев вскоре вернулся в укрепление Зассовское на Новую линию, а Семён Атарщиков принял ислам и получил имя Хаджерет-Магомет. Он занял достаточно высокое положение среди горцев и не только водил горские партии в российские пределы, но и пытался переманить в горы недовольных службой российских солдат.

В марте 1843 г. немногочисленный горский отряд во главе с Атарщиковым появился близ Житомирского поста Кавказской линии и подбросил воззвание этого перебежчика, адресованное военнотружущим. Казачья команда не смогла настигнуть беглого казака и горцев, однако письмо оказалось в распоряжении военного командования. Командующий войсками правого фланга Кавказской линии генерал-майор С.Д. Безобразов строго предписал своим подчиненным принять серьезные меры для того, чтобы подобного рода письма не распространялись среди нижних чинов [10].

Содержание письма было следующим: «Я, сотник Атарщиков, ныне признан абадзехами за первостепенного их узденя, и [абадзехи. – Н.С.] следуют моему совету. Приглашаю, братцы служивые, кому угодно, ко мне идите. Я для всех отстоял право вольности. За Лабу кто перейдет и назовется моим гостем, никто не смеет удержать. Меня вот как искать: скажи я гость Хаджерет Магомета русского офицера, и сам, как Хаджерет дескать иду к нему на Курджипс речку, никто не смеет задержать, ибо кто задержит моего гостя, подвергнется штрафу в 15 коров. Приглашаю плотников, кузнецов, солдат с ружьями и порохом, барабанщиков, кто с

барабаном, музыкантов. [Каждый. – Н.С.] Господином будет признан, как и я. Кто деньги принесет – это его собственность, никто не смеет отнять. Кто хочет, может ехать в Турцию, а потом куда угодно за границу. Словом всех приму: поляк ли, немец ли, русский ли. Со своими, казенными, барскими деньгами не опасайся. Деньги спрячь, прежде перейдя Лабу. Это потому я говорю, чтобы по дороге кто воровски не ограбил. Жены здесь хорошенькие. Прошу передавать это известие друг другу, прощайте! Хаджерет Магомет. Ожидаю вас. Не мешает на новоселье как, что принести. Это я на походе пишу, извините» [11]. Доподлинно не известно, знали ли солдаты Кавказской линии о содержании данного послания и о том влиянии, которое оно оказало. Тем не менее С. Атарщиков продемонстрировал хорошее понимание причин недовольства солдатской службой. Достаточно высокое социальное положение беглого казака среди горцев подтверждается тем, что в апреле 1844 г. он женился на дочери ногайского узденя Мисоста Энарукова и поселился с ней в собственной сакле в ауле на р. Курджипс [12]. Позднее, во время одного из набегов на российскую территорию Атарщиков был тяжело ранен своим сообщником казаком Головкиным, также беглым казаком, который хотел получить прощение властей за дезертирство. Тяжело раненный Семён Атарщиков умер от раны по пути в укрепление Прочный Окоп.

Спустя несколько лет среди казаков появился другой известный перебежчик – казак Титаренко. В 1855 г. полковник Прохорович просил наказного атамана Я.Г. Кухаренко прислать команду из восьми казаков для поимки трех дезертиров: казаков Титаренко, Степана Поддубного и Прокофия Сердюка. Эти дезертиры скрывались от властей в камышах, а пропитание находили у местных чабанов, пасших станичных овец. Как утверждал полковник Прохорович, все три казака были «зверского нрава и буйного характера» [13]. Они грабили зажиточных людей на дорогах и в хуторах. Однако это не мешало Титаренко появляться даже в станицах. Молодые казаки одной из них даже попытались схватить разбойника, но он обнажил шашку и разогнал молодежь, после чего скрылся. Станичные атаман и судья, отправившиеся за ним в погоню, не смогли его найти. Я.Г. Кухаренко распорядился снарядить казачью команду для поимки разбойников, но Титаренко к этому времени уже переправился к так называемым немирным закубанским горцам. Там он собирал черкесские партии и во главе их совершал набеги на казачьи хутора.

В июле 1857 г. Титаренко склонил казака Харитона Яроша бежать к горцам. Вместе с ним и черкесами он рассчитывал ограбить несколько хуторов. Ярош был табунщиком у своего одностаничника казака Пяты. Приехавший к нему из-за Кубани Титаренко подговорил обокрасть его хозяи-

на и бежать к непокорным горцам. Титаренко привел Яроша в аул Аджипс и рекомендовал его горцам как отчаянного наездника. Два раза Титаренко и Ярош пробовали пробраться с черкесами через Кубань для грабежа в Черномории, однако обе попытки не увенчались успехом. Во время набега Ярош планировал перевезти из своей станицы с собой за Кубань жену и сына. Неудачи набегов или иные обстоятельства заставили его изменить свои планы [14].

Новые обстоятельства дела Х. Яроша обнаружены нами в архиве Краснодарского края [15]. 30 октября 1857 г. комиссия военного суда, учрежденная при войсковом дежурстве Черноморского казачьего войска, выслала в управление Черноморской кордонной линии предписание № 377. Из предписания следует, что казак 4-го пешего батальона станицы Старовеликовской Харитон Ярош обвинялся военно-судной комиссией по полевым уголовным законам. Его подозревали в воровстве у казака Пятки двух лошадей, побеге к непокорным горцам и измене правительству. На допросе подозреваемый показал, что после побега он проживал в ауле Аджипс, находящемся в 15 верстах от Кубани.

В ночь с 18 на 19 августа 1857 г. он вместе с черкесом Смаилом охранял просо. Выстрелом из ружья казак убил горца и перебежал к российским властям со своим оружием и оружием убитого черкеса. Комиссия военного суда просила узнать управление Черноморской кордонной линии через лазутчиков достоверность данной информации [16]. 25 ноября 1857 г. начальник 2 отдела Черноморской кордонной линии сообщил в военно-судную комиссию о том, что лазутчики подтвердили сведения Яроша [17]. Также из дела известно, что черкесы не принуждали беглых казаков в вопросах вероисповедания. Горцы привели Яроша к присяге в присутствии муллы, но она состояла лишь из обещания верности адыгам, без перехода в мусульманство.

Титаренко оставался в ауле Аджипс и ничего не подозревал об обратном побеге на родину своего товарища, который решил искупить свою вину ценой выдачи или убийства Титаренко. Однако Х. Ярош не смог осуществить задуманное. Добровольно явившись к российским властям, он был взят под арест. Вскоре суд приговорил его к смертной казни через повешение. Но во внимание была принята молодость Яроша, а также то, что он возвратился по своей воле. Его наказали 300 ударами шпицрутеннов и сослали в Сибирь на вечную каторгу.

Между тем Титаренко прожил еще два года среди черкесов, не переставая делать набеги в российские пределы. Он был предводителем мелких партий горцев, женился на крепостной черкеса Шалохо, у которого и жил. В ноябре 1859 г. Титаренко был пойман российскими лазутчиками и пере-

дан в руки властей. Он был помещен в Екатеринодарскую тюрьму, после чего началось долгое следствие.

Было выяснено, что в 1854 г., будучи состоящим на военной службе, Титаренко был наказан за воровство и другие преступления 500 ударами шпицрутеннов. За воровство лошадей, скота и другого имущества на подсудимого завели 5 уголовных дел. Во время следствия он и бежал к непокорным горцам. Однако сам Титаренко объяснял причины своего побега тем, что не мог служить в полку под командованием полковника Гусарова, который его всячески притеснял и чрезмерно сурово наказывал. Среди горцев Титаренко жил в течение четырех лет и вместе с ними делал набеги на Черноморию (занимался грабежами имущества, а также воровством лошадей и скота).

В 1861 г. суд приговорил Титаренко к расстрелу как военного дезертира. Повествователь этой истории, историк Ф.А. Щербина, будучи ребенком, видел приготовления к расстрелу Титаренко. Он писал: «Казнь была назначена на обширной в ту пору площади Екатеринодара против острога. Выстроены были войска, установлен столб с ямой для расстрела, собралась масса народа на зрелище, были почему-то приведены учащиеся на место казни. Но напрасно толпа, войска и учащиеся ждали казни, простояв с утра до полудня под жгучими лучами солнца. Казни не суждено было свершиться. Долго в толпе ходили какие-то смутные, неопределенные слухи. На виду у всех приезжали в острог и уезжали полицмейстер, прокурор и другие власти. Наконец собравшимся было объявлено, что казни не будет. Оказалось, что еще утром Титаренко ухитрился удушиться полотенцем, прикрепив его к гвоздю, вколоченному в стенку. Рассказывали, что Титаренко перед смертью нацарапал на бумажке: «Лучше отдать душу чертям, чем панам» [18].

Поляк Теофил Лапинский, прибывший на Северо-Западный Кавказ с отрядом польских волонтеров, писал о беглом казаке Георгии, получившем среди горцев имя Махмуд. Он принимал активное участие в набегах, похищениях людей в Черномории. Перебежчик был принят в фамилию состоятельного адыга, во дворе которого он и жил. Георгий (Махмуд) должен был жениться на его дочери. Беглый казак был богат по адыгским меркам: имел хорошую одежду, прекрасное, богато украшенное оружие и три лучших верховых лошади, а также наличные деньги. Помимо всего прочего, у Георгия (Махмуда) были верные друзья, готовые за него отомстить. С ними он ходил в набеги и делил добычу [19].

В этом контексте интересны наблюдения немецкого путешественника Морица Вагнера, побывавшего в Черномории и на правом фланге Кавказской линии в 1843 г.: «Мои глаза открылись на новую правду в земле каза-

ков. Вы не найдете здесь рабской скромности, уважения на грани примыкания, дрожащего почтения, которые солдаты, крепостные, рабочий люд и все низы в Московии оказывают своему начальству, а особенно проявляют их перед теми, кто связан с центральным правительством в Санкт-Петербурге – всеми этими “превосходительствами” и “благородиями”. Штабной офицер сказал мне, что казаки были приведены к дисциплине и субординации. В целом это верно. Их свободолюбивый дух сломлен и исчез, но всё же существует огромная дистанция между казачьей дисциплиной и рабской покорностью природных русских крепостных. Любой наблюдательный путешественник на берегах Дона и Кубани должен воспринимать то, что он находится среди людей, которые никогда не знали крепостничества или рекрутчины, что даже самый простой человек здесь еще не забыл, что их отцы были свободными, и что они защищали свои дома в степи с одинаковым рвением как от польского короля и московского царя, так и от Османского падишаха и хана Золотой Орды. Не позабыть также и особые привилегии, которых их лишили лишь с дюжину лет назад. Деспотизм еще не давит своей тяжелой рукой на Дон и Урал так, как на берега Невы, Москвы и Вислы. И причина этого очевидна. Потому, что для этих южных всадников всё еще открыт путь к бегству, – до тех пор, пока он не будет перерезан другими вассалами России. А черноморцы, если потребуется, всегда могут сесть в лодку, довериться течениям Чёрного моря и уплыть в Анатолию. Жители станиц на Тереке и Кубани, почувствовав себя чересчур угнетенными, могут перебежать через реку на ногайскую или кабардинскую сторону и, свыкнувшись с трудностями, искать убежище даже в горах, среди их смертельных врагов – черкесов. Их ничем не сломить, и хотя их удел тяжел, но он всё же куда лучше той судьбы, которая уготована одетому в серую шинель рекруту, обреченному таскать мушкет и покорно сносить удары своего воинского начальника» [20].

Таким образом, приведенные источники свидетельствуют о том, что хотя в первой половине XIX в. казачество стало опорой самодержавия на южных рубежах Российской империи, некоторые казаки совершали те или иные преступления. Для того чтобы спастись от справедливого наказания, они укрывались среди неподконтрольных российским властям горцев Северного Кавказа. Этому способствовали торговые, межличностные контакты между казаками и горцами.

С другой стороны, в казачьей среде сохранялись прежние представления о старинных идеалах казачьей вольницы. Эти представления входили в прямое противоречие с установками законности и правопорядка, которые диктовало государство. Образ джигита – кавказского удальца, а не подневольного служащего солдата, был значительно ближе менталитету

казаков. Результатом этого стали побеги некоторых из них к так называемым непокорным горцам Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX века. Совершая вместе с черкесами набеги на российские территории (своеобразные «походы за зипунами»), они реализовывали свои представления о воле. Лихой, вольный образ жизни этих казаков в регионе стал своеобразным отзвуком масштабных казачьих бунтов в России XVII–XVIII веков.

Примечания

1. Клычников Ю.Ю. Казаки-перебежчики в годы «Кавказской войны»: исторические сюжеты // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: мат-лы 9-й Междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. / под ред. Н.Н. Велюхой, С.Н. Лукаша. Армавир, 2014. С. 73–76.

2. Великая Н.Н., Белецкая Е.М. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир: АГПА, 2014. С. 75–90.

3. Великая Н.Н. О казаках, добровольно ушедших к горцам в первой половине XIX века // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: сб. науч. тр. I Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 10–14 окт. 2014 г.). Славянск-на-Кубани, 2014. С. 16–20 и др.

4. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Т. II. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 959.

5. Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 10.

6. Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / отв. ред. Ю.Ю. Клычников. II Известия научно-педагогической Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Вып. 5. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. С. 4.

7. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 226.

8. Потто В.А. Кавказская война. Т. 5. Ставрополь: Кавказская жизнь, 1994. С. 248–249.

9. Толстов В. История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. С. 264–266.

10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 93. Л. 1.

11. Там же. Л. 2.

12. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 965.

13. Там же. С. 969.

14. Там же. С. 969–970.

15. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 1796 «Побег казака Харитона Яроша».

16. Там же. Л. 1.
17. Там же. Л. 9.
18. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 971–972.
19. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских / пер. В.К. Гарданова. Нальчик: Эль-фа, 1995. С. 154.
20. Ткаченко Д.С. Кубанские казаки и Черноморья середины XIX века в представлениях немецкого путешественника Морица Вагнера // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 9. / науч. ред. и сост. О.В. Матвеев. Краснодар: Эдви, 2016. С. 65–66.

Раздел 3

*К*АЗАЧЕСТВО РОССИИ И ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг.

В.П. Трут.....	137
Е.В. Годовова.....	145
А.Н. Деордиева	150
Е.В. Лукошкина.....	157

Казачество в революции 1905–1907 гг.: неизвестное об известном

Известные события в Санкт-Петербурге 9 января 1905 г. стали точкой отсчета первой русской революции, в бурные и трагические события которой в той или иной мере были вовлечены практически все социальные слои российского общества. Не стало исключением и казачество. При этом, правда, в общественном сознании на долгие десятилетия укоренился весьма категоричный и поверхностный взгляд на казачество, исключительно как на карательно-охранительную силу. После начала революции правительственные структуры для борьбы с различными революционными и стихийными анархистскими выступлениями кроме полиции и жандармерии стали всё чаще и чаще прибегать к использованию армейских подразделений. Причем активность и масштабы их привлечения по мере расширения революционного движения неуклонно возрастали. Коснулось это, конечно же, и казачьих частей. Так, уже во время Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. в Петербурге против народного шествия было выставлено 19 пехотных полков, гвардейский экипаж, отдельный саперный батальон и 8,5 сотен лейб-гвардии Атаманского и лейб-гвардии Казачьего Его Величества полков [1].

Причем если в начале революции для борьбы с беспорядками использовались находившиеся в армии на действительной военной службе полки 1-й очереди всех казачьих войск страны и часть полков 2-й очереди Кубанского казачьего войска, то уже 22 февраля 1905 г. была проведена первая частичная мобилизация второочередных казачьих полков, по которой на внутреннюю службу направлялось 16 полков [2]. Осенью 1905 г. в правительственных кругах встал вопрос о гораздо более масштабном и активном использовании казачьих частей и подразделений для борьбы с различными антиправительственными выступлениями. Первого ноября последовало Высочайшее повеление о мобилизации 12 третьоочередных льготных (запасных) сотен Оренбургского, 24 второочередных и третьоочередных сотен Донского и 12 льготных конных сотен Кубанского казачьих войск [3]. Причем казаки всех этих подразделений призывались в армию исключительно в целях поддержания порядка в различных регионах страны. Это было поистине беспрецедентное решение, поскольку оно шло вразрез не только с давно установленным и строго соблюдавшимся до этого времени порядком направления мобилизуемых льготных казачьих

частей только на фронты различных войн, но и даже с действовавшим законодательством. Ведь согласно, скажем, имевшему законодательный статус «Уставу о воинской повинности Донского казачьего войска» 1874 г., мобилизация и вывод с территории Донской области казачьих частей и подразделений второй и третьей очередей в мирное время не допускались, а использоваться, или, как говорилось в Уставе, употребляться, они должны были только в войне с внешним врагом.

Однако данное обстоятельство не смущало правительственных чиновников, сильно обеспокоенных, прежде всего, вопросами ликвидации всех революционных и погромных народных выступлений. Увеличивался масштаб мобилизации казаков льготных 2-й и 3-й очередей в армию. К началу 1906 г. в армии находилось уже 125 казачьих полков (в начале 1905 г. их количество составляло всего лишь 81 полк) [4].

Всего для «поддержания порядка» внутри страны было направлено, согласно официальным данным Главного управления казачьих войск, до 17 % всего взрослого казачьего населения (около 110 тыс. чел.) [5]. Из них примерно 50 тыс. составляли казаки льготных 2-й и 3-й очередей [6]. Приводимые в некоторых публикациях совершенно иные сведения, почерпнутые из периодической печати, о том, что, например, во время революции только Донское войско выставило 133 377 чел. [7], представляются явно завышенными, если не сказать нереальными.

Примечательно, что в 1905 г. численность брошенных на борьбу с беспорядками пехотных армейских частей превышала в 4,7 раза численность выделенных для этих же целей кавалерийских подразделений, составляющих тогда порядка 10 % от общей численности всех военнослужащих русской армии. Однако активность использования кавалерийских частей при этом была примерно в 1,5 раза выше, чем пехотных (в 1906 г. это соотношение увеличилось до 2,5 раз, а в 1907 г. значительно снизилось). Частота же использования казачьих частей по сравнению со всеми другими войсками составляла всего лишь 11,7 % [8]. Приведенные цифры убедительно свидетельствуют, что утверждения о какой-то особой роли казачьих частей в борьбе с различного рода народными возмущениями, или, по терминологии того времени, в усмирениях, не соответствуют действительности.

В период революции казачьи части и подразделения привлекались, как и все другие армейские формирования, для выполнения самых разных заданий: от разгонов митингов и демонстраций, борьбы с забастовщиками и стихийными выступлениями крестьян до охраны важных объектов и даже отдельных помещичьих имений и усиления полиции для простого патрулирования и поддержания порядка в городах.

Казачьи части, как правило, исправно выполняли возлагаемые на них обязанности. Со своей стороны правительство, заинтересованное в дальнейшем привлечении казачьих подразделений для выполнения полицейских функций, предпринимало вполне конкретные действия, направленные на предоставление казакам различных, в частности финансовых, компенсаций. 6 февраля 1907 г. Главное управление казачьих войск направило ходатайство в Совет министров об отпуске 7,5 млн руб. на экономическое поддержание хозяйств мобилизованных казаков [9]. И уже 17 февраля того же года по указанию Николая II Государственный совет принял постановление о выделении на эти цели 5,2 млн руб. [10]. Из этих средств каждый мобилизованный в это время на внутреннюю службу казак получал специальное пособие в размере 207 руб. [11]. Это была довольно большая сумма для рядовых казаков. Однако не стоит на основании данного факта впадать в какую-либо крайность или упрощать вопрос выдачи казакам данных денежных пособий и говорить об их якобы прямом подкупе [12]. Действительность того времени была намного сложнее, и все ее проблемы и противоречия, в том числе и отношение казачества к привлечению к полицейской службе, нельзя примитивизировать и сводить к сугубо материальным аспектам. Как справедливо отмечал М.П. Богаевский, на эту службу казачество шло не потому, что раздавались «пособия и обещания убогатворить различными милостями, но потому, что в душе казачества жило сознание государственной необходимости и мысль о незыблемости» [13].

Немало споров возникало среди исследователей и по поводу масштабов использования казачьих частей при подавлении различных выступлений в период революции. Подавляющее большинство авторов утверждало, что они были очень и очень значительны. Правда, данные суждения не подкреплялись конкретными выкладками. И только в отдельных работах содержались обоснованные количественные данные, которые свидетельствовали о том, что доля привлеченных для борьбы с внутренними беспорядками казачьих частей и подразделений в общем количестве использованных с этими целями войск русской армии в 1906 г. составляла 16,7 %. В следующем году она снизилась до 12,6 % [14]. Эти данные можно охарактеризовать с разных точек зрения: и как достаточно значительные, и как не очень большие. Однако если оценивать их объективно, учитывая при этом и долю казачьих частей в общем составе вооруженных сил страны, то можно, на наш взгляд, прийти к заключению, что, несмотря на свою «скромность», они свидетельствуют о довольно масштабном привлечении казачьих формирований для борьбы с революцией.

Почему же правительственные органы с такой охотой прибегали к использованию именно казачьих подразделений? По нашему мнению, при этом правящие круги исходили из целого ряда серьезных предпосылок, начиная от идейно-политических воззрений казаков и их моральных качеств, о чем уже говорилось выше, и заканчивая факторами сугубо практического свойства. К сожалению, на последнее обстоятельство в исторической литературе внимания практически не обращалось. Между тем это очень важный момент, нуждающийся в самом пристальном рассмотрении. Причем на него еще в период революции указывали некоторые видные царские сановники, непосредственно руководившие борьбой с революционными выступлениями. Они, естественно, руководствовались спецификой порученных им дел и были самым непосредственным образом заинтересованы в максимально быстром и эффективном противодействии любым противозаконным выступлениям. При этом в большинстве случаев они стремились использовать не пехотные, а кавалерийские подразделения. Данный подход объяснялся двумя сугубо прагматическими обстоятельствами. Во-первых, когда против манифестантов, забастовщиков или демонстрантов бросались пешие солдатские части, то это зачастую приводило к многочисленным жертвам и, как следствие, к усилению возмущения и революционной активности масс. Об этом, в частности, со всей очевидностью свидетельствовал кровавый опыт трагических событий в Петербурге 9 января 1905 г. и во многих других городах страны. Отмеченное обстоятельство ясно осознавали многие видные правительственные чиновники. Одним из них был товарищ (заместитель) министра внутренних дел в кабинете правительства П.А. Столыпина, а позже заведующий делами департамента полиции генерал П.Г. Курлов, который в своих воспоминаниях, опубликованных уже в эмиграции в начале 1920-х гг., особо отмечал, что он был «врагом применения пехоты для подавления беспорядков, так как прекрасно знал, что при современном состоянии оружия столкновение толпы с пехотными частями неизбежно влекло за собой значительные человеческие жертвы, а потому прибегал всегда в таких случаях к кавалерии» [15]. Во-вторых, конные подразделения являлись наиболее мобильными, и их можно было очень быстро направить в любые отдаленные районы, города и в особенности села, охваченные волнениями. Ну а поскольку казачьи полки и сотни составляли большую часть всей кавалерии русской армии, то вполне объяснимо то обстоятельство, что против восставших довольно часто использовались именно казаки. И приведенное свидетельство авторитетного царского сановника по данному вопросу было далеко не единственным. Практически все ответственные высшие

чиновники Министерства внутренних дел неоднократно заявляли о том, что «при возникновении крестьянских беспорядков испытывается необходимость в военных силах, главным образом казачьих частях, как наиболее подвижных и пригодных для указанной цели» [16]. Такого же мнения, исходя из анализа конкретной обстановки и имевшегося практического опыта, придерживались и главы местных губернских властей. Так, бывший в 1905 г. уфимским губернатором генерал Цехановский отмечал в своих воспоминаниях: «Когда крупные земельные беспорядки разыгрались в двух соседних губерниях (Казанской и Самарской) и докатились до Уфимской губернии, нужна была конница, чтобы быстро перебрасывать в каждую угрожающую местность и вовремя парализовать всякое поползновение к грабежу» [17]. Далее он указывал, что «наиболее пригодным для поддержания порядка в деревнях» являлось соседнее с Уфимской губернией Оренбургское казачье войско. «Я отправлял телеграмму за телеграммой министрам – военному и внутренних дел, – писал бывший губернатор, – настаивая на безусловной необходимости присылки трех казачьих эскадронов (сотен. – В.Т.) в Уфимскую губернию, чтобы быть в состоянии везде поддерживать порядок» (обращает на себя внимание факт, что для поддержания порядка на территории огромной губернии губернатор затребовал всего лишь три сотни казаков. – В.Т.) [18].

Кроме всего отмеченного, можно обратить внимание также и на сугубо технические причины частого заедывания казачьих формирований при разгоне митингов и демонстраций. Данный вопрос только однажды затрагивался в статье Б.А. Алмазова. По его мнению, система обеспечения безопасности в городах царской России была тщательно разработана и работала весьма эффективно. Наряду с четко функционировавшими полицейскими и пожарными частями существовала конная жандармерия, постоянно использовавшаяся против демонстрантов. Наряду с ними для этих же целей часто привлекались и казачьи сотни. Причины этого Б.А. Алмазов видит чисто технические, а именно – в особенностях казачьей экипировки. Как правило, казаки сидели в мягких высоких «кавказских» седлах, в которых всадник держался гораздо прочнее, чем в обычном седле строевого образца. Кроме этого, в иррегулярных казачьих частях применялось простое, но веками проверенное и очень эффективное изобретение, которое позволяло всаднику прочно держаться в седле, даже сражаясь в самой гуще пехоты: под брюхом коня стремена были «скошеваны», т. е. состегнуты специальным прочным ремнем, что во много раз повышало устойчивость седла. Поэтому выбить всадника из такого седла было очень трудно, скорее можно было повалить коня [19]. При рассеивании митингов или демонстраций ка-

заки использовали умелые приемы управления лошадьми. Это позволяло весьма немногочисленным казачьим подразделениям предотвращать массовые, иногда даже по несколько тысяч человек, митинги и демонстрации. При этом в основном обходилось без кровопролития и жертв*.

На разгон демонстраций казаки направлялись, как правило, без огнестрельного оружия. Против демонстрантов и участников митингов они могли использовать получившие сомнительную известность нагайки. Нагайка полагалась каждому казаку как обязательный элемент его экипировки и предназначалась для подстегивания коня, поскольку в силу сложившихся традиций казаки, в отличие от всех других кавалеристов, не имели шпор. В экипировке казаков имелись нагайки двух видов. Основная масса казаков имела простые нагайки, представлявшие собой обыкновенную камчу на обтянутой кожей деревянной или костяной рукоятке с расширением на конце. Такой нагайкой можно было в случае необходимости нанести максимум один оглушающий удар, сопровождаемый сильным хлопком, но нельзя покалечить человека, например, разбить голову или повредить глаз. Нагайки второго вида являлись гораздо более серьезным оружием: оплетенные кожей стальной трос или тонкая цепочка со специальным мешочком на конце, в котором лежали пули или кусочки свинца. Такая нагайка весила до двух килограмм и могла нанести тяжелые увечья. Но такие нагайки имели только два-три человека во взводе из числа опытных старослужащих вахмистров, которые могли применять их в крайних случаях, главным образом против находящихся в толпе среди демонстрантов различных вооруженных экстремистов, боевиков, хулиганов.

Да и простые нагайки использовались казаками при разгонах митингов и демонстраций далеко не всегда. Быстрый выезд казаков навстречу демонстрантам со свистом и гиком, сам грозный вид казачьей конницы

* Любая абсолютизация чревата искажениями. Можно ли заявлять, например, что крестьяне подавили революцию, на том основании, что они составляли абсолютное большинство солдат правительственных войск? Или, скажем, они участвовали в карательных экспедициях в Западной Сибири генералов П.К. Ренненкампа и А.Н. Меллер-Закомельского? Или что крестьяне служили в лейб-гвардии Семёновском полку, прибывшем из Петербурга и разгромившем декабрьское 1905 г. вооруженное восстание в Москве? Конечно, нет. Более того, даже сама постановка такого вопроса вызывает вполне объяснимое недоумение и обоснованные возражения. Солдат – вчерашних крестьян, рабочих и представителей других социальных слоев – никто не называл «опричниками», «душителями свободы, революции» и т. п. А на каком основании подобные ярлыки навешивались на казаков? Причины, видимо, следует искать в тактических установках революционных партий и организаций в ходе ожесточенной борьбы за власть, а также в воззрениях либеральной общественности в то время.

в большинстве случаев обращал толпу в бегство [20]. Подтверждая все отмеченные аспекты, известный историк Г.З. Миронов подчеркивал, что всадник, сидевший на высоте двойного человеческого роста, и сам выглядел очень внушительно. Эффективность действий кавалеристов, по его мнению, была таковой, что иногда даже толпу в пять тысяч человек рассеивали взвод полицейских, полувзвод конных жандармов и взвод казаков, то есть всего 70–100 человек [21].

При рассмотрении причин активного использования казачьих частей против участников различных революционных выступлений не следует упускать из виду и высокую дисциплинированность, исполнительность казаков, их верность воинскому долгу и присяге, общую политическую и общественную благонадежность по отношению к существовавшему режиму.

В общем и целом казачьи части, как и все остальные армейские подразделения, внесли свой вклад в дело подавления различных революционных выступлений. И на данное обстоятельство вполне справедливо указывали многие отечественные и некоторые зарубежные исследователи [22]. В то же время не следует впадать в крайность и утверждать, что, например, «казаки подавили революцию», «задушили свободу», играли роль «опричников», «нагаечников» и т. п. [23]. Их доля в общем количестве войск, брошенных правительством на различные «усмирения», отнюдь не была, как мы видели из конкретных цифровых данных, преобладающей.

Несмотря на то что основная масса армейского казачества послушно исполняла приказы по «наведению порядка», с течением времени в его среде вполне отчетливо назревало недовольство возложенными чуждыми жандармско-полицейскими обязанностями. Более того, в некоторых случаях дело доходило до открытого неповиновения и даже до антиправительственных выступлений. Характерно всё это было не только для армейского казачества, хотя именно в его среде отмечалось большинство таких случаев, но и для станичного.

Примечания

1. См.: Начало первой русской революции. Январь – март 1905 года. Докл. и матер. М., 1955. С. 147–149.
2. Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 108.
3. Трехбратов Б.А. Первые шаги... : Выступления армейских и казачьих частей в период революции 1905–1907 гг. Краснодар, 1989. С. 8.
4. Второй период революции. 1906–1907 гг. Январь – апрель 1906 г. Докл. и матер. В 2 кн. Кн. 1. Ч. 1. М., 1957. С. 627.
5. Трехбратов Б.А. Указ. соч. С. 107.

6. Футорянский Л.И. Указ. соч. С. 109.
7. Демешина Е.И. Казачество Дона в революции 1905–1907 гг. // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 85.
8. Футорянский Л.И. Указ. соч. С. 111. Табл. 2.
9. Трехбратов Б.А. Указ. соч. С. 106–107.
10. Бабичев Д.С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д, 1969. С. 38.
11. Мужев И.Ф. Казачество Дона, Кубани и Терека в революции 1905–1907 годов. Орджоникидзе, 1963. С. 65.
12. См. напр.: Бабичев Д.С. Указ. соч. С. 38.
13. Цит. по: Богаевский М.П. Русская революция и казачество // Донская волна. 1918. № 14. С. 7.
14. См.: Футорянский Л.И. Указ. соч. С. 111. Табл. 21.
15. Цит. по: Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 48.
16. Цит. по: Футорянский Л.И. Указ. соч. С. 112.
17. Цит. по: История казачества Азиатской России. В 3 т. Т. 2. Екатеринбург, 1995. С. 89.
18. Там же.
19. См.: Алмазов Б.А. Казаки и демонстрации // Казачьи войсковые ведомости. Спец. выпуск. 1990. № 1. С. 6.
20. Там же. С. 6–7.
21. Миронов Г.З. История государства Российского. Историко-библиографический очерк. XIX век. М., 1995. С. 422.
22. См. напр.: David Floyd. Russia in Revolt. 1905. The First Crack in Tsarist Power. New York, 1970. P. 37, 77, 84.
23. Военная быль. 1967. № 86. С. 46.

К вопросу о восприятии казаками своей роли в революционных событиях 1905–1907 гг.

В начале XX в. Российская империя вступила в полосу острого общественно-политического кризиса, в который были втянуты все слои общества, в том числе и казачество.

Революционное движение 1905–1907 гг. поставило казачество в исключительное положение. Правительство, считая казаков верными слугами Отечества, решило использовать их для подавления мятежа. Все первоочередные казачьи полки были привлечены для усмирения мятежников. Затем были призваны по мобилизации все полки второй очереди. Мобилизованные и первоочередные полки были распределены по губерниям, наиболее охваченным мятежом, где и наводили порядок [1].

Отношение казаков к несению полицейской службы было сложным. В преддверии революции 1905–1907 гг., как отмечает А.А. Гордеев, казаки считали себя обособленными от русского крестьянства, мало интересовались его судьбой и открыто считали себя прежде всего казаками, а потом уже гражданами Российской империи [2]. В начале революции казаки беспрекословно выполняли приказы, помогая властям наводить порядок. Астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска генерал-лейтенант И.Н. Соколовский отметил в своем отчете императору, что «население Астраханского казачьего войска в столь смутное время (атаман имел в виду период революции 1905–1907 гг. – Е.Г.), свято чтя заветы предков, было безупречно в своем поведении и преисполнено сознания необходимости непоколебимо исполнять свой долг перед Царем и Отечеством до последней капли крови, что неоднократно выражалось лично астраханскими казаками в приговорах их станичных сборов» [3].

Авторы работы «Казачий Дон: пять веков воинской славы», указывая на причины такого поведения казаков, подчеркивают, что в казачьем сознании доминировали такие морально-нравственные принципы, как высокое чувство ответственности, верность воинскому долгу и присяге, исполнительность, неукоснительное следование всем существовавшим законодательным установлениям [4].

Однако многие казаки выражали недовольство возложенными на них жандармско-полицейскими функциями. Часто они просили, чтобы вместо

борьбы с революционерами их направили на войну с японцами. Так, казаки 31-го Донского полка направили в Государственную думу письмо, в котором отмечали, что «с радостью» пошли бы на войну с Японией, но служба внутри страны и исполнение полицейских функций является «позором и срамом казачьему званию». Казаки 1-го Сводного донского полка писали в Думу: «Молим уволить нас от полицейской службы, которая противна нашей совести и которая оскорбляет достоинство нашего славного Донского войска». Подобных примеров было довольно много во всех казачьих войсках [5]. Постепенно такие недовольства вылились в открытые антиправительственные выступления, получившие достаточное освещение в литературе.

Примечательно, что станичные казаки по-разному относились к этим выступлениям. Так, часть казаков на сходах осуждала выступления 2-го Урупского казачьего полка. Например, в станице Тенгинской сход постановил лишить мятежников воинского звания. Другие, в их числе станицы Келермесская и Гиагинская, выносили приговоры, поддерживающие урупцев вплоть до оказания им вооруженной помощи в случае применения против них военной силы. Активно в плане антиреволюционной агитации работали казачьи власти. 7 февраля 1906 г. 2-й Урупский казачий полк сдался, а 18 февраля в «Кубанских областных ведомостях» был опубликован «Ответ на воззвание изменников-урупцев», где резко осуждались действия казаков 2-го Урупского казачьего полка, которые «забыли свою казацкую честь и славу, изменили святой присяге и стали позором всего войска» [6].

Атаман Донского казачьего войска генерал-лейтенант А.В. Самсонов отмечал в своем отчете, что в 1907 г. среди казачества наблюдалось скрытое недоверие и неприязнь к представителям как центральной правовой власти, так и местной. Объяснял он это, с одной стороны, общим недовольством населения под влиянием резко изменившихся экономических условий жизни некогда цветущего края, а с другой стороны, результатом политической пропаганды, которая велась особенно настойчиво в период 1904–1906 гг. «Пропаганда велась при помощи книг, газет, речей в Государственной думе, несомненно, приносила больше вреда, чем тайная, особенно для низших классов населения, которые с доверием относятся к печатному слову и вообще склонны думать, что если что-либо говорится или пишется открыто, то значит это разрешено правительством», – писал атаман [7]. В заключении своего отчета атаман констатировал, что при объезде станиц в 1907 г., беседуя с казаками, он лично убедился в том, насколько агитационная деятельность повлияла на общее настроение казаков, понял, какие сведения о текущих событиях государственной и общественной жизни усиленно

распространялись среди населения с целью привлечения его на сторону революционеров. Но казаки вновь стали относиться с доверием к власти [8]. Осуществлялась агитация и с помощью распространения листовок революционными партиями. По подсчетам Л.И. Футорянского, революционные листовки были распространены в 36 % станиц Донского, 33 % Кубанского и 20 % Оренбургского казачьих войск, устная же пропаганда встречалась очень редко [9].

В начале XX века отчетливо наблюдается рост национального сознания казаков – так называемый «казачий национализм». Государство, заинтересованное в казачестве как военной опоре, активно поддерживало эти настроения, гарантировало определенные привилегии [10].

В фондах Российского государственного исторического архива содержится большое количество дел о назначении пенсий казачкам, чьи мужья погибли или пострадали в период революционных событий 1905–1907 гг. Так, Евфимия Андреевна Иванова (хутор Ильменский Кобылянской станицы II Донского округа) писала министру военных дел, что ее муж, Александр Калистратович Иванов, находясь на действительной службе, где он состоял разведчиком, во время вооруженного восстания в городе Ростове-на-Дону 14 декабря 1905 г., сопровождая в больницу тело убитого городского, был ранен мятежниками в оба бедра и от этих ран после ампутации ног 30 января 1906 г. скончался [11].

Евфимия Андреевна писала: «Из правил о пенсиях и пособиях лицам, пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью, и семействам сих лиц, высочайше утверждённых 18.03.1909 г., видно, что назначение пенсий и пособий сказанным лицам и их семействам возложено на Ваше Высокопревосходительство по соглашению с Господином министром финансов, что по сим § 3 пункт *а* и § 5 приведены правила. Я и дети мои (две дочери 1903 и 1905 годов рождения. – *Е.Г.*) как семейство убитого возстанцами казака Александра Иванова, имеем основание рассчитывать на получение пенсии со дня смерти нашего кормильца, нашего мужа и отца, а потому я осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству и ходатайствовать перед Вами о назначении мне и детям моим пенсии» [12].

Из послужного списка казака Иванова видно, что земледелие было единственным источником пропитания для семьи. Естественно, что потерявшая кормильца семья – вдова и малолетние дети – не могли надлежащим образом вести хозяйство, и оно пришло в запустение. В связи с этим женщина просила назначить не только пенсию, но и единовременное пособие, чтобы «обзавестись сельскохозяйственным инвентарем, дабы поддерживать расстроенное хозяйство» [13].

Размер пенсии исчислялся, исходя из размера содержания, составлявшего для нижних чинов 140 руб. В связи с тем, что нижние чины являлись категориями лиц, не состоящих в штатных должностях, Министерство финансов сокращало эту сумму, и пенсия определялась для тех, кто прослужил не более 15 лет, в $\frac{1}{2}$ полного оклада, а для вдов – в $\frac{1}{6}$. В связи с гибелью казака в результате политического преступления Евфимии Ивановой была назначена пенсия в размере 70 руб., по 46 руб. 66 коп. каждому ребенку, и выплачено единовременное пособие в размере 77 руб. 76 коп. [14].

Итак, в революционные события 1905–1907 гг. оказалось вовлеченным и казачество. С одной стороны, казаки выступали активными помощниками власти в подавлении революционных выступлений, с другой стороны, они были недовольны несением жандармско-полицейских функций. Следует отметить, что предвыборные кампании в Государственные думы первого, второго и третьего созывов, конечно, всколыхнули общественно-политическую жизнь в казачьих регионах, однако степень активности казачьего населения была низкой. По мнению М.В. Братолобовой, причиной этого был страх обретения гражданских прав: даже законные цензовые избиратели боялись голосовать, опасаясь подвоха властей [15]. Казачий электорат не имел четкой политической ориентации, поскольку смутно представлял себе программы политических партий. Их пристрастия определились только на последней стадии выборов. Из 85 депутатов-казаков 73 человека входили в оппозиционные правительству фракции и объединения. Кадетами от казачьих регионов стали 41,4 % депутатов. Именно они смогли сформулировать не только общедемократические, но и сословные требования, направленные на удовлетворение потребностей казачества, сохранение их самобытности [16].

Примечания

1. Гордеев А.А. История казачества. М., 2006. С. 428.
2. Там же.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 19. Л. 460 об.
4. Казачий Дон: пять веков воинской славы. История и современность / А.В. Венков и др. М., 2010. С. 36–37.
5. История казачества России: учебное пособие / отв. ред. А.В. Венков. Ростов н/Д, 2001. С. 211.
6. Кубанские областные ведомости. 1906. 18–19 февраля.
7. РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 74. Л. 9.
8. Там же.

9. Фугорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1997. С. 123.

10. Сопов А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 43.

11. РГИА.Ф. 1284. Оп. 73. Д. 298. Л. 1.

12. Там же.

13. Там же. Л. 47–48 об.

14. Там же.

15. Братолюбова М.В. Казачество на выборах в российский парламент начала XX века // Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тимашевск, 2–5 октября 2006. Краснодар, 2006.

16. Там же. С. 37.

Донские казаки и кадеты на выборах в Учредительное собрание

В год 100-летнего юбилея Российской революции наблюдается активизация интереса ученых, политических институтов и общественности к событиям революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны. Особого внимания в этом вопросе заслуживают история созыва Учредительного собрания, его роль и место в революционной России в целом и области Войска Донского в частности.

Выборы в Учредительное собрание были первым опытом проведения всеобщих выборов в России. Жители области Войска Донского (далее – ОВД), как и вся страна, пребывали в ожидании выборов.

В мае 1917 г. для выработки проекта Положения о выборах начало работу Особое совещание, в которое входили представители различных политических партий и национальных групп. Дата выборов постоянно корректировалась. Первоначально они были намечены на 17 сентября, в итоге состоялись 12–14 ноября 1917 г.

Непосредственной подготовкой и проведением выборов занималась специально созданная Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы). Члены этой комиссии были утверждены 1 августа. В нее вошли 16 человек под председательством кадета Н.Н. Авинова. Донские газеты систематически публиковали материалы о работе комиссии [1].

Положением о выборах предусматривалось всеобщее избирательное право с пропорциональной системой выборов по спискам, выдвигавшимся политическими партиями. Голосовать могло всё гражданское население с 20-летнего возраста и военнослужашие с 18 лет.

24 сентября 1917 г. в Вестнике Временного правительства была опубликована таблица количества мест в Учредительном собрании, которые распределялись среди избирательных округов. Области Войска Донского отводилось 17 мест [2]. Территория ОВД была разделена на 9 избирательных округов: Черкасский, 1-й Донской, 2-й Донской, Усть-Медведицкий, Хопёрский, Донецкий, Сальский, Таганрогский, Ростовский.

Вся процедура, связанная с выборами в Учредительное собрание в области Войска Донского, специально оговаривалась в соответствующем разделе Положения о выборах. В избирательных округах создавались окружные (областные) избирательные комиссии, в городах – городские

и участковые комиссии [3]. В августе 1917 г. была создана Донская областная комиссия, председателем которой стал глава Новочеркасского окружного суда О.Н. Жук. В комиссии состояли: В.М. Дементьев (член Новочеркасского окружного суда), В.П. Литов (городской голова), М.Б. Смирнов (гласный думы), Н.Д. Дувакин и С.А. Любимов (оба члены областного правления Войска Донского).

В городах с численностью более 50 тыс. населения Положение предписывало создать городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, осуществляющие свои полномочия под председательством судьи, избранного окружным судом. В состав комиссии входили два мировых судьи и четыре члена, избранные городской управой, представители групп избирателей, зарегистрировавших своих кандидатов.

Так, Таганрогская городская дума на своем заседании постановила учредить городскую комиссию по выборам и ввести в нее четверых своих представителей: М.Д. Вейцмана, Г.В. Парфенова, И.Е. Кондо и кадета А.С. Безчинского.

Решением городских дум ОВД создавались участковые комиссии, в которые избиралось по 10 представителей от каждой фракции для наблюдения за ходом выборов. От фракции Партии народной свободы в таганрогскую участковую комиссию входили: Ф.Ф. Борисенко, А.С. Безчинский, И.И. Иващенко, Н.С. Моргунов, В.В. Добротворский [4].

10 октября 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» было опубликовано постановление о том, что все казачьи войсковые части должны принимать участие в выборах, голосуя за списки тех избирательных округов, в состав которых они входят. Для казаков специально организовывались полковые избирательные комиссии [5].

Председатель Всероссийской по делам о выборах комиссии настоятельно рекомендовал регулярно предоставлять ему всестороннюю информацию о ходе выборов, о власти на местах, о тех, кто в пределах области осуществляет эту власть, остался ли при исполнении своих обязанностей комиссар Временного правительства.

В начале ноября 1917 г. Донская областная комиссия докладывала в Петроград, что «в Донской области не наблюдались массовые выступления большевиков и поэтому деятельность областной, городских и уездных комиссий не имела с этой стороны никаких затруднений. Однако выступления большевиков в других районах вызвали перерыв почтовых и телеграфных сообщений с Петроградом и Москвой. В течение 10 дней из этих мест не было никаких известий» [6].

Общая политическая и экономическая разруха отозвалась и на Донской области: многие почтовые станции бастовали, из-за чего возникли

затруднения в доставке избирательных документов в те места, где не существовало никакого иного сообщения, кроме почтового (Усть-Медведицкий, Хопёрский, 1-й и 2-й Донской округа).

Из-за несвоевременной доставки избирательных бюллетеней в Таганрог (выборы здесь были намечены на 12 ноября) Таганрогская комиссия ходатайствовала о переносе даты выборов в городе и Таганрогском округе. Донская областная комиссия удовлетворила ходатайство и перенесла их на 19, 20 и 21 ноября 1917 г.

В соответствии с Положением о порядке подготовки и проведения выборов партии и группы выставляли кандидатские списки. В Петрограде баллотировалось 19 списков, в Москве – 12, в Петроградской губернии – 10.

В Донскую областную комиссию было заявлено 9 кандидатских списков: № 1 – блок социалистов (11 фамилий); № 2 – партия эсеров, совет крестьянских депутатов и трудового казачества (22 фамилии); № 3 – группа старообрядцев всех сословий города Новочеркасска (3 фамилии); № 4 – казачий список (16 фамилий); № 5 – Донское окружное бюро и Ростово-Нахичеванский комитет РСДРП(б) (21 фамилия); № 6 – Партия народной свободы (16 фамилий); № 7 – блок кооператоров и трудовой народно-социалистической партии (19 фамилий); № 8 – РСДРП (объединенной) (21 фамилия); № 9 – Донской союз собственников (17 фамилий) [7].

Следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, изучающих итоги выборов в Учредительное собрание по казачьим областям, на Дону существовало два казачьих списка. Вторым был список № 2, представляющий блок трудовых казаков с эсерами [8]. Первым в этом списке был заявлен А.Ф. Керенский.

Предвыборная кампания в Учредительное собрание проходила на фоне резко обострившейся борьбы за власть. Кампания носила в основном партийный характер, ни одна из влиятельных российских политических партий не могла игнорировать выборы в Учредительное собрание.

Партия конституционных демократов в своей агитации обращалась к общенародным, общенациональным интересам, особый упор делали на будущее России, борьбу с анархией.

Список № 6, Партия народной свободы, включал 16 фамилий. В списке значились: Аджемов Моисей Сергеевич, присяжный поверенный; Зеелер Владимир Феофилович, присяжный поверенный; Парамонов Николай Елпидифорович, промышленник; Черячукин Фёдор Васильевич, почетный мировой судья; Безчинский Аркадий Соломонович, присяжный поверенный; Беляевский Алексей Григорьевич, профессор; Вилков Александр Александрович, профессор; Знаменский Владимир Михайлович,

преподаватель мужского училища; Буданов Иван Платонович, присяжный поверенный; Пономарев Дмитрий Васильевич, Сальский Григорий Александрович, титулярный советник; Ушаков Иван Иванович, народный учитель; Черевков Степан Петрович, редактор газеты «Ростовская речь»; Харитонов Сергей Васильевич, младший нотариус; Зверев Леонид Владимирович, работник Владикавказской ж/д; Борисенко Ф.Ф., присяжный поверенный [9].

17 октября 1917 г. Донская областная по выборам в Учредительное собрание комиссия в составе ее председателя – председателя Новочеркасского окружного суда О.Н. Жука, заместителя товарища председателя по административному отделению А.П. Краснянского, В.П. Литова, С.А. Любимова утвердила кандидатский список Партии народной свободы, зарегистрировав его под номером № 6 [10].

Интересен тот факт, что три видных члена Донского отделения Партии народной свободы, а именно: Харламов Василий Акимович, Воронков Митрофан Семенович, Араканцев Михаил Петрович – проходили по казачьему избирательному списку. На краевом съезде партии кадетов, состоявшемся 8 октября 1917 г. в Ростове-на-Дону, относительно сложившейся ситуации было выработано следующее решение: «поскольку списки не являются враждебно-конкурирующими, считать желательным включение кандидатур Харламова В.А., Воронкова М.С., Араканцева М.П. в казачий избирательный список» [11].

Главным информационным и агитационным источником для населения выступала периодическая печать. В газетах регулярно помещались объявления избирательных комиссий, списки и биографии кандидатов, другие предвыборные материалы. Официальный орган войскового правительства газета «Вольный Дон» принимала активное участие в избирательной кампании. Казачий список, выработанный Войсковым правительством, был опубликован на страницах газеты «Вольный Дон» 8 октября 1917 г. В него вошли: А.М. Каледин, М.П. Багаевский, П.М. Агеев, В.А. Харламов, Н.М. Мельников, М.С. Воронков, М.П. Араканцев, А.П. Попов, Б.Н. Уланов, В.Я. Бирюков, Е.И. Тарасов, А.П. Епифанцев, Н.П. Лапин, Ф.Д. Крюков, Д.В. Писарев, Ф.И. Протопопов [12].

Программа донского казачества на выборах в Учредительное собрание включала следующие положения. Во-первых, программа провозглашала равенство всех перед законом, отмену всех привилегий и ограничений: сословных, национальных, религиозных. Во-вторых, казаки выступали за единую демократическую федеративную республику и вхождение в нее области Войска Донского на правах федерации. В-третьих, высшим органом управления в области провозглашался войсковой круг. В-четвертых,

по вопросу о земле платформа провозглашала, что все земли сельскохозяйственного пользования принадлежат трудовому земледельческому населению, частновладельческие, превышающие размер трудовой нормы, отчуждаются принудительно на основе, выработанной высшим законодательным органом.

Выборы в Учредительное собрание на Дону проводились 12–14 ноября 1917 г. в обстановке, когда в Петрограде власть была в руках большевиков, а в ОВД, равно как и во всех казачьих областях, она еще не установилась. На Дону высшими органами власти объявили себя Войсковое правительство и Военно-революционный комитет.

Следует также иметь в виду, что на Дону в это время действовало военное положение, объявленное атаманом А.М. Калединым. В его приказе о введении военного положения от 2 ноября 1917 г. говорилось: «Ввиду развивающегося большевистского движения и пропаганды Ростовское-на-Дону градоначальство, округа Черкасский, Ростовский и Таганрогский с городами Новочеркасском, Таганрогом и п. Азовом объявлены состоящими на военном положении» [13]. Такая ситуация обусловила ожесточенную политическую борьбу в ходе выборов.

В выборах в Учредительное собрание по России приняло участие 60 % населения страны, в Москве и Петрограде проголосовало около 70 % избирателей. Общая политическая ситуация в России в этот период была чрезвычайно сложной. Выборы проходили в условиях террора и преследований, а также ожесточенной борьбы между захватившими власть большевиками и всеми теми, кто желал восстановления российской государственности.

На этом фоне отмечалась недостаточная активность жителей области Войска Донского, газеты отмечали, что избиратель плохо проявляет свою политическую сознательность. В Ростове проголосовало примерно 35 % избирателей [14], в Нахичевани – 47 % [15], в Таганроге – около 43 % [16], а в Новочеркасске – 45 % [17].

По результатам выборов победу одержал казачий список № 4, за него было отдано около 45 % голосов. Успех казачьей программы заключался в том, что она защищала интересы казаков как привилегированной группы, доверие казаков к своим лидерам и организационным институтам оставалось стабильным.

Результаты выборов для кадетской партии были неутешительны. Она заняла четвертое место, получив 3,08 %. Партия народной свободы на Дону, как и по всей России, собрала голоса в крупных городских центрах. Так, из 43 345 голосов свыше 20 тыс. были получены ими в Ростове, Нахичевани и Таганроге [18]. Однако успех казачьего списка, в котором были

представители кадетов, еще вселял надежду. Некоторые современные ученые успех казачьего списка вообще расценивают как победу донских кадетов.

Получив предварительные результаты выборов, 14 ноября 1917 г. донской атаман А.М. Каледин созвал экстренное заседание войскового правительства. В своем выступлении он заявил: «Мы не предполагали, что большевистское движение найдет поддержку у населения, что оно разрастется до таких размеров. Войсковое правительство, опираясь на мнение всего общества, считает недопустимым образование правительства тем способом, каким это сделали большевики. Войсковое правительство постановило:

- отказать в признании законности большевистскому правительству;
- выступить за восстановление коалиционного правительства;
- предпринять особые меры для восстановления коалиционного правительства».

Подводя итоги, А.М. Каледин особо подчеркнул, что теперь жизнь в крае должна строиться на началах, заложенных в казачьей программе: федеративная республика для всей страны; широкая автономия, самостоятельность территорий при сохранении связей с центром [19].

Анализируя результаты выборов в России и на Дону, можно отметить, что область Войска Донского продемонстрировала свою специфику. Если в целом по России социалистические партии заняли первое место, большевики – второе, кадеты – третье, то на Дону на первом месте оказался казачий список, который сместил умеренных социалистов и большевиков соответственно на второе и третье места. Результаты выборов были обусловлены политическими и социально-экономическими особенностями региона.

Примечания

1. Приазовский край. 25 июня 1917 г.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 855. Оп. 1. Д. 105. Л. 94 об.
3. ГАРО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 105. Л. 77.
4. ГАРО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 11. Л. 108–108 об.
5. ГАРО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 106. Л. 37.
6. Там же. Д. 26. Л. 218.
7. Там же. Д. 107. Л. 86.
8. Футорянский Л.И. Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург, 2003. С. 45.
9. ГАРО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 127. Л. 129.

10. Там же. Д. 123. Л. 41.
11. Вольный Дон. 10 октября 1917 г.
12. Там же. 8 октября 1917 г.
13. ГАРО. Ф. 694. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
14. ГАРО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–138.
15. Там же. Д. 76. Л. 1–95.
16. Там же. Д. 105. Л. 173.
17. Там же. Д. 77. Л. 1–44.
18. Там же. Д. 105. Л. 215, 173; Там же. Д. 113. Л. 14.
19. Вольный Дон. 16 ноября 1917 г.

Периодическая печать на Кубани в период революционных событий 1905–1907 гг.

Призыв революционной Москвы к всеобщей стачке и вооруженному восстанию нашел отклик и на Кубани. Несмотря на определенную однородность населения (Кубань – казачий регион), противоречий в нем было достаточно: между более зажиточными казаками и бедными, рабочими и молодой развивающейся буржуазией, бывшими иногородними крестьянами и коренными жителями. Предпосылок к этим противоречиям было не меньше, а где-то даже и больше, чем в других частях огромной Российской империи. Сюда ссылали немало политических заключенных, пропагандистов и революционеров, уповая на преданность казаков государству и консервативность жизненного уклада.

Источниковой базой для реконструкции этого периода служат, конечно, в первую очередь, документные фонды Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), такие как Ф. 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска» и Ф. 482 «Екатеринодарский окружной суд».

Существенный объем материала, который позволяет составить представление о настроениях и партийной принадлежности местного населения, содержится в листовках и прокламациях. Многие из них распределены по архивным фондам.

В данной статье мы хотели бы подробнее рассмотреть такой важный источник, как периодические издания. Ведь где, как не в них, наиболее красочно и разносторонне отображена повседневная жизнь, состоящая из ежедневных событий, из публикуемых законодательных проектов, из происшествий. Газета в зависимости от принадлежности к партии показывает нам взгляд на факты истории под углом зрения этой партии, является ее голосом. Так, рассмотрев описания одних и тех же событий в разных газетах, с разных ракурсов, мы можем составить более полную, яркую, насыщенную и объективную картину произошедшего.

В Ставрополье и на Кубани в 1905 – июне 1907 г. выходило 43 газеты. Исходя из того, что политическая направленность многих местных изданий не определена, а некоторых из них определена недостоверно, предпримем попытку их анализа. Рассмотрим основное содержание помещенных в них материалов.

Для определения партийности периодической печати мы ознакомились с самими изданиями. Итак, как газета может нам сообщить о своей партийной принадлежности? В первую очередь обращаем внимание на выходные данные отдельного выпуска – часто в зоне заголовка указывается, чьим органом она является (правительственный аппарат или же партия, встречается много беспартийных). Далее следует уделить внимание разделу так называемой официальной части. Он имеется почти в каждой газете в начале выпуска. Там печатаются вновь вышедшие документы, сведения о заседаниях, протоколы, отчеты, планы. В других разделах печатаются воззвания к народу с пропагандой своей партии, разъяснения ее деятельности и целей, критика программ других партий. Даже в неофициальной части можно было наблюдать подчеркивание событий, поддерживающих линию власти.

В годы революции на Кубани выходило 17 наименований газет [1]. Все они издавались только в городах: Екатеринодаре – 15, Анапе – 1, Ейске – 1. Большинство газет начало свою историю и прекратило существование в исследуемые годы. До революции издавались 4 газеты. В 1905 г. вышла одна газета, в 1906 г. – 9 газет, в 1907 г. – 6. Исходя из общего числа наименований газет, можно констатировать, что наибольшее количество изданий пришлось на 1906 г.

К настоящему моменту в архивном фонде ГАКК сохранилась коллекция газет рассматриваемого периода, которая включает в себя следующие: «Кубанские областные ведомости» (еженедельная (позже ежедневная) газета, 1905–1908 гг.), «Приазовский край» (1907 г.), «Новая заря» (1906–1908 гг.), «Кавказ» (1906–1908 гг.), «Черноморское побережье» (1906 г.), «Кубань» (1906 г.), «Кубанская жизнь» (1906 г.), «Свобода» (1906 г.), «Свобода печати» (1907 г.), «Свободное слово» (1907 г.).

Правительственная печать была представлена «Кубанскими областными ведомостями» (1863–1917 гг.). Эта газета с первых дней революции занимала проправительственную позицию, резко осуждая и критикуя революционное движение в стране [2].

Центральный военный орган большевиков – газета «Казарма» – высоко оценивала революционные выступления кубанских воинских частей. В издании даже писали, что в глазах народа восставшие против царизма кубанцы «покрыли себя почетом и славой. И народ теперь будет знать, что в казачьих рядах у него есть честные друзья, достойные граждане России» [3].

На первом этапе деятельности кубанские кадеты в качестве печатного органа использовали либеральную газету «Кубань», в которой публиковали партийную программу, протоколы заседаний комитетов и подобные вещи [4]. По мере расширения работы кадеты начали уже выпуск соб-

ственных изданий: «Кубанская жизнь» (1906 г.) [5], «Свобода» (1906 г.) [6], «Свобода слова» (1906 г.) [7], «Свобода печати» (1907 г.) [8].

Кадетская печать на своих страницах помещала пропаганду своей партии, критику (подчас довольно резкую) деятельности правительства, статьи по разработке животрепещущих вопросов (таких как аграрный), информацию об общественных движениях в разных уголках края, крестьянских, рабочих и казачьих волнениях в стране.

Цензоры характеризовали кадетскую печать словами «вредное направление». За подобную линию статей редактор «Свободы» Н.М. Рынди́н даже был привлечен к уголовному преследованию по одиннадцати делам (что было нередким для работников издательств в те непростые времена). Также дела были заведены на следующего редактора «Свободы» А.А. Малахова и редактора «Кубанской жизни» А.Д. Торопова [9].

Любопытен факт: только один орган печати кадетской партии был закрыт властями – газета «Свобода». Издание «Ейского вестника» прекратилось из-за нехватки денег [10], а причины исчезновения остальных вообще не известны.

Прочие политические направления «говорили», в основном, устами так называемой либеральной прессы: «Новая заря» [11], «Кубань», «Северный Кавказ» [12].

Тексты этих изданий не слишком отличались от статей, помещенных в революционных органах печати, по своей радикальности, но зато отражали материалы, освещавшие деятельность различных партий и движений (протоколы, программы, уставы, программы и прочее), а также происшествия, партии не касающиеся (драка в церкви, музыкальные вечера, болезни и эпидемии, некрологи, сообщения о приبلудившемся скоте). Директор Департамента полиции подчеркивал, что революционные газеты «даже уступают по их содержанию и тенденциозности взглядов распространяемым на Кавказе прокламациям противоправительственного содержания» [13].

Власти, конечно же, привлекали к ответственности редакторов газет за антиправительственный характер статей. Например, редактор «Новой зари» В. Потапов в сумме был арестован на три месяца и оштрафован на одну тысячу рублей. А. Филиппов («Кубань») был арестован на три месяца. Заменившего его Н. Масленникова осудили на один месяц. Выпуск многих газет и вовсе был приостановлен [14].

Таким образом, историческая картина периода 1905–1907 гг. на Кубани свидетельствует о том, что сколько-нибудь весомые претенденты на власть имели свои печатные органы. И, конечно, показывает богатый нераскрытый потенциал изучения периодики как исторического источника.

Остается только отметить, что имеющаяся источниковая база пока предоставляет довольно широкий круг информации для проведения разностороннего, глубокого анализа событий революции 1905–1907 гг.

Почему мы сказали «пока»? Нельзя еще раз не упомянуть о серьезной проблеме, поджидающей любой материальный носитель, – это ухудшающееся физическое состояние газет, сохранившихся до наших дней. Дело в том, что газетная бумага не рассчитана на длительное хранение, в то время как сама газета несет в себе невосполнимую и очень многостороннюю информацию, потеря которой оставит большие белые пятна на деталях истории нашего региона. В ГАКК остро стоит вопрос о реставрации газетных подшивок, которая является очень дорогостоящей и трудоемкой. Кроме того, начата масштабная и кропотливая работа по их оцифровке.

Примечания

1. Библиография периодических изданий России. 1901–1916 / под общ. ред. В.М. Барашенкова. Т. 1. Л., 1958. С. 101–647; Т. 2. Л., 1959. С. 55–658; Т. 3. Л., 1960. С. 11. 17, 155, 156, 157, 175–176, 183, 269, 271–272, 293–295, 307, 308, 514.

2. Кубанские областные ведомости: еженедельная (позже ежедневная. – *Е.Л.*) газета. Екатеринодар, 1863–1917.

3. «Казарма». 1906. 15 февраля. № 1.

4. Кубань. Екатеринодар, 1906.

5. Кубанская жизнь. Екатеринодар, 1906.

6. Свобода. Екатеринодар, 1906.

7. Свобода слова. Екатеринодар, 1906.

8. Свобода печати. Екатеринодар, 1907.

9. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Д. 512. Л. 3, 5, 7; Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 3440. Л. 4; Д. 6270. Л. 7.

10. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 5943. Л. 18.

11. Новая заря. Екатеринодар, 1906–1910.

12. Северный Кавказ. Ставрополь, 1884–1906.

13. РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Д. 526. Л. 1.

14. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 770. Л. 3; Д. 517. Л. 6; Д. 520. Л. 3.

Раздел 4

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА

В.А. Матвеев	163
П.Г. Култышев	170
Н.Н. Лысенко	177
К.Н. Максимов	184
О.М. Морозова	192
Р.Г. Тикиджьян	199
И.Ю. Васильев	208
А.В. Бабич	215
А.В. Дюкарев	221
В.А. Паршуков	225
А.В. Венков	233
А.П. Скорик	242
Д.Н. Санин	250
В.В. Слободенюк	257
С.М. Сивков	263
М.П. Мерзляков	269

Евфратское казачье войско: геополитический проект и реальность воплощения

Незавершенность процессуального состояния интеграции с Россией в гораздо более значимых параметрах, чем в других частях Кавказа с мусульманским населением, наблюдалась в ходе Первой мировой и гражданской войн на сопредельных приграничных территориях с Османской империей. Исключение там и в этом случае составляли армяне и незначительные по численности русские поселенцы. Определенности в восприятии перспективы сохранения российского выбора, как прояснили кризисные события, не наблюдалось у иных категорий христианского населения, в частности ассирийцев и даже исповедовавших православие греков. Между тем проявлялась солидарность в этом отношении во всех частях армянского этнического поля.

В этой среде повсеместно российский выбор рассматривался как возможность выживания. Причем такие настроения существовали и у армян, остававшихся в составе Турции. На таких настроениях отражалось не в последнюю очередь то, что проводившаяся ее руководством политика основывалась на националистической составляющей, вследствие чего этничность исповедовавших христианство народов, так же как и других, подавлялась. Остановимся на анализе специфики развивавшихся процессов в тех российских частях Кавказского края, где в ходе революции и гражданской войны на событиях в решающей степени сказывалась непреодоленность цивилизационного разлома. Прослеживалась она прежде всего в южных субъектах, присоединение которых произошло по результатам войны с Турцией 1877–1878 гг. [1]. Вследствие этого состоялось воссоединение, хотя и неполное, «армянских земель» [2].

В рамках российской государственности оказались Чорохский край со всеми сельскими поселениями и г. Артвином [3], а также Карская область, находившаяся в юго-западной части Кавказского края [4]. Присоединение восстанавливало, по сути, нарушенную когда-то историческую справедливость. И в этом случае Россия выполняла сакральную (духовную) миссию по отношению к исповедовавшему христианство населению. Произошло объединение в ее границах еще некоторой части армянского народа. Опиралось оно и на достигнутое русскими дипломатами международное признание, зафиксированное в статьях Сан-Стефанского договора и решениях Берлинского конгресса 1878 г. [5]. Так же как и на Северном Кав-

казе, возможность стать соотечественниками получили и проживавшие на присоединенной территории «исторической Армении» мусульмане, имевшие в ее пределах численное преобладание. Часть из них, сделав добровольный выбор, переселилась в пределы Османской империи [6].

Никакого принуждения со стороны российских властей и в этом случае не было. Подтверждением является хотя бы то, что после включения в состав России еще ряда территорий «исторической Армении» мусульманское население сохраняло сложившееся ранее в ее этносфере преобладание. В местах прежнего расселения остались курды, турки, туркмены и другие народы. К исповедовавшим христианство армянам, грекам присоединилось лишь небольшое количество переселившихся из Турции соплеменников, а также русские колонисты [7]. На то, что после присоединения не предпринимались какие-либо меры по выселению мусульман, указывает, например, массовое вселение турок в Закавказье с конца XIX в. Из азиатского зарубежья тогда же наметилась совместно с ними миграция курдов, также надеявшихся на обретение лучших условий жизни [8]. Переселявшиеся могли рассчитывать и на получение в России религиозной свободы, несмотря на то что в Османской империи исповедовавшие христианство подвергались притеснениям.

Доля мусульманского населения в приграничных с Османской империей территориях России к периоду революционных перемен и гражданской войны постоянно возрастала. В Закавказье более многочисленными стали поселения курдов, турок, туркмен и других народов. Выходцами из азиатского зарубежья создавались и новые сельские общества. Увеличивалась также доля мусульман в среде населения южнороссийских городов. Сохранилось существенное их преобладание и в Чорохском крае. Исповедовавшие ислам достигали там 73,9 %. Русские, по тем же данным на 1914 г., составляли в нем всего 2 % [9]. Подданство, так же как и на других окраинах, было предоставлено тем не менее всем гражданам территорий, включенных в состав государства, независимо от религиозной принадлежности.

В современной этнологии признается, что «коренными» жителями должны признаваться переселенцы, длительно проживающие в пределах той или иной территории государства и занимающиеся мирным созидательным трудом [10]. Употребление термина применительно к Северному и Южному Кавказу всегда порождало неодинаковые трактовки и до сих пор остается дискуссионным. Сомнений не вызывает лишь то, что автохтонным населением в Чорохском крае являлась какая-то часть армянского населения, никуда не перемещавшаяся до его включения в состав России. Численность же его вследствие проводившейся политики в период

турецкого владычества не превышала 14 % [11]. Карская область имела свои этнодемографические и цивилизационные особенности. Занимая юго-западную часть Южного Кавказа, она являлась сопредельной с «государственной границей России с Азиатской Турцией» [12]. После присоединения мусульмане здесь также сохранили преобладание, несмотря на произошедшие, как и в Чорохском крае, цивилизационные изменения. С установлением российской юрисдикции в Карскую область произошло вселение еще какого-то количества христиан [13].

Тем не менее даже после этого они составляли меньшинство. Христианское население в Карской области было представлено армянами (21,5 %), греками (13,5 %) и русскими (7 %) [14]. Исповедовавшие ислам курды, каракалпаки, турки, туркмены и другие сохранили численное превосходство во всех ее частях [15]. Из 7 % русского населения Карской области 5 % приходилось на сектантов. Представлены они были в ее пределах духоборами и молоканами. Последние на Кавказе по сравнению с другими сектантами оказались более многочисленными. В южных частях края распространилась даже практика их всех называть молоканами. Остальное русское население Карской области исповедовало православие. Состояло оно, по всей видимости, в значительной мере из военнотружеников, получивших туда назначение. Численность русского православного населения в приграничной Карской области составляла всего 2 % [16].

Армяне подразделялись на григориан и католиков (униатов). Последние имели относительно высокую численность лишь в Чорохском крае. В Карской области немалая часть армян также являлась автохтонным населением. Переселявшиеся же из пределов Турции возвращались на историческую родину. Полностью православными являлись лишь греки. Перемещаясь в пределы России, христиане возлагали надежды на обретение безопасности, воспринимая получение вида на жительство под ее государственной защитой как спасение от угрозы уничтожения. В основу административной организации присоединенных территорий был положен географический принцип, учитывавший рельеф местности. Считалось, что такое разделение создает наибольшие удобства для управления.

Такие же подходы, исключавшие сохранение религиозной и этнической обособленности, использовались при административном обустройстве на Северном и Южном Кавказе, вошедшем в состав России раньше. При закреплении в качестве ее государственного субъекта Чорохский край был преобразован в Артвинский округ и присоединен к Батумской области, причисленной впоследствии к Кутаисской губернии [17]. Карская область составила отдельную административную единицу и была разделена на 4 округа: Ардаганский, Карский, Кагызманский и Ольгинский [18].

В 1915 г. в пределах Османской империи в очередной раз за симпатии к России инспирировались массовые погромы христианского населения. В основном они имели направленность против армян. По отношению к ним возобновились акты геноцида, уничтожения по религиозным и этническим признакам. Только на этот раз они носили более массовый характер. В результате уничтожению подверглось, по самым приблизительным подсчетам, 1,5 миллиона армян [19]. Лишь немногим удалось спастись, переместившись в качестве беженцев на территорию России.

Под влиянием происходивших событий в период Первой мировой войны вошло в обиход и наименование «Турецкая Армения» [20]. Относили же к ней занятое в ходе военных действий русской армией пространство, шесть областей (вилаяетов) Турции, имевших до 1915 г. христианское население [21]. Вследствие истребления армян в них сложилось еще более существенное преобладание мусульман. Представители генералитета Кавказской армии предлагали ввести занятые ее подразделениями области в состав России и установить для них ее государственное управление. Поддерживал необходимость этого и наместник Его императорского величества на Кавказе Великий князь Николай Николаевич [22], сменивший в 1916 г. И.И. Воронцова-Дашкова.

При выработке решения учитывалась угроза цивилизационной реорганизации пространства, в пределах которого происходило в прошлом неоднократное сокращение христианского населения. Без предоставления ему российской государственной защиты истребление его могло продолжиться. Удары наносились прежде всего по армянам, право которых на территорию имело историческую предопределенность. Турецкие власти ничего не предпринимали для защиты армян, но даже, напротив, потворствовали насильственным действиям против «иноверцев». Лишь незначительная часть проживавших на этой территории «не мусульман» смогла при содействии удерживавшей фронт с Турцией Русской армии, и в частности казачьих соединений, спастись бегством под их прикрытием [23].

Вместе с тем во избежание возобновления случившегося, что было не исключено из-за приграничного положения отвоеванной части «исторической Армении», предполагалось и на ней применить практику разделительных линий, апробированную на Северном Кавказе. Для этого и было намечено в образовавшемся с Турцией приграничье создать из малоземельных казаков различных областей Российской империи Евфратское казачье войско [24]. В этом намерении просматриваются и религиозные интересы, которые в начале XX в. продолжали играть немаловажную роль в геополитике. На создание Евфратского казачьего войска официально

были выделены средства (капиталы, ссуды и т. д.), а для организационной работы сформировано войсковое правление [25].

Под колонизацию предназначались свободные, не заселенные пространства, которые при определенном приложении усилий можно было приспособить для занятия земледелием. Переселять выходцев из центральных губерний России не предполагалось. От этой практики отказались еще в период революции 1905–1907 гг. [26]. Не имеет подтверждения и утверждение, что вошедшую в состав России территорию ее причастные к выработке политики инстанции «не собирались отдавать армянам». Опровергается это, в частности, применявшимися подходами к формированию в начале XX в. казачьих соединений в Иране, к которому без каких-либо ограничений привлекались представители этого народа, служившие офицерами в вооруженных силах Империи. Учитывалось при возложении на них столь ответственной задачи прежде всего хорошее знание особенностей Востока [27].

В некоторых публикациях высказывалось мнение и о том, что в начале XX в. правящие круги России смотрели на казачество как на изжившее себя явление, не имеющее перспективы. Формирование Евфратского казачьего войска опровергает данное утверждение. Только неблагоприятное стечение кризисных обстоятельств сорвало попытку реализации проекта. Участие же армян в нем не исключалось. Но данная возможность оставалась, так же как и проект в целом, лишь на стадии обсуждения. В бывших контактных зонах, где время от времени возникали условия повышенной экстремальности, казачье население выполняло функции прикрытия для православного населения и других христианских конфессий. Соединяя в своей субэтничности не только русские, но и евразийские свойства, оно также объединяло иноэтнические группы. Формирование Евфратского казачьего войска сохраняло эту специфику.

В постановлении Временного правительства «О Турецкой Армении», принятом 26 апреля 1917 г. [28], предусматривалось бывшие области азиатской Турции, занятые российскими войсками, подчинить в административном отношении непосредственно верховным органам власти в Петрограде, что существенно меняло установленный для них с 5 июня 1916 г. территориальный статус [29]. Тем самым вводилось прямое взаимодействие с центром для решения местных проблем. Постановление Временного правительства о Турецкой Армении, наряду с другими геополитическими реалиями, свидетельствовало о восстановлении Россией исторической справедливости по отношению к христианским народам на Кавказе. Расширение же ее границ, судя по всему, подошло к завершению [30]. Так же как и многие другие приращения государственного пространства,

происходившие в разные периоды, до Первой мировой войны оно вообще не предусматривалось.

После дезорганизации государственной власти в России вследствие революции и гражданской войны произошла еще одна масштабная цивилизационная реорганизация пространства, являвшегося когда-то центром этногенеза армянского народа. Христианское население, к которому в том числе относились ассирийцы, понтийские греки и русские переселенцы, вынуждено было покинуть обжитые места. За счет его также пополнялись массы беженцев Первой мировой и гражданской войнах. Зачистка ряда территорий Турецкой Армении и южных приграничных ареалов России от христианского населения продолжалась вплоть до начала 20-х гг. XX в. Вследствие этого и наметился его исход. Брошенным на произвол судьбы оказалось и русское население.

Примечания

1. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. II. Араго – Аутка. Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). Санкт-Петербург: Семеновская Типо-Литография (И.А. Ефрона), 1890. С. 181.

2. См. подробнее: Акопян В.З. Старый Артвин. Историко-культурный очерк. Монография. Пятигорск, 2012.

3. Там же. С. 17–21.

4. Энциклопедический словарь. Т. XIV. А. Карданахи – Керо. Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). Санкт-Петербург: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 599.

5. См. подробнее: Дипломатический словарь. В 3 т. Т. III. С–Я. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 1986. С. 13.

6. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. II. С. 181.

7. Энциклопедический словарь. Т. XIV. С. 601.

8. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 11.

9. Акопян В.З. Указ. соч. С. 89.

10. См. подробнее: Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 50.

11. Акопян В.З. Указ. соч. С. 89.

12. Энциклопедический словарь. Т. XIV. С. 699.

13. Там же. С. 602.

14. Там же.

15. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. II. С. 46.

16. Энциклопедический словарь. Т. XIV. С. 601.

17. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. II. С. 181.

18. Энциклопедический словарь. Т. XIV. С. 599.

19. Акопян С.Ю. Геноцид армян в период Первой мировой войны и его современные этнополитические и международно-правовые последствия. Ростов н/Д, 2006. С. 4; Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Уч. пос. Ростов н/Д, 2005. С. 51.

20. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (далее – ЦГИА РГ). Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

21. Копчев Г.И. Турецкое «наследство» и мировая война. Петроград, 1917. С. 109.

22. Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры: научный альманах. Вып. 1. М., 1994. С. 130.

23. Матвеев В.А. Военно-сословный фактор в этнодемографических процессах на северокавказской окраине России накануне революции 1917 г. // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 107–117; Его же. Сколько казачьих войск было в России? // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: мат-лы Первой региональной Кубано-Терской науч.-практ. конф. Армавир; Железноводск, 1998. С. 52.

24. Там же.

25. Государственная дума. 4-й созыв. Сессия 5. Засед. 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г.

26. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 96 (ч. 2). Л. 9об.

27. См. подробнее: Матвеев В.А. Казачий фактор в российско-иранских отношениях в начале XX в. // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе: сб. тезисов (г. Ростов-на-Дону, г. Азов, октябрь 2006 года). Ростов н/Д, 2006. С. 78.

28. Вестник Временного правительства. 1917. 25 мая.

29. ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

30. Пашков Б. Россия и «движение» ее территории. Как менялась карта нашей страны с 862 по 1917 г. // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10. С. 44.

Пятая Донская казачья дивизия в боях под Тарноваткой и спасение XIX армейского корпуса (15–18 августа 1914 г.)

Участие 5-й Донской казачьей дивизии в боях в районе севернее Тарноватки пришлось на период грандиозного Галицийского сражения и не привлекло бы особого внимания, если бы не ряд интересных обстоятельств, свидетельствующих о значении данного боя и роли 5-й Донской казачьей дивизии.

Данное соединение было сформировано на Дону из второочередных льготных полков, которые в мирное время не представляли собой отдельные части, а потому и командный состав был во многом случайный. В соответствии с мобилизационным планом 1910 г. в состав дивизии вошли 27, 28, 29 и 33-й Донские казачьи полки. Командовал дивизией генерал-лейтенант Глеб Максимилианович Ванновский, племянник военного министра П.С. Ванновского, занимавшего эту должность в 1881–1891 гг. Будучи сыном подполковника, Г.М. Ванновский в 1882 г. поступает в Пажеский корпус, а спустя 9 лет заканчивает по первому разряду Николаевскую академию Генерального штаба. В течение 90-х гг. XIX в. Г.М. Ванновский занимает самые различные должности: от преподавателя тактики кавалерии в Александровском военном училище до работы в качестве младшего делопроизводителя при Военно-учебном комитете Главного штаба. С наступлением XX в. Г.М. Ванновский становится участником сначала Китайской кампании, а потом и Русско-японской войны. После завершения последней Г.М. Ванновский окончательно связывает свою судьбу с кавалерией и поочередно командует бригадами во 2-й и 13-й кавалерийских дивизиях. К началу Первой мировой войны Г.М. Ванновский имел солидный теоретический и практический опыт в командовании кавалерийскими соединениями и заслужил себе имя храброго и рассудительного офицера.

Начало Первой мировой войны принесло Г.М. Ванновскому новый виток карьеры и новое назначение. В соответствии с мобилизационным планом Г.М. Ванновский 19 июля 1914 г. становится во главе 5-й Донской казачьей дивизии. Как ранее было замечено, формирование данного подразделения началось на Дону и производилось в крайней спешке. Большинство командиров полков были не аттестованы для командования полками. Неудовлетворительным было и состояние конского состава,

поскольку большая часть лошадей была куплена после начала мобилизации на сборных пунктах. Снаряжение рядовых казаков также оставляло желать лучшего. Так, современник событий свидетельствует, что «начальнику дивизии было доложено из Каменской станицы, что в полку, там формировавшемся, не хватает полутораста сёдел и что посланы по станицам подводы их собирать» [1]. Столь же неутешительной была картина и с боевым обмундированием казаков: в полках были деревянные пики, винтовки были не приспособлены для стрельбы остроконечными пулями, а пулеметов и телефонных аппаратов и вовсе не было [2]. Этой наскоро созданной дивизией и предстояло командовать Г.М. Ванновскому в будущих сражениях и снискать немалую долю славы.

14 августа 1914 г. в город Холм Люблинской губернии, где находился штаб 5-й армии, прибыли первые эшелоны частей 5-й Донской казачьей дивизии. К тому времени Галицийское сражение только набирало свой темп и размах. Особо сложной была обстановка на Люблинском и Холмском направлениях, где противник сосредоточил весьма крупные части, стремясь всеми силами окружить русские войска и вытеснить их вглубь Российской империи. Для правого фланга 5-й армии складывалась угрожающая ситуация, усугубившаяся тяжелым поражением XXV корпуса и вязкими боями с австрийцами на всём Люблин-Холмском направлении. Поражение XXV корпуса и его неудачные действия в последующем контрнаступлении привели к тому, что 3-я гренадерская дивизия оказалась в полуокружении. Вечером 14 августа военный врач В.П. Кравков запишет в своем дневнике: «3-я гренадерская дивизия была сегодня взята в подкову и чуть ли не двумя корпусами австрийцев и отступила без поддержки из-под Замостья в беспорядке, обоз почти сокрушен, начальник дивизии Добрышин был осыпаем снарядами, неизвестно где он сейчас со штабом» [3].

Уже на следующий день после прибытия под Холм (15 августа) 5-й Донской казачьей дивизии была определена задача – выступить с разведывательным рейдом в трех направлениях от Холма, выяснить местоположение 3-й гренадерской дивизии и собрать отступающие части гренадеров. Дополнительным условием, усложнявшим поставленную задачу, было то, что сведения о 3-й гренадерской дивизии были крайне пессимистичными и противоречивыми. Неизвестным оставалось и то, по каким дорогам будут отступать разбитые гренадеры. Первым направлением поисков были выбраны дороги, ведущие на Замостье (городок, который ранее обороняла 3-я гренадерская дивизия). Поиски в этом направлении возглавил Г.М. Ванновский. В ходе последующих активных поисковых мероприятий части 3-й гренадерской дивизии были обнаружены в пяти верстах от Холма без единого офицера.

Иным проблемным участком ведения военных действий стал район близ Комарова, где располагался XIX армейский корпус генерала В.Н. Горбатовского, который уже несколько дней вел изнурительные оборонительные бои с превосходящими силами противника. Обстановка для XIX корпуса осложнялась еще и тем, что его сосед – XXV корпус, призванный защищать его северный фланг, – откатывался назад с боями, что создавало благоприятные условия для окружения всего XIX корпуса. События при Комарове и поражение XXV корпуса, по-видимому, дали возможность австрийским стратегам считать, что русская 5-я армия более не представляет серьезной угрозы, а командующий австро-венгерскими силами на этом участке фронта, Мориц фон Ауффенберг, за свои заслуги даже получил титул барона Комаровского. Развивая свой успех, Ауффенберг стал обходить левый фланг XIX корпуса в надежде закрыть котел и создать серьезную угрозу для всей 5-й армии. Особенно удачно для австрийцев складывалась обстановка на участке фронта, где действовала группировка эрцгерцога Петра Фердинанда и отряд Штера. 16 августа его отряды предприняли очередную атаку на армейский корпус генерала В.Н. Горбатовского и стали медленно продвигаться в тылы 5-й армии генерала П.А. Плева.

В тот же день 5-я Донская казачья дивизия по приказу командующего 5-й армией выступила в поход, чтобы оказать всевозможную поддержку XIX корпусу и воспрепятствовать проникновению австрийцев в тыл русских войск. Продвижение 5-й Донской казачьей дивизии намечалось провести в направлении на м. Войславице и занять городок Грабовец. Параллельным курсом шла и 2-я бригада 1-й Донской казачьей дивизии. 17 августа 5-я Донская казачья дивизия, заняв Войславице, выдвинулась на Грабовец. При подходе авангарда выяснилось, что австрийцы заняли высоты на другом берегу р. Волица и расположились в районе деревень Жуков и Свидинки. Таким образом, позиции австро-венгерской армии уже нависали над правым флангом XIX корпуса и преграждали путь 5-й Донской казачьей дивизии в направлении на Зовалев – Миончин. Для захвата двух деревень и расчистки дороги на Зовалев и Миончин из состава дивизии были выделены силы в объёме 27-го полка и нескольких артиллерийских батарей. В ходе скоротечного боя австрийцы не оказали серьезного сопротивления и отступили на заранее подготовленные позиции, а деревни Жуков и Свидинки оказались в руках донских казаков, которые уже к вечеру 17 августа стали на ночлег в районе деревень Зовалев и Миончин, соединившись со 2-й бригадой 1-й Донской казачьей дивизии.

Столь быстрым и удачным маневром русскому командованию удалось сосредоточить в районе данных деревень весьма крупные силы: 32 сотни при 18 орудиях, т. е. около 4500 сабель. Появление такого количества

кавалерии могло стать для австрийцев весьма неприятным сюрпризом и создавало для них внушительную угрозу полуокружения. Однако до австрийского командования в лице Морица фон Ауффенберга эти данные не поступали, и командующий 4-й австрийской армией продолжил попытки по окружению XIX корпуса генерала В.Н. Горбатовского [4].

Но имелись серьезные трудности и у казаков Г.М. Ванновского. Местность в районе между деревнями Зовалев и Котлице была сплошь испещрена мелкими лесами и деревеньками, а потому не обеспечивала необходимого простора для маневра для кавалерии. Более того, южнее деревень Зовалев и Миочин протекала мелкая и болотистая речушка с очень топким дном и лишь с одним мостом у Котлице. Сами сведения о противнике также были весьма скудными и противоречивыми, ясным было лишь одно: XIX корпус генерала В.Н. Горбатовского отчаянно нуждался в помощи. Первой задачей, которая стояла перед казаками Г.М. Ванновского, было овладение переправой через безымянную речку, закрепление на другом берегу возле выселок Мельники и движение в направлении на Котлице. Чтобы обеспечить себе безопасный тыл и свободу действия в выбранном направлении, Г.М. Ванновский оставил в районе Миончин конно-артиллерийский дивизион с прикрепленными к нему тремя сотнями казаков, а основные силы повел в бой. При подходе к выселкам части 5-й Донской казачьей дивизии были встречены сильнейшим пулеметным и ружейным огнем, ведущимся из фольварка Правда. Данный фольварк занимал выгодное положение, позволяя австрийцам контролировать мост к Котлице и подходы к выселкам Мельники. При попытке же закрепиться на окраинах Котлице казаки Г.М. Ванновского натолкнулись на ружейный огонь, ведущийся из близлежащего леса, и вынуждены были отойти на исходные позиции. Наличие самих же частей австро-венгерской армии в данном районе свидетельствовало о том, что противник глубоко проник в позиции XIX корпуса и стремился всеми силами обойти его правый фланг.

Первая лихая атака на позиции австрийцев в фольварке, предпринятая силами полусотни 20-го полка, не принесла казакам победы, а закончилась весьма внушительными потерями личного состава, но позволила отвлечь противника на некоторое время. Однако этого времени оказалось достаточно для того, чтобы пулеметная команда 5-й Донской казачьей дивизии с боем закрепились на южной окраине Котлице и начала вести огонь по австрийцам, засевшим в лесу. Противник был выбит из леса, но и сами пулеметчики вскоре оказались атакованы тремя эскадронами венгерских гусар. Напоровшись на кинжальный огонь из пулеметов, гусары отступили, потеряв нескольких своих бойцов в 25 шагах от позиций пулеметной команды [5]. Однако противник, хорошо закрепившийся в фольварке, не

желал сдаваться, и чтобы принудить его к этому шагу, в расположение 5-й Донской казачьей дивизии у выселок Мельники был вызван конно-артиллерийский взвод, открывший шрапнельный огонь по австрийцам, оборонявшимся в фольварке. В результате артобстрела фольварк запылялся пожаром, вынуждая австрийцев покинуть сооружения и залечь за стогами сена [6]. Тем временем конно-артиллерийский дивизион у Миончин нанес вражеской артиллерии весьма крупное поражение, уничтожив в бою три батареи противника и заставив австрийскую артиллерию замолкнуть на всё время боя у Котлице. Более того, подвергшись столь точному удару русской артиллерии, 9-я австрийская кавалерийская дивизия, занимавшая высоты западнее Чесники, вынуждена была их оставить и предоставить собственной судьбе отряд Штера, которому после 11 часов боя пришлось вести борьбу против 5-й Донской казачьей дивизии и наседавших пехотинцев 324-го полка из состава XIX корпуса генерала В.Н. Горбатовского [7]. «Тогда окончательно всё перемешалось, – свидетельствовал очевидец тех боёв, – и там, где австрийцы считали свой тыл и мнили себя в полной безопасности, – там гремели пушки и ходили в атаку казацьи сотни» [8].

К тому времени большая часть Котлице была занята казаками Г.М. Ванновского, которые готовились к решающему броску на деревню Дуб для соединения с частями XIX армейского корпуса. Вскоре для оказания поддержки Г.М. Ванновскому в район Котлице под началом П.Н. Краснова (спустя несколько месяцев П.Н. Краснов опубликует свои воспоминания о данном бое под псевдонимом Гр. А.Д.) выступил и 10-й Донской казачий полк, появившийся там в 11 часов 30 минут [9]. Однако настойчивая ружейная стрельба не позволила в полной мере реализовать преимущество казачьей кавалерии. Более того, к часу дня 18 августа на холмах появились цепи австрийской пехоты, направлявшиеся к Котлице с явной целью выбить засевших там казаков. Под умелым огнем донских артиллеристов австрийская пехота вынуждена была ретироваться, а в дальнейшем не оставила попытки перевалить через холм. Около часа донские конно-артиллеристы продолжали вести огонь по вновь появлявшемуся противнику и не давали ему возможности перейти в атаку на Котлице. Это позволило командованию 5-й Донской казачьей дивизии перейти к более активным действиям. Донцы Г.М. Ванновского пошли в атаку. «Сзади были албанцы, – вспоминал один из участников боя, – спереди казаки Ванновского выбивали австрийскую пехоту из леса против Котлице. Вперемешку валялись трупы австрийских и казачьих лошадей. Фольварк был занят двумя ротами австрийцев, а казачьи батареи громили их с двух сторон. И дальше были видны австрийцы, которые вели бой с кем-то почти спиной к нам. Очевидно, случилось что-то хорошее – мы зашли

в тыл врагу... Было уже за полдень. Полторы дивизии в линии колонн, готовые каждую минуту развернуться, быстро шли по необозримому простору полей между уже сожженными и пылающими фольварками и постройками. Обшаривали каждую скирду хлеба и везде забирали пленных – раненых и здоровых» [10].

К 15 часам 30 минутам 18 августа, развивая свой успех, 5-й Донская казачья дивизия окончательно выбила противника из фольварка Правда и перешла даже в наступление на юго-западном направлении, тесня противника по линии деревня Дуб – фольварк Божий Дар. В ходе разгрома отступающего противника и его преследования 5-й Донская казачья дивизия захватила около 1000 пленных, 7 орудий, 7 пулеметов и множество зарядных ящиков [11]. Умелые и активные действия 5-й Донской казачьей дивизии позволили XIX корпусу избежать окружения и даже перейти в наступление на врага, который абсолютно не ожидал появления в своем тылу донских казаков генерала Г.М. Ванновского. Однако обмен сведениями по уровням дивизия – корпус – армия был крайне медленным, а данные, приходившие в штабы быстро, устаревали и не являлись актуальными на момент их получения. Это стало одной из причин того, что к вечеру 18 августа командующий 5-й армией П.А. Плеве решает вывести войска В.Н. Горбатовского из-под угрозы окружения для дальнейшей их перегруппировки и участия в планируемом наступлении. Когда же этот приказ дошел до XIX корпуса и 5-й Донской казачьей дивизии, то его содержание, вероятно, немало удивило двух генералов, поскольку корпус В.Н. Горбатовского усилиями казаков уже избежал риска попасть в котел, а донцы Г.М. Ванновского уже заняли деревню Дуб и продвинулись западнее фольварка Божий Дар. Подобная обстановка всячески благоприятствовала преследованию побежденного противника и продолжению активного наступления на правом фланге XIX корпуса, но приказ командующего армией был иного назначения.

Таким образом, благодаря умелым действиям Г.М. Ванновского, командовавшего еще необстрелянной дивизией, удалось с максимально возможным успехом реализовать поставленную задачу и нарушить планы австрийского штаба по окружению XIX корпуса. Более того, самоотверженность рядовых казаков и казачьих офицеров позволила нанести противнику весьма существенное поражение и создать благоприятные обстоятельства для контр наступления. За свои успехи в данной операции были награждены орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени: командир 5-й Донской казачьей дивизии Г.М. Ванновский, командир 5-го Донского конно-артиллерийского дивизиона и командир 13-й батареи [12]. Георгиевскими крестами были награждены и рядовые

казаки. Г.М. Ванновский стал одним из первых офицеров русской армии, награжденным орденом Св. Георгия IV степени.

Примечания

1. Поздеев К.Р. Пятая Донская казачья дивизия в бою 18 августа у Зовалева и Котлицы // Казачьи войска в Первой мировой войне. М., 2017. С. 25.

2. Там же.

3. Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014. С. 30.

4. Евсеев Н. Кавалерия в Томашовской операции // Красная конница. 1935. № 3. С. 30.

5. Поздеев К.Р. Пятая Донская казачья дивизия ... С. 31.

6. Там же.

7. Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса у Томашёва в 1914 году. М., 1937. С. 70.

8. Гр. А.Д. Донцы на войне. Конная атака на пехотные окопы // Русский инвалид. 1915. № 10. С. 2.

9. Белой А. Выход из окружения ... С. 70.

10. Гр. А.Д. Донцы на войне. Конная атака на пехотные окопы // Русский инвалид. 1915. № 10. С. 2.

11. Поздеев К.Р. Пятая Донская казачья дивизия ... С. 34. В другой работе фигурируют несколько более скромные данные о трофеях казаков Г.М. Ванновского, которым удалось захватить «более 400 пленных, 2 пулемета, орудие и зарядные ящики», см.: Белой А. Выход из окружения ... С. 71.

12. Поздеев К.Р. Пятая Донская казачья дивизия ... С. 35.

Атаман Алексей Каледин: трагедия этнополитического выбора

В конце 1917 г. руководство РСДРП(б) не исключало возможности привлечь определенную часть казачества под свои знамена. Один из главных лидеров большевиков Лев Троцкий был готов, по-видимому, на заключение политической сделки с казачеством. Сделка могла состояться на условиях участия казаков в революционных событиях в качестве консолидированной, четко осознающей свои специфические интересы этносоциальной общности, способной оказать деятельную военную поддержку Совету народных комиссаров в установлении полного контроля над страной. В этом случае казаки могли бы потребовать от руководства РСДРП(б) политический бонус – казацкую национальную автономию Присуда, т. е. приблизительно те же автономистские преференции, которые получили в РСФСР, например, башкиры-националисты Ахмет-Заки Валидова, поддержавшие советский режим [1].

Можно предположить, что если бы до начала 1918 г. авторитетное большинство казацкой интеллигенции и военной элиты смогло бы политически сплотиться на основе четко артикулированной идеи восстановления национальной автономии Казацкого Присуда (будь то на Дону, Кубани или на объединенной территории этих войск), то возможность вступить в договорные отношения с советской властью могла, по-видимому, стать реальностью. Однако перспектива обрести национальную казацкую автономию в объективном процессе федерализации бывшей Российской империи была несовместима, конечно, с идеологической установкой, что казаки являются органичной частью великорусского этносоциума. В случае же активной поддержки казацким сообществом «учредительно-реставрационных по-тут» Колчака и Деникина автономистская перспектива в рамках РСФСР становилась для казаков совершенно иллюзорной. На практике вожди казачества в конце 1917 – начале 1918 г. попытались одновременно усидеть на двух стульях: одновременно реализовывали курс и на казацкую этнополитическую автономию, и на поддержку реставрационных усилий русского Белого движения. Невнятная политическая позиция первого выборного атамана Войска Донского А.М. Каледина привела к потере как минимум шести месяцев (большой срок в лихорадке революции!) для мобилизации казацких сил донской части Присуда. В результате Октябрьский переворот казацкий Дон встретил примерно в том же состоянии, что и Февраль 1917 г.

Большевики в этом смысле оказались гораздо более последовательными: убедившись в прочной связке казацкой элиты с вождями Белого движения, руководство РСДРП(б) решительно сделало главную политическую ставку на «иногородних» Юга России. Многочисленное, денационализированное, малообразованное, жаждущее «черного передела» войсковых земель русско-украинское большинство стало на землях Юга России подлинной «пятой колонной» РСДРП(б), а затем составило основной костяк революционной Красной армии.

Политическое затишье после Февраля 1917 г. некоторые народы бывшей Российской империи сумели использовать гораздо эффективнее. Украинские националисты, например, подошли к Октябрьскому перевороту идеологически и организационно мобилизованными. Была выработана национальная концепция истории украинского народа, осмыслены возможные политические перспективы Украины, новый импульс развития получил украинский литературный язык. Главное, удалось достичь утверждения в народном сознании основ украинской идентичности, закрепить такие связанные с самосознанием политические понятия, как национальная государственность Украины, этнополитическая субъектность украинского народа и т. п. В таких условиях Октябрь 1917 г. немедленно поставил вопрос о степени суверенности национально-государственного устройства Украины, само же право украинцев на политический суверенитет (хотя бы в форме автономии) уже воспринималось априорно. Масштабный революционный процесс имеет, как известно, значительную инерцию – большевики в своей политике, даже уничтожая враждебные им политические структуры украинских националистов, не могли не учитывать новую этносоциальную реальность, сложившуюся на Украине в результате идеологического генезиса украинского общества в 1917–1921 гг.

Этнополитическая консолидация донских казаков началась уже через две недели после Февральского переворота 1917 г. В середине марта 1917 г. в Новочеркасске, столице области Войска Донского, были созданы Союз донских казаков и Союз донских казачьих офицеров, которые вскоре слились, образовав Войсковой союз донских казаков (ВСДК). Своей основной задачей ВСДК считал восстановление традиций казацкой этнополитической демократии в полном объеме. Уже в первых обращениях к станичникам казацкие активисты призывали к немедленному восстановлению исконных механизмов казацкого самоуправления – станичных, отдельных и войскового кругов. Одновременно шла подготовка к проведению первого съезда донских казаков в Новочеркасске.

Это важное этнополитическое мероприятие в форме Донского войскового круга состоялось в период с 16 по 27 апреля (по старому стилю)

1917 г. На войсковой круг собралось 740 делегатов от 136 станиц, 9 округов, 8 полков и других донских казачьих формирований [2]. Эпохальное значение данного круга ясно осознавалось казаками. «Объявляю заседание Донского Войскового круга, после двухсотлетнего перерыва, открытым!» – возгласил ведущий идеолог казачества этого периода Митрофан Богаевский, и огромная зала Войскового собрания, плотно заполненная мужчинами в казачьих кителях, взорвалась восторженными криками и рукоплесканием. В обстановке общеказачьего энтузиазма было самое время, казалось бы, четко провозгласить курс на территориально-политическую автономию донских казаков в составе России, утвердить флаг и гимн Войска Донского, немедленно принять решение о создании регулярных внутривойсковых сил правопорядка. Однако эти важнейшие решения, которые могли обеспечить Войску Донскому дополнительный, как минимум полугодовой резерв времени для неотложных структурных реформ, так и не были приняты. Первый круг Дона, отражая общероссийское сознание значительного числа делегатов, непропорционально много времени посвятил обсуждению вопросов, которые к этнополитическим проблемам казаков «здесь и сейчас» относились лишь косвенно.

В частности, происходили бурные дебаты по вопросу доверия результатам Февральского переворота, принималась потешная резолюция о контроле за деятельностью Временного правительства, как будто бы казаки из Новочеркасска могли осуществлять какой-то действенный контроль в Петербурге. Круг изнурительно долго для делегатов обсуждал целесообразность функционирования земских учреждений на Дону, хотя для всех собравшихся являлось очевидным, что земские учреждения немедленно стали бы антагонистами для традиционных казачьих форм местного самоуправления. Тем не менее, руководствуясь опять-таки общероссийским государственным сознанием, а не идеологией казачьего автономизма, круг выразил поддержку идее земских учреждений в Войске.

Действительно важные для области Войска Донского решения круга исчерпывались, по существу, одной резолюцией. Первый круг Дона принял судьбоносное структурное решение о восстановлении демократической процедуры избрания Войскового атамана и формировании Войскового совета (Донского войскового правительства).

Генерал Алексей Максимович Каледин принял атаманский пернач на Первом большом войсковом круге Войска Донского 18 июня (1 июля) 1917 г. Решение заступить на пост войскового атамана далось Каледину трудно: будущий атаман очень долго сомневался, неоднократно консультировался, причем в основном с одними и теми же людьми, был полон пессимизма. Известна фраза А.М. Каледина, сказанная им в это время:

«Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, может быть, с проклятиями». Впоследствии, перманентно находясь в состоянии депрессии, немногословный, не улыбочивый Каледин получил в среде казаков негласное прозвище «атаман-печаль».

Все люди, когда-либо близко контактировавшие с Алексеем Калединым, сохраняли затем глубокое уважение к личности этого человека, подчеркивали в своих воспоминаниях прямоту, честность, достоинство его натуры. Однако наиболее лестных, превосходных оценок генерал Каледин удостоился не за свою военную деятельность на посту командующего 8-й армией Юго-Западного фронта и тем более не за атаманское служение, а за верность, искреннюю преданность российской государственной идее. Наиболее пронизательные толкователи подлинного смысла служения Каледина подчеркивали, что атаманская стезя стала для генерала только средством к достижению его настоящей цели (редко декларируемой, но всегда желанной), которой являлось восстановление национальной русской государственности.

Генерал-майор Николай Шинкаренко, выпускавший в эмиграции свои литературные труды под псевдонимом Николай Белогорский, так характеризует сущность атаманской миссии «первого среди равных» на Тихом Дону: «Каледин являлся носителем верховной государственной власти, правда, только на небольшом Дону, но государственная идея, которую он воплощал, была того же порядка, что и идеи самых больших государств в мире, ибо она была родственна умученной государственности русской империи. Так закрутились узлы судеб, так переплелись и спутались понятия, что Дон оказался островком, на котором собрались последние остатки России, а в кустарных теориях о казачьем государстве теплились все по тому времени надежды на сохранение Государства Российского. *Поэтому и сущность власти Каледина глубочайшим образом разнилась от той антирусской сути, которая жила в претензиях всех этих новообразований* (выделено нами. – Н.Л.), что всплыли и лопнули как пузыри в болотной мути нашего развала. Дон же в то время заменял Россию. И потому на атаманском перначе Каледина догорали последние вечерние лучи той святости, которая сияла на императорском скипетре» [3]. Очевидно, что ни Н.В. Шинкаренко, ни по большому счету сам генерал Каледин не являлись приверженцами идей казачьего автономизма (т. е. создания казацкой этнополитической автономии в составе федеративной России). Между тем в указанный период идея автономизма была очень популярной в самых широких слоях казацкого сообщества. Представляется очевидным, что для достижения именно этой цели простые казаки-станичники избирали А.М. Каледина на высокий пост войскового атамана.

Политическая деятельность генерала Каледина получила в российской историографии противоречивые, даже полярно противоположные оценки. Некоторые современные авторы истово клеймят атамана как воплощенное контрреволюционное зло, утверждая при этом, что Каледин якобы «мечтал о лаврах палача Парижской коммуны Адольфа Тьера, планируя столь же зверски расправиться с Российской коммуной» [4]. Другие исследователи, не желающие порывать с историческими реалиями, считают Алексея Каледина своего рода «рыцарем чести», стойко исполнившим свой воинский и человеческий долг в хаосе русской революции [5]. В казацкой эмигрантской литературе и даже в современных исторических исследованиях, вышедших из-под пера этнических казаков, деятельность, а особенно политический финал пребывания А.М. Каледина на посту «первого среди равных» в Войске Донском обычно выглядят несколько ретушированными. Авторы-казаки хорошо знают, но явно не хотят детально обсуждать очевидные политические неудачи «атамана-печаль». В основе такой позиции – вызывающий, ломающий казацкие представления о достойной гибели в борьбе факт трагического ухода атамана Каледина из жизни путем самоубийства из револьвера. Казаки любых поколений *volens-nolens* чувствуют какую-то долю своей причастности к этой трагедии [6].

Объективный, хорошо выверенный в историографическом аспекте обзор деятельности первого войскового атамана постимперского Дона сделан в книге историка С.А. Кислицына. Этот анализ тем более ценен, поскольку исследовательская концепция С.А. Кислицына в целом предполагает, как нам видится, оправдание террористической деятельности большевиков на землях Войска Донского и осторожное перенесение вины за репрессии Советского государства против казачества на самих же казаков [7]. Следует подчеркнуть, что справедливая оценка этнополитической составляющей в деятельности первого Войскового атамана Войска Донского революционной поры имеет, на наш взгляд, краеугольное значение. Это важно и с точки зрения установления исторической истины, и с позиций процесса самовосстановления казачества, который, хотя крайне тяжело, но всё же происходит на землях Юга России. Поэтому парадоксально, но является фактом, что одна из наиболее этнополитически глубоких характеристик атаманского служения А.М. Каледина принадлежит современному исследователю, которого трудно заподозрить в симпатиях по отношению к казацкой этничности.

«Эпистолярное наследие генерала, – размышляет ростовский историк Кислицын, – свидетельствует о нем как об элитарном офицере европейского типа: мужественного, некурящего, непьющего, не сквернословящего, молчаливого и даже угрюмого, по-немецки скрупулезного и педантичного,

ценителя французской литературы, при этом всю свою жизнь посвятившего исполнению воинского долга перед Российской империей. <...> Блестящий офицер Генерального штаба империи, талантливый полководец, генерал от кавалерии А.М. Каледин, несмотря на свое казачье происхождение и службу в казачьих частях в начале карьеры, после избрания в 1917 году атаманом Войска Донского не стал ни казачьим идеологом, ни казачьим полководцем, ни казачьим вождем. А.М. Каледин *практически исчерпал свою казачью идентичность* (выделено нами. – Н.Л.) в этнополитическом смысле этого понятия и не видел военного и политического будущего старого казачества в новых условиях» [8].

Обосновывая такую свою оценку, исследователь выдвигает аргумент, важность которого невозможно переоценить: за три года пребывания на фронтах Первой мировой войны генерал-казак в письмах своей жене практически никогда не касался не только этнически казацкой, но даже вообще казацко-фронтальной тематики. С.А. Кислицын находит удивительным (что, по-видимому, справедливо), что родовой казак, который начал свое образование в станичном училище и Усть-Медведицкой казачьей гимназии, даже в годину тяжелой боевой работы (и, соответственно, смертельной опасности) не вспоминал «ни казачьи подразделения, ни Донское казачье войско, ни казаков вообще» [9]. При этом генерал Каледин часто очень подробно описывал ход военных действий, детали конкретных сражений и даже психологическое состояние императорской армии. В частности, будущий атаман Войска Донского с удивлением отмечал, что в русских полках «наряду с замечательным бесстрашием и самопожертвованием есть случаи самого позорного поведения, что странно – и то и другое повторяется с одной и той же частью» [10]. Получается, что материальное и духовное состояние русской армии в целом интересовало «атамана-печаль» неизмеримо сильнее аналогичного состояния родных для него казацких полков...

Этнополитическую «русскость» атамана Каледина вряд ли можно считать неким особым духовным феноменом. Напротив, его русские психологические доминанты – образ мыслей «по-русски», мир личных чувств, даже общерусский по сути стереотип бытового и политического поведения – во многом идентичны таковым большинства кадровых офицеров-казаков высшего звена императорской армии. Преемник Каледина атаман Всевеликого Войска Донского П.Н. Краснов в иных научных публикациях часто показывается в качестве «лабораторно чистого» образца казацкого этноцентриста, даже «самостийника». Однако в полковых казармах в период между февралем и октябрём 1917 г. этот «самостийник» активно пропагандировал среди казаков чувство «общерусского патриотизма». В частности, П.Н. Краснов «на от руки сделанных чертежах [показывал]

взаимное соотношение казачьих войск и доказывал географическую невозможность создания самостоятельной казачьей республики (выделено нами. – Н.Л.), о чем мечтали многие горячие головы даже и с офицерскими погонами на плечах» [11].

Таким образом, весьма постепенно, но органично усвоенная коллективным сознанием казацкой этнополитической элиты «русскость» (в ее европеизированной версии) к периоду революции 1917 г. де-факто превратила казацкий генералитет в сочленов русского этносоциума, передав казацкой элите очевидные достижения культуры «русского мира» и, к сожалению, его органичные этнополитические недостатки. В своей практической деятельности в период Гражданской войны эти люди служили в первую очередь той, уже навсегда угасшей императорской России, которой они были обязаны своим личным выдвиганием на служебный армейский олимп. Представляется очевидным, что доминирование в высшем слое казацкой этносоциальной общности критически значимого числа людей, которые обладали не столько этнически казацким, сколько общеимперским сознанием, и предопределило в конечном итоге финальный проигрыш в период Гражданской войны борьбы казаков с подлинно «русским альянсом» – союзом большевиков и «иногородних» крестьян-переселенцев. Спасти имперскую, несостоявшуюся в «общерусском» аспекте Россию от России агрессивно интернациональной, советской оказалось для казаков априори непосильной задачей.

Примечания

1. Красовицкая Т.Ю. Гражданская война и национальный вопрос // Гражданская война в России, 1917–1922: лекции и учебно-методические материалы. М.: Изд-во Ипполитова, 2006. С. 37–39.

2. Тикиджьян Р.Г. Казачество и крестьянство Дона в революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. // Казачий сборник. Вып. 2. Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 2000. С. 87.

3. Белогорский Н.В. Дни Каледина // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 4. Берлин, 1928. С. 62–63.

4. Голуб И.А. Правда и ложь о «расказачивании» казаков. М., 2009. С. 25.

5. Марченко Г.В. Дорогой чести. Генерал Каледин. Военная и государственная деятельность А.М. Каледина (1889–1918 гг.). М., 1996.

6. Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками 1917–1919 гг. М.: Кучково поле; Гипербория, 2007. С. 41–43.

7. Кислицын С.А. Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 103–107.

8. Там же.

9. Там же. С. 104.

10. Генерал А.М. Каледин. Фронтовые письма 1915–1917 гг. Ростов н/Д, 2011. С. 90.

11. Краснов П.Н. На внутреннем фронте. Всевеликое войско Донское. М.: Вече, 2016. С. 9.

Участие калмыков-казаков в Гражданской войне на Дону и его последствия

Калмыки, прикочевав в 1630-е гг. в Поволжье, вступили уже в начале 1640-х гг. в официальные взаимоотношения с донскими казаками и в середине XVII в. небольшими группами начали мигрировать на Дон. Несмотря на сохранение номадного образа жизни в новой геополитической и социокультурной среде, калмыцкое население, представлявшее локальную крупную этническую группу, инкорпорировалось в состав донского казачества.

К концу XVIII столетия на Дону сложился стабильный калмыцкий социум, приобретший равностатусное положение с казачеством, типичные формы его военной организации и административного управления, а также поземельного устройства, осваивавший новые виды хозяйствования. В результате инкорпорирования и адаптации калмыцкого населения, осознанного восприятия социального статуса казачества существенно трансформировалась его социальная структура, сложилось и утвердилось военное сословие – служилые калмыки-казаки. В начале XIX в. они по праву считались коренными жителями области Войска Донского.

В адаптационном, интеграционном процессе калмыков важными факторами явились не только гибкая этническая политика администрации области Войска Донского, учитывавшая национальные обычаи, культуру, религию, но и уровень сложившихся межнациональных отношений, комплиментарности местного донского сообщества, социокультурной среды.

Со второй половины XVII в. и на протяжении XVIII–XIX вв., первой половины XX в. калмыки вместе с донскими казаками защищали южные рубежи России, закрепляя ее позиции на юге и побережье Чёрного моря, а также участвовали во всех войнах Российского государства, которые ему пришлось вести, отстаивая свои геополитические интересы и суверенитет. В ходе первой войны мирового масштаба, в которой вместе с другими народами страны приняли участие и калмыки в составе донских казачьих военных частей, в России крайне обострились социальные противоречия, приведшие российское общество в бифуркационное состояние. Значительная часть калмыков, особенно фронтовики, вместе с донскими казаками активно выступили в защиту прав собственности, в том числе и на землю, за сохранение сложившихся жизненных устоев, перейдя в годы Гражданской войны на сторону Белого движения. Революционно настро-

енные калмыки-казаки поддержали красных, им импонировала программа большевиков.

В 1917 г. на Дону резко обострилось социально-экономическое и политическое положение, особую остроту приобрел земельный вопрос в отношениях между казачеством и крестьянством, в том числе и в калмыцких станицах Сальского округа. Политические события привели к образованию в Сальском округе своеобразного многовластия в виде исполкома – органа Временного правительства из представителей богатой части казаков в составе 39 человек. В его бюро от калмыков-казаков входил Б.Н. Уланов, являвшийся руководителем «Союза сознательных калмыков», поддерживавшего Временное правительство и интересы зажиточного казачества. В некоторых станицах создавались советы рабочих, солдатских и казачьих депутатов, отдельные исполкомы, наподобие окружного во главе с атаманом.

В апреле 1917 г. в Новочеркасске был проведен казачий съезд, на котором присутствовали и делегаты Сальского округа. С 26 мая по 18 июня того же года в Новочеркасске состоялся I Большой войсковой круг, избравший почти после 200-летнего перерыва войсковым атаманом А.М. Каледина, активно поддерживавшего Временное правительство, а также сформировавший донское правительство. Во всех этих заседаниях участвовали делегаты из калмыцких станиц: вахмистр М. Нидюлин, урядники У. Игнатов, С. Джеджульдинов, казаки И. Немгиров и Б. Уланов.

После февральских событий 1917 г. стали явно проявляться признаки социального, а с октябрьским переворотом – вооруженного противостояния на Дону. А.М. Каледин, выступая на заседании III Большого круга (2–13 декабря 1917 г.), отметил, что большевики низвергли Временное правительство и преступным путем захватили власть. Он, охарактеризовав социально-экономическое и политическое положение, сложившееся в 1917 г. на Дону и в стране, пришел к твердому убеждению, что насильственный захват большевиками государственной власти привел к братоубийственной гражданской войне, которая грозит затопить наш свободлюбивый, вольный край, единственный оплот и единственную надежду погибающей родины [1].

Все принятые решения Войсковым кругом от имени калмыков-казаков были поддержаны их представителем Б.Н. Улановым, вошедшим в состав Донского Войскового круга в качестве товарища председателя, членом Учредительного собрания, избранным по казачьему списку № 4 области Войска Донского избирательного округа от станицы Великокняжеской.

С прибытием фронтовых казачьих полков и других военных частей на Дону началась новая фаза гражданской войны – открытое вооруженное

противостояние между белоказаками и красноказаками, в которое были втянуты и калмыки-казаки. Несколько перефразируя слова известного поэта, можно сказать: «Дон засверкал огнями и саблями». В феврале 1918 г. на Дону сложилась трудная ситуация: советские отряды вошли в Ростов, Новочеркасск, станицу Великокняжескую. Во многих станицах Дона, в том числе и в калмыцких, власть переходила к создаваемым советам казачьих и крестьянских депутатов, в состав некоторых вошли и калмыки-казаки: О.И. Городовиков, Х.Б. Кануков и др.

Во время Степного похода в феврале 1918 г. наряду с другими восставшими казаками к «Отряду вольных донских казаков», объединившему в марте все донские партизанские отряды, вышедшие из Новочеркаска вместе с походным атаманом П.Х. Поповым, постепенно стали примыкать и калмыки-казаки. Только в марте – начале апреля к отряду генерала И.Д. Попова присоединились более 10 калмыцких сотен численностью свыше 1000 вооруженных конников, возглавляемых участниками Первой мировой войны А.А. Алексеевым, А.С. Сарсиновым, А.У. Абушиновым, Э.Л. Ямановым и др. [2]. Все они влились в «Отряд вольных донских казаков» походного атамана П.Х. Попова, в котором находились калмыцкая группа членов Донского Войскового круга и духовенства (22 чел.), а также общественные деятели (18 чел.). По свидетельству участника похода А.П. Падалкина, они очень способствовали привлечению в отряд калмыков-казаков [3].

В мае 1918 г. калмыцкий отряд П.Х. Попова был пополнен еще тремя сотнями и сведен в полк, официально получивший наименование Зюнгарский Донской калмыцкий полк, который был включен в группу полковника К.К. Мамонтова, действовавшую в основном в калмыцких станицах Сальского округа, а затем в Северную группу полковника Э.Ф. Семилетова. Основное ядро Зюнгарского полка составляли участники Первой мировой войны, собранные по инициативе полковника Б.С. Мангатова. В августе полк получил название 80-й конный казачий Зюнгарский полк и успешно воевал в составе соединений Донской армии почти весь 1918 г. В приказе Сальского окружного атамана войскового старшины М.Н. Гнилорыбова говорилось: «За примерную доблесть, проявленную в боях с большевизмом, и ревностную службу казаков Зюнгарского калмыцкого полка переименовываю из младших в старшие» [4].

С освобождением в апреле 1918 г. от красных городов Ростова, Таганрога, Новочеркаска начались восстания против советской власти в калмыцких станицах Ново-Алексеевской, Денисовской, Иловайской, Кутейниковской, Батлаевской под руководством участников Первой мировой войны полковника Г.Э. Тепкина, есаулов И. Сельдинова и Б.Ш. Шарман-

жинова, хорунжих Б. Мусова и П.Б. Абушинова, сотника А.У. Абушинова и др. В это же время в калмыцких станицах оказалось немало калмыков-казаков, выступавших за создание советов казачьих и крестьянских депутатов – новых органов революционной власти, за поддержку идей большевиков. Активную поддержку организованному в феврале 1918 г. Сальскому революционному комитету и избранному совету рабочих, крестьянских и казачьих депутатов в организации краснопартизанских отрядов, создании и восстановлении советов оказали вернувшиеся с фронта революционно настроенные калмыки-казаки. В 1918 г. они восстановили советскую власть в станицах Денисовской и Иловайской, создали советы в станице Эркетинской, приняли участие в создании советской власти в станице Платовской. Участники Первой мировой войны В.А. Хомутников и Х.Б. Кануков организовали партизанские отряды, которые влились в Куберлеевский отряд Шевкоплясова [5].

Состоявшееся 28 апреля 1918 г. в Новочеркасске общее собрание членов Временного Донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей, в котором приняли участие и калмыки-казаки, приняло решение образовать Круг спасения Дона. Круг спасения сформировал Совет обороны, который вскоре был преобразован во Временное Донское правительство (в его состав были включены калмыки Б.Н. Уланов и А.С. Сарсинов). 3 мая круг тайным голосованием избрал войсковым атаманом Дона генерала-майора П.Н. Краснова, принял ряд законов Донской области, определяющих государственный строй Всевеликого Войска Донского и порядок правления. Законом «О Донском флаге, гербе и гимне» был утвержден Донской флаг, состоящий из трех продольных полос равной ширины – синей, желтой и алой. В описании отмечалось: «Три народности издревле живут на Донской земле и составляют коренных граждан Донской области – донские казаки, калмыки и русские крестьяне. Национальными цветами их были: у донских казаков – синий, васильковый, у калмыков – желтый и у русских – алый» [6].

В своем первом приказе от 4 (17) мая 1918 г. по Всевеликому Войску Донскому войсковой атаман П.Н. Краснов, в соответствии с только что принятым законом «О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского», предписал военному отделу: «Приступить к немедленному созданию на началах общеобязательной воинской повинности из казаков и калмыков 1918–1919 гг. призыва, вызываемых путем жеребье-метания по правилам, которые будут указаны, постоянной армии...» Согласно этому приказу партизанские отряды упразднились и было начато создание регулярной Донской армии – «Молодой армии» на постоянной основе. В соответствии с «Положением о военной службе казаков

и калмыков Донского войска», утвержденным приказом войскового атамана № 4 от 5 (18) мая 1918 г., началось формирование под Новочеркасском в военном Персиановском лагере полков Молодой Донской армии, в том числе и 3-го Калмыцкого Сальского полка (командир – войсковой старшина П.Т. Чумаков, затем полковники Н.П. Слюсарев и Б.Н. Полозов) со своим национальным знаменем и гелюнгом (священнослужителем). Четыре сотни полка полностью были укомплектованы калмыками-казаками, остальные две сотни – представителями других народов [7].

С осени 1918 г. оба калмыцких полка в составе различных соединений Донской армии активно включились в упорные боевые действия против конных частей Красной армии. Им пришлось выдержать ряд трудных боев на территории Сальского округа, Новочеркасском направлении. В июле – сентябре 1919 г. Зюнгарский Донской калмыцкий полк вместе с 14 донскими полками участвовал в знаменитом глубоком конном рейде 4-го Донского отдельного конного корпуса генерала К.К. Мамонтова по тылам советского Южного фронта. Наряду с важным военным и политическим значением рейд сыграл негативную роль в моральном отношении, это отразилось и на дисциплине солдат Зюнгарского полка. В это же время 3-й Калмыцкий полк, входивший в 1-ю Донскую конную дивизию 3-го Донского отдельного корпуса, в боях понес большие потери [8].

Вообще, если до сентября – октября 1919 г. Белому движению на Юге, как известно, сопутствовал успех, то с этого времени наступил перелом не только в военно-оперативном отношении, но и в настроениях казачества, а по существу – в гражданской войне в России. Войска Юга России А.И. Деникина, терпя поражение и оставив Ростов-на-Дону и ряд других городов, стали отступать на юг, к Черноморскому побережью. За успехи в Егорлыкском сражении 1-й Конной армии в числе награжденных орденом Красного Знамени ее командного состава был начальник дивизии калмык-казак О.И. Городовиков [9].

Одним из боеспособных соединений Донской армии, успешно выполнявшим роль ее арьергарда при движении к Новороссийску, являлся 4-й Донской корпус, в состав которого входил 80-й Зюнгарский калмыцкий полк под командованием полковника Г.Э. Тепкина. Зюнгарский полк 20 апреля (3 мая) 1920 г. активно участвовал в сдерживании натиска частей Красной армии под Новороссийском, где шла погрузка кораблей, отходивших на Крымский полуостров с остатками Белой армии. На следующий день полк в составе 4-го Донского корпуса выгрузился в Феодосии. Судьба 3-го Калмыцкого полка, причисленного к 1-й Донской гвардейской дивизии, оказалась трагической: основная ее часть и большая группа калмыцких беженцев попали в плен красным.

В первом исходе русских в годы Гражданской войны, организованном в январе – марте 1920 г. А.И. Деникиным, оказались семьи отдельных военнослужащих донских калмыков, часть интеллигенции, атаманы, священнослужители некоторых калмыцких станиц. Они из Новороссийска пароходами были доставлены на греческий остров Лемнос [10].

Не меньшая драма постигла на Черноморском побережье и мирных калмыцких беженцев, в числе которых оказались не только семьи сражающихся калмыков-казаков на стороне белых, но и те, которые не были причастны ни к тем и ни к другим, а просто бежавшие от разгула и бесчинств различных отрядов «освободителей». Вслед за беспорядочно отступавшими частями Белой армии через Сальские степи мирное калмыцкое население, поддавшись агитации и паническим слухам, в зимнюю стужу и пургу в декабре 1919 г. в бричках, запряженных волами, двинулось со своим скотом, имуществом. Ростовский краевед А. Подгорный в записке «История революционной борьбы в Сальском округе» отмечал: «Калмыки, связав свою судьбу с белой армией, перешли в положение кочующего народа». Полковник В.В. Добрынин вспоминал: «Вот тянется группа донских калмыков и калмычек в их цветных национальных костюмах. Прежде они шли громадным табором с обозами и всем домашним скарбом. Мало-помалу волы, лошади и верблюды выбивались из сил и гибли в липкой грязи чернозема. А люди всё шли и шли дальше в надежде найти спасение от ужасов большевизма...» Позже один из беженцев этого потока, П. Джевзинов, вспоминал: «Сколько народу погрязло и погибло в екатеринодарской черной грязи» [11].

Основная масса беженцев-калмыков дошла до Екатеринодара в марте – апреле 1920 г., дальше она не смогла пробиться к мосту через реку Кубань, занятую отступавшими частями Белой армии. Лишь немногие одиночные беженцы сумели просочиться через мост с военными. Простояв зимой на берегу реки более месяца, те беженцы, которые были в состоянии еще передвигаться, решили возвратиться в родные края, домой. Но в пути они были разграблены, порублены разными бандами. Оставшиеся около 5 тыс. чел. калмыков-беженцев из-под Екатеринодара вернулись в свои станицы лишь к лету 1920 г. совершенно нищими, но многие еще оставались там, не имея средств выехать. А. Подгорный писал: «Богатейшие стада калмыков попали Красной армии и иногородним. Станицы наполовину стали мертвыми» [12].

В апреле 1920 г. Харти Бадеевич Кануков, политком конной дивизии 10-й Красной армии, член Сальского окружного ревкома, в своем обращении «К донским калмыкам» отмечал: «Прошла революционная буря... Посмотрите теперь, что же осталось... горе, разорение. Где же обещанные вам

атаманами блага, где вожаки ваши, которые восхваляли порядок Деникина, они ушли, ушли, забрав всё ценное... оставили вас расплачиваться за содеянные ими злодеяния... Кто оставил вас в роли побежденных врагов трудового народа? Кто забрал ваши стада, табуны... почему из 35 тыс. вас осталось не более 15 тыс., почему моложе восьмилетнего возраста вымерло... Вас, насильно оторвав от насиженных мест, погнав с собой, бросили на произвол судьбы на берегу Чёрного моря» [13].

Главнокомандующий Вооруженными силами на юге России П.Н. Врангель, назначенный 22 марта 1920 г. А.И. Деникиным, в мае того же года реформировал казачьи части, прибывшие с Черноморского побережья. Во 2-ю Донскую конную дивизию Донского корпуса был включен Зюнгарский калмыцкий полк (командир – полковник Г.Э. Тепкин (умер в июле), с августа – полковник И.Д. Бобров), дислоцировавшийся в районе города Сарабуз (в 18 км восточнее Симферополя), где недалеко находился лагерь калмыцких беженцев. В июле – октябре 1920 г. Зюнгарский полк уже участвовал в боевых действиях армии Врангеля (Заднепровской операции) в районах Мелитополя, Каховки, Орлянска, Бердянска, Верхне-Токмака и Большого Токмака, Юльевки, Черниговки и Семеновки, Богемки и Чирик [14].

Армия Врангеля в Крыму осенью 1920 г. потерпела окончательное поражение, вместе с которым закончилась вооруженная борьба казаков с большевиками. 29 октября (11 ноября) 1920 г. части Красной армии вошли в Крым. Белой армии 17 ноября пришлось отходить к портам, где уже были подготовлены суда для погрузки второго потока русской эмиграции, в том числе и калмыков-казаков.

В результате Гражданской войны донские калмыки понесли невосполнимые потери. К началу 1920 г. калмыцкое население на Дону сократилось более чем вдвое, многие погибли в братоубийственной войне; молодые калмыки-казаки, участники Первой мировой войны, воевавшие на стороне белых, вынуждены были покинуть родные места и эмигрировать за границу. В числе 28,5 тыс. донских казаков, ушедших за границу вместе с войсками генерала Врангеля, было свыше 3 тыс. калмыков-казаков, многие из которых были участниками Первой мировой войны, имели государственные награды, офицерские чины. По далеко не полным данным, среди них были свыше 70 боевых офицеров-калмыков, в том числе 4 полковника, а среди солдат – 4 полных Георгиевских кавалера.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–20.

2. Вольное казачество. 25 февраля 1931 г. № 75. Прага. С. 9–10; Ковыльные волны. Март 1932 г. № 4. Прага. С. 22, 24–25.
3. Падалкин А.П. Степной поход и начало казачьих восстаний на Дону // Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 154–155; Балыков С.Б. Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993. С. 236.
4. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4137. Л. 4об., 5–5об.
5. Очиров У.Б. Калмыки в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста, 2006. С. 205; Ломакин Г.П. В боях за власть Советов. Боевое содружество русских и калмыков Сальского округа на фронтах Гражданской войны. Изд. 2-е, перераб. Элиста, 1968. С. 28–29; Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм: исторические очерки. Ростов н/Д, 1986. С. 31.
6. Краснов П.Н. На внутреннем фронте; В донской станице при большевиках; Всевеликое Войско Донское. М., 2003. С. 229–240; Падалкин А.П. Указ. соч. С. 204; Сергеев В.Н. Донская республика (1917–1918 гг.). Ростов н/Д, 2005. С. 41–42, 84.
7. Краснов П.Н. Указ. соч. С. 236–237; Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. М., 2008. С. 248, 252; Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 143–144.
8. Венков А.В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014. С. 214–238; Кислицын С.А. Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015. С. 243.
9. Цимлов Д.А. Нравственная победа 4-го Донского казачьего корпуса на Черноморском побережье в апреле 1920 года // Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 578; Голубинцев А.В. Казачья Вандея. М., 2012. С. 251.
10. Мыльников В.С. Новороссийская катастрофа // Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 568; Балыков С.Б. Указ. соч. С. 245, 250; Решетников Л.П. Русский Лемнос: исторический очерк. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 8, 16.
11. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф. 12. Оп. 2. Д. 101. Л. 10; Добрынин В.В. Борьба с большевизмом на юге России // Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 77; Джезвинов П. Донские калмыки-казаки в борьбе с большевизмом в 1917–1920 гг. Авторская рукопись. Нью-Джерси, 1968. С. 3.
12. ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 101. Л. 11.
13. ГАРО. Ф. Р-980. Оп. 1. Д. 2. Л. 211 об.
14. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). Часть 2. М., 1992. С. 233, 253, 271, 285; Научный архив Калмыцкого научного центра. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 98.

Мир или война: роман из донской жизни

Тысяча девятьсот семнадцатый год отмечен разворачиванием разнообразных и даже полярных процессов, которые в тот момент воспринимались как имеющие потенциал реализации. Глубокие противоречия между казаками, коренными крестьянами и иногородними, обычно определяемые как главный фактор политического процесса в области, сосуществовали со стремлением к сотрудничеству. Казачество выражало богатый спектр мнений – от защиты казачьих прав до готовности поступиться значительной их мерой, уравнивать иногородних с собой. Настроение основной массы казаков как отбойная волна перекачивалось от одного политического берега к другому, менялось от лояльного к враждебному и через разочарование – назад.

Сформированный 4 марта 1917 г. Донской исполнительный комитет, претендовавший на управление областью Войска Донского, первое время таковым и воспринимался. В его составе был военный отдел, который ведал в том числе и казачьими вопросами. Товарищем председателя Донисполкома был войсковой старшина Е.А. Волошинов, заместитель председателя Военно-промышленного комитета, на основе которого был создан новый орган областной власти. 7 марта по решению Донисполкома ему была передана должность донского атамана, освободившаяся после отстранения наказного атамана М.Н. Граббе. Но довольно скоро исполком начал выражать беспокойство по поводу активизации деятельности по восстановлению форм казачьего управления. Казаков же, как и других собственников земли, нервировала поддержка Донисполкомом и его представителями претензий крестьян в аграрных спорах. С апреля 1917 г. захватчики сами считали свои действия вполне законными: они ведь готовы платить за аренду, но столько, сколько готовы сами дать, ссылаясь на «разрешение» создаваемых местных исполкомов или на консолидированное решение сельского схода. Отношение казаков к исполкомам было сложным. От вновь создаваемого самоуправления ожидалась мобилизация продовольственных ресурсов. Поэтому оно поощрялось и военным министерством, и временно исполняющим должность войскового атамана Волошиновым. Но с апреля казачество начало охладевать к идее сотрудничества с крестьянством в рамках комитетов.

Войсковой казачий съезд Войска Донского (24–26 апреля 1917 г.) в постановлении «О местных исполнительных комитетах» назвал их желатель-

ными, но не обязательными временными общественными организациями, возникшими вследствие государственного переворота. Им предоставлялся ограниченный перечень полномочий [1]. Поступающие в адрес съезда обращения казаков показали существование трех позиций по отношению к владению и распоряжению землей в области.

Первая и самая непримиримая предполагала казачье самоуправление без представительства иногородних на основе исключительного права казаков на земли в пределах Дона. Вторая позиция заключалась в формуле: казачьей земли не отдавайте, а чужой не берите. В данном случае под «своей» подразумевалось 588 тыс. десятин помещичьей, офицерской, чиновничьей земли (по мнению сторонников этого подхода, казаков Черкасского округа, офицеры и помещики из числа природных казаков добровольно отдадут землю, оставив себе ее в размере трудового надела). Крестьянам они готовы отдать всю частновладельческую землю, принадлежащую ныне неказакам. Третья позиция («справедливого уравнивания земель казаков и крестьян – коренных жителей Донского края») заключалась в признании права коренного населения за коренными донскими крестьянами. Крестьян даже предлагали принять в казаки, наделая их землей наравне со всеми. Во главе исполкома Казачьего съезда и совета старшин Войскового круга, избранных соответственно в апреле и мае 1917 г., стали сторонники первой линии.

Крестьяне тоже, хотя и с интервалом в месяц, провели под патронажем Донисполкома свой съезд (14–24 мая 1917 г.). Основные положения о земле, принятые на съезде, содержали тезисы об общенародном праве на землю, об уравнильно-трудовом пользовании, о запрете аренды земли исполу, воспрещении сделок по купле-продаже земельной собственности. Не удивительно, что продолжились и приобрели большие масштабы захваты земли, устанавливались самовольные «облоги» – волостные сборы, неуплата которых грозила конфискацией земли и имущества. Донисполком схватился за голову и стал рассылать на места циркуляры о запрете самоуправства. В постановлениях съезда была заложена еще одна «мина». Он признал необходимым отправить в Учредительное собрание требование о передаче в общенародный земельный фонд и его областную часть не только общинную и частновладельческую землю, но и юртовую. Следующий пункт о приоритетном сохранении права на нее землеробов (земледельцев) области – казаков, крестьян и иногородних – на фоне первого терялся. Но казаки капитулировать не хотели. Донской Войсковой круг 1-го созыва (26 мая – 18 июня 1917 г.) повел линию на оттеснение Донисполкома от претензий на областную власть, в частности отозвал всех казаков-депутатов.

В связи с ухудшением продовольственной ситуации в области (часть округов постиг неурожай), аграрными конфликтами и продовольствен-

ными трудностями появилась идея создания объединенного областного правительства. Инициатива исходила от управы Донисполкома, предложившего Малому войсковому кругу 4 августа 1917 г. образовать высший орган гражданской власти с равным представительством от Войскового правительства и от управы [2]. Спустя месяц атаман А.М. Каледин признал идею полезной. Обвинение его в соучастии в корниловском мятеже, широко растиражированное центральной и местной печатью, было воспринято на Дону как сигнал, ставящий казачество вне закона. Может быть, именно это подтолкнуло его к такой уступке.

Линия войсковых органов по отношению к неказакам продолжала быть неровной. Чтобы снизить остроту земельных споров, Большой войсковой круг 7 сентября 1918 г. узаконил положение о частновладельческих землях, поступающих в войсковой земельный фонд для наделения безземельных и малоземельных казаков и коренных крестьян [3]. Это была позиция демократического крыла круга во главе с П.М. Агеевым. Продолжал обсуждаться вопрос о введении земских учреждений на Дону, при этом казаки хотели получить преимущества земских учреждений, но не желали отдавать в общее земское распоряжение войсковую собственность.

Естественная реакция войскового правительства на общероссийскую разруху, выразившаяся в проведении мер по укреплению влияния на ситуацию в области, вызывала опасения у донских неказачьих учреждений. Председатель Донисполкома В.В. Брыкин направил 23 октября в Петроград телеграмму, в которой рекомендовал правительству воздержаться от возвращения Каледина звания и власти командующего войсками области Войска Донского. Брыкин мог рассчитывать на внимание А.Ф. Керенского, потому что за три дня до этого войсковое правительство, областная продовольственная управа и даже комиссар Временного правительства подписали документ о запрете вывоза продовольствия за пределы Дона.

26 октября 1917 г., сразу же после получения известий о большевистском перевороте, управа Донисполкома призвала атамана и Донское правительство созвать экстренное совещание для организации объединенной власти в Донской области. Противостоять петроградским большевикам без соглашения с донскими крестьянами было невозможно, что понимали Каледин и Войсковой круг. После 2 декабря, дня изгнания советских отрядов из Ростова-на-Дону, войсковое правительство вернулось к практическим действиям по созданию объединенного казачье-крестьянского правительства на Дону. 4 декабря 1917 г. будущий атаман А.П. Богаевский подчеркивал, что оно необходимо не только потому, что войсковому правительству нужна поддержка крестьян, но и для упрочения доверия к нему самих казаков, подозревавших его в реакционности. Было решено

составить правительство из пяти казаков и пяти представителей крестьян, причем распределение мест от неказачьего населения предоставлялось самим неказачьим группам, то есть коренные крестьяне и горожане могли решить этот вопрос положительно по отношению к иногородним.

Но ожидаемая власть не получила в тот момент поддержки широких масс. Она продлила действие военного положения в рудничных районах области, чем еще более ухудшила отношения с рабочими не только шахт, но и заводов, получавших уголь с большими перебоями. Она не смогла контролировать деятельность земельных комитетов, нередко возглавлявших аграрные беспорядки [4]. В январе 1918 г. Донской областной продовольственный комитет как орган объединенного правительства объявил о переходе к реквизиции хлеба с применением военной силы [5]. Новая власть осталась без казачьей и без крестьянской поддержки, что и привело к ее краху и к самоубийству Каледина 29 января 1918 г. Кризис и дезорганизация сил, противостоящих советским армиям, проявились в шокирующем убийстве члена Донисполкома В.В. Брыкина [6].

Аналогичные процессы протекали, кстати, и на Кубани: нежелание договариваться сменялось готовностью к компромиссу обычно в момент, когда одна из сторон оказывалась в более уязвимом положении, чем ее оппоненты. Как видим, это была общая болезнь, и ее главным клиническим признаком было неумение справляться с соблазном форсированного решения давно назревших, длительно вынашиваемых задач в условиях неожиданно открывшихся возможностей. Ковать железо пока горячо желали все, искренне полагая, что единственным препятствием этого прежде был старый режим, а ныне отдельные лица. Так думали убийцы Брыкина. Так думал и председатель СНК Донской советской республики казак Ф.Г. Подтёлков. В своей автобиографии, датируемой весной 1918 г., он описал, как понимает происходящее: «То же происходит сейчас, это, по-моему, не гражданская война, а борьба трудящегося народа с оружием в руках с теми, кто не желает добровольно расстаться с властью и капиталом, похищенными у трудового народа» [7]. Суждение Подтёлкова позволяет уловить смысл видения ситуации, типичного для революционно настроенных людей: кучку «бывших» победить совсем не сложно, тем более что всё против них, особенно время, которое уже прошло. Соотношение сил провоцирует массу к насилию, та уверена: на ее стороне и правда, и сила – борьба не будет долгой.

Недоверие и настороженность казаков и неказаков по отношению друг к другу соседствовали со страхом ввязаться в открытый конфликт и готовностью идти на некоторые уступки. Мемуары участников событий, а потом и исследования историков 1960–1990-х гг. показали, что казаче-

ство в первые месяцы после Октябрьского переворота склонялось к благожелательному нейтралитету, поскольку Декрет о земле содержал пункт о неприкосновенности паевых наделов. На поведение влияла и надежда, что лояльность избавит от обострения отношений с центральной властью и с коренными и пришлыми иногородними [8]. Сказалась и историческая усталость казачества за два века непрерывной службы царизму и участия в войнах, поэтому ликвидация самодержавия была встречена как возможность сбросить с себя тяжелую, давно ставшую тягостной повинность [9]. И.И. Железнов сравнивал казака с крепостным и говорил, что если крестьяне получили волю в 1861 г., то казачество продолжает оставаться в кабале [10]. О том, что казак устал тянуть царскую лямку, упоминал в своей речи в Новочеркаске 7 февраля 1918 г. М.П. Богаевский [11].

Поляризация настроений казачества отчетливо проявилась зимой 1918 г. Часть его имела вполне объективные предпосылки для сочувствия советской власти. Казаки, особенно в северных и восточных районах области Войска Донского, по своему положению мало отличались от населения России и уже жили крестьянскими промыслами – извозом, ремеслом. Малоимущие казаки имели долги перед станичными правлениями за «арматур», который нужно было «справить» перед призывом. Покрывался этот долг из сумм, получаемых правлением за сдачу в аренду перешедших к нему в распоряжение наделов земли. У таких станичных должников при старых порядках шанса заняться земледелием по возвращении домой не было [12]. Но А.И. Деникин и в эмиграции продолжал придерживаться мнения, что фронтовая молодежь из казаков не имела никаких политических, социальных и бытовых причин увлечься большевизмом, кроме причин психологических: «... пьяный угар обезумевшей солдатчины на фронте... усталость от войны... наконец, сильнейшая агитация большевиков...» [13].

В восточных районах Донской области существенная часть казачества вступала в вооруженные отряды, в состав которых входили и представители иногороднего населения Сальского округа и восточных юртов 1-го Донского округа. Сложносоставной характер этих первых вооруженных образований отражен в названиях, например: «1-я Котельниковская рабоче-крестьянская казачья дивизия под командованием тов. Родина» [14]. На левобережье Дона у большевиков были и отдельные казачьи полки, например 10-й Донской казачий полк, состоявший из казаков 2-го Донского округа. Это довольно нелепая ситуация, учитывая высокую степень социального напряжения между иногородними и казаками на Дону. В этой части области главными землевладельцами были калмыки, приписанные к Войску, они же были основными арендодателями земли – и недовольство крестьян-переселенцев было направлено прежде всего против них.

После создания Донской коммуны и возникновения угрозы передела уже всей казачьей, а не только помещичьей земли, казачество вернулось к идее атаманской власти в станицах, упразднив советы. Окончательное крушение пацифистских настроений донского казачества относится к апрелю-маю 1918 г., когда после знакомства с украинскими отрядами под командованием Ворошилова, Вадимова, Мигоды казаки перешли к жесткому подавлению советских элементов. Впечатление на них произвела мобилизация, объявленная командованием этих отрядов для местных малороссов и прошедшая успешно. Поэтому отступавшие красновардейские отряды, собранные из иногородних и казаков Донецкого и 2-го Донского округов, в случае попадания в плен ждала более тяжелая, непредсказуемая судьба. Наряду с традиционной поркой пленных уже рубили и расстреливали из пулемета [15].

Итак, Дон, являвшийся территорией давнего межсословного соперничества, тем не менее показал, как запускается механизм конфликта. Немалую провоцирующую роль играл страх внешнего (по отношению к области) вмешательства, готового склонить неустойчивое равновесие в пользу одной из сторон.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 861. Оп. 1. Д. 3. Л. 48–49.
2. Там же. Д. 22. Л. 33.
3. Там же. Д. 42. Л. 16.
4. ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–10б.
5. ГАРО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 212. Л. 135.
6. Там же. Д. 5. Л. 44.
7. Цит. по: Френкель А.А. Орлы революции. Ростов н/Д, 1920. С. 33.
8. Френкель А. Указ. соч. С. 15–18; Берз Л.И., Хмелевский К.А. Героические годы. Октябрьская революция и гражданская война на Дону: Исторический очерк. Ростов н/Д, 1964. С. 8–24, 78–87; Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над Тихим Доном. Ростов н/Д, 1984; Кириенко Ю.К. Революция и донское казачество (февраль – октябрь 1917 г.) / отв. ред. А.И. Козлов. Ростов н/Д, 1988; Козлов А.И. Казачья окраина России. Ростов н/Д, 1992. С. 29; Сивков С.М. Начальный период гражданской войны на Кубани и Черноморье (1917–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1996. С. 215–216; и др.
9. В Объяснительной записке к постановлению Чрезвычайного собрания Донского дворянства 4 октября 1908 г. о подчинении гражданского строя области Министерству внутренних дел приведены мнения донских казаков, которые говорили о тяжести выполнения ими воинской повинности. Свою службу они называли почетной, но и безвозмездной. См.: ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60. Л. 37–61.

10. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. В 3 т. 3-е изд. СПб., 1910. Т. 1. С. 262–264.
11. Богаевский М.П. Речь на Войсковом Кругу 7 февраля 1918 г. // Донская летопись: Сборник документов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 г. № 1. Ч. 2. Белград, 1923. С. 319.
12. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 808. Л. 12.
13. Деникин А.И. Как началась борьба с большевиками на юге России // От первого лица. М., 1990. С. 201, 209–210; Лукомский А.С. Зарождение Добровольческой армии // От первого лица. М., 1990. С. 190.
14. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 78. Л. 10.
15. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. Оп. 3. Д. 140. Л. 4–6; Д. 309. Л. 1.

Казачество, коренное и иногороднее крестьянство Дона в период революции и на начальном этапе Гражданской войны (март 1917 г. – 1918 г.)

Данная проблематика давно интересует российских и зарубежных историков, имеет обширную историографию, наличие дискуссионных вопросов. Неразрешенность и спорность аграрных проблем тормозила возможность социально-политической «спайки» крестьянства и казачества на низовом, бытовом уровне. Сохранялась явная неприязнь между казаками и бесправными рабочими и иногородними, малоземельными и безземельными крестьянами-земледельцами. При этом крестьянское население к 1917 г. по численности опережало казачье (2,2 млн чел. против 1,45 млн чел.), более 80 % удобной земли принадлежало казакам. Всё это грозило социальным взрывом в станицах и крестьянских волостях уже весной 1917 г., в ходе подготовки и проведения весенних агротехнических работ накануне сева.

Временное правительство данный вопрос разрешить не могло и не успело. Многие в реализации важнейшего, политически значимого аграрного вопроса на Дону с октября 1917 г. зависело от продуманной политики новой советской власти. В среде донского коренного, и особенно иногороднего, бедного и среднего крестьянства наибольшей популярностью в период революции и гражданской войны пользовались партии социалистов-революционеров (эсеров) (организации которой насчитывали более 22 тыс. членов), народных социалистов (энэсов), социал-демократов (до 9 тыс. членов).

На большом фактическом материале исследователи В.Н. Сергеев и Н.В. Звездава убедительно доказали, что с марта – апреля 1917 г. постепенно, но неуклонно набирали популярность Советы крестьянских и казачьих депутатов. В основу их политической и аграрной программы был положен имеющий широкую поддержку среди среднего и беднейшего крестьянства принцип социализации земли (эсеровская идея «черного передела»). С марта по январь 1917 г. основные требования сводились к конфискации земель донских помещиков и части земель войскового запаса. Правительство атамана А.М. Каледина старалось искать компромиссы в разрешении проблем между казаками и крестьянами, понимая всю сложность аграрного вопроса и его влияние на политические раздоры. В агитационно-популистских декретах и обращениях к трудовому казачеству 1917 г. – начала 1918 г. рядовым казакам новое советское правительство гарантировало сохранение их трудовых земельных наделов, а оставшимся на службе в армии – полное государственное обеспечение.

Совет народных комиссаров (СНК) во главе с В.И. Лениным в период борьбы за установление советской власти в казачьих областях (в октябре

1917 г. – феврале 1918 г.) пошел даже на политический эксперимент по советскому «оказачиванию», созданию «Донской Советской республики» в марте – апреле 1918 г. во главе с фронтовиками казаками-демократами Ф. Подтёлковым и М. Кривошлыковым. Усталость от войны и умелая агитация коммунистов и левых эсеров привели к колебаниям большей части фронтового, трудового казачества, к усилению нейтралистских и просоветских позиций. Большинство историков считает, что эта ситуация во многом предопределила провал казачьих мятежей на Дону и Урале в октябре 1917 – феврале 1918 г. Короткий, но весьма значимый период становления советской государственности на территории области (март – сентябрь 1918 г.), образование автономной казачье-крестьянской Донской советской республики, восстановление ситуации двоевластия с возрождением субказачьего государства Всевеликого Войска Донского (с мая – июня 1918 г.) достаточно полно и подробно раскрыты в исследованиях историков К.А. Хмелевского, В.Н. Сергеева, А.В. Венкова, Ю.Д. Гражданова, О.Б. Герман, Е.И. Дулимова, С.А. Кислицина, О.В. Кондрашенко, О.В. Рвачевой, В.П. Трута, Р.Г. Тикиджьяна, П.Г. Чернопицкого [1]. Однако отдельные значимые и дискуссионные вопросы по-прежнему требуют более серьезной аргументации.

В мае – июне 1918 г., используя наступление немецкой армии с Украины и начавшиеся колебания зажиточных и средних слоев казачества, обеспеченных возможной реальной потерей большей части юртовых земель, атаманско-офицерская верхушка подняла вооруженное восстание и начала борьбу за свержение советской власти в лице Донской советской республики. Очередной политический этап противостояния и восстановление двоевластия на Дону начался с формирования нового государственно-областнического образования, автономной казачьей республики – Всевеликого Войска Донского. После захвата Новочеркасска в мае 1918 г. на Круге спасения Дона был рассмотрен проект Донской конституции, новым войсковым атаманом с широкими, почти диктаторскими полномочиями был избран генерал П.Н. Краснов – прогермански настроенный казачий патриот-националист. Опираясь на консерваторов-казакоманов, он сумел переиграть либерально-кадетскую оппозицию во главе с А.П. Богаевским, ориентировавшемуся на А.И. Деникина и союзников из Антанты. Донская советская республика действительно быстро обрела первичные признаки государства (государственная власть, территория, народ). Верховная государственная власть – съезд Советов Донской области, ЦИК, СНК – реально управляла населением и решала ряд насущных вопросов. В ходе окружных съездов Советов (с февраля – начала апреля 1918 г.) от власти были отстранены атаманы, начала утверждаться власть окружных Советов и их исполкомов. Новая власть руководила делами с помощью государственного аппарата, силовых и правовых структур (Красная армия, милиция,

народный суд). Была определена государственная территория с четким административно-территориальным делением на десять округов. Однако с мая 1918 г., когда обозначились колебания и отход середняцких масс и фронтового казачества от советской власти к белоказакам П.Н. Краснова и Х.Н. Попова, раскол населения начал углубляться, поэтому говорить о таком важном признаке государства, как духовное, этнокультурное единение народов Донского края, можно лишь весьма относительно.

Авторитетные историки «аграрной» школы правомерно утверждают, что аграрные преобразования начались весной 1918 г. и привели к углублению раскола в обществе и сползанию к «большой гражданской войне». Увидев реальную опасность земельного передела и правовой беспредел, развернувшийся в короткий период существования рабоче-крестьянской Донской советской республики, опираясь на недовольство большей части казаков, атаманско-кулацкая верхушка развернула наступление на политические и имущественные права крестьян, особенно иногороднего населения. Еще до решений Войскового круга политика нового атамана П.Н. Краснова и войскового правительства по отношению к крестьянам и иногородним была скорректирована в сторону ужесточения и необходимости применения репрессивных мер.

Найденные нами архивные документы свидетельствуют, что уже с 4 по 19 мая 1918 г. был сформирован специальный отдел внутренних дел Всевеликого Войска Донского. Были быстро восстановлены полицейские городские и станичные правления, отряды казачьей стражи и милиции. Так, в составе ОВД находилось шесть полицейских отделений. На базе казачьей Донской армии и местных казачьих команд в округах создавались в том числе и карательные, «летучие отряды» из казаков и калмыков, которые часто вершили быстрый суд и расправу над крестьянами и иногородними, а иногда и над своими же казаками, иногда практически без суда и следствия, из чувства мести или личной неприязни [2]. Приказом от 3 июня 1918 г. была ограничена свобода передвижения иногороднего населения, въезд на территорию Войска разрешался только казакам, уроженцам Дона. По приказу от 5 (18) июня частновладельческие земли объявлялись неприкосновенными, покушение на них жестко преследовалось властями. Землевладельцам, пострадавшим от захватов 1917 – начала 1918 г., полагалось возмещение убытков деньгами или частью урожая (от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$). Этот приказ открывал широкие возможности для восстановления прав помещиков, крупных землевладельцев, зажиточных казаков и крестьян. Достаточно часто его реализация на местах приводила к кровавым расправам над крестьянами, наложением непомерных контрибуций и штрафов по возмещению ущерба [3].

Представители либерально-демократической оппозиционной части Войскового круга В.А. Харламов и П.Е. Агеев пытались противостоять

жесткой линии казакоманов-самостийников, подчеркивая необходимость дальнейшего поиска компромисса с крестьянской частью населения, в особенности с коренным крестьянством. Дело дошло даже до покушения на жизнь П.Е. Агеева, в подготовке которого многие обвиняли именно консерваторов-казакаманов, сторонников войскового атамана.

Разработка, обсуждение и принятие нового Земельного закона серьезно затягивались. В этой ситуации практически в течение всего 1918 г. действовали принятые кругом основные нормативные положения, четко подтверждающие принадлежность войсковых запасных и юртовых земель казачьей общине. После долгих и острых дискуссий теоретически был решен вопрос об отчуждении помещичьих, частновладельческих и монастырских земель. Предполагалась их передача за компенсацию мало-земельным казакам и коренным крестьянам, но с оговоркой – только для тех из них, которые не принимали участие в борьбе против казачества и не поддерживали советскую власть. При этом в специальной резолюции делегаты съезда отдельно заверяли донских помещиков, что в течение 1918 и 1919 гг. никакие меры по конфискации земель приниматься не будут. О наделении землей иногородних в положениях практически ничего не говорилось. Возможной реальной перспективой оставался лишь их переход в иную статусную, корпоративную группу граждан – казаков, что, как показывал опыт, было весьма затруднительно.

Уже с 4 сентября 1918 г. управляющий отделом земледелия ОВД получил возможность отбирать арендуемую и надельную войсковую землю у лиц, избалованных в участии в просоветском, большевистском движении (или сочувствии им), что в первую очередь отразилось на казачьей бедноте, коренных и иногородних крестьянах. Ставка атамана П.Н. Краснова на помощь Германии и оккупационный режим еще больше усугубили отношения крестьянства и казачества в период с мая по ноябрь 1918 г. Основные продуктовые реквизиции тяжким грузом легли прежде всего на хозяйства коренных и иногородних крестьян Ростовского, Таганрогского, части Донецкого и Сальского округов. Недовольство этим положением выражала и часть рядового казачества. Немецкий комендант Донской области в контексте военно-политического взаимодействия потребовал возвращения земель донских немецких колонистов и передачи им половины урожая в виде компенсации за реквизиции и причиненный ущерб в период аграрных волнений 1917 г.

В сочетании с объявленной атаманом П.Н. Красновым принудительной мобилизацией крестьян и иногородних в Донскую армию данная ситуация привела к целому ряду крупных волнений, открытых вооруженных столкновений крестьян с властями в Таганрогском, Ростовском, Сальском, Хопёрском округах. Наиболее значительным из них стало крестьянское восстание, охватившее многие волости и села Таганрогского округа в

октябре 1918 г. В массовых волнениях, по свидетельству различных документальных источников, приняли участие до 55 тыс. чел., а в повстанческих вооруженных отрядах состояло более 3,5 тыс. чел. Эти выступления по приказу атамана П.Н. Краснова были жестоко подавлены. Имели место публичные казни, массовые расстрелы по десять – тридцать человек, которые проводились особыми карательными отрядами казаков-добровольцев и калмыков. Жители крестьянских волостей и сел были предупреждены, что их имущество и земельные наделы будут конфискованы, а сами они выселены за пределы области.

Сохранившийся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) комплекс документов и материалов отдела внутренних дел ВВД за 1918–1919 гг. свидетельствует, что именно лишение имущественных и политических прав, а также выселение за пределы ОВД практически стали одними из форм борьбы властей, опиравшихся на верхушку зажиточного казачества и коренного крестьянства, с остальной массой крестьянского и неказачьего, иногороднего населения. Интересно, что к казакам, поддержавшим советскую власть, перешедшим в Красную армию либо отказавшимся от мобилизации в Донскую армию, иногда и к членам их семей, правящий режим атамана П.Н. Краснова применял еще более жестокие меры. Казак, а часто и его родственники лишались своего сословно-корпоративного статуса на основании закона от 19 сентября 1918 г. с ликвидацией казачьего звания, реквизицией всего или части имущества. Казака практически сразу же лишали паевого юртового довольствия и всех угодий, а часто даже с распоряжением о выселении за пределы станицы, округа или даже области. По подсчетам историка Ю.Д. Гражданова, только с сентября 1918 по январь 1919 г. через Особое по казачьим делам присутствие было исключено из казачьего сословия более 1300 человек с семьями. За это же время было «принято в казаки» более 1000 чел., из них до 115 офицеров [4].

Внимательный анализ весьма интересного, хотя и небольшого по объему комплекса сохранившихся документов Особого по крестьянским делам присутствия отдела внутренних дел ВВД за июнь 1918 – октябрь 1919 г. (ГАРО. Ф. 860. Оп. 1) раскрывает сложную и достаточно характерную картину острого этносословного, корпоративно-группового противостояния казачества части коренного и иногороднего крестьянства на Дону. Резкая активизация противостояния, как свидетельствуют изученные сохранившиеся документальные источники, пришлась на лето – осень (июнь – ноябрь) 1918 г. и была связана с последствиями короткого периода деятельности Донской советской республики, борьбой казачества с красногвардейскими отрядами в апреле – июне 1918 г, решением вопроса о земле.

Наиболее распространенной формой противостояния в тот период времени стали решения казачьих хуторских и станичных сборов о выселении

за пределы области и к месту приписки семей крестьян, в особенности иногородних. На наш взгляд, такие формы противостояния и конфронтации со стороны местных органов казачьего самоуправления при поддержке атамана и войскового правительства реально приобретали характер депортации по сословно-групповому принципу. По нашим подсчетам, основанным на комплексе выявленных и сохранившихся источников, данные акции охватили более восьмидесяти станиц и хуторов, пятнадцати крестьянских волостей Нижнего и Верхнего Дона и стали в итоге массовым явлением. По всей видимости, это была естественная ответная реакция офицерской, кулацкой верхушки и части колебавшегося казачьего середняка на попытки коренных крестьян и иногородних захватить юртовые и удобные земли, проводить реквизиции имущества, советизацию традиционных форм самоуправления в период Донской советской республики в марте – июне 1918 г. Как правило, сход хутора и станицы принимал решения по конкретным лицам – от 6 до 10 чел., а иногда и от 15–20 до 50–70 чел. Затем прошение передавалось окружному атаману, в Особое по крестьянским делам присутствие ОВД и в канцелярию войскового атамана. Дела рассматривались от двух до трех месяцев и по ним, как правило, принимались положительные решения с разрешением выселения и, что немаловажно, с конфискацией имущества выселяемых, в первую очередь недвижимого.

Сохранившиеся архивные документы, ранее малоизвестные и впервые введенные в научный оборот Ю.Д. Граждановым, О.В. Кондрашенко, Р.Г. Тикиджьяном, свидетельствуют о принятии таких решений по более чем полутора тысячам лицам (в основном представителям иногородних и коренных крестьян), как правило, с семьями (семьи составляли в среднем более 4–5 чел., то есть этот процесс мог затронуть судьбу и жизнь не менее 50–60 тыс. чел.). Не вызывает сомнений, что таких фактов было гораздо больше, поскольку в архивах, по всей видимости, отложилась только малая часть сохранившихся свидетельств [5]. Конечно, следует принимать во внимание и то, что не все решения сходов и судебных инстанций казачьего правительства выполнялись обязательно и в назначенные сроки. При этом соотношение решений по выселению коренных крестьян и иногородних составляет, по нашим подсчетам, примерно одну треть.

Со стороны казачьих властей имели место даже попытки массовых выселений иногородних и отдельных коренных крестьян с семьями. Это реальные свидетельства по вынесенным решениям о выселении: в х. Власово-Аютинский – 60 иногородних с семьями; х. Алексеево-Кундрюченский – 62 крестьян с семьями; х. Лиховской – 70 иногородних; х. Карновский – 55 иногородних и т. д. В среднем, по нашим оценкам, обязательному выселению подвергалось от 5–10 до 25 семей [6]. Основными причинами и обоснованием для таких жестких репрессивных мер, по документальным

решениям станичных и хуторских сборов, выявленных нами, являлись: переход на службу в Красную гвардию или уход сыновей в Красную армию; обвинения в сочувствии большевикам, советской власти и Красной армии, в антиказачьих настроениях и агитации; отказ от мобилизации в Донскую армию и мероприятий по защите Донской области; отказ от подсобных служб – перевозки убитых и раненых, уборки урожая в помещичьих и казачьих хозяйствах и др. Организация выселения могла проходить от 1–2 до 4–5 месяцев по принятой схеме, после рассмотрения и утверждения решений Особым по крестьянским делам присутствием и атаманской канцелярией. Специальный казачий конвой должен был препровождать выселяемых крестьян и иногородних, как правило, до границы, гораздо реже – за пределы области к месту бывшей приписки. При этом часто имели место факты, когда окружные и станичные атаманы, зажиточная верхушка казачества наживались за счет конфискации имущества выселяемых крестьян и иногородних, нарушая правила его передачи в собственность ВВД [7].

В особо сложных и спорных случаях дела о выселении передавались в полевые суды и тогда выселение крестьян и иногородних могло пройти в течение кратчайшего срока – от двух недель до одного месяца. Имеются свидетельства, что некоторые сходы многонаселенных станиц, граничащих с крестьянскими волостями еще до принятия Войсковым кругом нового Земельного закона, проводили собственные ненормативные акты, ограничивающие возможности землепользования для крестьян и иногородних. Так, например, 1 июля 1918 г. станичный сбор крупнейшей в области окружной ст. Каменской постановил, что казаки имеют право «продавать или сдавать свой пай в аренду... только казакам своей станицы». Нарушивший новые правила обязан был уплатить штраф обществу в 100 рублей за одну десятину. Интересно, что по этому поводу престарелый казак данной станицы Д. Косяков в своей жалобе войсковому атаману указывал, что на этой почве «появилось между казаками и крестьянами зло и распри, крестьяне говорят: “Что же нам и семьям нашим приходится умирать с голоду?”» [8].

Противоречия между казаками, крестьянами, иногородними, таким образом, переходили во всё более жесткое и непримиримое противостояние. Конечно, не все решения о выселении крестьян и иногородних казачьи власти успевали привести в исполнение в полном объеме и своевременно, однако документированные факты свидетельствуют о постоянной практике таких акций в период с июня 1918 г. вплоть до осени 1919 г. Как видим, здесь налицо новый виток жесткой межсословной вражды, что, конечно же, не могло не ожесточить большую часть крестьян, особенно иногородних, против «всех казаков» и содействовало укреплению антиказачьих настроений в их среде.

Таким образом, на наш взгляд, вполне подтверждаются научные выводы, сделанные еще в работах 1960-х – начала 1980-х гг. советскими исследователями истории «Донской Вандеи» – Л.Н. Берзом, К.А. Хмелевским, А.И. Козловым, Л.И. Футорянским, а также зарубежными учеными – советологами Киннезом Лонгвортом, Бредли и Футменом. Они отмечали, что с 1918 по 1921 г. гражданская война на Дону и на юге России стала носить преимущественно межсословный, а не только межклассовый характер. Переплетение этих факторов, связанное также и с конфликтом поколений «отцов и детей» в среде казачества, сказалось впоследствии на ее ожесточенности и продолжительности [9].

Действительно, в итоге не только бесправный иногородний, но и ранее колебавшийся коренной крестьянин-середняк, склонявшийся к политическому диалогу с казачеством, с конца 1918 г. – 1919 г. в своей массе всё активнее поддерживал политику советской власти и правящей коммунистической партии. Крестьяне всё охотнее шли служить в Красную армию и были готовы принимать активное участие в непримиримой борьбе за «полное уничтожение казачества» и его привилегий.

Резкая активизация очередного противостояния пришлось на первую половину 1919 г. и была связана с новым курсом расказачивания, к которому решило перейти Советское государство и правящая компартия, реализуя общероссийский вариант политики военного коммунизма в условиях нарастания мировой революции 1918–1920 гг. Обиженные казаками, иногородние с особой жестокостью мстили им за унижение и надругательства периода 1918 г. Переодевшись в солдатские шинели красноармейцев, вступая в состав чрезвычайных органов (ревкомов, исполкомов Советов, продотрядов), они активно участвовали в террористических и антиказачьих акциях, ответной политике реквизиций и депортаций, особенно на территории Верхнего и Среднего Дона, занятой Красной армией на Южном фронте с конца января по ноябрь 1919 г.

Этот драматический этап гражданской войны вошел в историю как политика расказачивания, а в крайних оценках историков и публицистов конца 1980-х – начала 1990-х гг. даже именовался политикой геноцида казачьего народа. К причинам острой конфронтации следует добавить и наличие некоторых этнокультурных и конфессиональных различий в особых этносоциальных группах (калмыки, немцы, армяне, малороссияне, старообрядцы) крестьянства и казачества. Эти факторы усугублялись внутрисословным, социально-классовым расколом и дополнялись конфликтом «отцов и детей», молодого и старого поколения в среде самого казачьего донского субэтноса [10].

Сегодня всем активистам возрождения казачества, ученым, гражданскому сообществу и государству уже вполне ясно, что в братоубийственной

гражданской войне победителей не оказалось. Это доказали и последующие события 1920-х – начала 1930-х гг., периода «малой гражданской войны» и скрытого расказачивания, проведения массовой коллективизации 1930-х гг.

Примечания

1. Тикиджьян Р.Г. Казачество и крестьянство Дона в революции и Гражданской войне 1917–1920 гг.: поиски консенсуса и противостояние // Казачий сборник № 2 / под ред. Е.И. Дулимова, С.А. Кислицина. Ростов н/Д: ДЮИ, 2000. С. 102–118; Сергеев В.Н. Политические партии в южных казачьих областях России (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 1993; Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону. Апрель 1918 – март 1919. Ростов н/Д, 1965; Гражданов Ю.Д. Земельная политика Всевеликого Войска Донского в 1918 году // Казачество в истории России: тез. докл. междунар. науч. конф. Краснодар, 1993; Венков А.В. Донское казачество в Гражданской войне (1918–1920). Ростов н/Д, 1992; Кондрашенко О.В. Всевеликое Войско Донское и иногороднее население казачьих станиц: социально-политический аспект взаимоотношений // Кубанское казачество: три века исторического пути: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 1996; Трут В.П. Казачий излом (Казачество юго-востока России в начале XX века и в период революций 1917 года). Ростов н/Д, 1997.

2. Гражданов Ю.Д. Земельная политика Всевеликого Войска Донского в 1918 году // Казачество в истории России: тез. докл. междунар. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 104–107.

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 41, 74. Л. 1–3.

4. ГАРО. Ф. 860. Оп. 1. Д. 592. Л. 1–4.

5. Кондрашенко О.В. Всевеликое Войско Донское и иногороднее население казачьих станиц: социально-политический аспект взаимоотношений // Кубанское казачество: три века исторического пути: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 1996. С. 116–119.

6. ГАРО. Ф. 860. Оп. 1. Д. 128, 475–513, 576, 592, 597, 872, 885, 895, 903–907, 1083, 1084, 1085.

7. ГАРО. Ф. 860. Оп. 1. Д. 148; Ф. 861. Оп. 1. Л. 98–99; Ф. 861. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–5; Ф. 861. Оп. 1. Д. 107. Л. 89–134; Ф. 864. Оп. 1. Д. 6. Л. 33–44; Ф. 864. Оп. 2. Д. 64. Л. 1–4.

8. Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над Тихим Доном. Исторический очерк о Гражданской войне на Дону. Ростов н/Д, 1984; Footmen D. Civil War in Russia. London, 1961; Longworth Ph. The Cossacks. London Cantable, 1969; Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. The first year of the voluntary army. Los-Angeles; London: University of California press Berekely, 1971; Bradly J.F.N. Civil War in Russia. 1917–1920. London and Sidney: B.T. Batsford Ltd., 1975.

9. Там же.

10. Тикиджьян Р.Г. Расказачивание как понятие, процесс и государственная политика: актуальные проблемы изучения // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 3 / под ред. акад. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 218–231.

Отношение кубанских казаков к революционным событиям и гражданской войне

В советское время во взгляде на восприятие казачеством революционных событий первой половины XX в. преобладала некая измерительная шкала, ориентированная на исследование колебаний между полюсами революционности – контрреволюционности [1].

В постсоветский период появился ряд исследований, посвященных наличию у казаков Юга России собственных (причем различных) точек зрения на события, не сводимых к революционности – контрреволюционности, неоднозначному отношению простых станичников к изменению уклада жизни [2].

Говоря о позиции кубанского казачества по время революционных событий 1917 г. и гражданской войны, необходимо оглянуться на жизнь казачества в начале XX в., на степень вовлеченности казаков в революционные события того времени.

В казачьей среде накапливались кризисные явления, пусть и не так быстро, как в других этносоциальных группах. Например, среди казаков постепенно нарастало малоземелье, имущественное расслоение. Казаков тяготил ряд моментов, связанных с военной службой за свой счет, которая охватывала куда больше мужчин, чем в других сословиях Российской империи, бюрократическое давление на казаков, связанное со службой. Власти видели вред заорганизованности казачьей жизни. Начиная с 1904 г. начинается передача части хозяйственных полномочий в руки наказного атамана и местного самоуправления [3]. Однако к 1917 г. реформа даже не успела набрать ход. Попытки решить земельный вопрос внутри казачьего сословия предпринимались во время революционных событий 1905–1907 гг. Во время Рады 1906 г., посвященной земельному вопросу, казаки из разных частей Кубанской области пошли на взаимные уступки. Жители малоземельных закубанских станиц получили угодья на Линии и в Черномории. Черноморцы и линейцы – в Закубанье [4].

Чрезмерное давление со стороны государства не могло не ударить по казачьему свободолобию и демократизму. Всё большее недовольство вызывало сокращение земельного фонда Кубанской области. Ведь значительная его часть была недоступна для рядовых казаков. Она находилась в руках государства и частных лиц. С развитием рыночной экономики и ростом цен казакам становилось всё труднее снаряжаться на службу.

Всё это вызывало недовольство казаков. Наиболее ярко оно проявилось во время революции 1905–1906 гг. Неудачи в Русско-японской войне давали повод для возмущения верховной властью и соответствующей пропаганды. Братья Арканниковы из станицы Кавказской вели пропаганду среди служащих казаков, склоняя их к нарушению присяги и выступлению против правительства. «Зачем идти на войну, был бы интерес. Один какой-нибудь негодяй открыл войну, а нас гонят, зачем и для какого удовольствия. Теперь бунтуют гимназии и другие училища, и студенты. У нас есть приговор – государя убьём, а затем будем избирать. И уже есть нами намеченный, и тогда у нас всё будет по-братски» [5].

В казачьих станицах появляются убежденные революционеры, распространяются антиправительственные воззвания. В этом отношении примечателен пример известного большевика Я.В. Полуяна и его родственников. В.М. Полуян объяснял особенности мировоззрения членов своей семьи исконным запорожским свободолюбием [6].

Следствием постоянного присутствия на Кубани революционеров стали антиправительственные воззвания. Обращение РСДРП к кубанским казакам было составлено достаточно продуманно. Составители листовки не увлекались политическими лозунгами, а делали акцент на трудностях казачества. «Хозяин кормит и бережет свою скотину, а о нашей жизни никто не заботится». Особое внимание было уделено незавидным перспективам казачества в условиях рыночной экономики и прогрессирующего малоземелья: «земельные наделы всё уменьшаются, расходы на снаряжение всё увеличиваются». Обращение в большей мере было направлено на подрыв лояльности казачества правительству, чем на пропаганду собственных идей [7]. Прокламация Украинской революционной партии была гораздо примитивнее. Ее основными лозунгами были «Гэть вийну» и «Гэть зверюку-царя» [8].

Однако революционные настроения 1905–1907 гг. затронули кубанских казаков весьма ограниченно. Если обратиться к биографическим данным о Я.В. Полуяне и его братьях, то им в период до 1917 г. приходилось вести пропаганду почти исключительно среди рабочих [9]. Революционно настроенные казаки очень часто были людьми, тесно связанными с инословной средой. Уже упомянутый пропагандист А. Арканников работал помощником машиниста на станции Минеральные Воды [10]. «Казачьего звания лиц нет» – такую формулировку иногда применяли следователи, расследующие дела революционных групп [11]. Например, в делах о распространении партийных прокламаций почти всегда упоминаются одни иногородние [12].

Причин малой чувствительности казаков к революционной идеологии несколько. Это и казачий монархизм, и недоверие к иногородним агита-

торам. Но самую важную роль сыграла приверженность казаков своему образу жизни. Возможность коренного изменения последнего они воспринимали весьма болезненно. Недаром казачьи соединения считались наиболее эффективными при подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг. [13].

Неповиновение властям, которое оказали некоторые казачьи части (2-й Урупский полк, 14, 15 и 17-й пластунские батальоны), были связаны с традиционными установками казачьего сознания. Казаки были согласны защищать государя и государство, но не собирались защищать помещиков и буржуазию, которых относили к врагам царя, желающим захватить власть. Иногородних они не без основания подозревали в стремлении завладеть их имуществом (боязнь иногородних была одной из причин, по которой казаки не хотели покидать станицы и идти на службу) [14]. Действия непокорных казаков, такие как захват знамени, выбор новых командиров, смена местоположения, были полностью сходны с поведением восставших в 1792 г. донцов, которые не желали поселиться на берегу Кубани [15].

С казачьими традициями связано и неприятие казаками полицейской службы. Она считалась недостойной казака, так как была связана со службой в неказачьих структурах и подчиненностью неказачьему и даже не армейскому начальству. Гордость профессиональных военных, презиравших полицию, играла здесь не последнюю роль. Так, в 1905 – начале 1906 г. среди кубанских казаков проводился набор в полицейскую стражу Пермского края. Всего с войска было набрано только немногим более полусотни человек из 280 требуемых. Почти все они происходили из отделов, имевших в своем составе бедные закубанские станицы, где многие казаки были рады хоть какому-то заработку [16]. В 1905–1906 гг. проводился набор в дополнительную полицейскую стражу Полтавской губернии 500 казаков, отслуживших действительную службу. По причине ее относительной географической и культурной близости к Кубани казаки откликнулись на него несколько более активно. Из Екатеринодарского отдела записались на службу 40 человек, из Баталпашинского – 43, из Кавказского – 37, из Майкопского – 64, из Ейского – 13, из Лабинского – 9 чел. (Как видно, наибольшее число желающих можно было наблюдать в отделах, имеющих в своем составе бедные закубанские станицы.) Но и на этот раз нужное количество казаков не было набрано. Из 13 завербовавшихся в Ейском отделе 5 чел. отказались незадолго до отправления, еще 5 казаков явились без какого-либо снаряжения и лошадей и только трое отбыли к месту службы. Полтавский губернатор князь Урусов просил присылать и безлошадных казаков, чтобы хоть как-то приблизить их численность к необходимой для

наведения порядка. В 1906 г. набор был еще менее успешным. В Екатеринодарском отделе изъявили желание поступить на службу 28 чел., в Баталпашинском – 23, в Кавказском – 5, в Ейском – 3, в Темрюкском – 14 чел. [17].

Отсутствие желания нести полицейскую службу скорее следует воспринимать не как поддержку революционеров, а как неприятие участвовать в гражданском противостоянии. Это особенно ярко проявилось позднее, уже после 1917 г.

Во время Первой мировой войны военное дело становится одной из самых быстро модернизирующихся сфер человеческой жизни. Оно менялось как в техническом, так и в социально-психологическом плане, активно способствовало трансформации всего общества. Поэтому в окопах мировой войны казаки оказались под воздействием мощного антитрадиционалистского прессинга. Первая мировая война тяжело отразилась и на жизни станицы. Стало быстро развиваться имущественное расслоение. В 1917 г. 42,7 казачьих хозяйств имели посевы до 5 дес. или не сеяли вообще. В то же время 16,8 % хозяйств располагали наделами по 16 дес. и более [18]. Война, до того времени являвшаяся стабилизирующим фактором казачьего социума, стала его разрушать. Недаром казаки-фронтовики были более подвержены новым политическим веяниям, чем те, которые остались в станицах [19]. Всё это вызывало недоверие к власти, сомнение в ее способности управлять.

Следствием разложения традиционного уклада жизни был рост торговли в станицах. Торговля, в свою очередь, способствовала разложению общины. Члены станичного правления брали с торговцев взятки и позволяли им нарушать законы обязательства перед общиной [20]. Особенно резко падение нравственного уровня станичной элиты проявилось во время Первой мировой войны. Об этом с болью писал в своих воспоминаниях И. Прийма. Приехав в отпуск из действующей армии, он наблюдал в кубанских станицах беспечность, пьянство, лень и разврат [21].

Казаки встретили падение монархии с растерянностью, без активного протеста. Во многом причиной этого было добровольное отречение монарха, послушаться которого они считали невозможным. Они организованно присягнули Временному правительству, защитили его от леворадикальных выступлений лета 1917 г. и попыток генерала Корнилова и его сторонников взять власть в свои руки. 16 марта 1917 г. в станице Иркиевской был проведен торжественный молебен «по поводу перехода к новому строю» и панихида по павшим борцам за свободу. Об этом иркиевский атаман послал телефонограмму премьер-министру князю Львову [22].

В то же время заявлялось о стремлении к войсковой автономии, ограничении бремени службы. В обращении сходов станиц Приморско-

Ахтарской и Новокорсунской, принятом весной 1917 г. к делегатам общеказачьего съезда, заявлялось о необходимости предоставить кубанцам самоуправление на войсковом уровне, передать под контроль войска все государственные земли, находящиеся на его территории, и полезные ископаемые. Одновременно казаки заявили о желании служить за государственный счет [23].

Во время революционных событий 1917 г. кубанцы поддержали требование казачьих депутатов Учредительного собрания о введении полного контроля войска над всей территорией Кубанской области, передачи ему государственных земель и введения автономии [24].

Однако в рассказах старожилов преобладало негативное отношение к войне как таковой. Весьма характерны такие высказывания: «Приходят – кажут, били. Через несколько дней идут красни. У лошади хвосты обрваны. А там сынии, голуби были. Едут, а на шапках лента. Били – значить били. Тоди всех бояльсь. Забиралы всё. И билых выгналы. Красни. Сегодня заходят, срывают двери. А завтра-послезавтра били это творят» [25]. «Сегодня пришли красные – бьют. Зашли били – опять бьют. И всё равно бьют. Шо ж робить. У страха глаза велики. И давай тоди драпать» [26].

О лидерах Белого движения, таких как Деникин, Корнилов и Врангель, сведения отрывочные и носят общий характер. Они воспринимались как персонификация своей армии. «Заезжал один генерал. С войском. Вот как бы не Деникин» [27].

Гораздо больше внимания народная память уделила знаменитым командирам отдельных белых соединений, таким как А.Г. Шкуро и М.А. Фостиков. Казаки служили непосредственно под их началом. Эти военачальники были известны, популярны, с ними связывались определенные ожидания. Они часто непосредственно сталкивались со станичниками.

А.Г. Шкуро был командиром партизанского отряда, отличался удачливостью, лихостью, независимостью. Умел произвести впечатление на простого казака. Много делал на показ. М.А. Фостиков был также известным и удачливым партизанским командиром. Он дважды успешно выступал в этой роли: при зарождении Белого движения в 1918 г. и после ухода основных белых частей с Кубани в 1920 г. Большое значение имело и то, что эти командиры были своими, кубанскими казаками [28].

Особенно яркий след в народной памяти оставил такой белопартизанский командир, как В.Ф. Рябоконт. Это прежде всего касается западнокубанских черноморских станиц бывшего Таманского отдела, в районе которых он вел боевые действия – станиц Гривенской, Приморско-Ахтарской, Ольгинской, Роговской, Степной, Новониколаевской, Строджерелиевской, Полтавской и Тимашевской. Жители этих станиц и сами сража-

лись в отряде Рябоконя, часто с ним сталкивались. Сам он был уроженцем хутора Лебеди, расположенного в этом районе. Однако рассказы о В.Ф. Рябоконе встречаются и в центрально-кубанских станицах, таких как Северская [29].

Нельзя при этом забывать и о красных казаках, которые почти нигде на Кубани не были большинством. Однако они были заметной силой в наиболее бедных станицах [30].

Таким образом, Гражданская война в воспоминаниях старожилов кубанских станиц оставила значительный след. Война в народном восприятии оказалась непополитизированной, крайне далекой от официальных точек зрения какой-либо из противоборствующих сторон. Можно выделить основные явления Гражданской войны, которые отразились в народной памяти: террор воюющих сторон, военачальники, партизанская война, противоборство в семьях. Среди военачальников лучше всего запомнились близкие к казакам партизанские командиры. В целом война как таковая оценивается негативно. Информанты не являются сторонниками красных или белых. Для них Гражданская война – трагедия. Она деформирует и разрушает устои мирной, нормальной жизни. Это разрушение и хаос, не несущий в себе смысла и созидательного начала.

Собственно, глубинной позицией кубанских казаков в Гражданской войне нужно считать неприятие этой войны как таковой. Однако наибольшую опасность для казачества в этой войне представляла деятельность красных: террор, конфискация земель, лишение сословных прав. Поэтому казачество в относительно большей степени склонялось на сторону белых. Белые были более предпочтительны для казаков не своей программой или политикой, но тем, что стремились сохранить status quo, не стремились к резким переменам. Отдельные белые деятели являлись защитниками казачества.

Примечания

1. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993; Трёхбратов Б.А. Первые шаги... Выступления армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. Краснодар, 1989.

2. Трут В.П. Казачество России периода революции 1917 года и на начальном этапе гражданской войны: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 22–23; Матвеев О.В. Почему не цветет панский сад? К динамике социально-имагологических представлений кубанских казаков // Традиционная культура народов Юга России: история, динамика, современное состояние. Краснодар, 2016. С. 41–42.

3. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг. Краснодар, 2003. С. 75–76.

4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 318. Оп. 2. Д. 3610. Л. 11, 48об.
5. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 377. Л. 2, 11–11об.
6. Седина А. Ян Полуян. Краснодар, 1968. С. 5–17.
7. ГАКК. Ф. 583. Оп. 3. Д. 12. Л. 2–2об.
8. Там же. Л. 780–781.
9. Седина А. Указ. соч. С. 14–15.
10. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 377. Л. 3.
11. Там же. Л. 17–17об.
12. ГАКК. Ф. 583. Оп. 3. Д. 12. Л. 1–800.
13. Футорянский Л.И. Указ. соч. С. 110–111.
14. Трёхбратов Б.А. Первые шаги... Краснодар, 1989. С. 36–37, 48–49, 64.
15. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска и жизнь ее с 1794 по 1914 год // Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской, записанные от Анастасии Ивановны Сидоровой. Краснодар, 1993. С. 250.
 16. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8861. Л. 1–16.
 17. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8851. Л. 1–98.
 18. Рагушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. Ростов н/Д, 1989. С. 207.
 19. Трут В.П. Казачество России периода революции 1917 года и на начальном этапе гражданской войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 24, 29.
 20. Станичные порядки // КОВ. 1881. № 7. С. 2.
 21. Прийма И. Мои воспоминания // Родная Кубань. Краснодар, 1999. № 1. С. 91–92.
 22. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 32, 65, 94.
 23. Там же. Л. 31об – 32об.
 24. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 31об – 32.
 25. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (ПМ КФЭЭ) 1989 г. Аудиокассета № 108. Краснодарский край, Кущёвский р-н, ст. Шкуринская. Информаторы В.Т. Трегуб 1908 г.р., О.И. Трегуб 1911 г.р. Исследователи И.Н. Ермоленко, С.В. Широнин.
 26. ПМ КФЭЭ 1995 г. Х. Лебеди. Информатор А.Ф. Митин 1912 г.р. Исследователь В.Д. Фролков.
 27. КФЭЭ 1997 г. Аудиокассета № 1292. Краснодарский край, Курганинский р-н, ст. Константиновская. Информатор И.И. Мушников 1907 г.р., Р.Г. Мушникова 1900 г.р. Исследователь О.В. Матвеев.
 28. Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 500.
 29. Встретимся на том свете, или Возвращение Рябоконя // Солёная подкова. Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. М., 2007. Вып. 2. С. 59–250.
 30. Постановления 2-й районной хлеборобской конференции в городе Темрюке. Темрюк, 1930. С. 3.

Документы Войскового штаба Кубанского казачьего войска о событиях революции и гражданской войны на Кубани 1917–1920 гг.: археографический обзор

События российской революции 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны на Кубани (1918–1920 гг.) отражены в целом ряде фондов Государственного архива Краснодарского края. В данной статье предпринята попытка представить археографический обзор документальных материалов фонда № 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска», имеющих отношение к периоду 1917–1920 гг.

Указанные документы прежде всего отражают деятельность Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта А.И. Деникина и Кубанского краевого правительства на территории Кубанской области и, следовательно, дают весьма подробную картину взаимодействия кубанского казачества с Белым движением в период Гражданской войны 1918–1920 гг.

Среди имеющихся в составе фонда документов хранятся послужные списки офицеров и нижних чинов Кубанского казачьего войска; приказы по Кубанскому казачьему войску в целом, а также отдельно собранные приказы по дивизиям, полкам и батальонам, в которые входили различные подразделения Кубанского казачьего войска.

В фонде также имеются приказы командующего Добровольческой армией и Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, отражающие события, связанные с формированием подразделений Добровольческой армии, а также содержащие сведения о войсковых регалиях, о деятельности комендантского управления, Кубанского военного училища, музыкантского и певческого хоров Кубанского казачьего войска.

Кроме того, в фонде содержатся копии приказов и рапорты генерал-майора Л.Ф. Бичерахова о действиях его отрядов в Закаспийском крае; переписка о формировании авиационного дивизиона в 1919 г.; переписка о производстве штаб-офицеров и чиновников и об их награждении, об учреждении военно-полевых судов и комиссий, о предании военно-полевому суду нижних чинов, обер-офицеров и чиновников за различные преступления; наградные листы и послужные списки офицеров, нижних чинов и чиновников, представления к награждениям, документы о выдаче пенсий вдовам за убитых мужей (военных, священников и чиновников);

переписка о командировании чинов гвардейского дивизиона для поиска исторических материалов о действиях Добровольческой армии; об организации исторического музея по истории борьбы с большевизмом на Кубани и др. [1].

Вышеперечисленные документы дают нам возможность исследовать и проанализировать события того времени, используя богатейший пласт первоисточников. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих состав указанных документов.

В приказах по войскам Кубанской области за 1918 г. содержится Положение о формировании кубанских добровольческих отрядов, утвержденное Кубанским краевым правительством 8 февраля 1918 г. В положении подробно описано назначение создаваемых отрядов, которые подчинялись Войсковому атаману, находились в распоряжении краевого правительства, должны были нести службу по защите «своих краевых интересов» и поддерживать общественный порядок и безопасность, а также механизм управления этими отрядами, их состав, комплектование, срок службы, служебные права, денежное и вещевое довольствие, вооружение, снаряжение, продовольственное обеспечение и др. К положению приложено штатное расписание.

В этих же материалах имеется список членов Объединенного правительства Юго-Восточного Союза под председательством И.Л. Макаренко и список офицеров Полевого штаба командующего войсками Кубанской области генерала В.Л. Покровского [2].

В приказах командующего Добровольческой армией и войскового атамана Кубанского казачьего войска за 1918 г. имеется список частей Кубанского казачьего войска по состоянию на 25 августа 1918 г., в который включены 1-я конная дивизия, сотни Гвардейского дивизиона, отдельная партизанская казачья бригада и др. В этих же документах хранится телеграфированная военная записка А.Г. Шкуро о боевых действиях, ведущихся партизанской бригадой в районе ст. Беломечетской в сентябре 1918 г. Весьма показателен приказ главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта А.И. Деникина от 15 октября 1918 г. № 1675 (с его личной подписью), в котором он упрекает войскового атамана Кубанского казачьего войска за «постоянные явные и тайные неудовольствия со стороны Кубанского правительства в отношении распоряжений и действий командного состава Добровольческой армии» [3].

В деле о действии отряда генерала Лазаря Бичерахова имеются сведения о его прибытии на Кубань в 1919 г. Из документов становится известным состав и славный боевой путь этого отряда, прибывшего 10 февраля 1919 г. в г. Батум. Из этого же документа мы узнаем о попытке англий-

ского губернатора Батума разоружить бичераховцев в апреле 1919 г., об отказе сдать оружие со стороны командира отряда, войскового старшины Тарарыкина, и об отправке отряда в г. Новороссийск на пароходах. В указанных документах имеются сведения о прибытии отряда Бичерахова в г. Новороссийск (17 апреля 1919 г.), затем в г. Екатеринодар и о включении отряда в состав корпуса генерала А.Г. Шкуро [4].

Не менее любопытны документы, посвященные формированию авиационного дивизиона на Кубани. Из материалов дела становится известным, что 5 декабря 1918 г. Чрезвычайная рада Кубанского края утвердила вопрос о формировании Кубанского казачьего авиационного дивизиона, подразделения которого (1-й и 2-й авиационные отряды) фактически стали создаваться в апреле 1919 г. усилиями военного летчика, на тот момент полковника, В.М. Ткачева. При этом в документах отмечалось, что 2-й Кубанский казачий отряд предполагалось снабдить английскими самолетами. Имеются также сведения о временных штатах управления Кубанского казачьего дивизиона и Кубанской казачьей авиационной базы, входивших в состав корпусного авиационного дивизиона, с указанием окладов офицеров и чиновников этого подразделения [5].

В документах о представлении к награждению офицеров и нижних чинов Добровольческой армии боевыми наградами есть описания подвигов, совершенных командирами подразделений и рядовыми бойцами. Для примера можно привести описания подвигов войскового старшины В.Д. Солоцкого и войскового старшины Д.М. Козлика, представленных к награждению орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Из этих описаний мы узнаем, что войсковой старшина Владимир Дмитриевич Солоцкий 2 июня 1918 г. поднял восстание против большевиков в Лабинском отделе Кубанской области, за два месяца до этого с риском для жизни работая здесь над его подготовкой. Потерпев неудачу, он вывел казаков из восставших станиц и прорвался с отрядом на соединение с отрядом генерала А.Г. Шкуро, приведя с собой массу беженцев – детей, женщин и стариков – и преодолев при этом около 150 верст по горной местности. Во время боев, сопутствующих прорыву, В.Д. Солоцкому удалось под станицами Отрадной и Спокойной захватить пленных и оружие, в том числе под ст. Отрадной было отбито девять пулеметов, много лошадей и снаряжения. За время боев отрядом В.Д. Солоцкого было уничтожено до 1000 человек красногвардейцев.

В этом же описании, составленном полковником А.Г. Шкуро, отмечалось, что местное население враждебно относилось к отряду В.Д. Солоцкого, а нижние чины несколько раз доходили до открытого возмущения, грозя выдать офицеров большевикам, однако В.Д. Солоцкому удалось

«удержать отряд от разложения», провезти раненых, не потерять ни одного пленного и сохранный два полка конницы и батальон пехоты с полным вооружением [6].

Не менее интересно описание подвига войскового старшины Д.М. Козликина, который в бою под станицей Отрадной 9 июня 1918 г., будучи послан с дивизионом конницы в обход станицы, «скрытно подошел к ней на рассвете, и во время боя, когда пехота, наступавшая с фронта, дрогнула под натиском многочисленного противника и под убийственным огнем пулеметов и артиллерии начала очищать некоторые улицы, войсковой старшина Козликин, действовавший в пешем строю, под огнем противника... в конном строю бросился в атаку на станицу и на действовавшую батарею, сбил противника, произвел панику и очистил от неприятеля укрепленную северную часть станицы, чем сильно облегчил задачу пехоты и способствовал успеху дела...» [7].

В составе архивного фонда «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска» также имеются сведения об организации военным ведомством Кубанского края Военно-исторического музея Кубанского казачьего войска для сбора вещественных и письменных материалов по истории Гражданской войны на Кубани. Для этого в станицы области направлялись нижние чины Кубанского казачьего войска, которые должны были собирать как вещественные, так и письменные источники, имеющие отношение не только к походу Добровольческой и Кубанской армий, но и к действовавшим здесь подразделениям Красной гвардии, а именно: письма, записки, дневники, газеты, прокламации, афиши, знамена, значки, вооружение, снаряжение, всевозможные денежные знаки, планы мест боев, портреты и фотографии участников военных событий, картины и другие предметы, имеющие отношение к боевым действиям на Кубани.

В результате проводимых экспедиций в станицах Кубани выявлялись различные материалы, имеющие отношение к событиям гражданской войны, в частности, сообщалось о направлении в музей дневника боевых действий 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска и сведений о прохождении генерала Л.Г. Корнилова через станицу Незамаевскую, а также о деятельности здесь большевиков и др.

Музей предполагалось укомплектовать материалами периодической печати, в том числе газетным фондом, включающим в себя все местные газеты начиная с августа 1917 г. и журналы, в том числе журнал «Донская волна» и т. д. Кроме этого предполагалась закупка инвентаря для музейных экспонатов, в том числе витрин для хранения денежных знаков, значков и других предметов, имеющих историческую ценность, библиотечных шкафов, стоек для знамен, пирамид для ружей и др.

В указанных документах содержатся сведения о том, что военно-исторический музей располагался в г. Екатеринодаре, на углу улиц Красной и Крепостной (ныне ул. А.С. Пушкина в г. Краснодаре), в доме купца Акулова [8].

Весьма разнообразная информация хранится в деле, содержащем прошения о начислении пенсии вдовам, потерявшим своих мужей в период боевых действий на Кубани в 1918 г. Прощения содержат сведения не только о времени (дате) и обстоятельствах гибели казаков, офицеров, чиновников и священников Кубанского казачьего войска, но и данные о составе семьи, об имуществе и т. д.

Так, например, Александра Михайловна Соболева, вдова священника Николая Васильевича Соболева, в своем прошении от 20 мая 1919 г. сообщала о том, что ее муж, священник Богоявленской церкви ст. Поповичевской Кубанской области, был казнен большевиками в ночь с 26 на 27 июля 1918 г. за то, что способствовал присоединению казаков к Добровольческой армии. Вдова Соболева пишет: «Не ограничиваясь мученической смертью моего мужа, ими... была расхищена часть моего имущества», – и заключает: «...осталась я с шестью детьми школьного возраста, которым необходимо продолжать образование, совершенно без всяких средств к дальнейшему существованию» [9].

В другом прошении казачка ст. Северской Кубанской области сообщает о том, что ее муж, Полешко Яков Иванович, казак станицы Северской, будучи на службе добровольцем в 1-м Кубанском стрелковом полку, в отряде полковника Чикалова сражался с большевиками под ст. Елизаветинской и был убит и погребен в степи недалеко от станицы Елизаветинской. Вдова разыскала тело своего мужа и похоронила его 3 мая 1918 г. по христианскому обычаю на общем кладбище в ст. Елизаветинской [10].

В прошении от 4 января 1919 г. казак ст. Пашковской Екатеринодарского отдела Кубанской области Василий Иванович Петренко сообщал о смерти своего сына – хорунжего Карпа Васильевича Петренко, убитого в бою с большевиками 21 декабря 1918 г. К прошению приложены удостоверения Пашковского станичного правления с данными о составе семьи и имущества отца убитого – Василия Петренко, жителя ст. Пашковской, а также другие материалы [11].

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что приведенные для примера документы представляют собой всего лишь, так сказать, «вершину айсберга», в целом же архивный фонд «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска» содержит в себе неисчерпаемый и богатейший материал, повествующий о славных и горестных событиях того времени, и не будет сильным преувеличением сказать, что на основе этих документов

еще будут написаны многие и многие исследования, которые увидят свет в виде сборников, статей и монографий ученых и краеведов.

Примечания

1. Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края» (далее – ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 10010, 10011, 10012, 10013; Ф. 396. Оп. 5. Д. 83, 91, 92, 206, 209, 222, 310, 347, 346, 354, 414, 575, 577 и др.

2. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 83. Л. 38–43, 135, 151, 153.

3. Там же. Д. 140. Л. 15–16, 32–34, 81.

4. Там же. Д. 209. Л. 31–32, 52, 93.

5. Там же. Д. 222. Л. 46–47, 85–87.

6. Там же. Д. 346. Л. 7.

7. ГАКК. Ф. 396. Д. 346. Оп. 5. Л. 9.

8. Там же. Д. 575. Л. 1–2об., 57; Д. 577. Л. 3, 19.

9. Там же. Д. 414. Л. 180–180об.

10. Там же. Л. 81.

11. Там же.

Память о прошлом казачества в сознании современного кубанского общества: сквозь призму революции 1917 года

Революцию 1917 г. можно считать ключевым событием в судьбе кубанского казачества в XX в. Она предопределила все последующие события и последствия для Кубанского казачьего войска как структурного элемента Российской империи и кубанского казачества как сословия в системе социального устройства Российского государства.

Русская революция и последовавшая Гражданская война 1917–1920 гг. характеризуются прежде всего происшедшим расколом. Расколом сложного, многочлестого, неоднородного российского общества на прямолинейную систему идентификации «свой – чужой». Сословная и профессиональная принадлежность, политические взгляды, социальная активность или индифферентность – всё это уступило место делению на «красных» и «белых».

Раскол неумолимо прошелся и по кубанскому казачеству, разделив его на сторонников новой советской власти и тех, кто отстаивал завещанный предками уклад жизни, обычаи, традиции. На первоначальном этапе гражданской войны основная масса казачества старалась соблюсти нейтралитет, не оказывая явной поддержки ни одной из сторон политического противостояния.

Одним из первых горечь разочарования от такой позиции казачества испытал организатор и вдохновитель белой Добровольческой армии на Юге России генерал М.В. Алексеев: «...атаманы и правительства казачьих войск, а равно и их “влиятельные, виднейшие советники” меньше всего думали о том, чтобы “идти на Россию спасать” ее от большевизма. Их заботили прежде всего “внутреннее благоустройство, поддержание порядка и спокойствия”» [1].

Спустя непродолжительное время после первых декретов советской власти, земельного передела в пользу иногородних, принудительной реквизиции продовольствия позиция основной середняцкой части казачества претерпела изменения, и неумолимый маховик революции вовлек представителей кубанского казачества в противостояние по разные стороны баррикад разгоравшейся гражданской войны.

В память современного кубанского общества эти события впечатаны как «красный» и «белый» террор, кровь и пламя пожарищ, потеря близких

людей. По данным В.Н. Ратушняка, людские потери на Кубани в ходе гражданской войны составили 331 тыс. чел. [2].

Революция и Гражданская война 1917–1920 гг. являются причинно-следственным механизмом всех последующих трансформаций в жизни кубанского казачества в XX в. Последовавшая за поражением Белой армии на Юге России волна эмиграции стала следующим испытанием на твердость казачьего духа. Отечественные исследователи приводят различные цифры оказавшихся на чужбине кубанских казаков: по оценке О.В. Ратушняка, в эмиграции оказалось около 16–18 тысяч кубанских казаков [3].

Эмиграция с ее бытовой и материальной неустроенностью, статусно-гражданской неопределенностью вошла в историческую память кубанского казачества как время лишений и испытаний. Вместо зримого врага приходилось противостоять голоду, безработице, изматывающей тоске по Родине. Таким образом, революция 1917 г. и последовавшая в 1920 г. эмиграция кубанского казачества связаны одной исторической нитью.

Для той части кубанского казачества, которая осталась на Кубани и пыталась интегрироваться в новые условия жизни после гражданской войны, имя и образ революции 1917 г. вбивался в память безапелляционными действиями, резолюциями и политикой советской власти. В 20–30-е гг. XX в. на территориях традиционного проживания казачьего населения, в том числе и на Кубани, проводилась политика расказачивания. В отечественной историографии существуют различные подходы к пониманию расказачивания. На наш взгляд, наиболее приемлемую трактовку предлагает Г.О. Мациевский: «...Расказачивание можно и необходимо рассматривать как сложный, многослойный процесс, предполагающий несколько содержательных направлений, которые, в свою очередь, могли переплетаться и накладываться друг на друга» [4].

Экономические и социальные аспекты расказачивания стали проявляться еще в дореволюционный период и были обусловлены естественным ходом исторического развития. Однако процесс расказачивания был искусственно подстегнут советской властью, обретя репрессивный характер. От имени и во имя революции 1917 г. кубанское казачество, как и другие российские казачьи образования, уничтожалось физически: стирались людские судьбы, выкорчевывалась казачья ментальность. Можно оперировать только приблизительными цифрами подвергшихся репрессиям кубанских казаков в период расказачивания на Кубани, данные отражают разброс от 42 тыс. чел. до 58 тыс. чел.: «...по неполным данным, только по линии карательных органов (ОГПУ, НКВД) было репрессировано в 1930-е гг. свыше 42 тыс. чел.» [5]; «...за 1989–2005 годы в крае пересмотрено 41 700 уголовных

дел, заведенных на 57 950 чел. (43 650 реабилитировано; в реабилитации отказано 14 300 осужденным)» [6].

Эхо революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. вернется через два десятилетия, обернувшись язвой коллаборационизма кубанского казачества в период Второй мировой войны. Среди множества причин такого сложного и недостаточно изученного явления, как отечественный коллаборационизм, будут ярко выделяться две: идейно-политическая непримиримость с советской властью проигравших в гражданской войне и оказавшихся в эмиграции, в том числе и кубанских казаков, и желание предъявить свой счет к советской власти тех, кто пострадал от нее в период 1920–1930-х гг. Обе указанные причины участия кубанских казаков в коллаборационистском процессе, помимо объективных исторических факторов, основываются еще и на эмоционально-чувственной сфере. В данном случае на исторический процесс оказывали влияние социально-психологические механизмы трансформации казачества из жертвы советской власти в участника противостояния этой власти: «...в массовом участии казаков во Второй мировой войне на стороне Германии, массовым проявлением социально-психологических механизмов трансформации стала жажда мести» [7].

Обозначенные события первой половины XX в. в истории кубанского казачества напрямую связаны с ключевым поворотным моментом не только российского казачества, но и всей страны – революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.

Революция 1917 г., являясь сложным разноплановым событием отечественной истории, отразила необходимость реализации созревших изменений в развитии российского общества и государства, но не предопределяла агрессивный, репрессивный характер развития.

Широкомасштабные агрессивные действия в отношении своей исторической памяти, своего места в жизни страны, которые были вызваны Русской революцией и Гражданской войной 1917–1920 гг., кубанское казачество не могло забыть или воспринять как несущественные. На духовном плане бытия кубанского казачества продолжал функционировать механизм сохранения исторической памяти, оно «сохранило, пусть даже и в латентном состоянии, социосубэтнические особенности, культуру, менталитет» [8].

В период существования Советского государства представители кубанского казачества, несмотря на процесс формирования человека новой советской формации, сумели сохранить сведения об историческом прошлом, о своем жизненном опыте и передать их своим потомкам. В условиях открытости и доступности архивных источников в современной России

семейные предания и рассказы получили документальное подтверждение непростой судьбы кубанского казачества в контексте революционных трансформаций 1917 г. и последующих десятилетий.

В связи с этим у определенной части кубанского общества, несмотря на значимость Революции 1917 г. в отечественной истории, сформирован негативный образ ее восприятия и влияния на судьбу кубанского казачества в XX в.

Примечания

1. Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). 4-е изд., доп. М.: Изд-во Ипполитова, 2014. С. 15.

2. Ратушняк В.Н. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: «Советская Кубань», 1996. С. 529.

3. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар: КубГУ, 1997. С. 21.

4. Мациевский Г.О. Расказачивание как историческая проблема // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 5 (13). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/raskazachivanie-kak-istoricheskaya-problema>

5. Ракачев В.Н. Массовые политические репрессии 1930-х гг. и их влияние на численность и структуру народонаселения Кубани и Ставрополя // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 59.

6. Кропачев С.А. Политические репрессии на Кубани в 1930–1940-е годы // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 38. С. 51.

7. Ляшко А.М. Трансформация социально-политического статуса казачества в историческом контексте России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 8. С. 240.

8. Мациевский Г.О. Указ. соч.

1917-й год и начальный период Гражданской войны в истории енисейского казачества

События 1917 г. и начала гражданской войны оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу казачества на берегах Енисея. Этот период был насыщен драматическими событиями, без рассмотрения которых история енисейского казачества была бы неполной.

В последние годы было выпущено немало работ, в которых рассматриваются проблемные вопросы данного периода [1–3]. Несмотря на это введение в научный оборот новых архивных источников позволяет уменьшить еще имеющиеся белые пятна в истории енисейского казачества.

Енисейские казаки проходили службу в Красноярском казачьем дивизионе трехсотенного состава, который с началом Первой мировой войны был развернут из казачьей сотни. Они были участниками всех событий, происходящих в Енисейской губернии и городе Красноярске в революционный 1917-й год. Четвертого марта 1917 г. в дивизион поступил приказ по 6-й Сибирской стрелковой запасной бригаде об отречении царя Николая от престола. Командующий дивизионом есаул А.А. Могилев поехал с этим приказом по сотням дивизиона и зачитал его казакам [4].

В 5 часов утра 5 марта 1917 г. у себя на квартире по постановлению Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов был арестован есаул Могилев [5]. Ему припомнили недавнее выступление перед казаками, когда он сказал, что в случае волнений в городе Красноярске казаки обязаны пресекать все беспорядки и «не щадить ни отца, ни матери». В Красноярском совдепе это высказывание расценили как непризнание есаулом Могилевым новой власти. Офицер в своем рапорте начальнику Иркутского военного округа писал, что, выступая перед казаками, «думал, чтобы не повторился погром 7-го мая 1916 года», в подавлении которого участвовали казаки [6].

В приказе № 64 по Красноярскому казачьему дивизиону от 5 марта 1917 г. было объявлено, что командующий дивизиона есаул А.А. Могилев был арестован за неподчинение новому правительству и вместо него по единогласному выбору офицеров и казаков был избран подъяеул Михаил Михайлович Каргополов.

10 марта казаки казачьего дивизиона приняли участие во всенародном празднике свободы в Красноярске. Шествие началось от Новобазарной

площади и проследовало по Воскресенской улице. Над колоннами развевались красные знамена, оркестр играл революционные марши [7].

18 марта 1917 г. казаки и офицеры Красноярского казачьего дивизиона были приведены к присяге Временному правительству: «Клянусь честью казака... служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию русского государства...» [8].

Несмотря на значительный вклад в освоение Сибири и другие заслуги перед Отечеством, енисейские казаки не имели накануне 1917 г. войскового статуса и назывались в официальных документах казачьим населением Енисейской губернии. Созвав в мае 1917 г. Первый съезд, они образовали Енисейское казачье войско (ЕКВ) и создали войсковые органы по его управлению. В Войсковое правление ЕКВ вошло шесть человек: председатель Казанцев Иван Григорьевич; 1-й товарищ (заместитель) председателя Скобеев Михаил Ильич; 2-й товарищ председателя Потылицин Иван Алексеевич (он же казначей); начальник гражданского отдела Шахматов Степан Ананьевич; начальник военного отдела Серебренников Валериан Васильевич; секретарь Нешумаев Яков Григорьевич [9].

Войсковой совет Енисейского казачьего войска был избран в количестве 18 человек и 6 кандидатов в него.

В 1917 г. в Красноярске выпускалась газета «Вестник енисейского казачества» – издание Енисейского казачьего войска. В ней рассматривались насущные вопросы как енисейского, так и российского казачества в целом.

«Во время работы 2-го Съезда енисейского казачества 22 сентября 1917 г. был принят Законопроект о самоуправлении ЕКВ, который предусматривал формирование таких органов самоуправления, как станичный суд и высший орган казачьего самоуправления в ЕКВ – Войсковой съезд. В компетенции съезда были “все дела, касающиеся как гражданского, так и военного быта казаков”. Съезд избирал Войсковой совет, Войсковое управление на годичный срок и войскового атамана на трехлетний срок. Войсковой совет состоял из 25 человек, включая атамана, и являлся “высшей инстанцией по отношению как к войсковому атаману, так и Войсковому управлению и их контролирующим органом. В сфере компетенции Войскового управления должны были быть вопросы мобилизации казаков и хозяйственные дела войска...”» [10].

В конце 1917 г. на родину вернулись енисейцы, воевавшие на фронте в составе Уссурийского казачьего полка. Когда большевики захватили власть в Петрограде, они участвовали против них в мятеже Керенского – Краснова. Как известно, мятеж был подавлен, а казаков распустили по домам. Прибывшие с фронта вместе с енисейскими казаками хорунжие Алексей Никанорович Тялшинский и Василий Иванович Розанов припи-

сались к Енисейскому казачьему войску и проходили службу в Красноярском казачьем дивизионе. Оба в дальнейшем играли значительную роль в событиях, происходивших в войске. Один из них стал атаманом, а другой – командиром 1-го Енисейского казачьего полка.

После образования ЕКВ в середине 1917 г. Войсковое правление обратилось не только к крестьянам-старожилам и «крестьянам из казаков», но и к офицерству с предложением вступить в казачество. Бывшим офицерам, которых тогда было немало в Красноярске и других населенных пунктах губернии, вступившим в казачество, предполагалось выделить земельный надел, а при зачислении их в Красноярский казачий дивизион за ними сохранялся получаемый ими ранее оклад.

После фактического развала армии бывшие офицеры, оставшиеся без привычной армейской службы и средств к существованию, видели в казачестве «спасение от надругательств со стороны солдат запасных полков, красногвардейцев, революционных органов власти» [11].

Принятых в казачество офицеров было настолько много, что командир Красноярского казачьего дивизиона хорунжий А.А. Сотников хотел сформировать из них офицерскую сотню в составе дивизиона [12]. Но не всех пехотных офицеров станичники принимали в свои ряды, многие казаки были настроены против них и протестовали по поводу их принятия. По показаниям казака М.Г. Горшенина известно, что к ним во вторую сотню Красноярского казачьего дивизиона «прибыл какой-то» штабс-капитан. Казаки ему сказали, чтобы он убирался и передал Войсковому правлению, чтобы не присылали больше к ним пехотных офицеров, «казаки не хотели, чтобы у них на этой почве вышел конфликт с солдатами» [13].

Несмотря на это офицеры любыми путями стремились попасть в казачество, например, при помощи денег или спиртных напитков. Из показаний казака М.Г. Горшенина: «Как мы слышали... с пехотных офицеров в Войсковом правлении за переход в казачество брали деньги» [14]. Горшениным были названы фамилии членов Войскового правления, которые «помогали» офицерам приписаться к казакам – это В.В. Серебренников, М.И. Скобеев, И.Г. Казанцев.

Бывшие пехотные офицеры также привозили казакам на станичные сходы спиртные напитки. В начале декабря 1917 г. офицеры, желающие приписаться к казакам, приехали в станицу Торгашинскую и поставили «на сходе вино с тем, чтобы их приняли в казаки. Некоторые из офицеров были приняты» [15]. По имеющимся сведениям, до середины 1918 г. к Енисейскому казачьему войску приписалось 63 офицера [16].

Воплощая в жизнь декрет ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», Енисейский губисполком

18 декабря того же года принял постановление «О демобилизации и разоружении» енисейских казаков, служивших в Красноярском казачьем дивизионе, а также о роспуске Войскового совета казачьего войска [17].

Главную роль в последующем после этого антибольшевистском противостоянии казаков, несомненно, играл хорунжий Сотников, «человек авторитетный и деятельный» [18], который на тот момент был не только войсковым атаманом, но и командиром Красноярского казачьего дивизиона. 17 января 1918 г. он обратился с «Воззванием к населению Енисейской губернии именем Войскового правительства Енисейского казачьего войска», в котором было сказано: «...Исполнительным комитетом Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов было предложено Красноярскому казачьему дивизиону признать власть Советов и исходящие от него приказы», носившие ультимативный характер, направленные на разоружение и демобилизацию дивизиона. Не признавая советской власти «как не выражающей воли всего народа» и учитывая, что исполкомом Красноярского совета предпринят «ряд мер вооруженного характера», Войсковое правительство ЕКВ и Совет дивизиона предложили губисполкому свои требования. Среди них «полное невмешательство в жизнь казачества с сохранением за ним права устраиваться и жить согласно постановлениям двух съездов войска и выработанного ими закона», гарантия имущественной и личной безопасности граждан и казаков, вывод из Красноярска введенных из других мест красногвардейских отрядов [19]. В случае невыполнения предъявленных условий атаман Сотников оставлял за собой право объявить всеобщую мобилизацию Енисейского казачьего войска. Руководящими органами войска было принято решение «покинуть на время город, щадя кровь неповинных безоружных граждан...» [20].

Ночью 17 января казачий дивизион ушел из Красноярска, оставив несколько казаков для охраны имущества, и направился в село Торгашино. После ухода Красноярского казачьего дивизиона из города вслед за ним в казачий штаб в Есаулово прибыли 67 пехотных офицеров, некоторые из них, чтобы не привлекать внимание, были одеты в форму чиновников [21]. Силы мятежников состояли из Красноярского казачьего дивизиона, а также примкнувших к нему офицеров, купцов, гимназистов и семинаристов.

Атаман Сотников предполагал создать из учащихся и офицеров пластунский отряд (сотню). Верховное командование над всеми силами он оставлял за собой, «но только в том случае, если цели казачества и офицерства совпадают». Полковник Альвиан Иванович Феофилов, входивший в штаб антибольшевистских сил, предлагал офицерскому пластунскому отряду действовать самостоятельно. Войсковой совет был против

этого в связи с тем, что «офицеры и учащиеся пришли к казакам за защитой и от них же получают оружие и продовольствие, а потому и верховное командование должно принадлежать Сотникову» [22].

В наличии у Войскового правления ЕКВ имелось 28 000 руб. В эту сумму входили и пожертвования от красноярских купцов и других состоятельных людей губернии.

На общем собрании 21 января 1918 г. в деревне Чанчиково после доклада Сотникова офицеры и учащиеся согласились с тем, что в распоряжении атамана имеется больше сил и средств, поэтому собрание признало верховным командующим антибольшевистских сил хорунжего Александра Александровича Сотникова.

Узнав о прибытии большевиков в Торгашино, штаб отряда приказал усилить сторожевые посты в Долгово и деревне Кузнецовой. В Торгашино была послана разведка, чтобы выяснить численность войск, количество орудий, расположение и бдительность часовых.

У казаков на постах в основном были ученики и пехотные офицеры. Бывшие пехотные офицеры два дня проводили занятия с учениками, но этого оказалось недостаточно. Один из учеников, находясь во дворе на посту, от неумения обращаться с оружием произвел выстрел, едва не убив стоящих вблизи людей.

После ухода дивизиона в Каратуз казаки собрали там 15 (28) февраля 1918 г. 3-й Чрезвычайный съезд (круг) Енисейского казачьего войска. Атаман Сотников стремился получить санкцию на свои действия от высшего органа самоуправления и «начать вооруженную борьбу против большевиков» [23]. Съезд поддержал действия Войскового правительства ЕКВ и вынес постановление не разоружаться, а отправляться в южные станицы – Арбаты, Монок и Таштып, где ожидать последующих событий.

Сотниковский мятеж закончился поражением. Когда встал вопрос о ведении боевых действий, желающих воевать оказалось немного. В этот период основная часть казаков еще не была готова воевать с Советами, «рассчитывая, с одной стороны, на недолговечность новой власти, а с другой – на возможность сохранить то, чем владели... Офицеры же не пошли за Сотниковым из-за его жестокости по отношению к ним...» [24].

Многие офицеры и члены Войскового правительства были арестованы большевиками и содержались в тюрьме. Атаман Сотников с двумя офицерами прятался в Бийском уезде соседней Томской губернии. В той же губернии в шорских улусах Усть-Анзас и Кабырза скрывался у родных член Войскового правления, начальник военного отдела Енисейского казачьего войска Валериан Васильевич Серебренников [25].

16 апреля 1918 г. Енисейский губисполком объявил об упразднении казачьего сословия в губернии. Всё войсковое имущество передавалось в ведение военного отдела [26].

22 июня 1918 г., после падения советской власти в Красноярске и освобождения казаками из тюрьмы находящихся там офицеров и членов Войскового правительства, было созвано заседание временного совета ЕКВ. После обмена мнениями войсковой совет постановил: всем станицам немедленно мобилизовать казаков призыва 1916, 1917, 1918 и 1919 гг.

Войсковому правлению было поручено определить время мобилизации и места расквартирования отрядов по уездам. Для координации вопросов мобилизации на местах войсковым советом были командированы: П.А. Кожуховский – в станицы Солёноозёрную и Камчатскую; Л.А. Потылицин – в станицу Белоярскую, г. Ачинск и деревню Преображенскую; Н.В. Шахматов – в станицы Таштып и Монок; П.Т. Шошин – в станицу Каратузскую; И.Г. Глубоков – в станицу Суэтук; П.А. Замятин – в станицу Саянскую [27].

4-й съезд Енисейского казачьего войска, открывшийся 23 июля (4 августа по нов. ст.) 1918 г., проходил уже после начавшейся мобилизации казаков и формирования Первого Енисейского казачьего полка. На нем большое внимание уделялось военным вопросам. Проведенную мобилизацию казаков за 8 лет «ввиду переживаемого момента» военная секция съезда посчитала правильной. Было принято решение «демобилизации не производить, а призвать всех белобилетников и мало служивших, которые окажутся... годными к службе» [28].

После вспыхнувшего в ноябре 1918 г. минусинского крестьянского восстания в станицы Таштыпскую и Монокскую Войсковым правлением ЕКВ был «послан офицер Ананий Шахматов, чтобы организовать станицы к случаю сильного наступления противника». Выяснив ситуацию на месте, он координировал мобилизацию и отправку на помощь Минусинску из Таштыпа 40 казаков. Из Монокской и Арбатской станиц казаки остались на месте, так как «им угрожали крестьяне Иудинской и Бейской волостей» [29].

После подавления правительственными войсками этого восстания на 5-м большом круге ЕКВ делегатами рассматривались «беда, причиненные мятежом», а на закрытом вечернем заседании они обсуждали вопрос о создании самоохранных станичных дружин и обеспечении их вооружением.

В условиях развала российской государственности в 1917 г. главным событием для енисейских казаков было образование казачьего войска, создание своих органов самоуправления, которые во время гражданской войны проводили мобилизацию, формировали воинские части и решали другие насущные вопросы в интересах своего войска.

Примечания

1. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны (1917–1922). М.: Флинта: Наука, 2011. 176 с.
2. Шекшеев А.П. Атаман А.А. Сотников: трагедия казачьей интеллигенции // Белая гвардия: альманах. Т. 8: Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 252–255.
3. Паршуков В.А. Енисейские казаки в 1917 г. // Великая война. Последние годы империи: сб. науч. ст. XX Царскосельской конференции / Гос. музей-заповедник «Царское село». СПб.: Серебряный век, 2014. С. 407–416.
4. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 559А. Л. 1.
5. Там же. Л. 1об.
6. Там же. Л. 2об.
7. Вестник Красноярского городского общественного управления 1917 г. № 7. С. 37.
8. Наш голос. Красноярск. 1917. № 7. 19 марта.
9. Постановление Первого съезда енисейских казаков, состоявшегося в г. Красноярске 25 мая 1917 года. Красноярск: Енисейская губернская эл. типография, 1917. С. 22.
10. Тарасов М.Г. Формирование институтов самоуправления Енисейского казачьего войска: Большие круги (съезды) енисейского казачества // Мир Евразии: научный журнал Горно-Алтайского гос. ун-та. 2009. № 3. С. 73–74.
11. Богуцкий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007. С. 61.
12. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1754. Оп. 1. Д. 77. Л. 70.
13. Там же. Л. 70, 70об.
14. Там же. Л. 70об.
15. Там же. Л. 49об.
16. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 283. Л. 33.
17. Шекшеев А.П. Антибольшевистское движение в Енисейском казачьем войске. Краткий исторический очерк // Белая гвардия: альманах. Т. 8: Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005. С. 251.
18. Коняхина И.В. Мятеж Красноярского дивизиона в 1918 году (по документам Красноярского госархива и опубликованным источникам) // Гражданская война в Сибири. Красноярск, 1999. С. 146.
19. ГАКК. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 77. Л. 40, 40об.
20. Там же. Л. 40.
21. Там же. Л. 53об.
22. Там же. Л. 56.
23. Тарасов М.Г. Формирование институтов самоуправления ... С. 74.
24. Коняхина И.В. Указ. соч. С. 147.
25. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-6473. Л. 11.

-
26. Богущий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007. С. 72.
27. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 290. Л. 60–61об.
28. ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 48. Л. 47.
29. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 283. Л. 35.

Массовое восстание казаков на Дону весной 1918 г.

На Дону период с февраля по май 1918 г., период первого установления советской власти, преобразований, охарактеризованных впоследствии в советской историографии как «демократические и социалистические», отмечен изменением отношения различных слоев донского казачества к советской власти. Впоследствии, в июне 1920 г., на Донской областной конференции РКП(б) большевиками отмечалось: «Короткий период советской власти в 1918 г. наша организация представляла из себя слабую группу, которая не могла руководить событиями, а плелась на поводу стихии, и только революционная стихия выручала нас...» [1].

Революционная стихия, на которую опирались большевики, была следствием глубокого конфликта, вызревшего к тому времени. «Крестьянству с его земельным голодом приходится обращать взоры не на помещичью землю (ее здесь сравнительно мало), а на казачью», – сообщали в Москву местные большевики [2].

И белоэмигранты, и советские историки сходились во мнениях по значимости земельного вопроса в разразившемся на Дону конфликте. Два главных вопроса, по мнению полковника В.В. Добрынина, земельный и казачье-крестьянский, проходят красной нитью через весь период гражданской войны [3]. Советские историки считали, что разрешение земельного вопроса на Дону советской властью пошло в русле политики общей уравнительности, требовавшей при выработке нормы землепользования подвергнуть перераспределению все земли области. А поскольку помещичьих земель здесь было сравнительно мало, главным объектом преобразований стали войсковые земли, что и поставило большинство казаков в прямую оппозицию к советской власти. «Казачья-средняки встретили советские аграрные декреты настороженно. Сравнительно обеспеченные землей, они не были склонны к проведению уравнительного распределения» [4].

Белогвардейцы в своих мемуарах отмечали, что «со второй половины февраля месяца в станицах и хуторах началось пассивное сопротивление советской власти» [5]. Вторая половина февраля (по старому стилю) обычно не связана с полевыми работами или переделом земельных наделов. В это время (как только установилась советская власть) крестьяне могли лишь высказываться по поводу неравной наделенности землей

и заявлять свои претензии. Но и это резко изменило настрой казачества. Казаки стали вооружаться и искать командиров. Первое зафиксированное вооруженное столкновение с советской властью было 21 марта 1918 г.: казаки станицы Луганской отбили 34 арестованных офицера, которых из Каменской везли в Луганскую ЧК [6]. Но сил у казаков пока не хватало, и когда красные послали карательную экспедицию против Луганской станицы, казаки выдали освобожденных ими офицеров. Из 34 бежал лишь один, который смог добраться до белого партизанского отряда П.Х. Попова, ушедшего в Сальские степи.

9 (22) марта наблюдались разрозненные выступления в Каменской и Усть-Белокалитвенской станицах.

Еще раньше якобы был создан своеобразный казачий отряд самообороны в станице Гундоровской. К 1 (14) марта здесь собралась группа вооруженных казаков во главе с хорунжим М.А. Сухаревым и стала рассылать воззвания по хуторам о необходимости защиты станицы. Об этом сразу же стало известно на близлежащих рудниках, и оттуда был послан карательный отряд в 60 человек в Гундоровскую. В полночь на 1 (14) марта казаки запустили этот отряд в станицу и «заклучили под стражу». Через два дня попытка красных с рудников повторилась, и снова гундоровцы часть «переловили», а остальных «отогнали восвояси». «Так весь март прошел в столкновении мелких красных отрядов с казаками» [7]. Однако, сообщая об этих событиях, очевидцы не говорят ни об одном убитом. Видимо, отрезанная от остальной территории Войска большевистски настроенной станицей Каменской небольшая станица Гундоровская пыталась пока бескровно отбиваться от насаждения чуждой власти.

Прятавшееся по глухим углам донское офицерство тоже выказало желание объединить силы. Активный участник тех событий генерал Денисов вспоминал: «Словом, казаки ждали и искали руководителей, лица, чувствовавшие в себе силы быть руководителями... казаков, искали сами себе работу, не выявляя своего лица» [8].

18 (31) марта 1918 г. вспыхнул мятеж в Суворовской станице 2-го Донского округа, 20 марта (2 апреля) – в Егорлыкской станице, через два дня – в Кагальницкой и Хомутовской станицах Черкесского округа. Но это пока были разрозненные выступления.

С наступлением весны противоречия в сельской местности обострились. Основная масса казачества, как и обычно, сначала колебалась. Когда крестьяне пытались делить землю, не дожидаясь решения земельного вопроса в законодательном порядке, казаки даже апеллировали к областной советской власти [9]. На севере области казаки болезненно реагировали даже на захват крестьянами помещичьих земель. Дальнейшее развитие

событий поставило большинство казаков в прямую оппозицию к советской власти. Впоследствии советские газеты признавали, что весной «иногороднее пришлое крестьянство приступило к обработке... войсковой запасной земли и излишков земли в юртах богатых южных станиц» [10]. Кроме того, крестьяне, арендовавшие землю у казаков, «перестали платить арендную плату» [11]. Всё это делалось при поддержке новой власти, которая вместо того чтобы сгладить противоречия внутри области, взяла курс на борьбу с «кулацкими элементами казачества» [12].

Обострение ситуации толкало казаков на союз с офицерами в борьбе против крестьян. И когда 23 марта 1918 г. в Новочеркасске советская власть начала регистрацию офицеров, казачьи части, формально признававшие большевиков (10-й Донской полк и 6-й пеший батальон), требовали ее отмены и даже грозили применить оружие [13].

Нарастание борьбы обострило противоречия и внутри самого казачества, и в апреле 1918 г. казак-большевик В.С. Ковалев, глава ДонЦИКа, характеризуя взаимоотношения между казачьей беднотой и верхушкой, констатировал: «Когда шли советские войска бороться с Калединым, эта пропасть не была заметна, а теперь она обнаружилась» [14].

Но противоречия сословные пока брали верх над противоречиями классовыми. В связи с тем что иногородние крестьяне перестали платить за аренду и стали пользоваться землей безвозмездно, отшатнулась на сторону антибольшевистских сил и часть казачьей бедноты, которая сдавала землю в аренду. Отказ иногородних от арендных платежей лишал ее значительной части доходов.

Первым ярким проявлением колебаний массы донского казачества стала «голубовщина». Часть красных казаков, участвовавших ранее в боях с Калединым, стала в оппозицию к областному ВРК. Их командующий бывший войсковой старшина Н.М. Голубов начал агитацию об избрании его атаманом и даже пытался провести мобилизацию против советской власти [15]. К своей затее Голубов хотел привлечь бывшего товарища (заместителя) Каледина М.П. Богаевского, сдавшегося 17 марта 1918 г. советским войскам и содержащегося на новочеркасской гауптвахте.

Богаевский, признанный идеолог казачьего сепаратизма, выступал перед казаками гарнизона с многочасовыми докладами. Говорил о казачьей истории, о проблемах казачества. Лучшей агитации нельзя было себе представить.

Поскольку новочеркасский гарнизон состоял из «революционных» казачьих частей, которые сохранили своих урядников и офицеров, и одного полка Красной гвардии – Титовского, Голубов фактически был хозяином положения в городе.

Представители советской власти, опиравшиеся на Ростов, не доверяли ни Голубову, ни казакам новочеркасского гарнизона, ни всему населению Новочеркасска. Они попытались «избавиться» от беспокойного войскового старшины, отправить его подальше от донской станицы.

25 марта (7 апреля) Голубов был назначен «командующим всеми вооруженными силами Сальского округа» [16] и должен был отбыть в степи бороться с партизанами. Узнав о назначении, Голубов пошел ва-банк и сделал попытку провести мобилизацию казаков вокруг Новочеркасска. 26 марта (8 апреля) в Старочеркасскую станицу прибыл «называющий себя делегатом от Новочеркасского гарнизона некий Седов. И начал призывать 4 года казаков, открыто говоривши, что для борьбы с советской властью, и за что он, Седов, местной буржуазией был встречен дружелюбно» [17].

Большевистские власти немедленно отреагировали. 27 марта (9 апреля) из Ростова в Новочеркасск были посланы дополнительные силы красногвардейцев. Очевидцы видели, как конные матросы, авангард карательного отряда, вступали в Новочеркасск; их поддерживали броневые автомобили, а Голубов с группой в 30 человек отходил, отстреливаясь, в сторону Собора.

В здании реального училища собрались 15 бывших «партизан» (участников борьбы с большевиками в составе партизанских отрядов до оставления белыми Новочеркасска), скрывавшихся в 6-м Донском пешем батальоне. Они устроили перестрелку с Красной гвардией (7 убитых красногвардейцев остались на Арсенальной площади), но бежали вслед за голубовцами из города.

Большевики дали свою версию событий в Новочеркасске: «Начало контрреволюционного выступления исходило от станичного собрания, где собралась кучка чиновников, требовавшая непризнания власти Совета и настаивавшая на выборе старшего атамана. Выборы не удались, однако сбор вынес постановление об освобождении Богаевского. Это послужило сигналом для обойденных властью Голубова и Смирнова (Смирнов – командир поддерживавшего в январе 1918 г. большевиков 8-го Донского полка. – А.В.)...». Они потребовали на гарнизонном собрании разоружить Титовский полк. «Революционные войска вступили в Новочеркасск без кровопролития. Были только провокационные выстрелы, убит один казак» [18].

Голубовская авантюра была ликвидирована без особого труда, но с этого момента казачество активизировалось, усмотрев в отходе от Советов «голубовцев» добрый знак. Кроме того, преследующие голубовских казаков красногвардейские отряды вступили в ближайшие к Новочеркаску станицы, а это вызвало ответную реакцию.

Утром 28-го марта (10 апреля) по набату поднялась станица Кривянская. Из Заплавской в Кривянскую прискакал гонец с приговором станичного сбора о поголовной мобилизации и походе на Новочеркасск. Кривянцы согласились и немедленно разослали гонцов в Манычскую, Старочеркасскую, Бессергеновскую, Мелиховскую, Раздорскую и Богаевскую. Уже вечером дружины из Заплавской и Бессергеновской станиц пришли в Кривянскую. Утром 29 марта (11 апреля) в Кривянской появился пешие и конные казаки Богаевской станичной дружины. Тогда же казаки уговорили случайно оказавшегося в Кривянской войскового старшину Фетисова (он приехал купить муки) возглавить восстание. Фетисов согласился.

Позже прислали в Кривянскую свои дружины Манычская, Мелиховская, Раздорская станицы. Дружины, видимо, были по численности равны сотням. Они устроили общий сбор на станичном плацу, а Кривянская сотня организовала охранение [19].

Повстанцами был организован штаб. Начальником штаба с 29 марта по 4 апреля (11–17 апреля) являлся перешедший от красных подполковник Г.С. Рытиков. Штаб принял решение перейти в наступление на Новочеркасск.

14 апреля 1918 г. казаки Черкасского округа захватили Новочеркасск и сформировали свое правительство – Совет обороны, переименованное впоследствии во Временное Донское правительство.

Однако классовые противоречия в тот момент проявились еще не особо отчетливо, массовой поддержки новое правительство не получило. 15 апреля оно пыталось занять у местных капиталистов хотя бы 2 млн руб., но получило отказ [20]. Казаки из Новочеркаска были выбиты и начали концентрацию и реорганизацию сил в станице Заплавской – «Заплавское сидение» (18 апреля – 6 мая 1918 г.). Станичные дружины были развернуты до численности полков. На сторону «заплавцев» стали переходить казачьи части, ранее поддерживающие большевиков.

Одновременно шел лихорадочный поиск союзников, вплоть до посылки делегаций к «гайдамакам» казаками Гундоровской станицы. Делегация не нашла «гайдамаков», но встретила наступавших по территории Украины немцев, к которым не побрезговала обратиться за помощью [21].

27 апреля делегация казаков южных станиц Черкасского округа, отрезанных от Заплавской разливом Дона, прибыли в Добровольческую армию, которая, потеряв своего вождя, генерала Л.Г. Корнилова, отступала с территории Кубани обратно на Дон.

То есть казаки обратились за помощью к силам, которые были настроены друг против друга явно враждебно, но в то же время вели военные действия против большевиков. В значительной степени это был акт отчаяния:

с немцами казаки дрались предыдущие четыре года, а к «добровольцам» они относились явно недоброжелательно зимой 1917–1918 гг., считая их главной причиной наступления большевиков на Дон. Впрочем, и обращение к немцам, и обращение к «добровольцам» не имели каких-либо значимых последствий. К немцам обратились представители одной станицы, к «добровольцам» – представители двух станиц.

Основная масса повстанцев, сгруппировавшаяся в станице Заплавской, обратилась к «Отряду вольных донских казаков» (1500 штыков и сабель), ждавшему в Сальских степях «пробуждения казачества», однако не примкнувшему во время оставления Новочеркасска и Ростова к Добровольческой армии. Офицеры и казаки этого отряда впоследствии условно назывались «степняками», а их командир имел статус походного атамана Войска Донского.

«Фактически силы восставших донских казаков (с 8 марта) в десятки раз превосходили степняков. Степной отряд и по своему скромному вооружению не представлял силы к апрелю месяцу. Походный атаман был нужен как представитель законной власти, и под него пошли все казаки, выступившие на борьбу весной того же года», – считал С.В. Денисов, в то время начальник штаба восставших казаков [22].

29 апреля 1918 г. «Временное правительство», выражая интересы восставших казаков и примкнувшей к ним интеллигенции, послало к генералу Попову делегацию во главе с председателем правительства Г.П. Яновым. Обе «высокие стороны» встретились «весьма холодно» [23], поскольку «степняки» помнили антиофицерские настроения основной массы казаков зимой 1917–1918 гг. Но интересы борьбы с большевиками возобладали над противоречиями. 24 апреля 1918 г. Временное Донское правительство «для пользы дела и успешности борьбы» передало высшее командование и полноту военной власти генералу Попову, сохранив за собой до созыва Круга спасения Дона всю полноту гражданской власти [24]. Объединившиеся казачьи отряды были официально названы Донской армией.

Передав Попову полноту военной власти во время военных действий, временное правительство фактически подчинилось донскому походному атаману. И хотя генерал Попов был «не популярен» [25] и между ним и командованием «Заплавской группы» сохранились неприязненные отношения, восставшие все-таки пошли на это, так как массовой поддержки казаков всё еще не имели (из всех донских станиц лишь десять были объаты восстанием), а за Поповым потенциальным союзником просматривалась Добровольческая армия. Хотя прямой связи между Поповым и «добровольцами» не было, но общность интересов сомнений не вызывала.

Среди казачества, примкнувшего к восставшим, всё же были сильные антиофицерские настроения. При соединении с офицерским отрядом Попова многие дружины «Заплавской группы» заколебались и были разоружены. Но всё же объединение значительно усилило донские антибольшевистские силы. По мнению очевидцев, к концу апреля 1918 г. советские «отряды уже были значительно слабее казаков, и только хорошее вооружение давало перевес в силах» [26].

В конце апреля 1918 г. донские антибольшевистские силы объективно вступают в оперативно-стратегическое взаимодействие с немцами. Отступающие украинские советские войска впервые ощутили это взаимодействие 25 апреля 1918 г. [27]. Шестого мая 1918 г. объединенные силы Донской армии, пользуясь трудным положением советских войск, начали наступление на Новочеркасск и при помощи офицерского отряда полковника Дроздовского, проделавшего труднейший поход с Румынского фронта, заняли этот город. В тот же день германскими войсками и казаками, наступавшими с двух сторон, был занят город Ростов. На этом продвижение немецких войск вглубь Донской области временно прекратилось.

Отряды Красной гвардии были разгромлены и разлагались. Характерна для того времени дневниковая запись П.А. Лурье от 7 мая: «В Тихорецкой стоит начальник войск Северного Кавказа Сорокин. Он собирается разоружить отступающие отряды. Командармы Харченко и Бондаренко этому не препятствуют, так как армии им не подчиняются, а занимаются только грабежом» [28]. Победа восставших казаков, естественно, обращала на себя внимание большевистского руководства, которое с этого времени стало готовить ряд организационных выводов. «Отступавшие на Юг и Юго-Восток большевики были, естественно, крайне обозлены в отношении казаков, свергнувших во второй раз советскую власть на Дону. Лидеры донских большевиков (С. Васильченко, А. Френкель, С. Сырцов и др.) начали задумываться о ликвидации казачества как в целом контрреволюционного сословия» [29]. Но реально к этой политике стали приступать уже в начале 1919 г.

Таким образом, особой угрозой восставшим казакам со стороны большевиков пока не было. Однако внутренние проблемы области отнюдь не были разрешены, да и в рядах восставших не было единодушия.

Казаки на Дону поднялись на борьбу изначально оборонительную, с точки зрения военной это обрекало их на поражение. Логика восставших была следующей: «большевики уничтожают казачество, интеллигенция, как и коммунисты, норовят нас упразднить, а русский народ о нас и не думает. Пойдем напропалую – или умрем, или будем жить: все порешили нас уничтожить, попробуем отбиваться» [30].

Однако проведенная организационная работа позволила казачьей верхушке создать казачье квазигосударство, строящееся на принципах сословной диктатуры, сформировать регулярную армию и создать массовое антибольшевистское движение на Юге России.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
2. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 57об.
3. Добрынин В.В. Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская летопись. № 1. Белград, 1923. С. 93.
4. Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 – март 1919 года). Ростов н/Д, 1965. С. 27.
5. Янов Г.П. Дон под большевиками весной 1918 г. и восстание станиц на Дону // Донская летопись. № 3. Белград, 1924. С. 17.
6. Там же.
7. Сполох С. История одной казачьей станицы. М., 2005. С. 217–218.
8. Денисов С.В. Записки. Гражданская война на Юге России. 1918–1920. Ч. 1. Константинополь, 1921. С. 45.
9. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 3440. Оп. 1. Д. 2. Л. 14–14об.
10. Известия ВЦИК. 1918. 16 июля.
11. Меликов В.А. Героическая оборона Царицына (1918). М., 1940. С. 55.
12. Правда. 1918. 16 апреля.
13. Севский В. Николай Голубов // Донская волна. 1918. № 7. С. 6–7.
14. ГАРО. Ф. 4071. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.
15. ГАРО. Ф. 3440. Оп. 1. Д. 2. Л. 74.
16. Там же.
17. Там же.
18. Донские известия. 1918. № 15. 14 (1) апреля.
19. Казачий путь. 1926. № 78. 19 марта. С. 7.
20. Янов Г.П. Освобождение Новочеркасска и Круг спасения Дона // Донская летопись. № 3. Белград, 1924. С. 55–56.
21. Янов Г.П. Дон под большевиками весной 1918 г. и восстание станиц на Дону // Донская летопись. № 3. Белград, 1924. С. 17.
22. Денисов С.В. Записки. Гражданская война на Юге России. 1918–1920. Ч. 1. Константинополь, 1921. С. 45.
23. Янов Г.П. Освобождение Новочеркасска и Круг спасения Дона // Донская летопись. № 3. Белград, 1924. С. 55–56.
24. Ленивов А. Этапы развития самостоятельности на Дону в 1917–1918 г. и «Основные законы Всевеликого Войска Донского» // Вольное казачество. Париж. 1931. № 83. С. 10.

25. Янов Г.П. Освобождение Новочеркасска и Крут спасения Дона // Донская летопись. № 3. Белград, 1924. С. 55–56.
26. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1162. Л. 4.
27. Российский государственный военный архив. Ф. 14. Оп. 1. Д. 31. Л. 341.
28. Дневник Павла Абрамовича Лурье // Юность. 1990. № 10. С. 10.
29. Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX веке. Ростов н/Д, 2007. С. 77.
30. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 219.

Формирование и боевые действия Милютинского отряда белых казаков в апреле – мае 1918 г.

У становление советской власти на Дону не устраивало казаков станицы Милютинской, и они в период с 27 апреля по 12 мая 1918 г. выступили против большевиков совместно с казаками Вольно-Донской станицы [1]. Восставшие милютинские казаки оказались в тяжелом положении: имевшихся сил и вооружения им явно не хватало. Однако, согласно оперативным сводкам штаба Донской армии того времени, «недовольство казаков большевиками было настолько велико, что за оружие взялись все, от детей до стариков включительно. За недостатком оружия шли с вилами, топорами, ломami. Началось сплошное формирование ополченских частей» [2].

Так удалось сформировать в те дни Милютинский отряд. Вначале им командовал подъесаул Виталий Дмитриевич Донсков, затем, с 29 апреля 1918 г., – войсковой старшина Николай Яковлевич Коньков. Начальной датой функционирования отряда А.В. Венков считает 14 (27) апреля 1918 г. [3], когда нарочный от походного атамана Попова привез в станицу Милютинскую приказ о мобилизации казаков 1912–1916 гг. переписи. Основным лейтмотивом объявления мобилизации являлась «защита Морозовского района», т. е. станиц Вольно-Донская, Морозовская и Милютинская. Начальником обороны района назначался есаул Захаров.

Первое выступление Милютинского отряда происходит 16 (29) апреля, а 20 апреля (3 мая) милютинцы заняли станицу Морозовскую, перерезав железную дорогу Лихая – Царицын для продвижения красногвардейских подразделений. Поэтому 23–24 апреля (6–7 мая) большевистские отряды с двух сторон (одни двигались с Царицынского направления, другие – с Белокалитвенского) атаковали станицу Морозовскую и вновь взяли этот стратегически важный населенный пункт. Милютинцы отступили, но красные не успокоились и стали готовить военную экспедицию. Понимая сложность положения, делегации от станицы Милютинской 26 апреля (9 мая) приехали в Краснокутскую, Боковскую, Каргинскую станицы с просьбами об оказании действенной военной помощи. В самой станице Милютинской события развивались не менее бурно. К 9 мая 1918 г. восстали 1500 казаков, но у них не хватало оружия, вооружиться удалось только 380 казакам.

Против восставших милютинских казаков открыла внутренний фронт Лукичевская волость (5 хуторов) и Лукичевская слобода, которая активно поддержала красных: здесь формировались отряды красных партизан и находили поддержку прибывающие красногвардейские подразделения. 28 апреля 1918 г. крестьяне слободы Лукичевой обстреляли конный разъезд Вольно-Донского отряда, когда объединенные силы белых возвращались из-под станицы Обливской. В эту группировку входил Милютинский отряд (две конные сотни и одна пешая) под командованием подъесаула Донкова. Вольно-Донской отряд и Милютинский отряд 23 апреля заняли хутор Лобачев, но удержаться там не смогли и отошли к хутору Глухманову, оставив казачью полусотню в хуторе Лобачеве. После двух дней боев красногвардейцы 25 апреля перешли в наступление, получив известие о занятии станицы Морозовской отрядами красных. Вольно-Донской отряд и Милютинский отряд вынужденно отошли в район станицы Милютинской [4].

Объединенное командование Вольно-Донского отряда и Милютинского отряда решило «обезоружить хохлов хутора Лукичева» после обстрела высланного в их сторону конного разъезда. 29 апреля 1918 г. казаки «предъявили требование о сдаче оружия», а когда крестьяне отказались это сделать, то 30 апреля около 16 часов начали наступление и «подошли к самой слободе». Они были встречены плотным ружейным и пулеметным огнем, и казаки потеряли ранеными 5 человек. После прибытия прапорщика из Краснокутского отряда и сообщения о возможной поддержке краснокутских казаков наступление на хутор Лукичев остановили. Милютинский отряд отступил и занял позицию на окраине хутора Тернового. Белые провели активную разведку и захватили в плен несколько красногвардейцев, что позволило примерно определить силы противника в хуторе Лукичев, где, по полученным сведениям, находилось «около 500 вооруженных винтовками солдат при двух пулеметах». Причем боеприпасов у красных хватало, поскольку они открывали «ружейную и пулеметную стрельбу на расстоянии 4 верст». Вскоре и Милютинский отряд получил 2 орудия [5].

Однако, не чувствуя уверенности в своих силах, командир Милютинского отряда подъесаул Донков отправляет 29 апреля депешу с просьбой о помощи командиру Мигулинского отряда подъесаулу Ивану Васильевичу Цыганкову [6]. К командующему войсками Верхне-Донского округа Захару Акимовичу Алферову с просьбой о поддержке обращается военный совет станицы Милютинской [7].

1 мая 1918 г. и в течение последующих двух дней Милютинский отряд сдерживал наступление красных. Как описывал события прапорщик Буданов в докладе 22 мая 1918 г., направленном в управление Донецкого

окружного атамана, «с 1 мая отряд красной банды численностью около 1000 [человек] пехоты[,] 200 [человек] кавалерии при 2 пушках наступал [на милютинцев] с Запада по р[еке] Гнилой[,] с х[утора] Лукичева на х[утор] Терновой Милютинской станицы. Наш отряд в две сотни пехоты и три сотни кавалерии задержал наступление противника до 4 мая» [8].

2 мая в районе Милютинской станицы между хутором Терновым и слободой Лукичевой позиции заняли подразделения красных. Они состояли из 400 местных жителей (красных партизан. – А.С.) и 150 красногвардейцев, на их позициях были замечены 2 пулемета, причем «винтовок хватает всем». Милютинский отряд насчитывал 318 конных казаков (на всех 240 винтовок) и 60 пеших казаков, которым винтовок хватало, а огневая поддержка обеспечивалась двумя пулеметами [9].

4 мая 1918 г. с 7:00 Милютинский отряд вступил в бой с красногвардейцами хутора Лукичев, располагавшегося в 15 верстах от станицы Милютинской. Милютинские казаки столкнулись с неплохо подготовленным противником, «все солдаты слободы Лукичев [были] вооружены. В слободе [имелось] три пулемета, к 2 ч. дня с/г. прибыло одно 3-дюймовое орудие, которое выпустило несколько снарядов». Вначале военного успеха добились милютинцы, и пешие казаки заняли восточную часть хутора Лукичев. Но появление у красных орудия, противопоставить которому было нечего, сразу же снизило натиск казаков, и они примерно в пять-шесть вечера вынужденно отступили. Лукичевцев же активно поддерживали «другие слободы, от которых и получено орудие». Боевые потери Милютинского отряда в этом столкновении с красногвардейцами составили: «3 раненых казака и один убитый». Бой 4 мая 1918 г. у хутора Лукичев выявил недостаточность вооружения Милютинского отряда и серьезную нехватку патронов для ведения активной стрельбы, а соответственно, и военного успеха в борьбе с противником [10]. Начальник штаба отряда подъяесаул Донсков срочно обращается 4 мая к командиру Пономаревского отряда прапорщику Захару Илларионовичу Спиридонову за помощью, особенно оружием и патронами [11]. Одновременно 4 мая Донсков просит помощи у командующего Верхне-Донским округом, ссылаясь на вынужденное отступление после удачно начавшегося боя у слободы Лукичевой. Милютинский отряд отступил в направлении хутора Терновой, поскольку «враг силен», а потому милютинцам необходимо «оказать поддержку патронами и снарядами и винтовками. Людей можно мобилизовать, но вооружения нет» [12].

Сложность оперативно-тактического положения Милютинского отряда заключалась в вынужденном ведении вооруженной борьбы на два фронта. Ввязавшись в бои под хутором Лукичев, казаки обнаружили продвижение второго отряда красногвардейцев, занявшего позиции с востока в районе

хутора Орлов. Этот отряд под командованием Романовского, прибывший из станицы Морозовской, насчитывал, по разведанным, 2000 чел. пехоты и 300 чел. кавалерии с огневой поддержкой двух пушек. Красногвардейский отряд начал наступать на милютинские хутора вверх по реке Гнилой. Поэтому половина Милютинского отряда с одной пушкой выдвинулась для защиты милютинских хуторов. В результате завязался еще один бой белых милютинских казаков с красногвардейцами, или, как их милютинцы называли, «красными бандами». В этот момент по милютинцам ударил третий красногвардейский отряд «под командой Забей-Ворота». Он продвигался с запада вдоль реки Берёзовой и начал обстреливать хутора Ивановский, Николаевский, Покровский. В результате Милютинский отряд вынужденно отступил вначале к хутору Севостьянов, а затем в станицу Каргинскую [13]. На тот момент кавалерию отряда поддерживало три пеших сотни, огневая мощь обеспечивалась 3 пушками и 8 пулеметами. Не хватало у казаков вооружения: «На 100 чел[овек] 50 винтовок и в среднем по 10 патронов, а остальные с вилами, штыками и охотничьими ружьями» [14].

На 7 мая 1918 г. объединенный штаб отрядов белых казаков, прикрывавших направление на станицу Милютинскую, находился в хуторе Терновом. Начальник этой группы войсковой старшина Коньков отправляет прибывший на помощь отряд каргинцев в станицу Милютинскую для прикрытия своих тылов. Ожидалось продвижение красногвардейцев «со стороны хут[ора] Чикова[,] заимка Бударка» из станицы Морозовской. Общая численность красной кавалерии, якобы двигавшейся в направлении хутора Чикова и хутора Орлова, оценивалась в 700 всадников. Дважды направлявшиеся утром и вечером казачьи разъезды противника так и не обнаружили. На Лукичевском фронте активных боевых действий не велось: шло накопление сил. Разведчики выяснили, что в хуторе Лукичев находится не более 700 красногвардейцев с огневой поддержкой 2-3 пулеметов и одного орудия. В станице Милютинской завершилась местная мобилизация, удалось собрать около 500 винтовок и подготовить для вооружения призванных станичных жителей 6 пулеметов [15].

Согласно донесению начальника отряда Каргинской группы есаула Коргина [16], составленного в станице Милютинской и датированного ночным временем 1:50 10 мая 1918 г., можно судить об участии милютинских казаков в боевых столкновениях с красногвардейцами, которые основательно потрепали белогвардейские подразделения милютинцев, оказавшихся тогда не готовыми вести упорные бои с красными. Отряд милютинских казаков под командованием войскового старшины Конькова в течение всего дня 9 мая 1918 г. находился в боевом соприкосновении

с красногвардейскими подразделениями и вынужден был отступить. В составе отряда Конькова имелось несколько конных сотен, одно артиллерийское орудие и три пулемета. Под давлением красных милютинцы стали отступать к хутору Жеребцу, который находился примерно в 15–18 верстах от Милютинской, и хуторам Семенову и Полякову, располагавшимся в 8–10 верстах к востоку от станицы Милютинской. Казаки полностью оголили свой участок фронта в районе хутора Семенова. После чего красногвардейские подразделения свободно вошли в хутор Семенов, что вызвало панику среди местного населения. Жители хутора Семенова и хутора Поляков в спешном порядке покинули свои дома, собрав нехитрый домашний скарб на арбы и повозки. Беженцы уже через несколько часов буквально наводнили Милютинскую, не зная, куда им деваться дальше.

Для задержания наступления красных на Милютинскую войсковой старшина Коньков в полночь с 9 на 10 мая 1918 г. своим распоряжением снял с участка фронта в районе хутора Лукичев пешую сотню Верхне-Чирского юрта и направил в район хутора Полякова. По мнению есаула Коргина, самые боеспособные части милютинцев находились именно на «Лукичевском фронте», поэтому в случае неудачи и на этом участке у них нет другого выхода, как отступить в северном направлении или с боями пробиваться на Калитву. С другой стороны были получены сведения о том, что белогвардейские подразделения утром 9 мая заняли станицу Милютинскую, а красные вынужденно из нее бежали. Посланный на юг есаулом Коргиным казачий разъезд зафиксировал отступление группы красноармейцев в составе 11 подвод в направлении хутора Лукичев. Эти сведения давали надежду на благоприятное развитие событий для милютинских казаков, ожидавших нового наступления красных.

По сведениям И.П. Толмачева [17], тогда Лукичевский отряд красной гвардии под командованием Николая Васильевича Харченко, получив помощь Каменского отряда (кавалеристы, пехота, орудийные и пулеметные расчеты) из сводной военной группировки под командованием Е.А. Щаденко, сумел нанести поражение белым казакам в районе хутора Лукичев и значительно потеснить противника. Большую роль в боевом столкновении сыграло применение артиллерийских орудий и пулеметных расчетов. Не удалась и хитрость милютинских казаков: с использованием стада коров они хотели приблизиться к позициям красногвардейцев, но те из орудий просто расстреляли обезумевших животных. Итог операции красных очевиден: «оставив станицу Ново-Донецкую, белоказаки стали отходить на Милютинскую. Наш отряд расположился в хуторе Петровском» [18].

Наступавшие красногвардейские отряды в общей сложности насчитывали около 500 человек, в том числе три кавалерийские сотни, а из воору-

жения имелось два орудия и три-четыре пулемета. После занятия хутора Орлова 9 мая эта группировка красных там и остановилась. По мнению начальника отряда станицы Чернышевской, красногвардейцы должны были дальше двигаться в направлении станицы Милютинской и хутора Лукичев.

10 мая 1918 г. вечером красные примерно в семь вечера стали обстреливать станицу Милютинскую. Военная фортуна в течение этого дня оказалась переменчива: противники в одном месте выигрывали, а в другом месте проигрывали. Если из района хутора Тернового белые отступили, то на другом участке милютинские казаки сумели взять хутор Поляков, хутор Орлов и продолжали наступление дальше. Противостояние не выявило очевидного победителя лишь в районе хутора Лукичев.

10 мая 1918 г., по сведениям начальника отряда Каргинской группы, подразделения белых казаков отошли из всего района Милютинской станицы и отступили к хутору Севостьянов. «Причина отступления: недостаток в некоторых сотнях патронов (до последнего) и угрожающее положение со стороны Маньково-Березовской» [19]. Недостаток в боеприпасах, которым объяснялось отступление из района Милютинской станицы, имел вполне субъективный характер. Как отмечалось в той же сводке донесений о ситуации на 10 мая, «в 5–10 верстах от Севостьянова находятся наших 30 подвод с оружием и припасами, привезенными из Чертково. Одна подвода прибыла, а остальные задержаны хохлами. Послана сотня на выручку» [20]. Как пишет И.П. Толмачев, «радостно встретило красногвардейцев и население хутора Петровского. Бойцов нарасхват зазывали в гостеприимно распахнутые двери хат, охотно угощали. На хуторском собрании в честь разгрома большой группы белоказаров решили устроить угощение воинам. Зарезали трех быков, десяток баранов. И вот запылали разложенные на площади костры, засуетились гостеприимные хозяйки» [21].

Однако в те дни общественные настроения оказывались настолько переменчивыми, что говорить об однозначности поддержки населения не приходится. По свидетельству того же И.П. Толмачева, мобилизация перед наступлением на Милютинскую в его родных местах прошла с большим трудом, и только к концу четвертого дня удалось убедить местных крестьян в необходимости поддержки отрядов красной гвардии. Свою роль в этом сыграла и антисоветская агитация милютинских казаков, которые, естественно, автором описаны как неимоверно кровожадные [22].

Тем менее красногвардейцы успешно реализовали приказ о наступлении, отданный К.Е. Ворошиловым, детально проработанный на военном командном совещании под руководством Е.А. Щаденко: «взять станицу

Милютинскую, разгромить крупную группировку белоказачков, которая готовится к захвату станции Морозовской, чтобы перерезать путь отходя отступающим армиям на Царицын. По данным разведки, операцию готовит полковник Секретев. Нашему отряду приказано наступать со стороны хутора Тернового, Морозовскому, под командованием Мухоперца, – с хутора Орлова. Второй Морозовский отряд, под командованием Петушкова и Дербенцева, обходил белых по реке Березовой. Забей-Ворота возглавил отдельную роту, которой предстояло закрыть кольцо окружения врага. Изложив на совещании командиров план наступления, Щаденко предложил пополнить Каменский отряд за счет местных иногородних бедняков и трудовых казаков. Вооружение предполагалось достать у Ворошилова» [23]. Задачу по доставке вооружения выполнил брат И.П. Толмачева Петр с группой лукичевских крестьян-добровольцев. Они привезли из станицы Морозовской 500 винтовок, 4 пулемета, гранаты и 10 000 патронов и заслужили благодарность от Е.А. Щаденко [24].

Только 12 (25) мая в Сводный отряд Верхне-Донского округа влился Милютинский отряд, включавший помимо собственно казаков Милютинской станицы также казаков Краснокутской, Ново-Донецкой и Вольно-Донской станиц. Казаки станицы Милютинской составили 1-й Милютинский полк: 853 конных и 277 пеших (командир войсковой старшина Коньков). Утром 12 мая 1918 г., согласно оперативной сводке по Верхнему Дону, сохранившейся в архивном фонде Терентия Михайловича Старикова, белые казаки добились важного тактического успеха: «отрядом войскового старшины Конькова из казаков станицы Милютинской, Казанской, Еланской и Чернышевской занят Лукичев» [25]. На этом и завершается история действий Милютинского отряда белых казаков.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39456. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6473. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.
3. Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Приложение-справочник к монографии: «Г.Г. Матишов. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории». Вып. 1. Донские партизанские отряды. Командование Донской армии. Молодая армия. Военно-учебные заведения / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 82–83, 86.
4. РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 11об.
5. Там же. Л. 12, 12об.

6. Там же. Л. 17.
7. Там же. Л. 18–18об.
8. РГВА. Ф. 40116. Оп. 1. Д. 22. Л. 175.
9. РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
10. Там же. Д. 2. Л. 43–43об.
11. Там же. Л. 48–48об.
12. Там же. Л. 49–49об.
13. РГВА. Ф. 40116. Оп. 1. Д. 22. Л. 175–175об.
14. Там же. Л. 176.
15. РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.
16. Там же. Л. 35.
17. Толмачев И.П. В степях донских. (Военные мемуары). М.: Воениздат, 1959. С. 88–90.
18. Там же. С. 90.
19. РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.
20. Там же.
21. Толмачев И.П. В степях донских. С. 91.
22. Там же. С. 93–94.
23. Там же. С. 91.
24. Там же. С. 92–93.
25. ГАРФ. Ф. Р-6473. Оп. 1. Д. 135. Л. 2.

Егорлыкское казачество в событиях 1917–1920 гг.

Первая мировая война стала большим испытанием для всех казаков России. Казаки воевали и гибли на фронте, а в это время в самой России происходили события, названные впоследствии Февральской революцией [1]. Царь Николай II, опора донского казачества и отечества, отрекся от престола. Хотя казачество и продолжало составлять наиболее боеспособную основу Российской армии на войне, однако в частях происходило массовое брожение, нередко были случаи дезертирства, подчиненные относились с недоверием к своим начальникам. Противоречивые вести доходили и до станицы Егорлыцкой. Война влекла за собой как экономические, так и политические проблемы для России в целом. В Егорлыцкой станичные лавочники повысили цены на промышленные товары, что имело драматические последствия. Жены егорлыцких казаков-фронтовиков устроили бунт и захватили лавки. Они требовали снижения цен. Уговоры станичного атамана ни к чему не привели. Ему было отвечено: «Тебе чего тут надо?» Это вызвало изумление атамана. Такого еще не было в истории станицы, чтобы так обращались к атаману. Все участницы – 22 казачки и 12 женщин-крестьянок (а это был первый пример солидарности двух сословий, что было вообще не характерно для казачества) – были арестованы. Все нарушители были вызваны в судебную палату г. Новочеркаска и получили наказание [2]. Однако, как следует из материалов уголовного дела, о политической подоплеке в этом бунте речи не было [3].

В этот период в станице появляется рабочий из Петрограда Фёдор Алексеевич Сухоруков [4]. Потомственный рабочий почему-то занялся в ст. Егорлыцкой фотографией, открыв свое фотоателье. У него часто стали собираться как крестьяне, пришедшие с фронтов Первой мировой войны, так и бедные казаки. Ранее лютые враги – казаки и иногородние (ранее казаки так называли крестьян) – собирались вместе только в схватке друг с другом, в драках, нередко заканчивающихся поножовщиной. Особенно это было распространено в молодежной среде, казачьи ребята шли гулять только с плетью, а иногородние – с железными костылями [5]. Рабочий Сухоруков высмеивал казаков, которые рассказывали о своем героизме при разгоне народа в период революционных событий 1905–1907 гг.

Однако никаких наказаний вслед за этим не последовало, что трудно было представить ранее. Вел он и беседы о лучшей жизни, давал некоторым станичникам почитать книги, брошюры. За то, что он сфотографировал атамана, получил от него похвалу, а вот священник на своем фото был похож на представителя нечистой силы, и его портрет был выставлен всем на просмотр, станичники, проходя мимо, посмеивались над ним. За Сухоруковым атаман организовал слежку, однако опытный конспиратор это заметил – и атаман компрометирующих сведений не получил. После о нем скажут: «Сухоруков хороший революционер-профессионал большевик». С помощью Сухорукова многие станичники, в том числе и казаки, фактически прошли курс классовой политграмоты [6]. В апреле 1917 г. в станицу прибыла группа студентов. Собравшись возле станичного правления, они рассказывали, что в стране идет ломка старого режима, создаются демократические органы власти – Советы, призывали встать на защиту интересов трудящихся масс. Станичники молча слушали, не выражая никаких эмоций. В станице уже ощущалось политическое брожение, люди волей-неволей начинали разбираться в политике. Однако Февральская революция, пропагандистские лозунги мало что изменили в старых порядках станицы. В домах оставались портреты царя Николая II, по велению атамана Тараса Харланова их не снимали и в школах [7]. Атаману и членам станичного правления продолжали подчиняться беспрекословно.

Сходки не пропускали ни крестьяне, жившие в станице, ни казаки, прибывшие с фронта (казаки Титов, Виташев, Рагозин и др.). Призывы к казакам присоединиться к новому порядку и созданию собственных Советов казачьих депутатов ни к чему не привели. На сходке по созданию ревкома казаки ответили: «Ни к чему нам ревком. У нас есть атаман, и никакой другой власти нам не желаем. Сегодня вам ревком, а завтра заходите землю делить. “Захотим, обязательно захотим”, – раздавалось со всех сторон. Сходка была покинута большинством казаков со словами: “Ишь чего захотели, земли! Голодранцы. Вы что ли ее кровью пропитали? Не дадим...”» В станице на тот момент было всего 1437 хозяйств, из них казачьих – 927, иногородних – 510. Земли не имели 503 иногородних хозяйства. В станице в то время казаки имели пай, который был равен 25 десятинам земли, и хорошие сенокосные угодья. Ставшие когда-то казаками малороссы, познавшие трудную жизнь, а теперь имевшие привилегии, не хотели просто так отдавать кому-то свою землю [8].

Оставшиеся казаки бойкотировали собрание по избранию ревкома, далее в собраниях не участвовали, но внимательно следили за его деятельностью. Несмотря на все противоречия, ревком был избран. Председателем его стал Ф.А. Сухоруков [9]. Избранный Совет приступил к своим обязан-

ностям, претендуя на власть в станице. Казаки во главе с атаманом Совет не признавали. Атмосфера всё больше накалялась. Казачество станицы и иногородние становились непримиримыми врагами. В станице образовалось двоевластие – власть Советов и власть атамана [10]. В среде казаков всё настойчивее раздавались требования покончить со смутьянами. Однако атаман не решался на крайние меры, даже выделил ревкому 25 тыс. руб. на помощь семьям фронтовиков. Им было сказано следующее: «Пусть берут голодранцы! Там видно будет...» [11].

В это время на Дону началось формирование Добровольческой армии, в состав которой вошли и казаки ст. Егорлыкской. В марте 1918 г. в станицу прибыл отряд Добровольческой армии под командованием генерала Корнилова и расставил некоторые точки. Его как «спасителя Дона и матушки России» казаки встречали в парадных мундирах в месте, прозванном в народе «Пьяный курган». Отсюда всегда станичных казаков провожали и встречали из боевых походов. Из церквей были вынесены хоругви и иконы. И хотя корниловцев встречали с помпезностью в станице, лучше, чем в Кагальницкой и Мечетинской, всё же многие казаки станицы относились к Корнилову с недоверием после изданного им приказа о списках казаков первой очереди и малолетках, о наличии в станице строевых и нестроевых подвод. Ночью из станицы была угнана часть скота и лошадей. Казаки боялись реквизиции, смысл этого слова они уже понимали хорошо. Не понравилось казакам и то, что на встрече с заслуженными казаками адъютант корнет Хан Хаджиев скомандовал: «Встать смирно!», а зашедший в зал со всеми генералами Корнилов начал отчитывать казаков, даже не поздоровавшись со старшими казаками и предлагая всех выпороть, называя при этом предателями Отечества. Выборные и казаки-старики сидели подавленными. С ними, участниками русско-турецкой, русско-японской войн, награжденными крестами и медалями за защиту России, так еще никто не разговаривал, даже когда в станицу приезжал атаман Войска Донского. Было крайне обидно, что это не казак, а какой-то «хохол, выброшенный из Петрограда и Ростова», и он так поносит казачество [12]. На следующий день ревкомовцы станицы были схвачены и арестованы, кто-то из них впоследствии был зарублен, кто-то застрелен. Были применены репрессии как к иногородним, так и к казакам – розги, плеть, виселица. Власть в станице вернулась к атаману. Казаки морально разлагались: пили, кутили, вообще вели себя неподобающе. Показателен случай: казак Рындюков со своими друзьями проезжал на подводе по площади, распевая песни под гармонь; они остановились, подозвали старушку, шедшую в церковь, под угрозой применения силы напоили ее и пьяной заставили танцевать под гармонь. Она, охмелев, пела непристойные песни. А вступившемуся за нее старику-казаку тут же остригли бороду.

Несмотря на недовольство новыми порядками самых рьяных борцов с советской властью не из казачьего сословия, егорлыкские казаки ходатайствовали перед войсковым атаманом о принятии их в казаки. Этого не было со времен создания станицы. Последний раз крестьян принимали в казаки в 1825 г. [13]. Не хватало активных сторонников борьбы с советской властью. Так, в 1918 г. в казаки был принят Петр Андреевич Кучкин, командующий 2-й сотней 79-го донского полка, по происхождению из крестьян Рязанской губернии, в станице его помнили как зверствовавшего по отношению к населению [14]. «Доблестный герой в борьбе с красными» – так называли казаки станицы полковника Добровольческой армии, начальника егорлыкского гарнизона Постовского; «старшего врача Егорлыкского лазарета Цынкаловского решено принять в среду наших граждан казаков за труды его, понесенные во время отражения большевистских банд» [15].

Еще не закончилась война с Германией, а внутри страны разгоралась новая война – гражданская. Уже в 20-х числах мая 1918 г. станица находилась под властью так называемых белых казаков. Между казаками и красными отрядами постоянно происходили стычки. На стороне красных находились и казаки, принявшие советскую власть. В красном отряде Думенко против своих станичников воевал казак З. Бадюкин. Станица Егорлыкская за три месяца новой советской власти не покорилась, красноармейцы так и не смогли взять ее. Лишь однажды переодетый в форму белоказачьего сотника проехал через всю станицу командир Красной армии Думенко. Красные отряды совершали на станицу набеги. Одна из стычек произошла 19 мая 1918 г., потери были с обеих сторон. Следующая атака произошла у хутора Прощальный. В результате погибло 18 казаков-станичников.

Советская власть в станице не приживалась. С егорлыцкими казаками против красных объединились мечётенские, кагальницкие [16]. Многие егорлыцкие казаки, ненавидящие новую власть, за борьбу с ней были награждены георгиевскими крестами разных степеней: Ютин Пантелей, младший урядник 79-го казачьего полка; Шульгин Яков, приказной егорлыцкой 2-й Донской казачьей сотни; Форостов Андрей, казак Егорлыцкой конной батарееи; Ткачёв Фёдор, приказной егорлыцкой 2-й Донской казачьей сотни, и другие [17].

Решающее сражение под станицей Егорлыкской между красными и белыми состоялось 1 марта 1920 г. В конном бою встретились братья-казаки – жители станицы и ближайших хуторов с обеих сторон. Брат шел на брата, отец на сына. Потери были большие как с одной, так и с другой стороны [18]. Сражение белой армией было проиграно по разным причинам. Для казаков, воевавших на стороне генералов Деникина и Павлова, в дальней-

шем оно имело печальные последствия. Репрессии в отношении белых казаков станицы проводились и в последующие дни после боя. У берега реки Егорлычок были зарублены 43 человека, среди них женщины и дети. Раненых казаков, вернувшихся после боя домой, зарубили в постелях.

Могли помыслить о такой трагедии православные казаки? Трудно сказать. Казаки-станичники, которые еще недавно бок о бок сидели в грязных окопах и били германца, теперь были разделены. На смену эпохи правления царя пришла другая эпоха – советская [19]. Кто-то из казаков смирился с новым строем, чтобы сохранить свои семьи в этом круговороте. Так, вернулся после сражений в родную станицу белый казак Ютин Филипп, ставший впоследствии первым начальником милиции. Однако потом за старые дела был схвачен ЧК и отправлен в лагерь. Вернулся он домой в 1960-х гг. Станичный казак Юрченков, принявший участие в сражении под Егорлыцкой, после возвращения домой из Крыма спустя некоторое время был арестован и также отправлен в лагерь. Трагической оказалась судьба еще одного егорлыкского казака, генерал-майора, начальника тыла белой армии с 1918 по 1920 г. Он вернулся из эмиграции и вскоре был схвачен как вступивший в контрреволюционную связь с организацией, которая якобы вела борьбу с советской властью. 11 декабря 1937 г. он был расстрелян.

Понимающий ситуацию (необходимость спасти казачество станицы), уважаемый и почетный станичник, бывший атаман А.П. Ткачѐв вынужден был помогать ревкому, чтобы спасти женщин и детей казаков, ушедших с белыми в сторону Крыма.

Советская власть постепенно налаживала свою работу. Но ей мешали появившиеся у станицы банды. Вернувшиеся после разгрома Добровольческой армии станичные казаки прятались в камышах возле рек, укрывались в соседних хуторах. Потом производили налеты на мирное население, грабили, убивали. Несмотря на эти трудности советская власть постепенно укреплялась в донских станицах, в том числе и в Егорлыкской. 15 мая 1920 г. были произведены выборы Советов трудящихся в станице, избран первый председатель исполкома Гордиенко, уже не из казаков [20]. Население станицы Егорлыкской еще долго продолжало относиться с недоверием по отношению к советской власти. В мае 1921 г. из белых станичных казаков в станице оформляется Задонский отряд «Армии спасенья». Эти люди намеривались открыто выступить против советской власти, надеясь, что население станиц поддержит их. Однако об этом узнало ЧК. Руководитель этой организации Э. Ухтомский был арестован. 26 июля этого же года в ст. Егорлыкской собрались представители казачества Задонья и Кубани. Была выработана «Народная грамота» и направлена в Особый отдел СКВО. Грамота имела следующее содержание: «Мы, трудовые казаки и крестьяне,

обращаем к вам народное слово. На Ваше предложение сойтись мирным путем охотно отказываемся. Мы не хотим кровопролития. Но не сдадим оружие до тех пор, пока Вами и Вашими представителями не будет подписано мирное условие и пока Вы всенародно не объявите уступки, удовлетворяющие желаниям народа» [21]. Выступления казаков против советской власти продолжались и позднее.

Из вышесказанного следует, что казаки, несмотря на утверждение новой власти, продолжали отстаивать свои права на то, с чем они жили века. Однако в конце концов они вынуждены были смириться. После распада Советского Союза казачеству вернули православную веру, однако политика по реабилитации многих представителей казачьего движения так и не была завершена, что обусловлено в том числе лояльностью большинства казаков по отношению к действующей власти и отсутствием готовности активно отстаивать свои права.

Примечания

1. Колесов Г.С. Горькая пыль Родины (станция Атаманская: рождение, процветание, гибель). Ростов н/Д: ЭСМА-ПРИНТ, 2015. С. 24–25.

2. Первая мировая война 1914–1917 гг. Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война 1917–1922 гг. Ч. 2. Ростов н/Д, 1990. С. 8–10.

3. Там же. С. 10.

4. Машинописные воспоминания П. Уткина. «Коммунисты в борьбе за власть Советов в Егорлыкской волости» / Научно-вспомогательный фонд. Егорлыкский историко-краеведческий музей.

5. Машинописные воспоминания Савелия Гордиенко, первого председателя ревкома-исполкома станицы Егорлыкской 1917–1921 гг. «Первые годы Советской власти» / Научно-вспомогательный фонд. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Л. 4.

6. Первая мировая война ... С. 11–12.

7. Машинописные воспоминания Савелия Гордиенко ... Л. 5.

8. Донской временник (альманах). URL: <http://www.donvrem.dspl.ru> (дата обращения: 15.03.2017).

9. Первая мировая война ... С. 15, 17, 18.

10. Машинописные воспоминания Савелия Гордиенко ... Л. 7.

11. Первая мировая война ... С. 21.

12. Машинописные воспоминания казаков и других жителей станицы Егорлыкской. «Корниловцы» / Научно-вспомогательный фонд. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Л. 1–4.

13. Донской временник ...

14. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 866. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–5.

15. ГАРО. Ф. 866. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–7.
16. Первая мировая война ... С. 35–38.
17. Приказ ВВД от 14.08.1918 № 820.
18. ЗАРЯ: общественно-политическая газета Егорлыкского района Ростовской области. 2016. 5 марта.
19. Санин Д.Н. Казаки станицы Егорлыкской в Первой мировой войне: воспоминания, фотографии и другие источники // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 178.
20. Машинописные воспоминания Савелия Гордиенко ... Л. 12–13.
21. Донской временник ...

Деятельность штаба казачьих войск Таманского полуострова в 1918 г.

Один из парадоксов второй революции 1917 г. заключается в том, что при всей при всей своей неизбежности она застала врасплох не только власть, но и все политические партии. Когда в феврале революция все-таки произошла, ни одна из политических сил не была готова взять власть в свои руки. Эсеры и меньшевики пытались разделить ответственность с кадетами в рамках коалиционного буржуазного правительства. Быстрее всех сориентировались в возникшем двоевластии, а по сути – безвластии, большевики.

1917-й год был следствием года 1914-го. Именно мировая бойня породила революцию и ее неизбежную составляющую – гражданскую войну. К 1918 г. Россия оказалась между молотом и наковальней.

В середине января 1918 г. почти во всех населенных пунктах Таманского отдела была установлена советская власть. Тем не менее обстановка в станицах была беспокойной: действовали отряды генерала Корнилова и Кубанского правительства. Благодаря проведенным мобилизационным мерам весной 1918 г. очаги сопротивления были подавлены, но мир был установлен ненадолго, обстановка вскоре обострилась [1].

В апреле 1918 г. на всей территории Кубанской области установилась советская власть, широко разворачивалось «социалистическое строительство». Мероприятия советской власти в основном поддерживались иногородним крестьянством и рабочими, но неоднозначно воспринимались казачеством. В первую очередь это касалось земельной политики.

Передел земли в пользу беднейшего населения, особенно иногородних, воспринимался казаками как угроза их интересам. Каждый Совет занимался разрешением земельного вопроса самостоятельно. Во многих случаях станичные земельные комитеты для обеспечения беднейшего крестьянства землей начали изымать у казаков землю, превышавшую паевые нормы. Против недовольных казачьих станиц власти применяли репрессии. В некоторых станицах местные ревкомы начали разоружать казаков. Усиливали недовольство многочисленные хлебные реквизиции, предпринимавшиеся для снабжения городского населения и для вывоза хлеба в центр. Осложняли ситуацию отряды различных политических оттенков и просто мародерские группы, занимавшиеся грабежом и попавшие на Кубань с Украины [2]. В мае 1918 г. на Таманском полуострове началось

восстание казаков, организатором и руководителем которого был сотник Н.И. Гулый из станицы Ахтанизовской [3].

Вскоре на основании приказа по войскам Таманского полуострова от 25 мая 1918 г. № 1 командующим войсками Таманского полуострова был назначен полковник Владимир Фёдорович Перетятыкин (Перетятыко). Штаб казачьих войск Таманского полуострова состоял из командующего, адъютантов, интендантов и их помощников, начальника инженерных войск, заведующего оружейным складом, начальника Ахтанизовского отряда, командира конной сотни при Ахтанизовском отряде, начальника Гостагаевского отряда, командира конной сотни при Гостагаевском отряде, начальника пулеметной команды, начальника артиллерии, казначея [4]. В состав населенных пунктов Таманского полуострова входили станицы: Запорожская, Фонталовская, Голубицкая, Вышестеблиевская, Ахтанизовская, Старотитаровская, Таманская [5].

Деятельность штаба войск Таманского полуострова была направлена в основном на борьбу с большевиками. Командующий штабом войск Таманского полуострова опирался не на приказы Кубанского краевого правительства, а на распоряжения германского командования 10-й Ландверной бригады*, занявшей в 1918 г. Таманский полуостров [6]. Командиром бригады был генерал-лейтенант фон Павел [7].

Символикой штаба казачьих войск Таманского полуострова был флаг белого цвета с красной каймой [8]. В сотнях отрядов были организованы дисциплинарные суды, состоявшие из четырех выборных от сотни казаков. Обязанностью этих судов было карать проступки казаков своей части [9].

Для лечения больных, раненых и обслуживания линии фронта служила Таманская больница с двумя амбулаторными пунктами – на хуторе Посполитики и в станице Старотитаровской. После объявления в крае военного положения больница была переименована в Кубанский полевой запасной госпиталь № 1.

При мобилизации для определения годности казаков к строевой службе при Таманской больнице была учреждена постоянная врачебная комиссия, в состав которой входили: председатель – старший врач больницы, коллежский секретарь и члены – представитель от штаба, два фельдшера и два делегата от совета.

Для рассмотрения дел политического характера был создан полевой суд, в состав которого вошли по одному делегату от действующих на фронте сотен и по одному делегату от советов или станичных сборов Таманского полуострова. Для разбора военных преступлений был учрежден

* Ландвер – категория военнообязанных запаса 2-й очереди в Пруссии, Германии, Австрии в XIX – начале XX в.

военно-полевой суд, в состав которого были выбраны по одному делегату от каждой станицы полуострова, от фронта, и по одному – от каждого станичного совета или сбора [10].

При штабе были сформированы: 1-я Кубанская казачья батарея; Таманский конный полк; Таманский пластунский отдельный 4-сотенный батальон из мобилизованных казаков; околоток, который служил одновременно распределительным пунктом; легкий артиллерийский парк; управление портового коменданта Таманского военного порта [11].

При штабе также были учреждены управления временных комендантов городов и станиц, входящих в район действий казачьих войск Таманского полуострова, посты для наблюдения за берегом моря для предупреждения вывоза продуктов и побега лиц, нарушивших закон [12].

Также в состав войск входили: смотритель над арестованными красногвардейцами (он же смотритель Таманской тюрьмы); военный цензор на телеграфе при Таманской почтово-телеграфной конторе; начальник службы связи и чины команды связи; комендант при штабе казачьих войск Таманского полуострова; портовая команда Таманского порта; морские и судовые команды катеров «Черноморец», «Джанхот», «Альбатрос», «Казак» (бывший моторный катер «Святой Георгий»); команда парохода «Дружный»; пулеметная команда; команда контрразведки; артиллерийский склад и оружейная мастерская; музыканты; писари; команда телефонистов; ветеринарный фельдшер при отделении конского запаса; фельдшер при госпитале; оружейные подмастерья; переводчик; лекарский помощник; военный следователь штаба войск; начальники левой, средней и правой боевых колонн; сестры милосердия, десантный отряд [13].

Вскоре после высадки 31 мая 1918 г. германских войск на Таманском полуострове приказом по войскам от 15 июня 1918 г. № 22 для связи со штабом 10-й германской бригады был назначен военный инженер Л.А. Каштанов (он же начальник контрразведки штаба войск) [14]. Счет времени на Таманском полуострове вводился по новому стилю с 5 июля 1918 г. [15].

В функции начальников левой, средней и правой боевых колонн и комендантов станиц входило направление задержанных и перебежчиков со стороны противника в штаб командующего для допроса [16].

На 10 июля 1918 г. в состав частей войск, расположенных на Таманском полуострове, входили: Ахтанизовская пешая сотня, Ахтанизовская конная сотня, Таманская пешая сотня, Таманская конная сотня, Старотитаровская пешая сотня, Старотитаровская конная сотня, Вышестеблиевская пешая сотня, Вышестеблиевская конная сотня, 1-я Кубанская батарея, 1-я пулеметная команда, 1-й артиллерийский парк, 1-я телефонная команда,

команда катера «Казак» (бывший моторный катер «Святой Георгий») [17]. С 10 июля 1918 г. офицеры штаба войск назначались казачьими комендантами в Керчи, но с 1 сентября должность коменданта была упразднена [18].

Действующие на Таманском полуострове казачьи войска подлежали реформированию. На действительной службе оставались казаки призыва с 1908 по 1918 г. Казаки 1906, 1907 и 1919 годов призыва оставались в действующей армии в распоряжении станичного атамана и коменданта. Также были призваны в армию казаки присяг 1903 и 1904 гг. Для работ в тыловых учреждениях были мобилизованы казаки 1896 и 1897 гг. рождения и иногородние жители полуострова.

В сформированных войсках Таманского полуострова вводилась строжайшая дисциплина, могли применяться меры вплоть до расстрела [19]. Казаки Таманского полуострова проходили гарнизонную службу, курс обучения молодых казаков, участвовали в боях с большевиками, убирали на полях хлеб [20].

В соответствии с приказом по казачьим войскам Таманского полуострова от 13 июля 1918 г. № 52 и на основании предписания войскового атамана Кубанского казачьего войска от 2 июля 1918 г. № 17 командующим казачьими войсками, действующими на Таманском полуострове, был назначен генерал-майор Иван Терентьевич Борисевич [21]. С июля по сентябрь 1918 г. власть на Таманском полуострове переходила от В.Ф. Перетякина к И.Т. Борисевичу и обратно [22].

В августе 1918 г. началась мобилизация в действующую армию казаков присяг 1907–1918 гг. Казаки присяг 1907–1910 гг. оставались в гарнизонах станиц, а остальные отправлялись на фронт. Также для отправки на фронт были мобилизованы иногородние жители станиц призыва 1918 г. и офицеры Кубанского казачьего войска [23].

С 1 сентября 1918 г. между штабом казачьих войск Таманского полуострова, находившемся в станице Таманской и опиравшемся на помощь немцев, и штабом Таманского отдела, находившемся в городе Темрюке, возникли разногласия, которые фактически вылились в борьбу за власть на Таманском полуострове между немцами и казаками [24].

В донесении командования 10-й Ландверной бригады от 9 сентября 1918 г. № 397 сообщалось о том, что «по причине полного нейтралитета, приказы Добровольческой армии для казачьих войск Таманского полуострова не действительны. Приказы Кубанского краевого правительства имеют силу только при согласовании их с германским командованием в городе Симферополе. Таманский полуостров находится под германской защитой» [25].

С 15 сентября 1918 г. ввиду демобилизации войск Таманского полуострова должность командующего войсками, штаб и полевое интендант-

ство упразднились. Для управления полуостровом, как в военном, так и в административном отношении, учреждалась должность атамана [26]. В эту должность вступил бывший командующий войсками Таманского полуострова полковник В.Ф. Перетятыкин [27].

Во время его правления были упразднены и расформированы: управление порта и управление полевого интенданта, должности командиров телефонной и морской команд, Таманского порта, артиллерии казачьих войск Таманского полуострова [28]. Кубанский полевой запасной госпиталь № 1 был преобразован в Таманскую войсковую больницу [29].

В донесении председателя Кубанского краевого правительства главнокомандующему войсками Таманского отдела генерал-майору Борисевичу от 6 октября 1918 г. сообщалось о согласии германского командования на допуск на Таманский полуостров чинов администрации краевого правительства [30].

В соответствии с приказом № 21 по Таманскому полуострову от 7 октября 1918 г. атаман снял с себя обязанности [31].

На 16 октября 1918 г. немцы еще занимали станицу Таманскую, а 18 октября в восемь часов вечера они полностью оставили Таманский полуостров [32]. Документы ликвидированного штаба казачьих войск Таманского полуострова и атаманского управления были сданы на хранение в Кубанский войсковой архив 17 октября 1918 г. [33]. Так закончилась деятельность штаба казачьих войск Таманского полуострова.

Еще больше года шла братоубийственная гражданская война. В результате в 1920 г. победу одержали красные. На Кубани воцарилась советская власть. События тех лет вызывают много споров у современных историков. Безусловно одно – многие люди стояли перед страшным выбором, как быть, кому верить. Не были исключением и наши предки, представители казачества. Блага, которые обещала советская власть, у них и так были (земля, дух свободы), поэтому одни не приняли новые устои, другие уехали в эмиграцию, забрав с собой самое дорогое, чтобы сохранить память, чтить традиции. Были те, кто стал жить по-новому. Нам сегодня тяжело судить людей, переживших революцию, гражданскую войну, но этот урок истории нужно помнить.

Примечания

1. Бугай Н.Ф. Станица Старотитаровская: от Екатерины II до начала XXI века... Тула, 2007. С. 221, 223, 232.

2. История Кубани. Очерки. XX век / под ред. В.Е. Щетнева. Краснодар, 2005. С. 17–18.

3. Гулый Н.И. Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года // Науменко В.Г. Кубанский исторический и литературный сборник. 1961. № 10 (май – июнь). Оранжбург, США. С. 16–26); № 11 (июль – август), Оранжбург, США. С. 16–28; № 12 (сентябрь – октябрь). Оранжбург, США. С. 18–31.

4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1об.; Д. 8. Л. 81.

5. ГАКК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–7об.

6. ГАКК. Дело фонда Р-183 «Штаб казачьих войск Таманского полуострова». Историческая справка от 24.02.1941. Л. 2–3.

7. ГАКК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 9. Л. 27, 28.

8 Там же. Д. 1. Л. 5.

9. Там же. Д. 1. Л. 2об. – 3об.

10. Там же. Д. 1. Л. 8об. –9, 13, 48об. – 49; Д. 59. Л. 1.

11. Там же. Д. 1. Л. 7, 12–12об, 53, 87, 96об.; Д. 26. Л. 9; Д. 27. Л. 15–17; Д. 48. Л. 1–1об., 17, 32, 38; Д. 63. Л. 3.

12. Там же. Д. 1. Л. 40об. – 43; Д. 25. Л. 42–42об.; Д. 59. Л. 7–7об.

13. Там же. Д. 1. Л. 7об., 26–27, 38об. – 39, 45–45об., 49об. – 50, 66об. – 67, 72, 78, 80, 84об., 85, 88об., 89об., 90, 95об.; Д. 2. Л. 3, 31, 40, 103–105об.; Д. 25, Л. 89–89об.; 92, 100–105об.; 118, 187–187об., 198–198об.; Д. 48. Л. 29, 34об., 68; Д. 59. Л. 9, 32об. – 33об.; Д. 60. Л. 2; Д. 82. Л. 13; Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 4. Л. 103–105 об.

14. ГАКК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 25. Л. 262.

15. Там же. Д. 1. Л. 43об. – 44; Д. 59. Л. 10–10об.

16. Там же. Д. 1. Л. 43об. – 44; Д. 9. Л. 59.

17. Там же. Д. 1. Л. 49об. – 50, 66об. – 67.

18. Там же. Д. 1. Л. 50–50об.; Д. 2. Л. 53.

19. Там же. Д. 1. Л. 18–20, 23об.

20. Там же. Д. 2. Л. 53, 76; Д. 25. Л. 100–101об., 250–251об.; Д. 48. Л. 26, 51–51об., 56; Д. 59. Л. 2.

21. Там же. Д. 1. Л. 55; Д. 48. Л. 2; Д. 59. Л. 19; Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 5. Л. 8–9об., 62–63об.

22. Там же. Д. 1. Л. 62–63об.; Д. 48. Л. 9–11; Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.

23. ГАКК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–42об.

24. ГАКК. Дело фонда Ф. Р-183 «Штаб казачьих войск Таманского полуострова». Историческая справка от 24.02.1941. Л. 2–3.

25. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 81. Л. 9, 11; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 2. Л. 65об.; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 295. Л. 147.

26. ГАКК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

27. ГАКК. Ф. Р-6. Д. 81. Л. 20; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 2. Л. 77; Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 4. Л. 14–14об., 15, 16–16об., 23.

28. ГАКК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об. – 75, 91об.; Д. 72. Л. 3; Д. 82. Л. 3; Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

29. ГАКК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 2. Л. 79.

30. ГАКК. Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 4. Л. 134–134об.

31. ГАКК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 2. Л. 92об.

32. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 140. Л. 83; Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 4. Л. 135–135об.; 146, 151.

33. ГАКК. Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 4. Л. 157.

Взаимодействие кубанского казачества с Белым движением в период Гражданской войны 1918–1920 гг.: проблемы и точки соприкосновения

Гражданская война – трагический период в истории любого государства, в том числе и России. В текущем 2017 г. исполняется 100 лет второй и третьей русских революций. По мнению многих современных исследователей, именно они положили начало полномасштабной гражданской войне. Ряд специалистов считают, что гражданская война в России началась в сентябре – октябре 1917 г.

К сожалению, уроки этой войны усвоены далеко не всеми представителями современных элит. «Пороховой погреб» продолжает периодически поджигаться со всех сторон. Негативные всплески эмоций выливаются в формы «декоммунизации», уничтожения монументальных исторических памятников, выражаются в создании памятников истории, прославляющих только одну из сторон – участников гражданского конфликта. Скорее всего, это не принесет тех положительных результатов, на которые рассчитывают их инициаторы.

С момента возникновения Белого движения на Юге России постоянно присутствовала конфликтная составляющая в отношениях между добровольцами и казачьими правительствами, порожденная несовместимостью взглядов белых вождей и лидеров казачества относительно дальнейших путей развития постбольшевистской России. Борьба общерусского и регионального патриотизма, недооцениваемая в исторической литературе, препятствовала координации действий Белого движения [1].

Как справедливо отмечает ростовский исследователь А.В. Венков, «ситуация усугублялась тем, что на Украине и Северном Кавказе в условиях складывания или существования “этнической химеры”, которая предполагает в конечном итоге борьбу всех против всех, осуществлялось еще и прямое воздействие воюющих с Россией государств (Германии, Австро-Венгрии, Турции)» [2].

Первый конфликт между Добровольческой армией и кубанскими казаками произошел в районе станицы Березанской в ходе «Ледяного похода». Вплоть до подхода к указанному населенному пункту сторонники генерала Корнилова не встретили ни одного случая сопротивления. Часть станичников Березанской открыла огонь. Инцидент был достаточно быстро погашен. Вечером того же дня старики обсудили ситуацию и вынесли ре-

шение публично наказать участвовавших в сопротивлении казаков-фронтовиков путем порки. Никаких действий со стороны командования Добровольческой армии не последовало. В ходе дальнейшего похода подобные случаи не повторялись. Ситуация складывалась в тот момент непростая, никто не знал, где находятся передовые отряды Добровольческой армии.

Отсутствие надежных источников информации у кубанцев приводил к возникновению противоречивых чувств. Как описывает Д.Е. Скобцов, «всё что происходило за роковой чертой, обозначенной на карте фронтом, бралось под подозрение. Брались под подозрение и люди, приходившие оттуда. Этой участи не избежали пробравшиеся в Екатеринодар офицеры Корнилова» [3].

Не дождавшись подхода Добровольческой армии к столице Кубани, сторонники Краевого правительства покинули Екатеринодар. Противоречия обнаружались уже внутри кубанского казачества. В станице Пензенской обнаружилось, что «все молодые казаки-фронтовики покинули свои дома и скрылись в лесу... В станичном правлении был созван сбор стариков: атаман А.П. Филимонов обращался к старикам с речью о губельных последствиях для казачества поведения их жен» [4].

Черноморская часть кубанского казачества заняла активную националистическую позицию, что проявилось в антироссийских высказываниях. Так, например, уже в эмиграции была дана оценка деятельности русского офицера Покровского: «Роль Покровского на Кубани в первый период борьбы хорошо известна: это он “пропил” Выселки; это он с Филимоновым деморализовал Кубанскую армию; это он собирался расстреливать кубанских доблестных офицеров, видевших его военную бездарность и осуждавших его военную бездарность; это он пьяный спал в шалаше во время рокового боя 11 марта, когда гибель угрожала целому отряду...» [5].

Расчеты белых на то, что политическая обстановка на Юге России весной 1918 г. изменится, оказались верными. Казаки действительно восстали против советской власти и изменили свое отношение к добровольцам, однако изначально возлагаемые надежды на кубанское казачество, как когда-то и на донское, не оправдались. Цели похода оказались не выполнены: Екатеринодар взят не был, базу найти не удалось; Дон стал временным пристанищем и продолжал по большому счету воспринимать добровольцев как чужаков; вместе с тем главным итогом было то, что удалось сохранить ядро армии, в скором времени ставшей главной антисоветской силой на Юге России [6].

В станице Ново-Дмитриевской произошла встреча Добровольческой и Кубанской армий. Здесь начался новый виток противостояния казачества и добровольцев. Споры возникли по проблемам объединения армий,

государственного строительства на Кубани. Консенсус был достигнут. В принятом протоколе совещания говорилось: «I. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда и полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет необходимо. II. Законодательная рада, Войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией» [7].

Генералу Корнилову удалось на этом этапе хода истории добиться компромиссного решения, и он на словах согласился с идеей создания Кубанской армии после освобождения от большевиков кубанской столицы.

По оценке Д.Е. Скобцова, «замечательно, что и у Быча и в особенности у Рябовола создалось чувство большого пиетета к Корнилову. Впоследствии при многочисленных случаях обостренных конфликтов с преемниками Корнилова и от Л.Л. Быча и от И.Ст. Рябовола (особенно от последнего) приходилось слышать: “Эх, если б жив был Корнилов!..” [8].

С военной точки зрения «Ледяной поход» не принес Добровольческой армии дивидендов: столица Кубани, Екатеринодар, не была взята; поднять местное население на борьбу с большевизмом также не получилось – базы на Кубани найти не удалось; армия понесла большие потери и потеряла в дни штурма своего вождя – генерала Л.Г. Корнилова, преемником которого стал генерал-лейтенант А.И. Деникин. После «Ледяного похода» Добровольческая армия находилась в тяжелейшем положении, лишь нерасторопность красного командования позволила белогвардейцам избежать немедленной гибели [9].

В период ухода Добровольческой армии на Дон отношения между руководством казачества и генералом А.И. Деникиным складывались достаточно ровно. Правительство Кубани оказалось в положении «правительства в изгнании», поэтому конфликты мешали совместной работе.

Второй кубанский поход привел к победе белогвардейцев и очищению от большевиков Северного Кавказа. Успеху белых способствовали не только высокие профессиональные качества как командного состава, так и рядовых добровольцев, но и неразбериха, царившая среди красного командования, взаимное недоверие командиров частей друг к другу, партизанщина, вражда между военным и партийным руководством. Всё это позволило белым выполнить поставленную перед ними боевую задачу. Добровольческая армия впервые за всё время ее существования обрела государственную территорию: Кубань дала добровольцам базу и попол-

нение, а Дон после отставки Краснова стал самой лояльной по отношению к белому командованию территорией, контролируемой Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Отношения с кубанскими политическими кругами с самого начала складывались непросто, зерна последующего «Кубанского действия» осени 1919 г., повлекшего за собой разложение кубанского казачества, были заложены уже в 1918 г. [10].

Черноморцы так оценили данный этап: «С приходом в Екатеринодар безусловно усиливался авторитет правительственного центра, но, вместе с тем, усилился авторитет и значение добровольческого русского центра, вокруг которого со всей России стали собираться русские “единонеделимцы”. В этом же центре находили моральную и материальную поддержку и кубанские “единонеделимцы”» [11].

Одним из ярких конфликтов, возникших между добровольцами и кубанцами, стала попытка создания кубанской казачьей делегации для участия в Версальской мирной конференции.

По оценке Д.Е. Скобцова, «Рябовол в конце одного из заседаний предложил раде послать делегации на запад Европы для осведомления западноевропейского общества о положении дел на Кубани и вообще на юге России, а также для защиты “наших интересов”. Делегации посылать в революционное время казачьи правительственные учреждения привыкли. Необычайность заключалась лишь в том, что теперь посылалась делегация за границу, в Париж, где в это время заседала мирная конференция и там решались “мировые вопросы”. Но по сознанию среднего члена рады, почему же не послать делегацию и туда...» [12].

Действительно, еще весной 1917 г. делегация кубанского казачества приняла участие в работе Украинского национального конгресса, проходившего в Киеве. Список делегатов возглавил Л.Л. Быч. В ее состав вошли по одному представителю от отдела и национальностей от горцев. Как и в ходе предыдущих действий рады, интересы иногороднего населения были проигнорированы. Для нормальной работы делегации ей был вручен Наказ. В ходе трудной поездки делегация неоднократно делала заявления, подавала жалобы, выдвигала политические меморандумы, что затянуло ее на 75 дней.

В Париже Л.Л. Быч высказал просьбу: «1) О признании Кубанского края в границах, показанных на прилагаемой карте, самостоятельным государственным образованием, безусловно, не входящим в сферу влияния советской власти» [13]. 20 апреля 1919 г. товарищ председателя, член краевого правительства Н.С. Долгополов в письме на имя Л.Л. Быча заявил о своем выходе из состава делегации и сложении обязанностей ее члена, подчеркнув при этом, что это его решение многократно взвешенное и продуманное, принятое «с тяжелейшим чувством», но «окончательно»;

он не нашел возможным «продолжать совместную работу и нести общую ответственность за направление работы делегации именно “по основным вопросам общественного характера”, находил неправильным резко отрицательное отношение Л.Л. Быча и некоторых других членов делегации к так называемому Русскому политическому совещанию в Париже...» [14].

Итогом визита делегации стала негативная оценка этих действий как со стороны генерала А.И. Деникина, так и со стороны большевиков, в том числе И.В. Сталина.

До тех пор, пока руководство Кубани проводило только внутреннюю политику, это вполне устраивало руководство Добровольческой армии. Попытки активной внешнеполитической деятельности встретили не менее активное противодействие. Тем более что негативный опыт уже был в связи с объявлением независимости Украины и ее попытками вести антисоюзническую политику в ходе Брест-Литовских переговоров [15].

Дальнейшая ситуация только усложнилась. В Ростове был убит Н. Рябовол, в чем подозревались деникинские спецслужбы, в Екатеринодаре были казнены несколько представителей кубанской политической элиты, в том числе Кулабухов. Началось массовое дезертирство кубанских казаков из ВСЮР. Катастрофа неумолимо приближалась.

Национальная политика генерала А.И. Деникина потерпела неудачу на Северном Кавказе, в Крыму и на Украине [16; 17]. Сказался в том числе и недоучет проукраинских настроений в среде черноморской части кубанского казачества.

В марте 1920 г. большевики заняли Екатеринодар. Продолжилось раскачивание на территории бывшей Кубанской области в плане ликвидации его как особого сословия. Попытки создания самостоятельной государственности в рамках федеративного государства или самостоятельного провалились. Последующее советское национально-государственное строительство привело к ликвидации бывших казачьих областей – Донской, Терской и Кубанской – и образованию Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского края, ряда северокавказских национальных автономий.

Урок для казачества об отстаивании своей национальной самоидентичности оказался достаточно печальным.

Примечания

1. Пученков А.С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): идеология, политика, основы режима власти: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 7.

2. Венков А.В. Антироссийское и антисоветское движение на Украине в годы Гражданской войны. Часть I. 1917–1918 годы / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 55.

3. Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. М.: Кучково поле, 2015. С. 109.

4. Там же. С. 117.

5. Трагедия казачества. Часть 1. 1917–1918 гг. Прага, 1933. С. 147.

6. Пученков А.С. Указ. соч. С. 25.

7. Скобцов Д.Е. Указ. соч. С. 125.

8. Трагедия казачества. Часть 1. 1917–1918 гг. Прага, 1933. С. 126.

9. Пученков А.С. Указ. соч. С. 32–33.

10. Там же. С. 27–28.

11. Там же. С. 159.

12. Скобцов Д.Е. Указ. соч. С. 337.

13. Там же. С. 420.

14. Там же. С. 422.

15. Гриценко А.П. Борьба за Украину, 1917–1921. Минск: Современная школа, 2011. С. 90.

16. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.

17. Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерк политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.

Путь донского казака в Советскую Россию через призму судьбы Ивана Михайловича Мерзлякова

Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война оказались переломными событиями в судьбе нескольких миллионов россиян, называвших себя казаками.

В постсоветской историографии прослеживается тенденция рассматривать явления гражданской войны без предвзятых выводов, не объявляя заранее «хорошими» то красных, то белых, а определяя всех участников соответствующих событий «нашими людьми» [1].

Прорывом в концептуальном исследовании сюжетов противостояния красных и белых и становления советской власти на Дону явились монографии А.В. Венкова. В своих трудах автор актуализирует сложные процессы политических колебаний и попытки поиска казаками третьего пути в период Гражданской войны, взаимоотношения казачества с советской властью и политику рассказывания, участие казаков в Верхне-Донском восстании, особенности образования и деятельности донского государственно-политического образования Всевеликое Войско Донское и другие вопросы [2–4].

Основные этапы взаимоотношений советской власти и донского казачества прослеживаются в статье К.Е. Долгова [5], в которой подчеркивается сложность и противоречивость этих взаимоотношений, выявляются причины репрессий советской власти в отношении казачества, показывается специфика рассказывания на Дону.

В трудах О.В. Ратушняка [6], В.П. Трута [7], А.И. Козлова [8] рассмотрены масштабное осуществление террористической политики рассказывания в годы Гражданской войны и реализация курса на скрытое рассказывание в последующие периоды советской истории, которые привели к очень большим негативным изменениям во всех областях жизни казачества, серьезно сказались на трансформации его самосознания, менталитета, основополагающих мировоззренческих принципов, традиционных морально-нравственных представлений, культурно-бытовых особенностей и хозяйственного уклада.

Детальный анализ положения, деятельности и взаимоотношений с властью казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека в период с конца 1920-х гг. до начала 1940-х гг. в условиях сталинской модернизации, вы-

разившейся в российской деревне (в том числе в казачьих станицах Юга России) в сплошной форсированной коллективизации, представлен в докторской диссертации А.П. Скорика [9].

Монография Е.Ф. Кринко, Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева и др. посвящена проблемам истории и традиционной культуры казачества Юга России. В очерках, объединенных общей темой, рассматриваются наиболее актуальные вопросы формирования казачьих сообществ на Дону, Тереке, Кубани и Нижней Волге, а также история развития их культуры в контексте социокультурных трансформаций, которым подверглось казачество на протяжении всей своей истории [10].

Таким образом, в постсоветской историографии наработан определенный опыт исследования различных аспектов политических исканий донского казачества в годы Гражданской войны и его становления, характеризующегося большим разнообразием интерпретаций и оценок данных событий, расширением источниковой базы, деидеологизацией. Вместе с тем перспективы изучения заявленной темы видятся в контексте микроистории, которая разрушает огромные цельные полотнища национально-государственных историй, дробит их на микросюжеты – «микромиры», или «малые жизненные миры», в центре которых стоит отдельный человек. Предложенный «микроисторией» микроанализ позволяет увидеть преломление общих процессов в определенной точке реальной жизни. Такой «точкой» становились конкретные люди, семьи, династии, отдельные субкультуры и регионы [11].

Судьба личности и судьба народа неразрывны – так было издавна, так было и в трагическую для казаков эпоху становления и упрочения Советского государства.

В центре нашей работы судьба казака Ивана Михайловича Мерзлякова, в которой переплелись многие перипетии исторического процесса начала XX в., имевшие трагические последствия для казачьего сообщества: революция, Гражданская война, советская ломка старого строя, коллективизация, репрессии и расказачивание.

Иван Михайлович Мерзляков родился в 1893 г. в бедной казачьей семье. Его мать умерла в 1900 г., когда ему было всего 7 лет, через 6 лет умер и отец. Подросток, оставшегося сиротой, взял на воспитание дед Павел Мерзляков.

Мальчик в 1908 г. закончил Мелиховское двухклассное приходское училище. В 1915 г. призвали на военную службу в 7-й казачий полк, где он служил писарем в 4-й сотне. На полях Первой мировой войны он получил медаль и Георгиевский крест IV степени [12].

Новость о Февральской революции 1917 г. полк, в котором служил Иван Михайлович, встретил на фронте в Румынии; уходя домой, он с товарища-

ми с боями прорывались сквозь кипящую матушку-Россию. В Донбассе были стычки с вооруженными шахтерами, но, уставшие от боев и окопных вшей, рвались казаки домой на Дон. К чипигам (ручки плуга) рвались руки, уставшие рубить, – сажать и сеять они хотели, а не убивать. Не хотели казаки воевать ни за царя, ни за господ офицеров.

Практически везде казаки, вернувшиеся с фронта, открыто и настойчиво заявили о своем нейтралитете. Может быть, это прозвучит несколько парадоксально, но нейтралитет казаков не устраивал никого – ни красных, ни белых. Самими обстоятельствами казачество было обречено на участие в братоубийственной войне. Тысячи и десятки тысяч вооруженных, обученных военному делу людей представляли собой силу, не учитывать которую было невозможно. Наиболее ожесточенной борьба была на Дону, куда после Октября 1917 г. произошел массовый исход антибольшевистских сил; кроме того, этот регион был ближе всего к центру. Обе противоборствующие стороны активно старались перетянуть казаков к себе (или по крайней мере не пустить к противнику). Велась активная агитация – словом и делом. Белые делали акцент на сохранении вольностей, казачьих традиций, самобытности и т. д. Красные – на общность целей социалистической революции для всех трудящихся, товарищеских чувствах казаков-фронтовиков к солдатам. Вообще же искренними не были ни те ни другие. Всех в первую очередь интересовал боевой потенциал казачьих войск.

Однако стереотипы представлений большевиков о казаках, политическая нетерпимость, ошибки в политике привели к кризису взаимоотношений казачества и советской власти. Он назревал постепенно, поэтапно. Это хорошо видно на примере событий в ст. Мелиховской.

В один из дней февраля узнали казаки о приближении к станице Титовского красного полка; посоветовавшись, решили выехать без оружия с хлебом и солью к красноармейцам. Расчет был на то, что такие же вчерашние солдаты не обгадят кровью свои руки. Но как один пали 96 мелиховских казаков под ударами красных клинков. По воспоминаниям старожилов, рубили всех подряд. Бессмысленной жертвой этой кровавой мясорубки стал подросток Николай Карташов, который всего лишь искал бычка, оторвавшегося от привязи. Нашли казачонка недалеко от Сибирь-балки с рассеченной головой и пулей в груди. Так предпасхальный четверг 18 апреля 1918 г. стал для мелиховцев кровавым [13].

Просто отсидеться в стороне казакам оказалось невозможно, ситуация усугублялась еще тем, что фронты Гражданской войны проходили именно по войсковым территориям. В донских степях кипели кровопролитные бои, в которых нередко решалась судьба всей России. Здесь в

силу специфических условий гражданская война приняла исключительно острые драматические формы. Донские казаки оказались в рядах враждебных друг другу армий.

Иван Михайлович Мерзляков, как и многие станичники, служил в Гражданскую войну в Мелиховско-Заплавском белогвардейском полку. Выполнял он функции старшего писаря, но уже в 1919 г. перешел на должность делопроизводителя в комиссию по учету военной добычи при штабе Войска Донского в г. Новочеркасск. После поражения Донской армии отступал из г. Новочеркаска в Крым, оттуда эмигрировал в Турцию. Через четыре месяца возвратился в Новороссийск [14].

Реэмиграция как таковая началась с февраля 1921 г., когда французские власти в целях скорейшего рассредоточения русских военных континентов, находящихся в лагерях Галлиполи, Лемноса и Кабаджи, начали усиленно пропагандировать идею возвращения на родину.

Первый эшелон репатрируемых численностью 1500 человек, в число которых вошел и Иван Михайлович, был отправлен из Константинополя в Новороссийск 13 февраля 1921 г. на пароходе «Решид Паша». Репатрианты были приняты советской властью с мерами чрезвычайной предосторожности. На берег высаживались ежедневно только небольшими партиями. Всех тщательно обыскивали, отбирали деньги и ценные вещи и отправляли затем в Чрезвычайную комиссию (ЧК).

Все офицеры и военные чиновники расстреливались немедленно в г. Новороссийске, а остальные должны были заполнить особый опросный лист, включающий в себя 31 пункт, направленный на выявление следующей информации: место предыдущей службы, место пребывания за последние три года, данные о родственниках в Советской России и пр. Для рассмотрения содержания заполненных опросных листов была учреждена при ЧК особая комиссия, по результатам работы которой большая часть унтер-офицеров была расстреляна, а меньшая часть выслана в концентрационные лагеря на север России. Рядовых солдат и казаков перевели на содержание в Новороссийский концентрационный лагерь впредь до проверки правильности содержания опросного листа.

По мере поступления ответов с мест происходило следующее: солдатам, давшим правильные показания в опросных листах, предлагалось поступить в Красную армию, а не желающим предлагалось поступить на работу в Баку, на нефтяные промыслы. В случае отказа от обоих предложений такие лица продолжали содержаться в концентрационных лагерях. Если же информация не подтверждалась, лица, предоставившие ее, немедленно расстреливались. Всего из 1500 человек, приехавших в Новороссийск, было расстреляно до 500 человек.

Иван Михайлович Мерзляков был осужден Новороссийской особой комиссией сроком на один год концлагеря принудительных работ и повинностей в Нижнем Новгороде и после отбытия срока вернулся в родную станицу Мелиховскую.

В 1922 г. в апреле он женился на Елене Ивановне Грузиновой, вдове народного учителя Петра Яковлевича Кучерова, служившего в Красной армии и умершего там от тифа. Ее отцом был почетный станичный судья, донской дворянин Илья Романович Грузинов, пользовавшийся уважением у станичников, о чем свидетельствует его выборная должность. У Елены Ивановны уже было к тому времени две дочери от первого брака: Елена – 7 лет и Людмила – 6 лет от роду [15].

Трудолюбивый, смекалистый и достаточно образованный для того времени Иван Михайлович Мерзляков быстро организовал крепкое индивидуальное хозяйство. На деньги, вырученные от продажи виноградного сада бывшего мужа Елены Ивановны, купили рабочую лошадь. К 1930 г., согласно справке Мелиховского станичного совета, у семьи было уже 4 рабочих лошади, 3 овцы, даже 2 верблюда – Илья и Яшка. Их судьба сложилась печально, по воспоминаниям станичников, «сдохли они на 2-й год колхозной жизни» [16]. Семья Ивана Михайловича состояла из 4 женщин и грудного сына Михаила 1927 года рождения. Практически собственными силами они эффективно обрабатывали значительный надел земли в 5 десятин и огромный сад в 25 десятин.

Одновременно с ведением собственного единоличного хозяйства Иван Михайлович Мерзляков предпринял и результативные попытки включения в строительство советского общества. С 1922 по 1929 г. он работал секретарем в Мелиховском станичном совете; с 1925–1926 гг. – председателем Мелиховского крестьянского общества взаимопомощи, членом президиума Мелиховского станичного совета; в 1928 г. – членом правления Общества потребления, Кредитного товарищества. Он постоянно присутствовал в комиссиях и ревизиях, собирал деньги по Единому налогу. Также был членом Шахтинского окрисполкома [17].

Новые репрессии, связанные с процессами коллективизации в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., обрушились на зажиточных казаков, к коим был отнесен и Иван Михайлович Мерзляков с семьей. В 1929 г. в его дом пришли «товарищи», описали и конфисковали всё имущество. Елена Ильинична, пытаясь облегчить участь детей, написала письмо в станичный совет, в котором просила учесть, что отцом ее дочерей является ее бывший муж красноармеец П.Я. Кучеров и что часть имущества принадлежала ему и перешла детям по наследству. Но маховик репрессий невозможно было уже остановить ни просьбами, ни слезами. Семью выслали на

Северный Урал [18]. И только после Великой Отечественной войны Иван Михайлович Мерзляков с домочадцами вернулся в родную ст. Мелиховскую, где включился в колхозную жизнь. В разоренном войной хозяйстве вновь пригодилось его хорошее образование и навыки крепкого распорядительного хозяина, ему предложили ответственные должности учетчика и заведующего складом.

После Октября 1917 г. миллионы людей, считавшихся представителями имущих слоев и привилегированных сословий дореволюционного российского общества, в том числе и казачество, оказались выбиты из привычной социально-культурной и профессиональной ниши. Судьба Ивана Михайловича Мерзлякова наглядно демонстрирует сложный, неоднозначный, напряженный, трагичный путь казачества в Советскую Россию.

Примечания

1. Бакланова И.С. К вопросу об участии казачества в Белом движении: по материалам отечественной историографии. URL: [http:// interactive-plus.ru/ru/article/18026/discussion_platform](http://interactive-plus.ru/ru/article/18026/discussion_platform) (дата обращения: 04.04. 2017).

2. Венков А.В. Печать сурового исхода. К истории событий 1919 года на Верхнем Дону. Ростов н/Д, 1988.

3. Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне 1917–1920. Ростов н/Д, 1992.

4. Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д, 1995.

5. Долгов К.Е. Большевики и донское казачество в 1918–1920 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74-1. С. 165–170.

6. Рагушняк О.В. Политические искания донского и кубанского казачества в годы гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Альманах «Белая гвардия». № 8. Казачество России в Белом движении. М., 2005.

7. Трут В.П. Трагедия рассказывания: к событиям весны 1919 года на Верхнем Дону. URL: [http:// www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m6/0/art.aspx?art_id=140](http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m6/0/art.aspx?art_id=140) (дата обращения: 07.04. 2017).

8. Козлов А.И. Рассказывание. URL: <http://you1917-91.narod.ru/kozlov.html> (дата обращения: 02.02.2017).

9. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: автореф. дис. ... док. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 22.

10. Кринко Е.Ф., Матишов Г.Г., Тюменцев И.О. и др. Очерки истории и культуры казачества Юга России (монография). Волгоград, 2014.

11. Рыблова М.А. Устная история донских казаков в полевых этнографических исследованиях // Вестник ВолГУ. 2012. № 1 (21). С. 177.

12. Респондент А.А. Мерзляков, 1951 г. р. Интервьюер – М.П. Мерзляков. Место проведения: ст. Мелиховская Усть-Донецкого района Ростовской области, дом респондента. Продолжительность 2 ч 40 мин. Запись – февраль 2017 г.

13. Шевченко В. Станица, сердцу дорогая. Ростов н/Д: Приазовский край, 2005. С. 288.

14. Шахтинский архив. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 181. С. 5.

15. Там же. С. 7.

16. Респондент У.А. Буркова, 1936 г. р. Интервьюер – М.П. Мерзляков. Место проведения – ст. Мелиховская Усть-Донецкого района Ростовской области, дом респондента. Продолжительность 2 ч. 50 мин. Запись – январь 2017 г.

17. Шахтинский архив. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 181. С. 10.

18. Там же. С. 15.

Раздел 5

*К*АЗАЧЕСТВО РОССИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А.Н. Грищенко.....	279
Е.Е. Литвиненко.....	287
Н.Ю. Афанасьев.....	294
А.А. Панарин, С.П. Семенько	302
А.В. Баранов	309
А.А. Кусаинов.....	317
О.В. Рвачева.....	324

«Настроение казачьего населения не в пользу советской власти, крестьянского – шкурническое...»: о причинах недовольства властью населения Донской области осенью 1920 г.

В условиях набравшей обороты летом – осенью 1920 г. вооруженной борьбы части крестьянства черноземной полосы России, Поволжья и казачества Кубани Донская область являлась одним из относительно благополучных районов, в котором власть могла получить продовольствие. Взимание продовольственной разверстки, по которой на Донскую область приходилось 20 млн пудов хлеба, началось с сентября 1920 г. Ситуация с ее сбором осложнялась тем, что оставалось несобраным около 50 % предыдущей разверстки на хлеб [1]. Донской исполком распорядился принять к точному исполнению циркулярную телеграмму председателя Совнаркома В.И. Ленина и заместителя народного комиссара продовольствия Н.П. Брюханова, требующую ускорить работу по продразверстке. Населению области было объявлено о необходимости безусловного выполнения нового задания центральной власти, при этом особо отмечалось, что все сопротивляющиеся продразверстке будут наказаны «как за подрыв государственного порядка РСФСР» [2].

Позднее продовольственные органы детализировали положение об ответственности за неисполнение продразверстки. По приказу № 1 Донского областного продовольственного совещания продовольственная разверстка рассматривалась как «обязательный закон РСФСР», не подлежащий обсуждению, а за его неисполнение грозил арест, конфискация всего имущества и заключение в концентрационные лагеря [3]. Готовность применения перечисленных мер в заготовительной кампании свидетельствовало о намерении власти в полном объеме собрать причитающуюся продразверстку, не останавливаясь перед применением насилия.

Но добровольное поступление хлеба было незначительным, и донская власть перешла к насильственному взиманию продовольствия. В октябре 1920 г. в Донецкий, Верхне-Донской и 2-й Донской округа, как в «наиболее слабые» по выполнению разверстки, были направлены части продармии из созданной на Северном Кавказе Трудовой армии [4]. В ноябре Донской продовольственный комитет направил в эти округа «ударные группы продработников» и выездные сессии ревтрибунала [5]. В округах для усиления

взимания разверстки создавались «продпятерки», в волостях были образованы «продтройки». Этим органам вменялось в обязанность применять широкие «меры воздействия» в отношении лиц, сопротивляющихся взиманию сельхозпродукции [6]. Комитеты РКП(б) Ростова, Новочеркаска, Азова мобилизовали рабочих в продовольственные отряды. Из около 500 человек было сформировано и направлено в округа более 20 рабочих продотрядов [7]. В ноябре во все округа были отправлены вооруженные ударные группы по взиманию продразверстки. Уже к февралю 1921 г. в Донской области насчитывалось 48 групп численностью 4924 штыка при 34 пулеметах [8].

В ходе взимания продразверстки на донские станицы и волости оказывалось беспрецедентное вооруженное и политическое давление. Наводнившие хутора и села продагенты искали продовольствие с особым усердием: раскапывали землю, снимали полы и всё обнаруженное тут же реквизировали [9]. Насильственная реквизиция сопровождалась массовыми арестами селян. В хуторах ст. Семикаракорской имели место случаи поголовных арестов «всех домохозяев» с целью добиться сдачи причитающейся сельхозпродукции [10]. В 25 станицах и хуторах 1-го Донского округа было арестовано не менее 325 чел., полная или 50-процентная конфискация имущества затронула 346 хозяйств, но при этом только в шести случаях у хозяев были обнаружены ямы с хлебом. Массовые аресты укрывателей хлеба с полной конфискацией имущества имели место в станицах Ефремовской, Верхне-Кундрюченской, Верхне-Кумшацкой, Усть-Быстрианской. Изъятие всего обнаруженного хлеба обрекало станичников на голод, о чем местные власти извещали окружное руководство, но последнее, памятуя о необходимости 100-процентного выполнения разверстки, требовало еще большего «нажима» на население [11].

О масштабах и методах взимания продразверстки, породивших острое людское недовольство, можно составить представление по такому источнику, как личные письма жителей Донской области родственникам-красноармейцам. Обнаруженная автором сводка была составлена в цензурном отделе штаба Кавказского фронта на основе сведений, содержащихся в письмах, поступивших красноармейцам от их родственников. Все выдержки из писем анонимны, указаны только населенный пункт и дата. Для полноты восприятия масштабов продразверстки автор привел выдержки из писем полностью.

Слобода Михайловская, 20 октября: «Дома нам плохо, скотину забивают, овец, свиней, кур, яйца, масло и всё что требуется для пищи, картофель и капусту также берут»; ст. Каменская, 25 октября: «Жизнь не дай Бог, хлеб дочиста забрали»; ст. Клетская, 26 октября: «Одежду забрали Совет-

ские войска. У нас была кобыла, ее взяли и хлеб забирают»; хут. Горбатовский: «У нас забрали 100 п[удов] хлеба. Приехал какой-то отряд солдат из округа и такой обыск сделали, что ничего невозможно было спасти, хлеб искали и в закромах, и в скирдах, в сундуках и в земле, не один двор не оставили без обыска, всю землю и крышу на штыки поднимают, если находят казенную одежду, то тоже забирают, но и такую найдут – не оставят»; ст. Мечетинская, 9 ноября: «У нас стоит кругом заградительный отряд, ничего не пропускает, последний хлеб отбирает»; ст. Урюпинская, 10 ноября: «Хлеба ровно ничего нет, урожай очень плохой», «Жизнь у нас очень плохая, хлеба нет, питаемся желудями»; Ростовский округ, 16 ноября: «Хлеб у нас забирают, оставили на 2 месяца по 1 п[уду] 9 ф[унтов], у нас всё забирают, чем же мы должны кормиться? Неужели мы приобретали для них, ведь говорят, кто работает, тот ест, а выходит наоборот, кто не работает, тот ест. Вот нам и не нравится Советская власть, кадетская тоже была плохая, но всё что приобретали, то и ели» [12].

Аналогичная сводка была составлена в отделении военной цензуры Особого отдела ВЧК и в середине декабря 1920 г. направлена В.И. Ленину. Станица Крапивенская (станции с таким названием не было, здесь очевидная ошибка в названии. Возможно имелась в виду станица Кривянская. – А.Г.), 12 ноября: «Товарищи поразграбили нас кругом, берут всё беспощадно, не считаются ни с чем, есть у тебя или нет»; Ростов н/Д, 14 октября: «Жизнь очень плохая, жить невозможно, отбирают всё: хлеб, сено, солому, мясо, сало, масло, кур, овец, лошадей, коров. Наверно ни один солдат не знает, что у нас всё отбирают. Отряды красноармейцев ходят по домам и отбирают всё, что есть»; пос. Куберле (в настоящее время – пос. Красноармейский Орловского р-а Ростовской обл.), 31 октября: «Хлеб и птицу забирают у нас [,] разверстка легла на человека по 23 пуда, но забирают и оставляют по 10 п[удов], мне не нравится то, что берут хлеб, а мануфактуры совсем не дают, как будто мы бунтовщики какие. Прислали вооруженных, очень жалкое положение, у крестьянских детей нет ничего, ходят раздетые»; ст. Мечетинская, 17 октября: «В настоящее время у нас реквизиция за реквизицией, грабеж за грабежом, весь хлеб забрали, дают 25 ф[унтов] зерна на едока. Вот самое главное, самый главный вопрос – за что вы боретесь, за что вы пропадаете, нас обируют, а вы добываете свободу, лучше бросить эту борьбу за рабство, всё равно[,] что у кадетов, [ч]то у красных...»; Новочеркасск, 16 ноября: «Сейчас идет большая реквизиция хлеба, картофеля и всего на что глаза глядят, все конечно прячут, так как если бы всё отдать, то с Рождества начался бы страшный голод. Две недели назад брали картофель и всыпали его на двор, начались сильные морозы, а теперь оттепель и она вся пропала, а теперь берут снова» [13]. Руковод-

ство ВЧК отмечало, что в крестьянской массе по отношению к советской власти «наблюдается чувство негодования и злобы», а письма с жалобами производят на красноармейцев «удручающее действие» [14].

Ситуация со сбором разверстки существенно осложнялась тем обстоятельством, что в Донской области, и особенно в верхнедонских округах, в 1920 г. случился неурожай на зерновые культуры и во многих местах был собран сравнительно небольшой урожай. Северные округа фактически превратились в потребляющие районы [15].

Областная власть, несомненно, была осведомлена о катастрофическом положении селян и назревавшем недовольстве. Но необходимость полного сбора причитавшейся разверстки требовала безусловного исполнения продовольственного задания Центра. Донское руководство не отрицало факт неурожая, тем не менее оно признало необходимым выполнение продразверстки в полном объеме. Краевая власть призвала обкомы и губкомы РКП(б) к 100-процентному выполнению заданий по продразверстке, «не останавливаясь перед мерами государственного принуждения» в отношении неплательщиков [16]. Выполняя задание, продотряды продолжали «нажимать». Но выполнить продразверстку полностью, даже несмотря на жесткие административно-карательные меры, не удалось. К декабрю 1920 г. в Донской области было собрано менее 12 % плана, а к середине января 1921 г. он был выполнен только на 35 % [17].

Недовольство и озлобление селян порождало не только сам факт сбора продразверстки, но и те методы, которыми он проводился. В направленном в Донком РКП(б) докладе «Отчего загорается восстание в Донецком округе» чрезвычайный уполномоченный Донецкого окружного продовольственного комитета Чеботарев указывал причины недовольства. По его убеждению, взяться за оружие селян заставили имевшие место серьезные злоупотребления при взимании продразверстки. Так, при наложении норм разверстки не был принят во внимание постигший округ неурожай. Крестьянин – «практик и реалист», а потому он стремился обеспечить себя посевным зерном на весну, но при подобном выполнении разверстки был вынужден отдавать и посевной материал. Помимо зерновой разверстки, у селян взымали продукты питания и требовали выполнения фуражной разверстки. В условиях бесхозяйственности собранные продукты приходили в негодность, что порождало ропот у населения. Сильнейшее озлобление крестьян вызывал и сам способ взимания продуктов: в село входил продотряд или воинская часть, которая требовала точного выполнения разверстки в течение 24 часов. При этом все ходатайства и заявления крестьян в расчет не принимались. Следствием этого повсеместного нажима на крестьянско-казачью массу явились антипродразверсточные

выступления. По словам Чеботарева: «искры пожара быстро перебрасываются из одной волости в другую», крестьяне вооружаются винтовками, вилами, лопатами и кольями и «самым неорганизованным бунтарем идет против Советской власти» [18]. Впоследствии донские чекисты признавали, что в основе произошедших в области восстаний лежало недовольство селян проводимой продразверсткой. Одной из главных причин недовольства являлась «расхлябанная постановка продовольственного органа», который своими действиями стимулировал «искусственную контрреволюцию» [19].

Имел место и еще один важнейший фактор, способствовавший массовому недовольству. Это злоупотребления сотрудников продовольственных органов и представителей окружной власти, причем указанные негативные действия с их стороны приобрели настолько широкий масштаб, что власть посчитала нужным вмешаться. В Донецком округе продовольственные агенты приобрели неограниченную власть на местах и превратились «в господ положения», в связи с чем многих из них пришлось арестовать. Похожая картина наблюдалась во 2-м Донском округе. Представитель Черкасского окружного комитета РКП(б) обеспокоенно отмечал, что 80 % агентов «заядлые чиновники», а еще 20 % вообще «неизвестный элемент», возможно, даже с уголовным прошлым [20]. От рядовых продработников не отставало руководство, в частности, продовольственные комиссары Донецкого и 1-го Донского округов, немало преуспевшие в неблагоприятных поступках [21]. Командированные в Усть-Медведицкий и Верхне-Донской округа группы работников местная власть была вынуждена отдать под суд ревтрибунала [22]. Представители округов откровенно заявляли областному руководству: «Наша партия – здесь на Дону – фабрикуется из разного хлама» [23]. Среди местных руководителей по-прежнему процветало повсеместное пьянство, кумовство и в силу этого взаимное сокрытие совершенных преступлений. Население Поведение местной власти наблюдало и всё это в итоге вело к однозначному выводу: «почва для контрреволюции таким образом очищена» [24]. Высокомерно-пренебрежительное отношение представителей власти к людям также не добавляло ей сторонников. На сельских собраниях большевики во всеуслышание заявляли о своих неограниченных полномочиях и подобный «комиссарский» тон, естественно, вызывал недовольство селян [25]. Налагаясь на чрезвычайно жесткие меры по сбору продразверстки, все эти факторы служили серьезным основанием для казачье-крестьянской массы взяться за оружие.

Эта политика власти и поведение ее представителей не могла не привести к появлению антибольшевистской и антипродразверсточной агитации. Представитель окружной продпятерки призвал большевиков

Верхне-Донского округа бороться с распространенной «провокацией», из-за которой собираемое по продразверстке «народное достояние» погибает [26]. В Ростовском округе также фиксировалась агитация, сводившаяся к утверждению, что «коммунисты забирают всё это для себя» [27]. На заборах появились плакаты с надписью «Долой грабителей-коммунистов!». В Синявской волости появились вооруженные люди, наводившие справки о количестве и вооруженности большевиков, о месте жительства председателя исполкома. Как отмечало волостное руководство, «настроенное казачьего населения не в пользу Советской власти, крестьянского – шкурническое...» [28].

В такой до крайности обостренной обстановке донские селяне пытались предотвратить по сути узаконенный грабёж и пресечь взимание продразверстки. Острое недовольство донских жителей перегибами в политике продовольственной разверстки привело к всплеску волнений и выступлений против власти.

В октябре 1920 г. в Александровской волости Хопёрского округа доведенная до отчаяния толпа селян окружила членов продотряда и попыталась с ними расправиться, продотрядчиков спасло от гибели только вмешательство милиции. В Магушанской волости 400–500 человек напали на начальника милиции, после чего разгромили помещение культпросвета [29]. Бунты на почве взимания продразверстки прошли в станице Алексеевской, слободе Арчедино-Чернушенской Хопёрского округа и в станице Арчада Усть-Медведицкого округа [30]. В начале ноября в районе Калача в окрестностях станицы Верхне-Чирской «на почве продразверстки» произошли беспорядки [31]. Наряду с бурными, но бескровными выступлениями имели место случаи нападений и убийств. В частности, в ночь с 16 на 17 ноября 1920 г. в хут. Власов ст. Краснокутской Верхне-Донского округа местным населением «на почве выполнения государственной разверстки» были убиты 11 красноармейцев 2-го батальона 112-го полка 2-й Донской стрелковой дивизии. По сообщению окружного руководства, «настроение населения натянутое, вообще казачество, как почуяло запах пороха, так уже головы начинают подымать» [32].

Таким образом, поздней осенью 1920 г. в Донской области произошло резкое усиление недовольства казачье-крестьянской массы проводимой большевиками политикой «военного» коммунизма, составной частью которой являлась продовольственная разверстка, достигшая к концу года своего апогея. И без того острое недовольство усугублялось крайне жесткими грабительскими методами ее взимания, что грозило селянам всевозможными бедствиями. Недостойное поведение и действия представителей власти и сотрудников продовольственных органов являлись

дополнительными раздражающими факторами. Назревшее сильное недовольство выливалось в антибольшевистскую агитацию и массовые волнения в округах, которые в этот период еще не стали очагами вооруженной борьбы с властью. Стойким людским недовольством воспользуются в декабре 1920 – марте 1921 г. выступившие против большевиков повстанческие «красные» командиры.

Примечания

1. Трудовая жизнь. 1920. 7 сентября.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 599. Л. 24.
3. Там же. Д. 157. Л. 33–34.
4. Там же. Д. 157. Л. 2.
5. Иванов В.И. Классовая борьба на Дону в 1920 году // Вопросы истории КПСС и марксистско-ленинской философии. Ростов н/Д, 1967. С. 164.
6. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 157. Л. 3.
7. Иванов В.И. Классовая борьба на Дону в 1920 году. С. 163–164.
8. ГАРО. Ф. Р-1891. Оп. 1. Д. 166. Л. 203.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6055. Оп. 1. Д. 1. Л. 269.
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 896. Л. 16–16 об.
11. Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920–1922 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 3. С. 6.
12. ГАРО. Ф. Р-1891. Оп. 3. Д. 3. Л. 143–143об.
13. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 29. Д. 49. Л. 85, 87, 89, 90–90об.
14. Там же.
15. Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией в бывших казачьих областях Юга России и ее разгром (март 1920–1922 гг.). Ульяновск, 1977. С. 71.
16. Краевое Совецание коммунистических организаций Дона и Кавказа. Ростов н/Д, 1921. С. 12, 62.
17. Филин М.В. Слава и трагедия российского казачества. М., 2008. С. 248.
18. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 2а–3, 3б.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 71. Л. 15.
20. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 30, 31, 35.
21. Покровский М. На Дону // Революционная Россия. 1921. № 9. С. 31.
22. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 39. Л. 37.
23. Там же. Д. 36. Л. 21об, 23–23об, 26–26об, 27об.
24. Там же.
25. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.

26. ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
27. Там же.
28. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 654. Л. 200.
29. ГАРО. Ф. Р-1891. Оп. 3. Д. 3. Л. 90.
30. Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией ... С. 72.
31. Российский государственный военный архив. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. Л. 484.
32. ГАРО. Ф. Р-1891. Оп. 3. Д. 4. Л. 5.

Особенности пребывания донского и кубанского казачества в Турции в 1920–1921 гг. (по материалам фондов Музея-заповедника «Сталинградская битва»)

Исчезновение СССР и последующее преобразование российского общества привели к росту внимания исследователей ко многим ранее запретным темам отечественной историографии. Среди них и проблема русской военной эмиграции. В последние два десятилетия вышло значительное количество публикаций, посвященных этой теме, привлекаются всё новые исторические источники, как отечественные, так и зарубежные. К числу таких источников относятся и представляемые в данной публикации документы из Архива Гуверовского института войны, революции и мира (Hoover Institution on war, revolution and peace) Стэнфордского университета США о пребывании частей Русской армии П.Н. Врангеля в Турции. Копии 43 дел были переданы в Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» [1]. Они содержат важную информацию о численности, условиях проживания и организации Донского и Кубанского корпусов в Турции и на о. Лемнос.

В настоящей статье сделана попытка проанализировать имеющиеся документы и выявить комплекс проблем, стоявших перед казаками-эмигрантами в первый год их пребывания за границей.

В 1920 г. Гражданская война неумолимо приближалась к своей развязке, победоносной для одних и трагической для других. В конце октября 1920 г. Русская армия генерала П.Н. Врангеля потерпела поражение на Перекопском перешейке от сил Южного фронта РККА и начала организованный отход к черноморским портам Крыма. 29 октября (н. ст. – Л.Е.) генерал П.Н. Врангель отдал приказ об эвакуации. Благодаря тому что ее подготовка велась заранее, весь процесс разительно отличался от эвакуации Одессы и Новороссийска в начале 1920 года. Части отходили в полном порядке, не теряя связи между собой и штабами. Еще 28 октября П.Н. Врангель из Севастополя отдал последние распоряжения относительно эвакуации: «... приказал занять войскам главнейшие учреждения, почту, телеграф, выставить караулы на пристанях и вокзале. Окончательно распределил по портам тоннаж, по расчету: Керчь – 20 000, Феодосия – 13 000, Ялта – 10 000, Севастополь – 20 000, Евпатория – 4000. Дал указания разработать порядок погрузки...» [2].

В ноябре 1920 г. в Крыму находилось около 30 тысяч донских казаков и не менее 20 тысяч кубанцев. Вместе со всей Русской армией они оказались перед выбором: сдатьсь большевикам или покинуть Россию. К началу эмиграции части армии были сведены в корпуса: 1-й армейский (бывшая Добровольческая армия) генерала А.П. Кутепова, Донской корпус генерала Ф.Ф. Абрамова и Кубанский корпус генерала М.А. Фостикова

Частям Донского корпуса для погрузки была назначена Керчь, где были приготовлены суда «Мечта», «Екатеринодар», «Самара», «Поти», «Тралер № 412», «Харакс», «Дыхтау», баржи № 56 и «Чайка», «Феникс», моторные шхуны «Алькивиад», «Острей», «Павел», «Яков», «Пандия» и множество мелких судов [3]. Погрузка казаков в Керчи велась в спешном порядке, из-за чего, а также по причине недостатка мест на судах, не было запасено достаточного количества продовольствия и воды. Люди размещались очень тесно, например, на судне «Екатеринодар», помимо груза зерна и интендантского имущества, было погружено около 5000 человек [4].

Новым пристанищем Русской армии стали военизированные лагеря в Турции и Греции. По соглашению с французскими властями I Армейский корпус разместился в районе Галлиполи (Турция). Донской корпус и часть донских гражданских беженцев – в чаталджинских лагерях, находившихся в 75–100 км от Константинополя, а кубанцы и часть чинов Донского корпуса, в том числе Атаманское и Алексеевское военные училища, расположились на острове Лемнос (Греция). В районе Чаталджи разместились следующие лагеря: Кабакджа – 3700 чел.; Санджак-Тепе – 11 600 чел. и Чилингир – 8000 чел. Штаб Донского корпуса с административными учреждениями и лазаретом находились в лагере рядом с железнодорожной станцией Хадем-Киой [5]. Первые два лагеря снабжались по железной дороге, с которой они были связаны узкоколейкой, и не испытывали перебоев с поставками, тогда как в лагерь Чилингир грузы доставлялись исключительно на обывательских подводах. Генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов сообщал, что «ежедневно в Чилингир грузы отправлялись на 20 подводах и частью на людях» [6]. При распутице доставка продовольствия представляла огромные затруднения.

Достаточно тяжелыми были условия проживания в лагере на о. Лемнос. В своем рапорте главнокомандующему генерал-лейтенант М.А. Фостиков сообщал, что консервы и хлеб от французского интендантства получают не в полном объеме. Провиант передавался французами в мешках, содержимое которых не разрешалось проверять, и зачастую в мешках не хватало 50 % содержимого. В качестве оправдания французы заявляли, что «в Константинополе грузят ваши же» [7]. М.А. Фостиков сообщал, что «мешки приходят изорванными, но вина в этом не корпуса: из 8000

причитающихся порций, последний раз не хватило 2000» [8]. По причине антисанитарии и тяжелых бытовых условий в лагере кубанцев отмечалась высокая заболеваемость, до 900 человек больных. Самыми распространенными болезнями были тиф и простуда. Командование Кубанского корпуса видело основную причину простудных заболеваний в том, что люди вынуждены были спать в палатках на голой земле. Командир Кубанского корпуса отмечал в рапорте: «Необходима экстренная доставка подстилки (соломы, матрацы, доски и др.) [,] иначе заболеваемость примет катастрофические размеры. На острове у жителей нет ничего, что можно было бы использовать на подстилку, у меня средств на приобретение последней нет» [9].

Как в районе Чаталджи, так и на Лемносе не хватало предметов первой необходимости. Особенно отмечался дефицит табака, папиросной бумаги и спичек. Военские чины вынуждены были обращаться к местным торговцам, которые сильно завышали цены на свои товары. Решить проблему старались посредством организации собственных корпусных кооперативов, которые централизованно снабжались французами и американцами за валюту. Последней не было у большинства воинских чинов: «...есть лишь на руках у каждого десятки тысяч наших денег. Прошу ходатайства и распоряжения Вашего об обмене их на иностранную валюту» [10]. Продовольственный паек, выделявшийся французами, являлся постоянным предметом дискуссий между русским и французским командованием. Начальник Генерального штаба главнокомандующего Русской армией П.П. Шатилов и генерал-квартирмейстер Генерального штаба Г.И. Коновалов вели переговоры с командующим французскими оккупационными войсками генералом Бургонь по поводу недостаточности пайка. В одном из писем от 25 ноября 1920 г. сказано, что «чины Русской армии получают одну банку консервов на 3 дня, 3 галеты в день на человека, нет соли и зелени» [11]. Беспокойство командования из-за отсутствия разнообразия в рационе было понятно, поскольку возникала угроза цинги. П.П. Шатилов также просил французскую администрацию заменить галеты хлебом, доставляя последний из Константинополя или организовав выпечку на местах, ведь «главный продукт питания русского солдата – хлеб» [12]. Французами был объявлен следующий паек на одного человека: хлеба – 500 гр., мясо консервированное – 200 гр., овощи (фасоль, чечевица и рис) – 60 гр., сахару – 20 гр., чаю – 7 гр., соли – 20 гр., жиров – 20 гр., бульону в кубиках – 25 гр., дров – 690 гр., свечей – 50 гр. на палатку» [13].

Высадка и размещение проходили с разной степенью организованности. Одним из неперемных условий принятия изгнанников французской стороной было разрушение, однако части Донского корпуса это тре-

бование не выполнили. Отказ донцов сдать оружие привел к конфликту с французской администрацией, который был улажен личным вмешательством П.Н. Врангеля. Сохранились фрагменты переписки главкома с командующим Донским корпусом генералом Ф.Ф. Абрамовым. В одной из телеграмм он требовал беспрекословно выполнять приказы оккупационного правительства, а всех виновных предавать суду [14].

Нужно сказать, что французы настороженно отнеслись к прибытию на подконтрольную им территорию значительного числа беженцев. Вероятно, ожидая увидеть неуправляемую массу вооруженных людей, французское командование приказом от 18 ноября 1920 г. (ст. ст.) возложило организацию русских войск на генерал-майора Черткова под руководством французских комендантов. Однако уже 19 ноября (ст. ст.) 1920 г. организация русской армии и русского командования была завершена П.Н. Врангелем. По словам самого главнокомандующего, им были учтены «особенности личного состава армий», а на командные должности назначены самые достойные и пользующиеся авторитетом генералы» [15]. П.Н. Врангель однозначно выразил свое мнение по этому вопросу в письме к командиру оккупационного корпуса: «Прошу ваш приказ в части, касающейся организации русской армии, отменить и предписать вашим представителям в вопросах организации Русской армии руководствоваться моим приказом, обращаясь за выяснением всех вопросов к назначенным мной начальникам, коим предоставить все полномочия по организации внутренней жизни войск» [16].

Прибыв в Турцию, Русская армия сохранилась как организованная боевая единица. Согласно боевому расписанию, Донской корпус состоял из двух казачьих дивизий, начальниками которых были назначены генерал-лейтенанты Калинин и Гусельщиков. В каждую дивизию входило по три бригады, конно-артиллерийского дивизиона и инженерной сотни. Отдельно числились Донской технический полк 2-батальонного состава и учебная пулеметная сотня [17]. Кубанский корпус также насчитывал две дивизии. Первая Кубанская конная дивизия (начальник – генерал-майор Павличенко) состояла из трех конных полков 6-сотенного состава и 1-го Кубанского конно-артиллерийского дивизиона 3-батареинного состава. Во Второй Кубанской стрелковой дивизии (начальник – генерал-майор Цыганов) насчитывалось три стрелковых полка 4-батальонного состава, Гвардейский конный и 2-й Кубанский артиллерийский дивизионы. Также к Кубанскому корпусу было прикомандировано Алексеевское военное училище [18].

Анализ имеющейся делопроизводственной документации свидетельствует о том, что П.Н. Врангель проводил реформирование своих войск после прибытия в Турцию. Он стремился к сокращению отдельных подраз-

делений и укрупнению уже существующих. Причем мнение главнокомандующего не всегда находило поддержку у его подчиненных. В частности, командующий Донским корпусом Ф.Ф. Абрамов считал, что необходимо сохранить соответствующее число отдельных частей, количество которых должно было быть не менее 12, как при «Старой Русской армии» [19]. Свою позицию он аргументировал тем, что «части Донкорпуса прибыли в Константинополь столь прочными по своей внутренней организации и столь полными по своему составу, что уничтожить их лишь для уменьшения числа отдельных частей было бы для пользы дела нежелательным» [20]. В итоге Донкорпус в течение декабря 1920 г. претерпел лишь частичное переформирование: 42-й стрелковый и Донской офицерский полки были расформированы и направлены на пополнение других полков дивизий. Отдельная запасная бригада была также обращена на пополнение прочих дивизий, из ее состава была выделена учебная пулеметная сотня [21].

Несмотря на оперативные меры главнокомандующего по организации Русской армии, разгрузка 126 судов и размещение большого количества людей были сопряжены с многочисленными трудностями. Так, турецкими таможенниками ещё в ноябре было задержано имущество Русской армии: «10 мотоциклов, 11 ящиков с запасными частями, 2 телеграфных аппарата и два рулона кабеля к ним» – данное имущество предназначалось для организации связи между военными лагерями [22]. Неизвестно, чем был исчерпан данный инцидент, однако ещё 1 февраля 1921 г. из Генерального штаба Русской армии в штаб французского оккупационного корпуса было направлено требование вернуть задержанное имущество. Проблемы также были с грузами, находившимися на кораблях. Французская администрация регламентировала разгрузку судов, что порой шло вразрез с интересами русского командования.

Характерен случай с пароходом «Харакс». Прибывшие на нем части Донского корпуса, получив санкцию французских властей, 23 ноября 1920 г. начали проводить разгрузку, тогда как эти грузы предназначались Кубанскому корпусу и должны были отправиться на о. Лемнос. В этот же день от начальника штаба главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов получил категоричный приказ прекратить передачу грузов парохода «Харакс» частям Донского корпуса без особого разрешения П.Н. Врангеля [23]. Несмотря на однозначный приказ главнокомандующего, пароход «Харакс» на о. Лемнос так и не прибыл. Об этом докладывал командир корпуса генерал-лейтенант М.А. Фостиков в своем рапорте от 7 декабря 1920 года [24].

Безусловно, условия проживания в военизированных лагерях Турции и Греции были тяжелыми, остро стояла проблема снабжения продоволь-

ствием и предметами быта, нелегко выстраивались отношения с французскими оккупационными войсками. Несмотря на это, в корпусах сохранялась воинская дисциплина и поддерживался боевой дух. После завершения работ по обустройству лагерей начались строевые занятия с личным составом, в лагере Санджак-Тепе работали офицерские курсы, в Донском и Кубанском корпусах для всех желающих были открыты курсы французского языка. Моральное настроение частей характеризуют строки из рапорта генерала М.А. Фостикова главнокомандующему: «Части взяты в руки... шлют вам пожелания здоровья, силы, необходимые Вам для строительства Армии и нашей многострадальной Родины...» [25].

Примечания

1. Отдел научно-исторической документации и библиотечных фондов историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва» (далее – Архив МЗ СБ). Ф. 2. Оп. 13. Д. 2, 3.
2. Врангель П.Н. Воспоминания. Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма. М., 2003. С. 71.
3. Русская армия на чужбине. М., 2003. С. 237.
4. Там же. С. 240.
5. Доклад командира Донского корпуса генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова начальнику штаба Главногокомандующего генералу П.Н. Шатилову, ст. Хадем-Киой, 7 декабря 1920 г. // Архив МЗ СБ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 3. Л. 132.
6. Там же. Л. 132.
7. Доклад командира Кубанского корпуса генерала М.А. Фостикова Главногокомандующему Русской армией генералу П.Н. Врангелю, о. Лемнос, 7 декабря 1920 г. // Архив МЗ СБ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 3. Л. 133.
8. Там же.
9. Там же. Л. 134.
10. Там же.
11. Письмо командующему войсками Оккупационного корпуса генералу Бургонь от начальника штаба Главногокомандующего Русской армией П. Н. Шатилова и генерал-квартирмейстера Генерального штаба Г.И. Коновалова, 25 ноября 1920 г. // Архив МЗ СБ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 3. Л. 13.
12. Там же.
13. Записка начальника штаба Главногокомандующего Русской армией начальнику штаба Оккупационного корпуса полковнику Депре // Архив МЗ СБ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 2. Л. 20.
14. Приказ генерала П.Н. Врангеля генералу Ф.Ф. Абрамову от 22 ноября 1920 г. // Там же. Д. 3. Л. 91.
15. Записка Главногокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля командиру Оккупационного корпуса от 6/19 ноября 1920 г. // Там же. Д. 2. Л. 6.
16. Там же.

17. Боевое расписание Донского корпуса генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова // Архив МЗ СБ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 3. Л. 110.

18. Боевое расписание Кубанского корпуса генерал-лейтенанта М.А. Фостикова // Там же. Оп. 13. Д. 3. Л. 109.

19. Записка командира Донского корпуса генерала Ф.Ф. Абрамова начальнику штаба Главнокомандующего Русской армией генералу П.Н. Шатилову от 3 декабря 1920 г., Хадем-Киой // Там же. Л. 112.

20. Там же. Л. 113.

21. Там же.

22. Требование Генерального штаба Главнокомандующего Русской армией штабу французского Оккупационного корпуса, 1 февраля 1921 г. // Архив МЗ СБ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 2. Л. 16.

23. Приказ № 1 начальника штаба Главнокомандующего Русской армией о прекращении передачи частям Донского корпуса грузов парохода «Харакс» // Там же. Л. 92.

24. Доклад командира Кубанского корпуса генерала М.А. Фостикова Главнокомандующему Русской армией генералу П.Н. Врангелю, о. Лемнос, 7 декабря 1920 г. // Там же. Д. 3. Л. 134.

25. Там же. Л. 133, 134.

Социальные и экономические перемены в повседневной жизни населения задонских станиц после Октябрьской революции 1917 года

Октябрьская революция 1917 года является крупнейшим политическим событием мировой и русской истории XX века. Последствия революции отразились на всех сферах жизнедеятельности населения России и всего Русского мира. Коренной перелом происходил не только на экономическом и политическом уровнях, но и постепенно на уровне сознания каждого жителя бывшей Российской империи.

Невозможно согласиться с утверждениями об однозначном принятии общественностью постреволюционных изменений. Анализируя итоги социально-экономических изменений в повседневной жизни населения бывшей империи, нужно учитывать целый ряд определяющих факторов – территориальный, этноконфессиональный, фактор социальной принадлежности. Три этих фактора сыграли ведущую роль в особом сценарии развернувшихся в казачьих областях революционных и постреволюционных событий. Область Войска Донского как территория компактного расселения казачества более других территорий испытала на себе градус революционных волнений, которые в течение более десятка лет после своего завершения меняли привычную повседневность донского казачьего населения.

При изучении вопроса социально-экономических изменений в жизни донского казачества важно понимать, что округа области Войска Донского в экономическом отношении развивались разными темпами, имели отличительные черты в характеристике экономики, социальной и этноконфессиональной структуре. В этой связи не совсем корректным станет сравнение к примеру Усть-Медведицкого и Черкасского, Хопёрского и Сальского округов. Кроме того, материальное положение и отчасти ментальность населения этих округов в период революционных событий безусловно различны.

Данное исследование обращает внимание на особенности социально-экономических изменений, постигших население задонских станиц Черкасского округа области Войска Донского. Территория задонской части Черкасского округа включает в себя юрты станиц Ольгинской, Хомутовской, Кагальницкой, Мечетинской и Егорлыкской. Эти станицы являлись

самыми многоземельными. Самый большой земельный фонд был у станицы Егорлыкской.

К 1915 г. станица Егорлыкская стала крупнейшим населенным пунктом из 1217 дворов и 8989 жителей. Здесь уже существует медицинский участок, кредитное общество, ссудно-сберегательная касса, две церкви, церковно-приходское училище, одно женское училище 3 разряда, церковно-приходская школа и даже паровая мельница. Успешно развивались сельское хозяйство, кустарное производство, промышленность. В станице начали работать мастерские сапожников, портных, кровельщиков, плотников, жестянщиков, холстовалов и др. Всего ремеслами занимался 171 человек [1]. В окрестностях станицы располагались хутора на юртовых, частновладельческих и войсковых землях, принадлежавшие семьям Жердицких, Деменских, Кадацковых, Ютиных, Пономаревых, Рыбинцевых, Пометалкиных, коннозаводчиков Букреевых и других. У некоторых из них поголовье крупного рогатого скота доходило до численности 300 голов, а численность поголовья мелкого рогатого скота – до 1200 голов. Численность конского поголовья Букреевых во всех зимовниках Задонья достигала 1100 лошадей. В станицах Егорлыкской, Мечетинской и селе Средний Егорлык располагались торговые склады и магазины Кучкиных. Здесь же находились и их частные дома.

Юрт станицы Егорлыкской являлся самым южным в области Войска Донского и был приграничной зоной. На юге юрта располагался хутор Карантинный, а в одной версте от него, уже в Ставропольской губернии, село Средний Егорлык, или Лежанка, как его называли казаки. В хуторе Карантинный все иммигрирующие в область Войска Донского группы людей, а также скот, должны были останавливаться на двухнедельную стоянку для проведения карантинных мероприятий. Отсюда скотоводы ставропольских сел гнали свои стада для продажи на ярмарках задонских станиц. Главной в календарном году егорлыкской ярмаркой была Николаевская – на престольный праздник станичной церкви.

В преддверии Октябрьской революции в Задонье происходили события, прямо повлиявшие на зарождение протестного поведения казачества. В марте 1916 г. жены егорлыкских казаков – фронтовиков устроили погром торговых лавок в связи с резким подорожанием промышленных товаров и «мануфактуры». В результате этих погромов были осуждены 22 казачки, инициировавшие беспорядки и активно в них участвовавшие. Подобные погромы были устроены и крестьянками слободы Гуляй-Борисовки.

Настрой общего недовольства населения задонских станиц в связи с начинающимся экономическим кризисом стал благодатной почвой для организации деятельности ячеек большевиков.

Уже в конце 1917 года в Егорлыкскую приезжает группа студентов для проведения агитационной работы с населением. С декабря 1917 года в станице формируется первая ячейка большевиков и революционный комитет, работавший конспиративно и состоявший из представителей иногороднего населения. Первым его неформальным руководителем стал Федор Сухоруков, бывший рабочий завода г. Санкт-Петербурга, основным занятием которого в период жизни в Егорлыкской была работа в собственном фотоателье [2]. В это же время ревкомы образуются в Мечетинской и Кагальницкой станицах. Деятельность комитетов оценивалась местным казачеством как разрушительная в связи с намерениями большевиков как минимум осуществить передел земельного фонда казачьего населения. Своей целью ревкомы ставили установление советской власти путем свержения традиционного казачьего управления.

Уже в феврале – марте 1918 г. в задонских станицах прошла жесткая ликвидация ревкомов силами в основном местного казачества. Причиной этому стало нарастающее недовольство казачества подрывной деятельностью ревкомовцев. Поводом к свержению послужило прибытие в станицы отрядов Добровольческой армии под руководством Л.Г. Корнилова. В результате этого станичники на долгие годы попали под опалу новой власти и подверглись политике репрессий и расказачивания.

С момента свержения ревкомов в задонских станицах еще прочнее установилась прежняя атаманская власть. Однако среди казаков всё же имела место неуверенность в возможности разгрома большевиков силами Добровольческой армии. Так, в 1919 г. егорлыкскими казаками был убит егорлыкский казак Костюченков за утверждения о том, что казаки проигрывают войну с «красными».

После боя под Егорлыкской 1 марта 1920 г. и полного поражения Добровольческой армии под руководством А.И. Деникина в борьбе с 1-й Конной армией, традиционный уклад жизни казачества начал претерпевать постепенные, но серьезные изменения. Эти изменения были еще первыми пробными шагами новой власти, которая внедряла их аккуратно и недоверчиво.

Приказом полкового командования от 3 марта 1920 г. руководителем органа советского управления в ст. Егорлыкской стал бывший красный партизан Савелий Гордиенко. Его помощниками и ответственными по направлениям, а также председателями первых сельсоветов стали демобилизованные красногвардейцы – Шитиков, Яценко, Грицик и другие [3]. В течение первых мартовских дней после боя станица «зачищалась» от казаков – участников боя на стороне добровольцев.

Охрана общественного порядка стала одним из важнейших направлений новой власти. Необходимо было искать компромиссы с недовольным

казачеством. Образованный в Егорлыкской станичный совет ликвидировал местные команды, которые выполняли функции дружин по охране порядка. Станичный полицейский Андрей Иванович Боровков, активно боровшийся в 1918 г. с ревкомом, был арестован. Однако руководство стансовета отдавало себе отчет в том, что в первые месяцы после установления новой власти будет опасно и рискованно идти в открытое противостояние с казачьим населением. Было принято решение о привлечении к работе по охране правопорядка станичников – фронтовиков, пользовавшихся особым уважением среди местного казачества. В июне 1920 г. был организован орган милиции, первым милиционером стал георгиевский кавалер, коренной егорлычанин Филипп Ксенофонович Ютин [3].

После 1920 г. общественная обстановка еще сильнее криминализируется. Почва для казачьего недовольства, несомненно, была. Тяжким бременем лежала на них продразверстка, отмененная решениями X Съезда РКП(б) (март 1921 г.), но продленная на Дону и Северном Кавказе. Эти регионы оставались для Центра весной 1921 г. почти единственными источниками хлеба. Как докладывал начальник Мечетинского районного отдела милиции Тимошенко по состоянию на 9 августа 1924 г.: «Усиление криминальной обстановки объясняется наплывом пришлого населения из Центральной России и Украины, всего за 8 месяцев возбуждено 48 уголовных дел, 17 дел самогонщиков и 4 дела по незаконному хранению оружия» [4]. Однако казачество задонских станиц всё более активно выражало свою отрицательную позицию по отношению к большевикам, как в открытой, так и в тайной формах, в том числе путем создания подпольных организаций.

В мае 1921 г. в хуторе Курганы состоялся тайный съезд задонского казачества для принятия решений по дальнейшим действиям. На нем присутствовали представители станиц Елизаветинской и Кагальницкой, хуторов Обуховка, Шмат, Дугино, Городище, Бирючев, Степнянской волости и села Ново-Александровка. На этом собрании от Петра Дюжикова и его родственника, казака хутора Обуховка Захара Золотарева, присутствовавшие узнали, что в ст. Елизаветинской существует своя подпольная организация. А Влас Великов, кагальницкий казак, рассказал, что тайная организация есть и в ст. Егорлыкской.

В конце мая заговорщики собрались в Егорлыкской. На собрании был оформлен Задонский отряд. Командиром отряда избрали хорунжего Говорухина. Он назначил командирами сотен егорлычан: Василия Грунского, Никиту Пузина, Михаила Ткачева и Боровкова. Посредством работы подпольных отрядов планировалось организовать столкновения казаков и крестьян хлебобобов с властью из-за сборов продовольственного налога.

26 июля в Особый отдел СКВО направили «Народную грамоту», принятую «Совещанием всех представителей Задонья и Кубани. 26 июля 1921 г.». В грамоте говорилось: «Мы, трудовые казаки и крестьяне, обращаем к вам свое народное слово. На ваше предложение сойтись мирным путем охотно отзываемся. Мы не хотим кровопролития. Но не сдадим оружия до тех пор, пока Вами и Вашими представителями не будет подписано мирное условие... и когда вы всенародно объявите уступки, удовлетворяющие желание народа... Егорлыцкая. Черкасский округ. Совещание всех представителей Задонья и Кубани» [5].

В начале августа в «центрах повстанческого движения» прошли собрания, целью которых власти ставили сбор оружия у населения, а местные жители пытались решить на них свои насущные вопросы, получить гарантии безопасности. К этому времени самая активная часть казачества, которая могла бы начать открытую борьбу с новой властью, была физически ликвидирована. Остальная часть населения понимала, что силовое преимущество на стороне большевиков. В связи с этим кампания по разоружению казачества проходила преимущественно без срывов. Позже начинается кампания по запрету на ношение казачьей формы и в особенности штанов с лампасами.

Управление в задонских казачьих территориях также имело свои особенности. Главная из них заключается в использовании в своих целях авторитета прежней атаманской власти. К примеру, в ст. Кагальницкой руководителем стансовета стал бывший атаман Адаменков. В ст. Мечетинской урядник Летунов, зажиточный и авторитетный станичник, стал организатором первых ТОЗов [6]. В ст. Егорлыкской бывший атаман станицы Артемий Прохорович Ткачев еще долго привлекался стансоветом к совместной работе, так как пользовался большим авторитетом у станичников [7].

Серьезные изменения происходили в плане строительства новой культуры общества. Сельские клубы, избы-читальни, стенгазеты стали проводниками новой идеологии в казачьих станицах. Далеко не везде их работу на первых этапах можно назвать продуктивной, но уже во второй половине 1930-х гг. они являлись серьезным с точки зрения влияния на массы компонентом социалистической культуры.

В 1922 г. для станичников была подготовлена силами солдат проходящих воинских частей первая театрализованная постановка под названием «Иванов Павел». Спектакль проходил в наиболее вместительном в станице помещении – бывшей ветлечебнице атаманского правления, где четыре года тому назад станичниками была учинена расправа над членами ревкома.

С 1924 г. в Егорлыкской начинает свою работу школа рабочей молодежи, где содержательная часть учебного процесса была снабжена в изо-

били идеологическим компонентом. Новые учителя и новые учебные дисциплины ставили своей целью внедрить в сознание учащихся новые взгляды. Возраст новых станичных учителей, как правило, не превышал 25 лет [8]. Прежние учителя церковно-приходских школ, мужского и женского училищ либо полностью отстранялись от педагогической деятельности, либо направлялись на работу в удаленные малокомплектные хуторские школы.

Такая судьба постигла двух дочерей бывшего атамана станицы Егорлыкской Домну и Евдокию Ткачевых, которые после отстранения от учительства в период коллективизации были выселены с семьей в Кемеровскую область. Дочь бывшего почетного блюстителя Егорлыкского женского одноклассного училища, учительница Милица Кондратьевна Кодацкова, в 1925 г. была направлена работать в один из удаленных хуторов Мечетинского района [9].

В Задонье, как в общем и на всей территории Дона, бытовая культура казачества была тесно сплетена с православием. Преобразования, касающиеся культуры казачьих станиц, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. проводились жесткими и решительными методами, как того требовали цели сплошной коллективизации. В это время наибольшему удару подвергается православие.

До 1926 г. в Егорлыкской бесперебойно работали две церкви. Но в этом же году за контрреволюционную деятельность были арестованы настоятель Николаевской церкви священник Игнатий Ефремов, священник Петр Смирнов и псаломщик Петр Божков [10]. Экспроприированный дом Божкова отдан для размещения ячейки комсомола [11]. В последующее десятилетие станичный совет и ячейка ВКПб направили свои силы на сведение к минимуму элементов православной культуры в повседневной жизни станичников. Апогеем этой работы стала публикация короткой заметки «Конец мракобесию» в районной газете «Ленинский путь» в мае 1936 г. о закрытии Николаевской церкви [12].

Государственная политика в отношении казачества в 1920-е гг. привела к общественному расколу, так как бывшие участники событий Гражданской войны на стороне белой армии (а это абсолютное большинство казаков задонских станиц) фактически были вне закона.

Со второй половины 1920-х гг. выделяется громадная часть населения, объединенная общим понятием, – «лишенцы». В отношении этой категории населения строилась жесткая система мер наказания за целый ряд нарушений, допущенных как в период НЭПа и коллективизации, так и в дореволюционный период. Учитывая, что задонские казаки были наиболее активными участниками антибольшевистского сопротивления 1918–

1920 гг., а южная часть Задонья вообще стала театром масштабных военных действий в 1918 и 1920 гг., то для местных властей выбор политики лишения избирательных прав был наиболее «удачен». В результате мер по лишению избирательных прав местными избирательными комиссиями из задонских станиц была выселена та часть населения, которая, сплотившись, могла бы создать новую серьезную угрозу власти большевиков.

Сложно подвести итог в исследовании вопроса о количестве выселенных из станиц семей, однако следуя нехитрой логике действий избирательных комиссий, можно сделать вывод, что это количество выразилось в сотнях семей. Основными местами переселения казачьего населения станицы Егорлыкской стали Ставропольский край (Апанасенковский район), Пермская область (г. Кизел), Челябинская область (г. Серов) и г. Прохладный Северо-Кавказского края. На сегодняшний день известно о более чем трехстах пятидесяти жителях ст. Егорлыкской, подвергшихся мерам репрессивной политики.

Завершающим этапом коренных преобразований бытовой культуры и повседневной жизни стала коллективизация. Она существенно изменила социально-экономическое устройство казачьих территорий, что было выражено в попытках создания сети учреждений культуры, здравоохранения, образования и социального обслуживания. Однако развивавшееся семимильными шагами колхозное строительство не позволило полностью изменить традиционный уклад жизни казачьего населения Юга России.

Среди всего донского казачества непосильную ношу понесли именно задонские казаки Черкасского округа, так как на протяжении трех лет с 1917 по март 1920 г. открыто и устойчиво противопоставляли свои традиционно казачьи ценности идеям большевизма.

Задачи, поставленные в рамках коллективизации и коммунизации казачьих территорий, на территории Задонья и конкретно в ст. Егорлыкской были выполнены за счет массового элемента переселенцев из Центральной России, Украины и Кавказа.

Примечания

1. Первая мировая война 1914–1917 гг. Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война 1917–1922 гг. Ч. 2. Ростов н/Д, 1990.

2. Машинописные воспоминания Савелия Гордиенко первого председателя ревкома-исполкома станицы Егорлыкской 1917–1921 гг. Первые годы Советской власти // Егорлыкский историко-краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд. Л. 7.

3. Там же.
4. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 31.
5. Боранова Г.Н. Авантюра Лагутина. Выступления против Советской власти на Дону в 1921 году // Донской временник (альманах). 2006. № 3. URL: http://www.donvrem.dermatology.ru/Files/article/m4/1/art.aspx?art_id=508
6. Зайдинер В.И., Ковынева С.А. Край родной: зерноградскому (Мечетинскому) району – 75 лет. Ростов н/Д: Гефест, 1999.
7. Машинописные воспоминания Савелия Гордиенко ...
8. ЦДНИРО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 30.
9. Государственный архив Ростовской области. Ф. 1798. Оп. 2. Д. 643. Л. 6.
10. Табунщикова Л.В., Шадрин А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Ростов н/Д, 2013.
11. Первая мировая война 1914–1917 гг. ...
12. Газета «Ленинский путь». 1936. 27 мая.

Эволюция казачьей семьи на Кубани в 1920-е гг.

Политика советского государства в области семейно-брачных отношений в 1920-е гг. отличалась свойственной НЭПу либерализацией, вызвавшей ослабление государственного регулирования развития семьи. С другой стороны, в соответствии с марксистскими представлениями партийные идеологи сознательно стремились к разрушению института семьи, не соответствующего нормам коммунистического общежития. Одновременно принимались меры по эмансипации женщин и активизации их участия в общественной жизни. В широкую практику стали входить методы внесемейного, общественного воспитания детей, с целью формирования у них коллективистского сознания.

Происходящие в стране процессы трансформации традиционного семейного уклада непосредственным образом отразились на социальном развитии Кубани. Особенностью кубанского социума являлось существование казачьей общности, отличавшейся устойчивыми патриархальными порядками, в том числе в области семейно-брачных отношений. Дореволюционная казачья семья была самостоятельной, независимой хозяйственной ячейкой, в дела которой государство практически не вмешивалось. Власть предоставляла ей «полную самостоятельность и ревниво оберегала ее прочность, независимость и ее основы. Посягательства на ослабление или разрыв супружеской связи (половая чистота, оскверняемая прелюбодеянием, и внебрачные половые связи) всячески преследовались и, особенно в древности, жестоко карались» [1].

Церковь и государство стремились сильнее закрепить эту связь, всячески мешали разрыву семейных уз через разводы или раздельное проживание. Как союз родителей и детей семья была «домашним очагом» и первой школой и воспитателем. Родители обладали как рядом прав по отношению к детям, так и обязанностями заботиться не только об их материальной обеспеченности, но и об умственном и нравственном воспитании. Определенные права и обязанности лежали и на детях. Жена была отдана в опеку мужу, дети – в распоряжение родителей. Общность имущества супругов, солидарность их интересов и передача материальной и духовной заботы о детях в руки родителей свидетельствовали о том, что семья была цельной общественной единицей, ведущей свою самостоятельную жизнь [2].

В дореволюционной Кубани наиболее распространенными были большие семьи, состоявшие из трех, а иногда и четырех поколений. Многодетность в казачьей семье была заурядным явлением. Некоторые женщины рожали по 15–17 раз. Казаки любили детей и радовались рождению и мальчика, и девочки. В отличие от крестьянских больших семей, в которых рождение ребенка являлось прибавлением хлопот, в казачьих семьях в экономическом плане это воспринималось как важное событие, в особенности, если новорожденный был мальчиком («казаченька», «хлопчик», ласково называли их в семьях) [3].

Статус отца был очень высок в кубанской традиции. По свидетельству Марфы Константиновны Ужвы, проживавшей в 1920-х гг. в ст. Новоластуновской Кубанского округа, отец играл главную роль в деле воспитания детей, хозяйственном развитии семьи, сохранении и передаче знаний и традиций: «Якый батько, таки и диты», «як коняка нэ купана, так и диты чумази» [4]. От отца зависело не только экономическое положение семьи, но и ее социальное положение в обществе.

Особенно высоким было положение отца во внутрисемейной иерархии. Мать Марфы Константиновны при обращении к мужу на людях называла его по имени и отчеству: Константин Захарович, дети обращались к «батьке» на «Вы». «Було, батько у сапоге (в сапогах) у хату от конэй прийдэ, а маты йому сапоги снимаэ и ноги мые», – рассказывала М.К. Ужна. Она также вспомнила, что они долгое время, будучи детьми, даже не знали имён отца и матери: «Мамка и маты, а як отца звали – батько, и усэ тут» [5]. Особым уважением в семье пользовались старики, которые выступали хранителями обычаев, играли большую роль в казачьем самоуправлении.

Октябрьская революция 1917 г. и последующие затем преобразования в полной мере коснулись населения Кубани с 1920 г., после установления здесь советской власти. Под влиянием новых представлений стала происходить трансформация традиционных семейно-брачных отношений. В частности, сложившиеся традиции венчания новобрачных уступали процедуре заключения гражданского брака. Вот одно из описаний свадьбы «по советскому обряду», состоявшейся в Краснодаре в 1924 г.: «Вступали в брак две пары... Чтение формулы и вручение новобрачным документов сопровождалось исполнением туша и “Интернационала”. Затем все присутствовавшие красноармейцы грянули дружное “ура”. Новобрачным были поднесены подарки (мануфактура, ботинки, кольцо, чайник, деньги)» [6].

В то же время, новым явлением в жизни кубанского общества становилось увеличение количества разводов. Это стало следствием полной свободы расторжения браков, которую предоставила гражданам советская

власть. В 1925 г. количество разводов на Кубани возросло по сравнению с довоенным временем в 3,5 раза. В городе в 1925–1926 гг. на каждые четыре брака приходился один развод. Однако для станицы и меньшие показатели (1 развод на 15 браков) были экстраординарным явлением [7].

Еще одной особенностью эволюции семейных отношений на Кубани стало усиление роли женщины-матери в воспитании детей и хозяйственной деятельности семьи. Причинами являлись уменьшение мужчин – глав семей, ввиду последствий Гражданской войны и других социальных потрясений, а также политика большевистской партии, направленная на повышение общественной активности женщин. С этой целью, сразу после установления на Кубани советской власти, проводился комплекс мероприятий по включению женщин в общественную жизнь. Например, 8 мая 1920 г. в селении Кабардинка состоялся митинг-концерт на тему «Коммунистическая партия и женщина» [8].

В дальнейшем пропаганда духовного освобождения женщин и воспитания коллективистской морали осуществлялась с помощью широкого комплекса мер воздействия. В сельской местности Кубани эта работа сосредотачивалась в избах-читальнях, одной из задач которых являлась «борьба с мелкобуржуазными взглядами на жизнь путем перевоспитания трудового элемента в коммунистическом духе» [9].

Следует отметить, что пропагандистская работа в селах и станицах играла большую роль, ввиду преобладания на Кубани сельского населения над городским на протяжении 1920-х гг. Так, если в 1920 г. горожане составляли в Кубано-Черноморской области 15,3 %, то в 1926 г. – 17,5 % [10]. Необходимость повышенного внимания к просвещению женщин была обусловлена неграмотностью и необразованностью большинства из них. Например, в Кубанском округе в 1924 г. на 1 тыс. мужчин приходилось 257 неграмотных, а на каждую 1 тыс. женщин – 544 неграмотных [11].

Особенностью социального развития Кубани являлось широкое распространение натурального хуторского хозяйства, соответственно существовало большое количество мелких (семейных) хуторов. К примеру, при Павловском сельском совете в 1926 г. было 13 хуторов, в которых проживали семьи в количестве от двух до двенадцати человек [12]. По данным Гадицкой М.А., в 1927 г. всего в Северо-Кавказском крае насчитывалось 1359,9 тыс. крестьянско-казачьих хозяйств, из которых 70 тыс. хозяйств, то есть 5,14 % возглавляли женщины [13]. В ряде случаев одинокие, овдовевшие женщины стали объединяться в колхозы. В 1928 г. на Кубани насчитывалось уже 18 женских колхозов [14].

Кубань постепенно «феминизировалась», как и в целом советское общество. Соответственно, усилилась роль женщины в хозяйственной и

общественной жизни. Опираясь на женский актив в деревне, партийно-советские органы вели борьбу за улучшение быта на производстве и дома, за создание детских дошкольных учреждений, за преодоление беспризорности и т. д. В частности, казачки Кубани выступали горячими сторонницами борьбы с пьянством. В том числе это проявилось в организованных в 1928 г. «бабьих походах против пьянства, за культурный досуг» [15].

Одной из важнейших задач считалось вовлечение казачек в повседневную работу местных органов. Однако этому процессу препятствовало противодействие со стороны значительной части мужского населения, что мешало установлению гендерного равновесия в системе местного самоуправления. Однако недовольство мужчин не останавливало ни представителей власти, намеревавшихся ликвидировать гендерное неравенство, ни самих женщин. В результате электоральная активность женщин и их представительство в сельских советах Кубани возрастали. Например, если в 1924 г. в Армавирском округе в выборах в советы принимало участие всего 9 % проживавших здесь женщин, то в 1926–1927 гг. в этих выборах участвовало 54,2 % женского населения округа, а доля казачек и крестьянок среди членов вновь сформированных советов составила 31,6 % [16].

Наряду с поддержкой мероприятий советской власти кубанские женщины были подвержены и протестным настроениям. Например, во время хлебозаготовок в мае 1928 г. в ст. Родниковской Армавирского округа из-за голода восстали женщины и, вооруженные дрекольями, пошли в сельсовет, чтобы расправиться с председателем, но он успел сбежать в ст. Лабинскую [17]. В июне 1929 г. в ст. Дондуковской Майкопского округа при появлении комиссии для производства описи имущества у кулака-лишенца, не сдавшего излишки хлеба, сбежались до 50 человек – женщин и детей, которые протестовали против произвола местных властей [18].

Местные партийно-государственные органы стремились обеспечить себе поддержку со стороны женщин, реагируя на подобные выступления как мерами карательного характера, так и осуществлением воспитательной работы среди женской аудитории. С учетом этой позиции, а также с целью преодоления демографического кризиса большое внимание стало уделяться охране здоровья женщин и решению проблемы материнства в городах и селах Кубани.

9 августа 1921 г. в Краснодаре открылся первый «советский» родильный дом, рассчитанный на 50 мест. Отмечая «роскошь и чистоту» нового лечебного учреждения, газета «Красное знамя» 13 августа 1921 г. делала такой вывод: «Хорошо оборудованный и достаточно снабженный родильный дом – лучшее средство агитации среди женщин-работниц за Советскую власть» [19]. Роддом обслуживал только социально-застрахованных

работниц и служащих (страхование по болезни охватывало всех лиц, занятых по найму во всех отраслях труда, независимо от форм собственности, и осуществлялось через специальные больничные кассы). Прием рожениц осуществлялся круглые сутки «при обязательном представлении непропущенного страхового билета» [20]. В других городах и станицах Кубани также принимались меры по оказанию помощи беременным и кормящим женщинам.

Одним из положительных результатов этих усилий стало снижение смертности населения. Так, если в 1911–1913 гг. на территории образованного в 1924 г. Кубанского округа смертность составляла 2,8 %, то в 1926 г. она сократилась до 2,1 %. Особенно существенно снизилась смертность в Екатеринодаре – Краснодаре: ее показатель сократился в 2 раза (3,2 % в 1911–1913 гг. и 1,6 % в 1926 г.) [21].

Еще одним новым явлением 1920-е гг., оказавшим влияние на трансформацию традиционной семьи на Кубани, стала система непрерывного государственного образования и воспитания детей, призванная фактически заменить семейное воспитание, мешающее формированию у молодежи коллективистского сознания. Так, уже 24 июня 1920 г. при рассмотрении программы мероприятий в области народного просвещения в Новороссийском отделе, была признана необходимой «организация всех видов дошкольного воспитания (коммунальные ясли, детские площадки и сады, детские коллективные сады). Творческий труд и самостоятельность, инициатива и изобретательность, являясь методом познания жизни, ставят ребенка твердо на ноги, приучая к ловкости, мастерству, воспитывая бодрость и любовь к жизни...» [22].

Провозглашая концепцию трудовой школы, Новороссийский отдел народного образования отмечал, что «эта школа охватит всю жизнь ребенка, дошкольную и школьную, и даст ему то воспитание, которое не в состоянии дать современная несовершенная семья...» [23]. К 1925 г. школьное образование на Кубани было доступно большинству детей. Только в Кубанском округе обучением было охвачено более 105 тыс. детей, из которых 62 % составляли дети крестьян и казаков [24].

В отдельных кубанских семьях происходило переосмысление роли общественного воспитания, которое признавалось более эффективным, чем семейное. Искренне желая своим детям счастливого будущего, такие родители сознательно передавали своих детей на воспитание общественным организациям. Например, 18 сентября 1925 г. на общем собрании рабочих и служащих железнодорожной станции Краснодар, в присутствии более чем 1200 человек было оглашено заявление одного рабочего «об устройстве пролетарских октябрин и передаче новорожденного сына, названного

Анатолием в память товарища Луначарского, юным пионерам». Далее процитируем протокол собрания: «...По сему вопросу тов. Чурилов сделал доклад на тему религиозных обычаев, связанных с церковным обрядом, сопоставляя вновь прививающий пролетарский обычай октябрин и их значения в коммунистическом обществе... Постановили: новорожденного сына тов. А., названного Анатолием, передать юным пионерам для идейного воспитания в рядах рабочего класса, которые приняли, зачислив его в третий отряд» [25].

Усиление и расширение системы общественного воспитания неизбежно вели к трансформации традиционных семейных отношений, в том числе в казачьем социуме. Единый прежде семейный авторитет стал подвергаться расщеплению и распадаться на ряд противоречивших друг другу авторитетов внесемейных социализирующих институтов. Школа и группы сверстников всё больше вытесняли казачью семью из процесса первичной социализации кубанской молодежи. Окружавшая детей вне рамок родительской семьи советская действительность позволяла им увидеть более многомерный мир, чем тот, который они видели ранее «глазами» родителей [26].

Таким образом, в 1920-е гг. на Кубани происходили процессы трансформации традиционной семьи, вызванные как влиянием социально-экономической обстановки после окончания Гражданской войны, так и целенаправленной политикой советского государства, направленной на формирование коллективистских принципов общественной жизни. Унифицированные формы советского образа жизни ослабляли устои казачьей самобытности в сфере семейно-брачных отношений.

Примечания

1. Сорокин П. Кризис современной семьи // Вестн. МГУ. Сер. «Социология и политология». 1997. № 3. С. 65.
2. Цинченко Г.М. Политика в отношении семьи в первые годы советской власти // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 179.
3. Личный архив авторов. Результаты опроса. Информатор М.К. Ужва, 1921 г.р. Зап. в ст. Павловской Краснодарского края 14.03.2015.
4. Там же.
5. Там же.
6. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 494.
7. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. Ч. 2: С 1917 года до конца XX века. Краснодар, 2011. С. 94.

8. Из информации о политико-массовой работе в населенных пунктах Новороссийской волости // Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.). Краснодар, 1978. С. 64.

9. Из положения об избах-читальнях Кубано-Черноморской области (1924 г.) // Там же. С. 84.

10. Нежигай Э.Н. К вопросу о социальной структуре городского населения Кубани периода НЭПа // НЭП и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность: мат-лы Всерос. науч. конф. Краснодар, 2001. С. 141.

11. Статистические сведения Кубанского окружного политпросвета о грамотности населения за октябрь – декабрь 1924 г. // Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.). Краснодар, 1978. С. 94.

12. Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск, 2016. С. 357.

13. Гадицкая М.А., Скорик А.П. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е г.: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д, 2009. С. 36.

14. Там же. С. 38.

15. Панкова-Козочкина Т.В. Бабьи походы против пьянства // Родина. 2009. № 5. С. 103.

16. Она же. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014. С. 253.

17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М., 1999. С. 282.

18. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы. Т. 2. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 894.

19. Екатеринодар-Краснодар ... С. 466.

20. Там же.

21. Население и хозяйство Кубанского округа: статист. сб. за 1924–1926 гг. В 2 т. Краснодар, 1928. Т. 2. С. 14.

22. Из доклада заведующего внешкольным подотделом Новороссийского отдела народного образования Ф.В. Гладкова о программе мероприятий в области народного просвещения от 24 июня 1920 г. // Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.). Краснодар, 1978. С. 58.

23. Декларация Новороссийского окружного отдела народного образования о народном просвещении от 24 июня 1920 г. // Там же. С. 60.

24. Из тезисов Кубанского окружного отдела народного образования к докладу о состоянии школьного дела в Кубанском округе // Там же. С. 94.

25. Екатеринодар-Краснодар ... С. 494.

26. Рожков А.Ю. Социокультурные изменения в кубанской станице в 1920-е годы с точки зрения концепции межпоколенного разрыва // НЭП и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность: мат-лы Всерос. науч. конф. Краснодар, 2001. С. 18.

Экономические и социальные изменения жизненного уклада кубанского казачества после Гражданской войны (1920–1927 гг.)

Экономический и социальный облик казачества 1920-х гг., в том числе кубанского, остается слабоизученной темой, кроме того он мифологизируется по политическим причинам. Без объективного исследования изменений жизненного уклада казачества трудно проводить эффективную политику государственного взаимодействия с казачьими организациями в современных условиях.

Целями данной работы является установление экономических и социальных изменений жизненного уклада кубанского казачества после Гражданской войны (1920–1927 гг.); выявление демографического облика и пространственного ареала кубанского казачества, а также определение соотношения его сословной и этнической идентичности, тенденций социальной дифференциации в доколхозных кубанских станицах.

Накануне Первой мировой войны, в 1914 г. численность кубанского казачества составляла 1367,0 тыс. человек (45,8 % жителей Кубанской обл.) [1]. Трагические последствия Первой мировой и Гражданской войн серьезно изменили демографический состав кубанского казачества и направленность его развития. Невосполнимые утраты казачьего населения области вследствие военных действий, голода и репрессий за 1918–1922 гг., по нашим расчетам, составили от 100 до 250 тыс. человек [2]. Войны привели к снижению рождаемости всего населения, в том числе и в среде кубанского казачества: в 1919 г. их рождаемость составила 56 % от уровня 1914 г. [3]. Еще 20 тыс. кубанских казаков эмигрировали после окончания Гражданской войны (до ½ из них позже вернулись на Родину) [4].

Напротив, восстановление рыночной экономики в условиях нэпа положительно сказалось на демографии кубанского казачества. Наиболее достоверным источником служит Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. (за советский период единственная перепись, содержащая сведения о казачестве). Проведенные нами расчеты показывают, что в декабре 1926 г. в пределах бывшей Кубанской области* казачьего населения

* В 1924 г. Кубано-Черноморская область была разделена на Кубанский, Армавирский, Майкопский и Черноморский округа. Ейский, Кущевский и Староминской районы вошли в состав Донского округа. Кубанские казаки также проживали в Адыгее-Черкесской и Карачаевской автономных областях, в Черкесском автономном округе. Данное административное деление сохранялось до 1930 г.

насчитывалось 1419,9 из 3376,6 тыс. человек (42,05 % населения). Таким образом, за 1923–1926 гг. довоенная численность казачества восстановилась [5].

Положительная демографическая динамика стала возможной благодаря традиционному (патриархальному) типу воспроизводства населения. Среди кубанского казачества доля детей, родившихся в 1922–1926 гг., составила 14,4 %. В целом же, процент детей младше 15 лет составлял 39,7 % от всего казачьего населения, а молодежи в возрасте 15–24 лет – 23,8 % [6]. Но тяжелым наследием войн осталось преобладание численности женщин над мужчинами в самом трудоспособном возрасте – от 25 до 35 лет. Такой возрастной состав многое объясняет в социальной психологии и политической активности земледельцев 1920-х гг.

Большая часть кубанских казаков была занята в сельском хозяйстве. Так, в 1926 г. горожан среди кубанского казачества насчитывалось только 41,3 из 1419,9 тыс. человек (2,91 %), а среди всех жителей региона – 16,92 %. Среди жителей г. Краснодара доля казаков составляла 7,1 %, Армавира – 4,3 %, Новороссийска и Анапы – по 3,5 %, Майкопа – 2,8 %. Сельскохозяйственные занятия оставались основными для 98 % казаков бывшей Кубанской области, а среди всего ее населения – 85 % [7]. Вместе с тем для Кубани характерны крупные размеры станиц и высокая плотность расположения населенных пунктов.

Казачья община до установления советской системы выступала как целостный организм, обеспечивавший передачу от поколения к поколению ценностей и стереотипов традиционной культуры. Мировосприятие казачества определялось прежде всего жизненным укладом. Быт казаков пронизывали православная вера, патриотизм, традиции уважения к старшим и трудолюбия. Основой дореволюционного казачества было неразрывное сочетание профессиональной воинской службы, общинного землепользования и религиозности. Казаки обладали многовековым опытом самоуправления, были грамотнее других групп станичного населения. Так, в 1913 г. среди кубанских казаков процент грамотных людей составлял 47,0 % [8]. Это превышало уровень грамотности всего сельского населения Кубано-Черноморской области в 1920 г. – 32,6 % и в 1926 г. – 41,0 % [9; 10].

В 1920-е гг. земельная община сохранялась, но власть упразднила ее сословную замкнутость и привилегии. Военная служба и самоуправление казачества подверглись радикальному разрушению.

География проживания кубанских казаков в 1920-х гг. такова. Наибольший удельный вес казачества, по переписи 1926 г., отмечен в населении Кубанского (50,84 %) округа, районов Донского (44,51 %) и Армавирского (41,01 %) округов. Средний вес характерен для Майкопского (34,25 %)

округа. Меньше всего казаков – в Черноморском округе (12,08 % жителей), Адыгее-Черкесской (2,22 %) и Карачаевской (0,61 %) автономных областях. На более локальном уровне наивысшая компактность проживания казаков отмечалась в районах вдоль рек Кубань и Лаба, в Приазовье, убывающая к востоку. В 23 из 40 сельских районов Кубани казаки составляли свыше ½ жителей [11].

Важен вопрос о направленности этнических процессов в казачестве 1920-х гг. Историки аргументируют русско-украинское двуединство кубанских казаков первой трети XX в. [12; 13]. Словесные и этнические черты казачества нельзя противопоставлять друг другу. Кубанское казачество обладало устойчивым самосознанием и самобытной культурой. Для него характерна двойственность самоидентификации: как самобытной этносоциальной группы и как части русского населения.

Подчеркнем несопоставимость переписей 1920 и 1926 гг. В первом случае «национальность» определялась по личной самооценке опрошенного, во втором – по происхождению его родителей. Вследствие подобных подходов удельный вес русских в Кубано-Черноморье снизился за 1920–1926 гг. с 79,67 до 33,45 % [14; 15]. Но никакой демографический процесс не мог бы дать подобный итог. Налицо статистическая манипуляция. Более объективны сведения о лицах, считавших русский язык родным. Их удельный вес в Северо-Кавказском крае (62,88 %) на 1926 г. резко превышал число русских по происхождению (45,93 %) [16].

Анализ идентификаций «украинцев», основанный на переписи 1926 г., позволяет сделать вывод о добровольности постепенного обретения русской идентичности казаками и населением Кубани в целом. Ведь в 1923–1932 гг. РКП(б) проводила курс украинизации даже в местностях с преобладанием русских. Северо-Кавказский крайисполком Советов принял постановление № 111 от 26 августа 1925 г., разрешив при желании жителей станиц вводить в школах преподавание на украинском языке и использовать украинский язык одновременно с русским в работе местных советов [17]. Так, в Армавирском округе удельный вес украинцев по происхождению составлял 32,9 % всего населения и 24,7 % казачьего; в Кубанском округе – соответственно 61,5 % и 77,4 %. Удельный вес украинцев по происхождению, считавших русский язык родным, в 1926 г. составил 32,3 % всех украинцев края, в том числе – 30,7 % казаков украинского происхождения [18].

Мы обозначили факторы, способствовавшие принятию русского языка: урбанизация (83,87 % обрусевших украинцев – горожан края в сравнении с 28,92 % сельских жителей); проживание в неславянской этнической среде (72,59 % принявших русский язык в автономиях Северного Кавказа); удаление от территории Украинской ССР.

Своеобразие региона ярко проявлялось в структуре землевладения. Если в центральной части Европейской России наделное общинное землевладение составляло к 1917 г. 33 % используемых угодий, то в Кубанской области – 74,5 % [19]. Средний надел хозяйства составлял к 1917 г. в Европейской части России 4,7 дес., а у кубанских казаков – 12,5 дес. [20]. Большая часть (82,5 %) посевных площадей области в 1920 г. принадлежала казакам [21]. Иногородние могли быть только арендаторами.

Установив контроль над казачьими областями, большевистская партия взяла курс на сохранение паевого землепользования казаков, ограничившись переделом земель «нетрудового фонда». Этот курс выражен в декретах СНК РСФСР «О строительстве Советской власти в казачьих областях» 25 марта 1920 г. и «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» 18 ноября 1920 г. [22]. Они сохранили землепользование казачьих хозяйств в размерах, позволяющих обслуживать его собственными силами (без наемного труда). Декрет отложил уравнительный передел земель в пользу неимущих и переселенцев. Безземельные и малоземельные жители обеспечивались из фонда нетрудового пользования. Запрещалась аренда и купля-продажа наделов. Конфискация частновладельческих земель охватила на Кубани 18,7 % угодий. В 1920–1922 гг. были экспропрированы земли помещиков, офицерства и церкви, эмигрантов [23]. Это был первый шаг к бессловному землепользованию.

Но к 1923 г. средний душевой надел составлял в Кубано-Черноморье 3,25 дес. у казаков и 1,19 – у крестьян [24]. Беднейшие семьи не имели инвентаря и скота, по-прежнему были вынуждены арендовать орудия труда и прибегать к сезонным промыслам. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. подтвердил уравнительное распределение земли, но разрешил свободу форм землепользования, включая аренду [25]. Агрономические усовершенствования, ликвидация дальноземелья и разрозненности участков, выделение хуторов и отрубов повысили культуру хозяйствования. В 1923–1925 гг. земельная реформа велась в соответствии с заявками населения, на землях трудового пользования. Преобладало межселевное устройство, интересы казачества еще не ущемлялись. Многодворная община разделялась на поселки (выселки) и части селений, переходила к широкополосице и улучшенным севооборотам. Выход на хутора и отруба охватил 5,6 % семей [26]. Но дробление общины облегчало контроль государства над ней.

На Кубани удельный вес площадей посевов крестьян возрос за 1920–1925 гг. с 17,5 до 30,6 % [27; 28]. Земельная реформа проводилась в интересах беднейших слоев. Они составили 42,3 % наделаемых и получили 51,1 % перераспределенных площадей; середняки (41,9 %) – 40,3 %; зажиточные (15,8 %) – 8,6 % [29]. Но и к октябрю 1927 г. преобладающей формой земле-

пользования оставалась общинная – 97,1 %. 0,9 % земли принадлежали хуторским и отрубным хозяйствам и 2 % – кооперативным объединениям [30].

С 1926 г. землеустройство превращается в один из факторов разжигания конфликтов. Основной целью стал уравнительный передел земли за счет паев казачества в пользу беднейших крестьян. Землеустройство второй половины 1920-х гг. (этап внутриселенного передела) нельзя рассматривать изолированно от подготовки коллективизации. Изъятые земли уравнительно (по едокам) передавались семьям крестьян и беднейшей части казаков, в том числе переселенцам. Средний надел казачьей семьи в крае сократился с 30–49 га (1917 г.) до 13–16 га (1928 г.) и сравнялся с крестьянским [31]. В Кубанском округе средняя норма душевого надела за 1917–1927 гг. не изменилась (2,3 дес.), выиграли от реформы 74,5 % сельского населения за счет многопайных казачьих и «кулацких» крестьянских хозяйств [32]. Но 58,6 % получивших землю бедняцких семей не имели скота, 74,2 % – инвентаря и были вынуждены арендовать их по высокой цене [33]. С учетом аренды земля перераспределялась по степени богатства, становилась объектом нелегальной купли-продажи и залога. В 1927 г. 5 % зажиточных хозяйств Северо-Кавказского края (с посевом свыше 16 дес.) владели 49,1 % сенокосилок, 56,7 % сеялок, 66,7 % молотилок [34].

Неприемлемые способы земельного передела возмущали казачье население. Не учитывалось, что источники их доходов были законными и «трудовыми» даже по критериям большевизма. Уравнительный передел земли подталкивал власть и бедняков к конфискации средств производства у зажиточных хозяйств.

Вопрос о социальной структуре казаков и «иностранцев» запутан советской статистикой. Общепринятое деление на батраков, бедняков, середняков и «кулаков» идеологизированно. Но такой подход приходится использовать из-за сложности пересчета официальной статистики. Наиболее объективна группировка хозяйств по ряду признаков: стоимости основных средств производства, землепользованию, количеству рабочего инвентаря и скота, найму рабочей силы, регулярным предпринимательским занятиям. Ее исходные параметры к 1917 г.: трудовые хозяйства преобладали во всех сословных группах. Казаки зажиточнее других, но среди них преобладали середняки.

Следует учитывать, что даже в пределах одного региона «облик» каждой социальной группы своеобразен. Так, имущественные группы хлеборобов Кубани были вдвое богаче, чем в среднем по стране. Бедняцкими можно признать хозяйства без инвентаря и с посевом меньше 4 дес., с 1 коровой и 1 лошастью, подрабатывающие наймом в чужих хозяйствах. Их средства производства дешевле 400 руб. Средняки – это семьи с ин-

вентарем и посевами 4–16 дес., 4–6 головами скота, временным наймом работников при ведущей роли семейного труда. Они владели средствами производства стоимостью 400–1600 руб. Зажиточные владели сложным инвентарем (в т.ч. механизированным) и свыше 6 голов скота, постоянно нанимали более 2 сезонных батраков, имели средства производства дороже 1600 руб. Важнейшим признаком признан предпринимательский характер хозяйства.

По гнездовой переписи ЦСУ 1927 г. удельный вес батраков и бедняков среди казачьих семей края составлял 10–12 %, середняков – 73–75 %, зажиточных – 10–12 % [35; 36]. Состав семей «иногородних» был иным: 39,9 % бедняков и батраков; 55,0 % середняков; 5,1 % зажиточных [37]. Но только хозяйства с наемными рабочими (5,1 % казачьих семей, занятых в сельском хозяйстве) могут считаться предпринимательскими [38].

Итак, именно среди казачества в наибольшей мере выражена тенденция «осереднячивания». Этим объясняется стойкость единства казачества, его сравнительно замедленное расслоение.

Именно занятость в сфере сельского хозяйства и общинность обусловили совмещение этнического и сословного принципов, вызывали относительную целостность и традиционный уклад сообщества – кубанского казачества в 1920-х гг.

Сравнение социальной структуры казаков и «иногородних» крестьян показало, что состав казачества определил общие тенденции расслоения сельского населения края 1920-х гг. Именно среди казаков был сосредоточен наивысший удельный вес середняков. Вопреки бытующему мнению, предпринимательская группа среди казаков превышала таковую в среде «иногородних» незначительно.

Анализ языковой ассимиляции малороссов («украинцев») показал высокую степень сходства этнических процессов среди казаков и всего населения края. Выявлены факторы, способствовавшие принятию русского языка казаками малороссийского происхождения: урбанизация, проживание в неславянской этнической среде, удаленность от территории Украины. Принятие русского самосознания казаками-малороссами в 1920-х гг. было добровольным и противостояло партийно-государственной политике «украинизации».

Примечания

1. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977. С. 32.
2. Баранов А.В. География расселения казачества на Юге России в 1920-х гг. // Ученые записки. Донской юридический ин-т. Ростов н/Д, 2001. Т. 16. С. 128.

3. Макаренко М.Ю. Кубанское казачество в годы нэпа: социально демографические страницы истории // Российское казачество: проблемы истории и современность. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2006. С. 165.
4. Ратушняк О.В. К вопросу о размещении и численности донского и кубанского казачества за рубежом в начале 1920-х гг. // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 1996. Ч. 2. С. 80.
5. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 года. Ростов н/Д, 1928. С. 28–29, 88–97, 3–10.
6. Рожков А.Ю. Демографический и социально-психологический облик казачьей молодежи Кубани и Черноморья в 1920-е годы // Казачество в истории России: тез. докл. Междунар. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 227.
7. Казачество Северо-Кавказского края. С. 28–29, 88–97, 3–10.
8. Отчет о состоянии Кубанской области за 1913 г. с 19 таблицами // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1915. Т. XX. С. 100.
9. Скворцов С.А. Грамотность на Кубани. Краснодар, 1923. С. 3, 4, 7.
10. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1930. С. 75.
11. Казачество Северо-Кавказского края. С. 28–29, 88–97, 3–10.
12. Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010.
13. Бондарь Н.И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008.
14. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. 9. С. 71–73.
15. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М., 1925. С. 29.
16. Всесоюзная перепись населения 1926 года. С. 70, 100, 34–35.
17. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 241. Л. 2.
18. Казачество Северо-Кавказского края. С. 28–29, 88–97, 3–10.
19. Козлов А.И. Казачья окраина России. Ростов н/Д, 1992. С. 22.
20. Чернопицкий П.Г. Изменения в землепользовании казаков Северокавказского края в 1917–1929 гг. // Казачество в истории России. Ростов н/Д, 1993. С. 121.
21. Население и хозяйство Кубанского округа: Статист. сб. за 1924–1926 гг. Краснодар, 1928. Т. 2. С. 213.
22. Деятельность ЦК партии в документах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 155–164.
23. Андреев А.А. Пути подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1929. С. 11.
24. Одинцов С.С. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Ростов н/Д, 1927. № 11. С. 11.
25. Щетнев В.Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Науч. тр. КубГУ. Краснодар, 1974. Вып. 187. С. 64–79.
26. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 23. Л. 147.
27. Черный В.Ф. Политика партии на Кубани // Красное знамя. Краснодар, 1925. 7 ноября.

28. На аграрном фронте. 1927. № 11–12. С. 172.
29. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 102. Д. 481. Л. 318.
30. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 6.
31. Андреев А.А. По пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Ростов н/Д, 1928. С. 71.
32. Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917 г. – 1927 г.). Ростов н/Д, 1989. С. 104–106.
33. Сельское хозяйство Кубани и пути его развития. Краснодар, 1928. С. 16–17.
34. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 409. Л. 33.
35. Красное знамя. Краснодар, 1927. 18 ноября.
36. Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1973. С. 58–59.
37. Там же.
38. Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. М., 1929. С. 24–27.

Политические репрессии в Прихопёрье в 20–30-х гг. XX в.

За годы советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного режима, подверглись репрессиям за политические убеждения, а также по национальным, религиозным, социальным и иным признакам.

Реабилитация и восстановление исторической справедливости в отношении российского казачества являются одним из важных этапов демократических преобразований в России конца XX – начала XXI века. Важным способом политической реабилитации является публичное и исторически правдивое освещение имевших место событий и фактов в Прихопёрье в 1930-х гг. прошлого столетия. Особое внимание в данной работе уделяется северо-западу Волгоградской области – бывшему Хопёрскому округу Всевеликого Войска Донского, где процессы коллективизации и раскулачивания протекали более драматично, по сравнению с другими регионами.

После разгрома белой армии и возникновения первых органов советской власти на Хопре, в течение первых 2–3 лет среди казачества продолжало сохраняться острое враждебное отношение к новым порядкам.

Случаи террористических выступлений против отдельных советских работников и та поддержка, которой пользовались со стороны населения бродившие по округу белоказаки, явились доказательством далеко не просоветских настроений среди населения. Банды долгое время не поддавались ликвидации исключительно в силу сочувственного к ним отношения со стороны казачьего населения [1].

К началу 1920 г. в связи с исправлением ранее допущенных перегибов и ликвидацией главных контрреволюционных сил происходит изменение позиции казаков в отношении советской власти. Решения, принятые на 1-м Всероссийском съезде трудового казачества, на котором были выработаны резолюции о землепользовании, в целом удовлетворили насущные интересы казаков.

В период подготовки к съезду северные округа Донской области посетил специальный агитпоезд ВЦИК «Октябрьская революция», возглавляемый М.И. Калининым. В январе 1920 г. он посетил Урюпинскую, Петровскую, Михайловскую и Котовскую станицы. 28 января в статье «На Дону

и на Кубани», опубликованной в газете «Красный Хопёр», М.И. Калинин подвел итог этой поездки: «Можно более или менее уверенно говорить, что донское казачество признало советскую власть».

К началу 1920 г. происходит становление сети местных органов власти. Однако, согласно сообщению сотрудника Хопёрского военкомата И. Евстратова, в казачий отдел ВЦИК, политическая и культурно-просветительская работа в округе практически не велась. На митингах запрещалось говорить об особенно наболевших проблемах, прежде всего, продовольственной, а если они поднимались, то власть называла это «контрреволюцией». Количество политических дел значительно возросло не только в Хопёрском округе, но и по всей России.

Одновременно проводились кампании по «разоружению» местного населения. 23 апреля 1920 г. была организована специальная окружная комиссия по изъятию оружия. Периодически в Хопёрском округе выходили постановления об обязательной регистрации всех проживающих в округе «политически неблагонадежных» граждан. В противном случае, их ждало тюремное заключение на срок от одного до трех месяцев или высылка в лагерь.

В Царицынской губернии существовало два типа лагерей: лагерь принудительных работ и лагерь для военнопленных. Общее управление лагерями осуществлялось губернским отделом принудительных работ [2]. Лагерь для военнопленных состоял из двух отделений – общего (для лиц, еще не прошедших опросных комиссий) и концентрационного (для врагов советской власти). Лагерных заключенных посылали из лагеря в лагерь в сопровождении конвоиров на работы в разные учреждения. Они имели право на письма, посылки и свидания.

В мае 1920 г. была объявлена первомайская амнистия по отношению к пленным рядовым казакам, но она не распространялась на белогвардейских офицеров. О фактическом проведении амнистии свидетельствует таблица [3]:

№	Обвиняемые	Меры наказания
1	Дело Бабкина	Концентрационный лагерь
2	Дело Резниченко	Ревтрибунал
3	Дело Чудина	Ревтрибунал
4	Дело Яшкина	Амнистия
5	Дело Добринского исполкома – Гаврилова, Дронова, Попова, Артамонникова	Амнистия
6	Дело председателя станицы Котовской – Попова	Амнистия

№	Обвиняемые	Меры наказания
7	Дело Мельникова	Ревтрибунал
8	Дело Александрова	Ревтрибунал
9	Дело бывших офицеров – Афиногенова, Скопинцева, Сыпкова, Щеголькова, Попова, Каннуникова	Концентрационный лагерь

Таким образом, из 9 дел только по трем была объявлена амнистия. На весь Хопёрский округ действовала всего одна комиссия правозаступников в станице Урюпинской.

В мае 1920 г., в связи с ухудшением ситуации с продовольствием, было расширено наименование продуктов и товаров, подлежащих продрозверстке. На гужевых путях в Хопёрском округе были установлены заставы для перехвата скота и повозок с зерном. Всё это вновь обострило ситуацию в округе и способствовало росту антисоветского движения летом 1920 г.

Очень скоро местные власти доложили в Москву о наличии в Прихопёрье левоэсеровского подполья. В ВЧК делу присвоили номер 10256/10423 [4]. Уже на второй день дело стало «расти» от стекающихся со всех концов Хопёрского округа донесений. Подобная оперативность наводит на мысль, что заговор с самого начала инсценировался органами ВЧК.

Обратим внимание прежде всего на тот факт, что «заговор левых эсеров» в Прихопёрье по времени совпадает с мощнейшим антикоммунистическим восстанием крестьян Тамбовской губернии, периодом крупномасштабных и решительных (порой до бесчеловечной жестокости) действий красноармейских частей против повстанцев в июне – июле 1921 года.

Предварительное следствие по «левоэсеровскому заговору» окончилось в июле 1921 года. Однако надо отметить гуманность первых большевистских репрессий. Сроки заключения давались малые, многих арестантов «прощали» по ходатайствам, отпускали из лагерей на лечение. В частности, 14 ноября 1921 г. один из заключенных был признан страдающим душевной болезнью и отправлен на лечение. Семья осужденного Филимонова из хут. Бесплемяновского обратилась в организацию Красного Креста, чтобы там поспособствовали через ВЧК освободить главу семейства, т. к. он является «единственным трудоспособным работником и необходим во время полевого периода». Просьбу удовлетворили. В декабре, по личному распоряжению заместителя председателя ВЧК И.С. Уншлихта, медработнику, помогавшему «бандитам» в излечении, расстрел заменили двумя годами лагерей. Также по ходатайствам были освобождены еще несколько заключенных [5].

За предварительным следствием началось основное. Для «точного установления виновности» и предания суду остальных подозреваемых потребовалось еще немало времени. Агентурные разработки значительно расширили географию политического сыска, письма и телеграммы стали поступать со всех концов страны.

Докладывая о первых результатах, хопёрские чекисты телеграфировали 7 июля в Москву: «Следствие по делу левоэсеровского заговора в Хопёрском округе усиленно продолжается. Выявляются новые члены. По непроверенным сведениям в ст. Новоанненской имеется сильная ячейка левых эсеров во главе с местной бюрократической интеллигенцией. Активности не проявляют. Дознание началось в ст. Филоновской» [6]. Такую информацию Москва ждала с нетерпением. Дело о «заговорщиках» с Хопра служило не только наглядным уроком расправы с политической оппозицией, оно являлось орудием политики дальнейшего раскачивания и расчленения Донской области.

29 марта 1922 г. заключительный акт по делу о «Хопёрском заговоре левых социал-революционеров» был подписан. Было проведено более детальное расследование. Из материалов дела следует, что аресты начались 23 мая 1921 года. За участие в сфабрикованном «левоэсеровском заговоре» четырнадцать хопёрцев отправили в Московскую ВЧК, по 47 гражданам «материал был рассмотрен на заседании малой коллегии губчека», 18 арестованных за два месяца «умерли от различных болезней», 218 человек отправлены на 1–2 года в архангельские лагеря, в тюрьму по месту жительства угодили 69 человек, со 140 подозреваемых взяли расписки о невыезде. Всего по делу о «Хопёрском заговоре социал-революционеров» прошло около 500 человек. Следственный материал сшили в 9 основных томах и двух дополнительных – «вследствие громоздкости дела» [7].

В списки подозреваемых лиц были включены практически все руководящие работники Хопёрского округа, в том числе, председатель окрисполкома. Округ перестал существовать и уже не мог представлять политической опасности для советской власти. К концу 1921 г. в кабинетах прежнего начальства сидели новые люди.

Вторая волна репрессий в Хопёрском округе была связана с началом коллективизации в стране. 22 августа 1929 г. в газете «Красный Хопёр» появилось сообщение, что, учитывая желание трудящихся масс крестьянства, их готовность объединиться в коллективные хозяйства, окружком партии Хопёрского округа (в Хопёрский округ в 1929 г. входило 10 районов: Алексеевский, Березовский, Кумылженский, Михайловский, Нехаевский, Новоанненский, Новониколаевский, Преображенский, Урюпинский, Усть-Медведицкий с центром в городе Урюпинске) принял решение

объявить Хопёрский округ первым округом «сплошной коллективизации» в СССР.

В то время мало кто знал о готовящемся секретном приказе ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 года. В приказе говорилось, что в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков, в первую очередь, в районах сплошной коллективизации, в самое ближайшее время кулаку должен быть нанесен сокрушительный удар. Мероприятия ОГПУ наметили развернуть по двум основным направлениям: немедленное массовое выселение наиболее богатых кулаков и их семейств в отдаленные северные районы и конфискация их имущества. Из Хопёрского округа, входившего в Нижне-Волжский край, по разнарядке должно было быть выслано до 12 тысяч семей [8].

Террор быстро охватил всю страну, все слои населения, дошел «до самых до окраин», до отдаленных хуторов Прихопёрья. Здесь «вражеского элемента», как считалось, было в избытке. Комиссия крайкома ВКП(б), побывавшая в Прихопёрье, отмечала, что бывший округ насыщен белоэмигрантским населением (к нему отнесли 3257 чел.), враждебно настроенным чиновничеством и старой интеллигенцией. Антисоветского и вообще «недоброкачественного элемента» имеется: бывших белых офицеров – 297, репатриантов – 1649, реэмигрантов – 140, бывших политических заключенных – 231, перебежчиков – 250, административно высланных – 52, бывших участников бандгрупп – 76. Большая часть из них находится в деревне [9].

В 1930-е гг., в нарушение основополагающих принципов права, продолжалась практика применения без опубликования в печати законов, подзаконных актов и ведомственных директив об установлении различных видов юридической ответственности и деятельности репрессивного аппарата. В частности, в хут. Верхнесоинском помнят о школьном учителе Михаиле Ефимовиче Грибанове, обвиненном в шпионаже, арестованном и пропавшем без вести. О его судьбе ни родственникам, ни односельчанам не было известно ничего с 1938 года.

Запрос в Управление ФСБ по Волгоградской области пролил свет на обстоятельства ареста М.Е. Грибанова. Оказалось, что летом 1938 г. вместе с ним были арестованы еще три человека – «преступная» группа. В порядке обвинения всем предъявили ст. 58 УК РСФСР с подпунктами 2, 8, 10 и 11. Здесь и «организация контрреволюционных восстаний с целью захвата власти», и «организация террористических актов», и борьба против рабочего класса при царском строе, и «передача сведений иностранцам» и т. п. Тогда, в 1939 г., после почти годового следствия, в г. Урюпинске состоялась

выездная сессия военного трибунала, которая рассмотрела в закрытом порядке «дело сельских учителей» [10]. Что конкретно вменялось в вину этим людям, можно определить по обвинительным заключениям.

Первым в списке обвиняемых значился Киляков Иван Григорьевич, 1892 г. р., со средним образованием, холостой, русский, происходящий из хут. Бесплемяновского, бывший прапорщик царской армии, эсер с 1907 г., активный участник «эсеровского заговора» в Урюпинске в 1921 г., осужденный за это органами ВЧК и приговоренный к лишению свободы на два года. Затем – Грибанов Михаил Ефремович, 1893 г. р., женатый, происходящий из крестьян хут. Верхнесоинского, участник «эсеровского заговора» в 1921 г.; до ареста работал в начальной школе учителем. Шишков Михаил Михайлович, 1884 г. р., происходящий из семьи торговца г. Урюпинска. В 1921 г. был арестован органами ВЧК за участие в «эсеровском заговоре», до ареста работал учителем неполной средней школы. Топилин Иван Егорович, родился в 1886 г., происходил из крестьян хут. Бесплемяновского. В 1918 и 1919 гг. служил в белой армии, до ареста работал рядовым колхозником.

Судом были отведены от обвиняемых подпункты 2, 8 и 11 (предусматривающие расстрел). Припомнив старую «контрреволюционную деятельность», И.Г. Килякову присудили 10 лет исправительно-трудовых работ, М.Е. Грибанову – 8, М.М. Шишкову – 8, И.Е. Топилину – 7 лет, с поражением в правах на 5 лет каждому [11]. Как сложилась в дальнейшем жизнь этих людей не известно, но все они определением судебной коллегии ВС РСФСР были реабилитированы в 1959 году [12].

На одном из пленумов Сталинградского обкома ВКП(б) начальник областного управления НКВД Шаров докладывал: «Враги народа готовили чудовищный акт против Климента Ефремовича Ворошилова, ожидая его приезда в Сталинград. Только за три месяца 1938 года удар по шпионам и диверсантам выражается цифрой в три раза большей, чем в 1937 году» [13]. В этой узковедомственной статистике было и дело о четырех «врагах народа» – урюпинских учителях.

В этом же году органами НКВД в г. Урюпинске была предпринята попытка сфабриковать более громкое дело – «партийное». Его маховик уже раскручивался; поводом как всегда послужил добросовестно составленный донос на первого секретаря райкома ВКП(б) Фёдорова. Дело двигалось к тому, чтобы распустить весь Урюпинский райком по причине «политической неблагонадежности» его членов. И только благодаря принципиальной позиции первого секретаря обкома ВКП(б) П.И. Смородина, «разгром» райкома не состоялся [14].

Таким образом, политика советского государства по отношению к казачеству в целом, и хопёрскому казачеству в частности, нанесла ему

страшный, во многом невосполнимый урон. Серьезнейшие отрицательные последствия сказались на всех без исключения элементах традиционной культуры казачества. Это привело к утрате многих базовых понятий, принципов, структур и явлений, определявших его сущностное содержание. И как следствие этого – трансформация казачества как уникального этнического и социального явления в истории России.

Возрождение российского казачества, начавшееся в 1990-е гг. прошлого столетия, стало важным историко-культурным событием в жизни страны. Законодательной базой возрождения казачества стало принятие Верховным Советом РСФСР Закона «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.) и Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» (18 октября 1991 г.).

В настоящее время казачество, в том числе воссозданные казачьи войска и структуры казачьего самоуправления, играют важную роль в современном российском социуме, общественных и политических процессах, активно сотрудничают с государственной властью.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 364. Л. 3.
2. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 443. Оп. 1. Д. 3. Л. 86.
3. Там же. Л. 48.
4. Архив УФСБ по Волгоградской области. Дело № 10256/10423 по обвинению Хопёрского заговора левых эсеров.
5. Там же. Л. 17.
6. Там же. Л. 18.
7. Там же. Л. 42.
8. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 123.
9. Архивный отдел администрации Урюпинского района (далее – АОАУР). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1933. Л. 15.
10. Там же. Д. 905(з). Справка ФСБ № 342/14 от 16 мая 1998 г.
11. Там же. Л. 6.
12. Архив комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий администрации Урюпинского района. Оп. 1. Д. 232. Л. 2.
13. Моисеев С.Б. Возвращенные имена. Волгоград, 1990. С. 89.
14. АОАУР. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1933. Л. 32.

**Казачьи контрреволюционные организации
в конце 1920-х – начале 1930-х гг.:
причины возникновения и масштабы деятельности***

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. по югу России прокатилась волна разоблачения органами ОГПУ контрреволюционных казачьих организаций. Их количество, численность вовлеченного в их деятельность населения говорила не просто о назревавшем в обществе недовольстве, но и о всерьез готовившемся выступлении против власти. Сводки ОГПУ содержали информацию о высказываемом населением недовольстве по различным социальным и политическим вопросам, среди которых были экономическая политика, в том числе политика хлебозаготовок, усиление процесса коллективизации в деревне, страх перед возможной войной с империалистическими державами и, напротив, желание этой войны как катализатора кризиса советской власти.

Исследователи выделяют ряд причин такого состояния советского общества в рассматриваемый период. К наиболее крупным и важным причинам можно отнести, во-первых, кризис хлебозаготовок 1927 г.

В 1927–1928 гг. ужесточаются административные меры и применяются меры уголовного наказания за отказ крестьян продавать зерно государству по предложенным твердым ценам. К проведению хлебозаготовок привлекается ОГПУ, которое уже с августа 1926 г. занималось выявлением причин задержки сбора хлеба государственными и кооперативными заготовителями. Затем органы ОГПУ начали заниматься раскрытием преступлений, связанных с растратами, хищениями, порчей зерна и другими действиями уголовного характера. В итоге деятельность ОГПУ придавала процессу хлебозаготовок характер политической борьбы, а уголовным преступлениям стал придаваться характер политических антисоветских преступлений [1].

Во-вторых, к важнейшим причинам также можно отнести так называемую «военную тревогу» конца 1920-х гг., связанную с нарастанием напряженности в отношениях с Великобританией и Китаем, когда, как отмечает А.В. Баранов, слухи о близкой войне со странами Антанты взбудоражили

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-11-34003 «Социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг.».

все слои общества и конфронтационность настроений населения стала быстро расти [2].

В-третьих, на общественные настроения повлияли набиравшие в 1929–1930 гг. темпы кампании по коллективизации и раскулачиванию. Деятельность местных советско-партийных органов по выполнению Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и выселению кулацких семей вызвали в ряде мест массовые протесты и выступления жителей станиц и хуторов, рост уголовного бандитизма.

Выделяя этапы протестного движения казачества юга России в период коллективизации, А.П. Скорик определяет конец 1920-х – начало 1930-х гг. как этап открытой конфронтации, наиболее ожесточенного противостояния между крестьянством и казачеством, с одной стороны, и сталинским режимом – с другой [3]. По мнению С.А. Кислицына и А.С. Кириченко, органы ОГПУ ожидали и готовились к массовому выступлению казаков против коллективизации, полагая, что бывшие казачьи офицеры и казаки-реэмигранты не станут на сторону колхозного строительства [4]. А.В. Баранов отмечал, что в период осуществления массовых выселений кулаков ОГПУ взяло на учет всех «неблагонадежных» казаков [5].

Наиболее полная информация о протестных действиях населения сохранилась в отчетах и информационных сводках ОГПУ. Так, по отчетам ОГПУ в Северо-Кавказском крае за май – июнь 1929 г. было отмечено 1047 выступлений и 183 теракта против хлебозаготовок [6]. В докладе ОГПУ о политическом состоянии казачьих районов Сталинградской области за 1937 г. перечислялись контрреволюционные казачьи организации, возникшие в казачьих округах области с 1929 по 1937 гг. Их появление связывалось с политикой ликвидации кулачества как класса и по времени совпадало с началом сплошной коллективизации. Согласно отчету, это были относительно крупные организации, квалифицируемые как контрреволюционные, бандитско-повстанческие. Из наиболее крупных отмечались организация в Хопёрском округе (1929 г.) в составе 600 чел.; повстанческая организация в составе 120 чел. на территории Клетского, Фроловского, Иловлинского и Качалинского районов (1930 г.); контрреволюционная повстанческая организация в составе 310 чел. на территории Урюпинского, Нехаевского, Алексеевского и Новониколаевского районов (1933 г.); контрреволюционная повстанческая организация в составе свыше 300 чел., охватившая 13 районов области (1937 г.), по которой на момент отчета еще велось следствие [7].

Вместе с тем исследователи не раз отмечали необходимость критического анализа данных ОГПУ, приводя примеры выявленных сфабрико-

ванных дел, таких, например, как дело «контрреволюционной казачьей организации Семерникова» (1933 г.), якобы готовившее восстание в ряде станиц 1-го Донского округа [8].

Весьма ценный материал для анализа реальной ситуации, связанной с существованием и действиями так называемых казачьих контрреволюционных организаций, дают уголовные дела их участников. Показания свидетелей и обвиняемых, обвинительные заключения в таких делах позволяют составить адекватное представление о происходившем.

Наиболее известным делом, позволяющим получить сведения о контрреволюционных настроениях в казачьей среде в конце 1920-х гг. является дело Харлампия Ермакова, арестованного Дон ОГПУ по обвинению в контрреволюционных действиях. Обвинения в адрес Ермакова были построены на показаниях свидетелей, суть которых сводилась к следующим характеристикам обвиняемого: «...в общем и целом Ермаков, тип социально-опасный, держит себя в настоящее время очень умело...», «в настоящее время Ермаков советскую власть ненавидит и всегда агитирует, что всё равно, рано или поздно, а наша возьмет...», «...в настоящее время держит себя контрреволюционно, вращается среди кулачества, давит бедноту и защищает интересы кулачества, выносит скрытое недовольство на коммунистов, смеется над существующей властью...» [9]. Коллегия ОГПУ приговорила Х. Ермакова к расстрелу, а в 1989 г. по постановлению Ростовского областного суда он был полностью реабилитирован.

Нередко в исследованиях протестных настроений казаков упоминается казачья контрреволюционная организация, выявленная в Хопёрском округе в 1929 г. Количество привлеченных по делу данной организации по документам ОГПУ по Нижневолжскому краю (НВК) определялось в 600 чел., что давало основание предположить весьма значительные масштабы деятельности. В обзорах ОГПУ по НВК при характеристике настроений населения после начала коллективизации отмечалось, что ликвидация капиталистических элементов в деревне и социалистическая реконструкция народного хозяйства привели к активизации деятельности контрреволюционных элементов, которые стали подготавливать белогвардейские кулацкие кадры к организации повстанчества с целью свержения советской власти. Особо отмечался рост антисоветских настроений в районах Хопра, где враждебные элементы казачества вновь встали на путь «организованной контрреволюционной повстанческой работы» [10]. С учетом того, что в 1929 г. Хопёрский округ был объявлен опытно-показательным районом по проведению сплошной коллективизации, которая должна была быть завершена здесь к 1 января 1930 г., рост социального недовольства крестьянско-казачьего населения представлялся вполне закономерным явлением [11].

В уголовном деле по расследованию деятельности участников Хопёрской контрреволюционной повстанческой организации значится 10 томов. По делу проходило 433 чел., организация действовала в 7 районах Хопёрского округа, а также деятельность ее распространялась на Камышинский округ, Калачевский район Центрально-Черноземного округа и Вешенский район Северо-Кавказского края. Организация охватила 150 населенных пунктов. В деле говорится о том, что главной целью деятельности организации было свержение советской власти в бывших казачьих районах путем вооруженного восстания и восстановление дореволюционных форм правления – атаманства, на основе отторжения бывших казачьих областей от СССР [12].

Такая формулировка обвинения звучала довольно фантастично в конце 1920-х гг. для небольшой части казачьей территории, располагавшейся на значительном расстоянии от границ с иностранными державами. Еще одно обвинение выглядело более правдоподобно – борьба с проводимыми советской властью мероприятиями: хлебозаготовкой, колхозным строительством, – путем активного противодействия им.

Всем участникам повстанческой организации было предъявлено обвинение по ст. 58 ч. 10 и 11 УК РСФСР – антисоветская пропаганда и агитация, призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти и различного рода организационная деятельность антисоветского характера [13]. Наказания, предусмотренные за эти преступления, были вплоть до расстрела [14].

В деле говорится о том, что организация терроризировала советский актив, распространяла провокационные слухи о скором падении советской власти, об интервенции капиталистических держав, установлении связей с заграничными белыми центрами и т. п. Социальный состав организации включал офицеров (43 чел.), кулаков (283 чел.), середняков (70 чел.), служащих (25 чел.), служителей культа (8 чел.). Организационные работы, по версии обвинения, проводили прибывшие из-за границы белогвардейские эмиссары, которые через бывших атаманов, кулаков и однополчан призывали казаков для вооруженного восстания.

На внешнеполитический фактор делается особый упор. Так отмечается, что в этот же период многие казаки, имеющие родственников за границей, получали письма с призывами к казачеству «готовиться и ждать прихода победоносных белых армий...» [15]. Распространялись слухи о продвижении китайцев с белыми армиями вглубь Союза, о выступлении поляков против СССР.

В качестве факторов, провоцировавших рост недовольства населения, в деле назывались слухи, распространяемые членами организации о том, что

власть готовит к 1 августа коммунистическую «Варфоломеевскую ночь», когда будут вырезаться все служившие в белых армиях, кулаки и т.д., что спровоцировало уход части населения в лес, выход кулаков из колхозов.

Организация окончательно оформилась к сентябрю 1929 г. При весьма внушительной общей численности и территориальной распространенности, она вряд ли могла представлять серьезную угрозу власти. Так количество людей, вовлеченных в организацию по районам и населенным пунктам НВК, свидетельствовало об ограниченных возможностях организации не только по поднятию вооруженного восстания, но даже эффективной антисоветской пропаганде. Например, по Нехаевскому району числилось 4 группы, каждая из которых охватывала своей деятельностью несколько населенных пунктов.

Численность участников в группах была различной: от самой крупной – 40 чел., которые действовали примерно в пяти хуторах, до группы численностью в 7 чел., объединявшей три хутора. Аналогичная ситуация сложилась и по другим районам действия организации. Так по Алексеевскому району самая крупная группа численностью в 42 чел. была расщеплена по 9 хуторам. По Кумылженскому району действовала только одна группа численностью в 9 человек [16].

По версии следствия все группы имели задачу организовать вооруженное восстание, однако при этом ни одна из групп не имела для этого в достаточном количестве оружия. В ходе проведения операции по раскрытию деятельности группы у обвиняемых было изъято 14 винтовок-отрезков, 2 револьвера и 8 пироксилиновых шашек. Оружие только предполагалось захватить в ходе восстания у милиции и на складах военведа. В показаниях раскрывалась информация малодостоверная, как например признание одного из обвиняемых, что в организации есть человек, который может в любой момент выставить 100 вооруженных всадников (по другим показаниям – 200 вооруженных чел.) [17].

Несмотря на то, что все обвинения основывались на признательных показаниях обвиняемых, а также на различных умозрительных рассуждениях о потенциальной контрреволюционной природе казаков, служивших в белых армиях (характеристика «бывший белый» была у 286 чел.), реэмигрантов, офицеров и кулаков, – участникам организации были вынесены суровые приговоры. 60 чел. были расстреляны, 70 чел. – расстрел заменили на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), остальные получили различные сроки (от 3 до 10 лет) ИТЛ и высылку в другие районы страны. Впоследствии все осужденные по этому делу были реабилитированы.

В 1930 г. репрессии против казачества усиливаются, так как необходимо было подавить попытки сопротивления населения процессу колхозного

строительства. Помимо уголовных дел, заведенных на тех, кто в станицах и хуторах сопротивлялся выселению кулаков, возобновляется раскрытие контрреволюционных организаций. Широко известным делом по раскрытию деятельности такой организации является дело А.С. Сенина.

Контрреволюционная организация под руководством А.С. Сенина была раскрыта в июле 1930 г. Действовала она на территории Вешенского района, а также охватывала своей деятельностью Кашарский район Донецкого округа, Усть-Медведицкий район Хопёрского округа, Морозовский и Обливский районы Шахтино-Донецкого округа. В обвинительном заключении по делу названы 98 чел. В деле говорится, что А.С. Сенин, бывший белый офицер, «...уйдя в подполье с 1930 г., принялся энергично сколачивать вокруг себя из кулацко-белогвардейского элемента, ущемленного мероприятиями Соввласти по части хлебозаготовок, контрактации, коллективизации и т. п., с целью поднять вооруженное восстание против власти Советов» [18].

А.И. Козлов, подробно изучивший дело А.С. Сенина, показал, что за внешней активностью самого Сенина и его соратников, по сути, не было реального дела, а разговоры и встречи с казаками, планы вооруженного выступления основывались на убеждении в том, что в среде казаков существует недовольство и готовность выступить, а также на слухах о наличии «за Доном» крупных антисоветских групп и отрядов, готовых ликвидировать советскую власть. У организации не было оружия, и, так же как и в случае с Хопёрской организацией, количество членов данной организации в конкретных хуторах было крайне невелико [19]. По делу А.С. Сенина 8 человек, включая его самого, были приговорены к расстрелу, остальные к различным срокам заключения в ИТЛ (до 10 лет) и высылкам в северные районы страны. Впоследствии все участники были реабилитированы.

В 1933 г. в Азовском районе была раскрыта казачья контрреволюционная кулацкая повстанческо-вредительская организация численностью 51 чел., которых обвиняли по ст. 58 пунктов 2 и 7, что означало подготовку и участие в вооруженном восстании и подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, кооперации и пр., что предусматривало высшую меру наказания. В соответствии с этим, основными обвинениями в адрес участников организации были существовавшее в решениях руководства организацией единое мнение о восстановлении монархического строя, власти атаманов, террористические акты в отношении советско-партийного актива, подготовка восстания, которое произойдет одновременно с объявлением СССР войны со стороны иностранных государств.

В экономическом плане цели организации, если таковая вообще существовала, выглядели более реальными и, по всей видимости, действи-

тельно отражали настроения казаков. К таковым относились и следующие цели: отмена колхозов, возвращение частной собственности и вольной торговли. К реальным факторам, способствовавшим возникновению и развитию протестных настроений, можно, на наш взгляд, отнести и неоднократно повторенную обвиняемыми информацию о вооруженных конфликтах на Кубани, формированию там широкой сети повстанческих организаций [20].

Станица Елизаветинская относилась к зажиточным станицам, в обвинительном заключении она характеризуется как станица, занимавшая особое положение по экономическому состоянию. В связи с этим наступление на кулака вызвало здесь резкое неприятие действий власти со стороны населения и вполне могло породить протестные настроения. Вместе с тем анализ действий членов организации показывает, что хищения рыбы, обмен ее и продажа казакам из других станиц, а также порча (умышленная или неумышленная) инвентаря для ловли рыбы были самыми серьезными действиями членов данной контрреволюционной организации. То есть, это были действия, которые максимум могли квалифицироваться как уголовные правонарушения, но никак не политические, государственные преступления.

Таким образом, анализ уголовных дел участников нескольких крупных контрреволюционных казачьих организаций дает основание предположить, что никакой реальной деятельности такие организации не вели и, вполне возможно, что как организации они сложились только в ходе проведения ОГПУ расследований. Об этом говорят слабая организация и плохая подготовка их участников, явно входившие в противоречие с масштабными целями таких организаций. При этом в делах достоверно отражено недовольство населения казачьих районов деятельностью партийно-советских органов, которое выражалось во всевозможных слухах о близкой войне с империалистическими державами и высказываемых по этому поводу суждениях, в характеристике колхозного движения и его возможных последствиях, отрицательных последствиях хлебозаготовок для жизни казаков и пр. Обвиняемые признавались (и это, скорее всего, было в действительности) в том, что собирались по домам и обсуждали все эти проблемы в обыденных беседах, «изливая душу» и нередко в сердцах делая весьма жесткие заявления о желательном скорейшем свержении власти «от которой не стало житья». Однако в рассматриваемых условиях сказанное «в сердцах» в житейском разговоре немедленно приобретало характер политического антигосударственного преступления.

В.П. Данилов, анализируя события и документы, раскрывающие политику власти в отношении крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг.,

во введении к первому тому сборника документов о трагедии советской деревни сделал вывод, что документы о конкретных крестьянских выступлениях данного периода показывают отнюдь не активное антисоветское движение, не картину агрессивного поведения населения в отношении органов власти и ее представителей, а протест и самозащиту населения от насильственных действий власти [21]. На наш взгляд, такая оценка спорна и в отношении казачьих контрреволюционных организаций.

Примечания

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 18.
2. Баранов А.В. «Военная тревога» 1927 г., как фактор развития политических ориентаций земледельцев Юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4 (29). С. 15.
3. Скорик А.П. К периодизации и типологии протестного движения казачества Юга России против коллективизации // Клио. 2010. № 3 (50). С. 140.
4. Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX в. Ростов н/Д: Ростиздат, 2007. С. 293.
5. Там же.
6. Там же. С. 295.
7. Архив Управления ФСБ Волгоградской области (далее – АУФСБ). Ф. 7. Д. 572. Л. 344–345.
8. Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ. соч. С. 300.
9. АУФСБ Ростовской области. Д. П-38850. Л. 5 об, 6–6об, 10–10об.
10. АУФСБ Волгоградской области. Ф.7. Д. 330. Л. 4.
11. Трагедия советской деревни. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 9.
12. АУФСБ Волгоградской области. Ф. 6. Д. 14310. Т. 10. Л. 1–2.
13. Там же. Ф. 6. Д. 14310. Т. 10. Л. 1 об.
14. Там же. Ф. 7. Д. 330. Л. 4.
15. Там же. Ф. 6. Д. 14310. Т. 10. Л. 4.
16. Там же. Л. 9–11.
17. Там же. Л. 13–15.
18. АУФСБ Ростовской области. Д. № 47489. Т. 1. Л. 1.
19. Козлов А.И. М.А. Шолохов: Времена и творчество. По архивам ФСБ. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. С. 255–256.
20. АУФСБ Волгоградской области. Ф. 7. Д. 114. Л. 2, 3.
21. Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 64.

Раздел 6

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ КАЗАЧЬИХ СТРУКТУР В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А.В. Аверьянов	335
М.А. Рыблова	341
С.В. Черницын	349
Г.А. Зайцев.....	356
Ю.Р. Федоровский	361

**Казачье возрождение на Дону
во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.:
проблемы взаимоотношений с властью**

Процесс интеграции донского казачества в социальную структуру российского государства растянулся на несколько веков. В результате казаки стали полноправным свободным сословием, главной обязанностью которого была военная служба. После прихода к власти большевиков в отношении казачества стала проводиться политика расказачивания. Казаки как собственники земли и вооруженная сила не вписывались в новую социально-политическую реальность советского общества. С середины 1930-х гг. начался процесс частичной реабилитации казачества. В годы Великой Отечественной войны казачьи подразделения принимали активное участие в сражениях против немецко-фашистских захватчиков. После войны на официальном уровне казачество воспринималось скорее как этнографический символ Юга России, элемент региональной культуры и традиций прошлого.

Ситуация в корне изменилась во второй половине 1980-х гг. в период демократизации советского общества на волне перестройки. Рост общественной активности обусловил создание казачьих организаций, ставящих своей целью возрождение традиционной культуры, исторической памяти и социально-правового статуса казаков.

У жителей Донского региона пробудился интерес к культуре и истории родного края. В 1987 г. в Новочеркасске в городском Доме культуры стали проходить встречи любителей донской старины, на регулярной основе начал заниматься хор казачьей песни Дона под руководством В. Наугольнова. В феврале – марте 1990 г. в Новочеркасске начало работу объединение интеллигенции, созданное Е.И. Кирсановым и В.Н. Михеевым, ставящее основной задачей познание и возрождение истории донского казачества, пропаганду казачьей культуры. Казачьи круги, клубы активно создавались во многих городах, станицах, районах Ростовской области. Кроме исторической столицы донского казачества в Новочеркасске они возникали в Ростове-на-Дону, Волгодонске, Азове, Шолоховском, Константиновском и многих других районах. Донским военно-историческим клубом имени М.И. Платова при Областном музее краеведения был проведен первый конный униформированный поход по маршруту Ростов – Старочеркасск – Новочеркасск – Ростов.

С декабря 1989 г. СКНЦ ВШ было учреждено научно-просветительское «Общество по изучению Донской истории и культуры». В мае того же года было учреждено культурно-историческое объединение «Вседонской круг», в состав которого в числе других организаций вошли историко-культурный клуб «Думенковцы-мироновцы», общественный комитет по восстановлению памятника М.И. Платову. Работа объединений находила определенное отражение на страницах региональной печати, в том числе в специальных выпусках таких периодических изданий, как «Молот» («Донское слово»), «Комсомолец» («Казачий круг»), «Волгодонская правда» («Донские известия»), «Донские огни». 14 октября 1990 г. в Ростове-на-Дону по инициативе потомков казаков состоялся праздник донского казачества, не отмечавшийся семьдесят два года. Активно налаживались связи с казачьим зарубежьем – потомками эмигрировавших после Гражданской войны казаков.

В этот же период наметилась тенденция к консолидации многочисленных казачьих организаций, согласованию своих планов и усилий в деле возрождения казачества с центральными выборными и представительными органами в Москве: Союзом казаков, Федерацией военно-исторических клубов при ЦК ВЛКСМ и т. д. [1].

Помимо культурно-просветительской деятельности шел активный процесс общественно-политической институционализации казачьего движения, как на российском, так и на региональном уровнях. 29 июня 1990 г. на съезде казаков в Москве атаманом Союза казаков России был избран уроженец г. Ростова-на-Дону (станция Гниловская) А.Г. Мартынов. На состоявшемся в Ростове-на-Дону 18–19 ноября 1990 г. Большом круге Союза казаков ОВД атаманом Войска Донского стал Михаил Михайлович Шолохов, сын знаменитого донского писателя М.А. Шолохова [2].

На рубеже 1980–1990-х гг. по числу сторонников и сочувствующих казачье движение было наиболее крупным и влиятельным в регионе. Оно охватывало широкие слои населения. Его основу составляли промышленные и сельскохозяйственные рабочие (59,6 %), а также служащие (40 %), в меньшей степени – колхозники и интеллигенция. По результатам социологических опросов большинство жителей (более 60 %) Ростовской области оценивало процессы возрождения казачества положительно. Около 80 % респондентов проявляли интерес к социальным, культурным и политическим процессам возрождения казачества [3].

Массовость казачьего движения, с одной стороны, обуславливала его сильную сторону; с другой стороны – недостатки: делала его аморфным, рыхлым, неоднородным. Спорными виделись роль и место казачества в структуре стремительно меняющегося советского общества. В казачьей

среде шла борьба за лидерство, выбор стратегии дальнейшего развития, росли политические амбиции и требования к власти, в том числе радикального характера.

Политизация и радикализация казачьего движения проявлялись в стремлении «участвовать в формировании органов государственной власти и управления, осуществлять законодательную инициативу, участвовать в выработке решений государственной власти и управления» [4]. Одним из ключевых требований казачьих организаций было «восстановление исторической справедливости по отношению к казачеству и его роли в судьбе России».

В уставе общественно-патриотического движения «Казачий круг» г. Новочеркаска в качестве важнейшей цели отмечалось проведение общественного расследования по факту геноцида в отношении казачества и русского населения в послеоктябрьский период. Казаки занимали бескомпромиссную позицию в оценке событий Гражданской войны и политики расказачивания на Дону. В числе других требований значились восстановление исторических названий городов, станиц, хуторов, улиц; воссоздание территориальных границ области Всевеликого Войска Донского, возвращение принципа окружного административного деления Донского региона, закрытие строящейся Ростовской АЭС и т. д. Наиболее радикальные казачьи организации заявляли о необходимости создания Донской республики [5].

Неоднозначная реакция на процессы казачьего возрождения отмечалась как в самой казачьей среде, так и среди потомков неказаков, а также представителей национальных диаспор на Дону. Она была связана с опасениями роста радикальных националистических настроений, попытками передела собственности, сфер влияния в региональной экономике.

Нарастание политической активности казачества, его популярности среди населения оказывало определяющее влияние на характер взаимоотношений с региональными государственными и партийными структурами. Падение авторитета КПСС, массовый выход из партии, утрата рычагов контроля над социально-политическими процессами, а также нежелание идти вразрез с общественным мнением вынуждало региональное партийное руководство занять по отношению к казачьему движению сдержанную («критически-конструктивную») позицию.

Учитывая, что среди казачьих активистов было много членов КПСС, областные партийные структуры и умеренная часть казачьего движения выражали готовность к взаимному сотрудничеству. В уставных и программных документах казачьих организаций прописывалась обязанность соблюдать законодательство СССР и РСФСР. В руководящие органы

казачьих структур регулярно делегировались представители от Коммунистической партии. Ростовский обком КПСС рассматривал казачий фактор как ресурс для обеспечения стабильной общественной обстановки, возрождения позитивных бытовых традиций, оказания помощи военкоматам, комсомолу в патриотическом воспитании допризывников, повышении культуры общества [6].

Радикализация политического процесса на рубеже 1980–1990-х гг., а также ухудшение социально-экономической ситуации в стране на позднем этапе перестройки обуславливали рост напряженности во взаимоотношениях между казачьими и властными структурами. Усилился отток казачьих активистов из рядов КПСС, в некоторых районах области фиксировались конфликтные ситуации с участием представителей власти и казачества. Со стороны партийных органов звучала критика в проявлении «русофильства, национализма, шовинизма, проникновении в казачьи круги и клубы негативно и даже экстремистски настроенных элементов, включении самих кругов в политизированные движения, популистские интриги и другие акции, носящие антисоциалистический, антипартийный характер» [7].

Одним из факторов, вносившим неопределенность в отношения между казаками и властью, был размытый и неопределенный социально-правовой статус казачества. Несмотря на то, что большинство ученых были единодушны в оценке казачества как особой социальной группы, качество и характер ее особенности каждый из них определял по-своему. Так, например, А.П. Скорик считает, что казачество можно характеризовать как народность, в то время как А.И. Козлов, А.В. Венков, В.П. Трут говорят о казачестве как об уникальной этносоциальной общности в структуре российского общества. По мнению А.А. Озерова, в реальной политике представления о разной «природе» казачества (этнической или сословной) привели к политическому и организационному расколу казачьего движения, к принятию на разных этапах его возрождения противоречащих друг другу нормативных актов, определяющих правовой статус казачества [8].

Неопределенный социально-правовой статус казачества затруднял формирование адекватной государственной политики. Несмотря на то, что принятый 9 апреля 1991 г. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» формально распространялся на казачество, отсутствие конкретных механизмов его реализации значительно затрудняло начало реабилитационных процессов [9]. Указ Президента РФ от 25.06.1992 № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» и Постановление Верховного Совета РФ от 16.07.1992 № 3321-1 «О реабилитации

казачества» знаменовали собой начало нового этапа в отношениях между казачеством и властью на фоне крушения советской и зарождения современной российской государственности [10; 11]. Однако указанные нормативно-правовые акты не предусматривали такой формы реабилитации как передача в собственность вновь созданным общественным организациям казаков имущества, ранее принадлежавшего станичным образованиям и поселениям, что значительно снижало политический и экономический ресурс казачьего движения.

На излете перестройки в условиях дальнейшей радикализации общественно-политической ситуации в стране и снижения роли КПСС, в целях сохранения своей ниши в обновленном партийно-политическом спектре, региональные партийные структуры были вынуждены поступиться идеологическими принципами и официально пересмотреть свое отношение к политике большевиков по отношению к казачеству после Октябрьской революции 1917 г., а также заявить об оказании всяческого содействия казачьему движению.

На XXIV Областной партийной конференции было принято решение об оказании помощи и поддержке возрождения исторических и культурных традиций донского казачества. Президиум областного Совета народных депутатов также принял специальное решение по данному вопросу. Областная партийная организация признала необходимость переоценки большевистской политики в отношении казачества в годы Гражданской войны и в последующий период. 9 апреля 1991 г. Бюро Ростовского обкома КПСС постановило «решительно осудить политику расказачивания с применением мер насилия и массового уничтожения представителей казачьего населения», а также инициировать «обращение в ЦК КП РСФСР и ЦК КПСС с предложением принять специальные постановления по данному вопросу». Региональными партийными структурами было решено инициировать внесение на рассмотрение Верховного Совета РСФСР предложение о разработке Государственной программы возрождения традиций российского казачества [12].

Августовские события 1991 г. в Москве и последовавший за ними запрет КПСС подвели черту под историей взаимоотношений между советскими партийными органами и казачеством. Позднесоветский период имел большое значение для выработки оптимальных форм взаимодействия между ними в новых политических условиях. Он продемонстрировал, что, несмотря на имевшиеся сложности, складывавшийся формат сотрудничества между общественными казачьими структурами и властью способствовал сохранению стабильности в регионе. Был проделан значительный объем работы в рамках сложного и многомерного процесса возрождения

казачества, его исторической и правовой реабилитации, который продолжился после распада СССР на современном этапе развития российской государственности.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 102. Д. 349. Л. 1.

2. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Л. 54.

3. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 597. Л. 4.

4. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 597. Л. 2об.

5. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 349. Л. 27–28.

6. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 349. Л. 2.

7. Там же.

8. Озеров А.А. Казачество в современном российском обществе: институционально-политический анализ: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Ростов н/Д, 2006. URL: <http://www.dissercat.com/content/kazachestvo-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve-institutsionalno-politicheskii-analiz> (дата обращения: 28.04.2017).

9. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/10200365> (дата обращения: 29.04.2017).

10. Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества». URL: <http://base.garant.ru/12123593> (дата обращения: 29.04.2017).

11. Постановление ВС РФ от 16.07.1992 № 3321-1 (ред. от 26.06.2007) «О реабилитации казачества». URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-16071992-n-3321-1> (дата обращения: 29.04.2017).

12. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 103. Д. 12. Л. 9.

Конструкты, образы и символы «этнического казачьего возрождения» на Юге России

Движение за возрождение российского казачества, начавшее развиваться с середины 1980-х гг., уже давно стало предметом пристального внимания ученых разных специальностей: историков, культурологов, политологов. Однако интерес исследователей до сих пор был направлен преимущественно на анализ и оценку успехов и проблем так называемого реестрового казачества, ориентированного на государственные структуры, программы и финансирование. Между тем в казачьем движении активно развивается также и «этническое направление», ставящее своей целью возрождение, укрепление и развитие казачьей этничности. Это направление неоднородно, представлено как городскими казаками, так и сельскими жителями, фольклорными коллективами и сообществом историков и этнографов, не только общественными организациями, но и частью «реестровиков». В идейном отношении здесь сталкиваются, как на поле брани, ярые националисты и те, кто позиционируют казачью традицию как часть общерусской; сторонники бережного возрождения и популяризации утраченных традиций и те, кто пытаются сконструировать новую общеказачью идентичность и традицию. Все эти идеи находят свое воплощение на страницах периодической печати и в сети Интернет.

К настоящему времени имеются некоторые наработки в оценке роли информационно-коммуникативного пространства Интернета в процессе «казачьего возрождения» [1], в анализе образов и символов исторического прошлого, репрезентируемых современными казачьими организациями [2], в осмыслении процесса «казачьего этнического мифотворчества» [3], однако эти исследования нуждаются в дальнейшем продолжении. Сейчас уже накоплен значительный по объему материал, отражающий и этапы собственно этнического казачьего движения, и не менее ценный опыт, в котором отразились и идеалистические перегибы, и реальные результаты работы, направленной на возрождение того, что сами казаки называют «казачьим духом», а ученые не менее расплывчатым термином – «казачья этничность». Как бы ни понималась последняя сторонами разных подходов к трактовке этого понятия (примордиалистами, конструктивистами, инструменталистами и др.), на сегодняшний день стало очевидным, что накопленный опыт требует пристального внимания и осмысления со стороны научного сообщества.

Автор настоящей работы, не претендуя на столь широкий замах, предполагает ограничиться в рамках статьи лишь выявлением некоторых ключевых конструктов и образов этнического казачьего возрождения, нашедших воплощение на страницах периодической печати и в сети Интернет. Этот методологический прием связан с пониманием того, что неинституализированные движения, не имеющие четко сформулированных программных документов, могут быть, тем менее, подвергнуты научному исследованию посредством анализа создаваемых ими и пропагандируемых визуальных образов и символов, за которыми стоят (просматриваются, считаются заинтересованным взглядом) истинные цели и ценности.

Результаты проведенного исследования можно сформулировать в виде нескольких тезисов.

1. Важнейшей идеей «этнического возрождения» стало безусловное признание того, что в настоящее время существует «казачий народ», состоящий из потомков представителей всех казачьих войск дореволюционной России. Этот «народ» позиционируется как единый, но в его составе выделяются несколько этнических групп (в варианте – «народностей») [4]. Обычно речь идет о запорожских, донских, кубанских, терских и уральских казаках.

Споры о происхождении казаков на сайтах и форумах не прекращаются, равно как и попытки возможно большего удревления их истории. Однако главными признаками приверженности к «этническому направлению» (сформулированному наиболее четко этническим сообществом «Казарла») является сам факт признания казаков этносом, отдельным от русского народа, наличие у них собственной (самобытной и единой) культуры, а также возможность причислить себя к казакам только при условии наличия казачьих предков [5].

2. Понимание того, что самосознание народа должно закрепляться в самоназвании, привело этнических казаков к выработке соответствующей («этнической») терминологии. Одним из вариантов самоназвания стал термин «казарла» (давший название «этническому журналу»), способный, по мнению конструкторов этого термина, объединить воедино отдельные группы (субэтноты) казаков, так как производные от него (*казара*, *казарно* и пр.) использовались, например, яицкими (уральскими), черноморскими и кубанскими казаками [6]. В то же время, понимая некоторую экзотичность термина «казарла» (а также его негативную коннотацию), в быту представители «этнического возрождения» предпочитают называться просто казаками, при этом подчеркнуто избегают прочно вошедшего в официальный дискурс термина «казачество» как отсылающего к сословной, а не этнической традиции.

3. По-прежнему ключевой идеей «этнического возрождения» остается воссоздание этнической Родины. На сайтах и форумах актуальны темы казачьей автономии и казачьей республики, воспроизводимые в разных образах – Земель Казачьего Присуда, Старого Поля, Казачьей республики, взятых из донской традиции, или Казакии, созданной в эмиграции [7]. Широко используется именно в контексте этничности и реестровыми организациями, и теми, кто имеет ярко выраженную националистическую ориентацию, образ народа-жертвы, пострадавшего от большевистского правительства, с утверждением, что «порабощение» сохраняется и в наши дни [8; 9].

Однако наряду с призывами освобождения Земель Казачьего Присуда от «оккупантов», воссоздания Великой Казакии и прочими лихими лозунгами ярких казачьих националистов звучат более реалистические (хотя и весьма трудно исполнимые) призывы к планированию постепенного возврата казаков на места жительства своих предков, создания совместных поселений в сельской местности и казачьих землячеств в городах. Формулируются и конкретные задачи по реализации этой цели: скупка земель, создание рабочих мест, продвижение «своих» в местную власть, создание «сети горизонтальных связей» и пр. [10]. И общественными, и реестровыми организациями ведется активная работа над созданием образа малой родины, понимаемой как место непосредственного проживания потомков казаков, – хутора, станицы, края (Кубани, Дона и пр.).

4. Получает дальнейшее развитие идея о неразрывной связи этнической идентификации российских казаков с православием. Православная символика становится одной из ведущих, воспроизводится на страницах СМИ и в сети Интернет в виде поклонных крестов, икон и православных храмов. Сложившаяся традиция установки поклонных и памятных крестов в казачьих поселениях получила широкое распространение и стала своеобразным символическим призывом к духовному возрождению казаков России. Ведется большая просветительская работа, направленная на ознакомление казаков с православными праздниками, святыми и пр.

Вместе с тем «религиозное возрождение» также не лишено своих проблем, так как «этническим казакам» нередко приходится примирять православные традиции предков с их же традициями языческими, связанными прежде всего с воинскими практиками. Так, с одной стороны, идет ожесточенная борьба между казаками-христианами и представителями неоязычества [11]. С другой стороны, где-то между древним православием и язычеством оказался такой конструкт современных (преимущественно городских) казаков, как «Казачий Спас», обогащаемый не только новыми мифами, но и социальными практиками (создание групп, центров, лаге-

рей по обучению тайной казачьей науке) [12]. Однако показательно, что символ ранней «казарлы» – волчья голова – ушел в прошлое и в настоящее время уже не воспроизводится, уступив место воинственности, воплощенной либо в православных, либо в конфессионально нейтральных символах.

5. Продолжается возрождение и популяризация воинских традиций казаков. Однако на нынешнем этапе ставится глобальная задача создания национальных (этнических) казачьих видов спорта. Воинские традиции, составляющие основу этнической самобытности казаков, в равной степени широко используются в программах «возрождения» и теми, кто радеет за государственную службу, и сторонниками казачьей этничности. Однако если первые привязывают их к таким формам госслужбы, как патрулирование, служение в российской армии и пр., то последние, прекрасно понимая несуразность соединения, например, «нагаечного боя» с современной технической оснащенностью силовых структур, предлагают превращение традиционных практик подготовки казаков-воинов в современные казачьи игры или виды спорта.

Подача комплекса воинских традиций и связанных с ними практик именно в игровой форме стала одним из весьма удачных брендов «этнического казачьего возрождения», тем более что вся культура казаков раннего периода их истории была во многом игровой, состязательной, соответствующей статусу молодости (молодечества). И если представители реестровых казачьих обществ нередко получают у наблюдателей прозвище «заигравшихся в войнушку взрослых», то «этническое движение» пытается позиционировать себя в качестве взрослых казаков, способных «поиграть на досуге». В связи с этим показательно отмежевание «этнических казаков» от сходных практик, используемых реестровыми организациями, выраженное в словах одного из организаторов казачьих «шермиций» А. Ярового: «Есть этнокультурное воспитание, а есть военно-патриотическое, и я работаю всё же в первом направлении. Оно нацелено на сохранение этнической идентичности и культуры. Они переплетаются, но не подменяют друг друга... Шермиции восстанавливаются как институт социализации и инициации детей и молодежи, как праздничное времяпрепровождение взрослых казаков и как форма существования казачьей культуры на современном этапе» [13].

Современные казачьи «этнические игры» находят воплощение во множестве мероприятий и организаций (Федерация казачьих воинских искусств «Шермиции», казачьи игры «Степная вольница», Федерация рубки шашкой, чемпионат по рубке шашкой «Пластуновская казарла», конкурс авторского клинка, национальные казачьи игры «Георгиевские шерми-

ции», конкурс мастеров-оружейников на звание лучшего изготовителя шашек и пр.). Таким образом, одиозному мифическому «казбою», сконструированному в начале 2000-х гг. [14], нынешние «этнические казаки» пытаются противопоставить реальные этнические казачьи традиции, связанные с владением клинком, пикой, джигитовками и скачками, кулачным боем и пр. [15].

7. Идет активное конструирование народной материальной культуры. Ее ключевыми образами стали казачий дом и казачий костюм. Они создаются как универсальные, характерные для всех казаков и, как правило, противопоставленные русской народной традиции.

При формировании в сознании современных казаков образа народного (или «национального») казачьего дома обращаются к такому древнему типу жилищ, как курень, определяя его в качестве едва ли не единственного и якобы характерного для всех групп казачества. Помимо куреня (имеющего тюркские корни) у части донских казаков и всех прочих групп российских казаков существовало много других (восточнославянских) типов жилых построек: хаты с чуланом, протяжные хаты, пятистенки и др. Однако стремление современных конструкторов к обособлению и отчуждению культуры казаков от русской народной традиции привело некоторых из них к созданию образа мифического казачьего куреня, приближенного почему-то к традиционным постройкам горцев Кавказа, с якобы присущим ему строгим разделением на мужскую и женскую половины и выделением кунацкой, «в которую никогда не заходили взрослые и дети» [16; 17].

Большое внимание участники этнического возрождения уделяют конструированию и популяризации народного казачьего костюма. За образцы создаваемых современных форм берутся отдельные элементы традиционных комплексов женской и мужской одежды разных казачьих групп (запорожских, донских, кубанских, терских). При этом главный принцип, из которого исходят участники движения, заключается в том, чтобы противопоставить собственно «национальный костюм» навязанной когда-то казакам официальной военной форме. Категорический отказ «этнических казаков» от гимнастеров, погон и медалей должен подчеркнуть направленность их движения к возрождению казачьей этничности, а не сословности. Сам же «национальный костюм» воспринимается как отличительный знак, символ «этнического движения». Предпринимаются попытки связать истоки казачьего костюма со скифами, аланами, другими народами древности и раннего Средневековья [18]. Однако чаще всего главными элементами современного мужского казачьего костюма «этнических казаков» провозглашаются черкеска, башлык, бешмет и шаровары. В женском костюме лидером стал такой элемент традиционной одежды донских

казачек, как кубелёк, имеющий татарское происхождение, несмотря на то, что, например, на Дону женщины повсеместно носили русские головные уборы, а верховые казачки также сарафаны и понёвы.

Таким образом, при выборе элементов современных комплексов одежды, также как и при формировании образа казачьего дома, «этнические конструкторы» нередко отдают предпочтение тем, которые дают возможность отделить казаков от русской этнической традиции и сблизить их с кавказской или тюркской. Создаваемый национальный костюм призван не только провести грань между «реестровиками» и сторонниками «этнического возрождения», но также подчеркнуть этническую самобытность казаков, их традиционной культуры.

Впрочем, представители «фольклорного движения» в последнее десятилетие стремятся к созданию аутентичных сценических комплексов одежды, в которых нашли свое место и тюркские кубелеки, и русские сарафаны и сукманы, и поздние (связанные с городской модой) платья и парочки. В конечном счете постепенное избавление от комплексов «затушеванной этничности» ведет участников движения к презентации культуры казаков как полиэтничной, гармонично вобравшей в себя традиции многих народов и разных эпох, но всё же дистанцируемой от русской народной.

8. Одним из важнейших направлений этнического казачьего движения стала работа над возрождением и сохранением языка. Здесь полемика ведется в широких рамках: от определения «казачьего языка» в качестве древнейшего, связанного с санскритом, рунами (в этническом плане – со скифами, сарматами, готами и пр.) до признания казачьих говоров диалектами и постановки задач борьбы за обретение ими статусов самостоятельных языков [19; 20].

Особенно активно пропагандирует «национальный казачий язык» журнал «Казарла», публикующий материалы по его грамматике, разговорники и пр. На страницах журнала звучат призывы не выдумывать новый язык, не уводить его искусственно от русского литературного, а вести системную работу по воссозданию языка казаков начала XX в. [21]. В реальной практике отдельными энтузиастами ведется работа по расширению базы имеющихся словарей казачьих говоров, созданию и публикации художественных произведений на диалектах, организация лингвистических экспедиций в места компактного проживания казаков и пр.

Вместе с тем работа над языком не сводится к простому его возрождению и пропаганде, вполне возможно говорить и о планомерном его конструировании. При этом исследуется уже имеющийся исторический опыт по созданию или возрождению национальных языков, например иврита. Современные казачьи языковые конструкторы разнятся по структуре: речь

может идти о едином «казацьем языке гутаре» или же «гутарами» называются отдельные диалекты. Так, в одном из конструкторов в едином казацьем («национальном») языке выделяются: 1) гутар с верхнедонским, нижнедонским, терским, кубанским линейским диалектами; 2) примыкающий к гутару говор яицких казаков, который отличает большой процент тюркизмов и 3) балачка – язык кубанских казаков-черноморцев, также распространённый на Тереке [22]. В другом варианте язык казаков Дона и Кубани именуется «балачкой» и отделяется от донского «гутара», который признается диалектом русского языка. При этом выделяется три основные «разновидности балачки»: кубанская, донская и горская [23].

Таким образом, можно говорить о значительных изменениях, произошедших в последние годы в осмыслении казаками задач и целей движения и всё большей их ориентации на возрождение этничности и культурных традиций. Наряду с сохраняющимися тенденциями резкого обособления этих традиций от общерусских наблюдается постепенный отход от воинственной и радикально-националистической риторики и стремление преодолеть раскол между «реестровыми» и этническими организациями. Как и прежде, в роли основных конструкторов казацкй этничности выступают «городские казаки», стремящиеся, однако, к налаживанию всё более прочных связей с казаками, проживающими в сельской местности (на так называемой этнической родине).

Примечания

1. Перцева Ю.В. Возрождение казацкй культуры в информационно-коммуникативном пространстве Интернета // Известия ВГПУ. 2014. С. 41–46.
2. Рвачева О.В. Социальная память потомков казаков: репрезентация событий и образов // Известия ВГПУ. С. 318–323.
3. Рыблова М.А. «Казаки возвращаются!»: история и судьба одной научной теории // Казачество: прошлое и настоящее. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 278–285.
4. Донская казацкя республика: [сайт]. URL: <http://milyutinskya-dkr.kazforum.net/t392-topic>
5. Идеи Казарлы. URL: <http://kazarla-journal.livejournal.com/40197.html>
6. Происхождение слова «казарла» // Казарла. 2012. № 6 (19). С. 1.
7. Взгляд рядового казака на ситуацию на Украине // Майдан вольно-казацкего движения: [сайт]. URL: <http://forum.prisud.com/index.php?topic=951.0>; Донская казацкя республика: [форум]. URL: <http://dkr.3nx.ru/viewforum.php?f=2>; Казачий Круг Дона: [сайт]. URL: <http://milyutinskya-dkr.kazforum.net/t392-topic>
8. Рвачева О.В. Указ. соч. С. 320.
9. Имперский казачий союз: [сайт]. URL: <http://iks2010.org/>
10. Вольная станица: [сайт]. URL: <http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=29&t=228>

11. Ковалев Д. Креста на них нет // Казарла. 2012. № 5 (18). С. 48–50.
12. Тайная наука казаков-характерников // Любодар: [портал]. URL: <https://lubodar.info/spas-velikij-tajnaaya-nauka-kazakov-harakternikov>
13. Культурный ландшафт для казаков // Эксперт. URL: <http://ikexpert.ru/south/2015/39/kulturnyj-landshaft-dlya-kazakov>
14. Ерашов В.А., Задунайский В.В. Пособие по казачьему боевому искусству. НПК «Гефест», 2003.
15. К теме о национальном виде спорта донских казаков // Дикое поле: [сайт]. URL: https://dikoepole.com/2010/07/27/kazboy_01
16. Иванченко И. Жилища донских казаков. URL: <http://www.microarticles.ru/article/zhilischa-donskih-kazakov.html>
17. Казачий курень // Марьино: [сайт хуторского казачьего войска]. URL: <http://kazaki-marino.ru>
18. Казачий национальный мужской костюм: истоки и современность. URL: <http://karabai96.livejournal.com/2695.html>
19. Казачий говор (язык) // Казачий информационно-аналитический центр. URL: http://kazak-zenter.ru/load/khronika_kazachestva/tradisii_kazachestva/kazachij_govor_jazyk/13-1-0-539
20. Язык. Вольно-казачье движение. URL: <http://prisud.com/natsiia/iazuk>
21. Капустин П. Проблемы сохранения гутара // Казарла. 2011. № 5 (12). С. 44–49.
22. Там же.
23. Балачка. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Использование казачьих традиций в этническом образовании Ростовской области: опыт 1990-х гг.

Прошедшие «лихие 90-е» характеризуются резкой ломкой социально-экономического уклада, образа жизни людей, разрушением системы. Составной частью этих процессов стали дальнейшее обострение национальных проблем, активизация этнических противоречий и конфликтов. На этом фоне наблюдался рост интереса не только к традициям прошлого, но и к вопросам этнического образования. Ряд исследователей (Г.С. Денисова, М.Н. Кузьмин, А. Данилюк и др.) рассматривают постсоветский период, включая 1990-е, как отдельный этап в развитии национальной школы [1]. В ситуации мировоззренческого кризиса, когда отвергались прежние советские ценности, среди части педагогического сообщества укрепилось мнение, что обращение к «истокам народной культуры» может изменить положение [2].

В течение 1990-х гг. были приняты Концепция государственной национальной политики РФ, Федеральный Закон «О национально-культурной автономии», а при федеральном Министерстве образования начал функционировать научный институт, занимающийся национальными проблемами образования. Тогда же увеличивается количество работ по этнопедагогике, а этнокультурная тематика стала устойчивым явлением в этнологической библиографии. В научный лексикон вошли термины «этнизация» или «этнопедагогизация» образования, то есть системное использование этнических традиций в учебном процессе. В работе мы попытаемся, обобщив опыт использования казачьих традиций в системе образования Ростовской области, выделить проблемы и перспективные направления, которые сохраняют значимость и в настоящее время.

Уточним некоторые понятия. Этническое образование, на наш взгляд, – это подсистема в образовательном комплексе, которая функционально ориентирована на формирование позитивного этнического самосознания (идентичности) и основывается на использовании этнокультурного наследия. Если рассматривать структуру образовательного комплекса (в нашем случае – Ростовской области), то его этническими компонентами можно считать следующие социальные институты.

Во-первых, – это учреждения с акцентированным этническим компонентом, что отражено в их названии и целях, зафиксированных в устав-

ных документах. Именно они именуются как «национальная, этническая» школа, «школа диалога культур» и др.

Во-вторых, – можно назвать широкий круг учреждений дополнительного школьного (кружки, факультативы) и внешкольного (кружки, объединения) образования. В первом случае речь идет о работе в рамках общеобразовательной школы, а во втором – вне ее в специальных образовательных учреждениях (Дома творчества детей и молодежи, станции юных туристов, экологические и краеведческие центры и др.).

Наряду с этими группами также следует указать воскресные школы, культурно-исторические клубы и кружки при учреждениях культуры (музеи, библиотеки), клубы исторических реконструкций, спортивные учреждения (например, секции этноспорта).

Выбор именно казачьих традиций объясняется тем, что в 1990-е гг. как регионализация образования в контексте темы «История и культура Дона», так и его «этнизация» преимущественно проявлялись через обращение к историко-культурному наследию казачества. Это явление, в свою очередь, связано с исторической ролью донских казаков и превращением их культуры в своеобразный символ региона, вследствие чего в массовом сознании с дореволюционных времен утвердился стереотип «Дон – казачий край».

Несмотря на социальные потрясения и трансформации первой половины XX в., в казачестве сохранились групповая идентичность и частично – этнические традиции. В этнографической литературе именно донские казаки рассматриваются как классический пример внутриэтнических образований – субэтносов [3]. И если обратиться к практике работы музеев, школьных кружков и факультативов, использованию региональной символики в Ростовской области в послевоенный период, то казачья тематика и в советское время была преобладающей.

Свою роль сыграло и то, что казачество стало в 1990-х гг. заметной общественно-политической силой, признаком современного этнического развития Дона. Процесс его политической активности начинается с конца 1980-х гг., при этом оно не только заявляет о претензиях на прежнее высшее положение, но и об ответственности за исторические судьбы региона [4].

Согласно материалам социологических исследований, проводившихся службой «Мониторинг» по заказу Администрации Ростовской области, на начало 1990-х гг. около 28 % населения области (т. е. свыше 1 млн человек) так или иначе идентифицировали себя с казачеством [5]. И хотя по материалам Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. донскими казаками назвало себя меньшее количество соотечественников, исследователи

(В.Н. Королев, В.П. Трут) определяют их численность в пределах 1–2 млн человек [6; 7].

Статус казачества, в отличие от других групп населения Дона, был зафиксирован нормативными актами: Законом РФ от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», Указом Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества». Также можно назвать Постановление Верховного Совета РФ о реабилитации казачества (июль 1992 г.), Указ Президента РФ № 341 (от 15.03.1993), подтверждавший государственную поддержку казачеству. В 1994 г. был создан Совет по делам казачества при Президенте РФ [8].

На местном уровне положение казачества оговаривается в Уставе Ростовской области (19 апреля 1996 г.) (Раздел II. Гл. 4. Ст. 23–26). В процессе реализации указов Президента только за 1997–1998 гг. было принято около 20 постановлений и распоряжений Главы Администрации (Губернатора) Ростовской области, касающихся возрождения казачества [9].

Правовую базу функционирования образовательного комплекса области применительно к казачеству составляют нормативные документы федерального (ФЗ РФ «Об образовании» и «О местном самоуправлении в Ростовской области») и регионального уровней. Перечень основных документов, принятых в 1994–1997 гг. и в целом сформировавших в 1990-х гг. правовую основу для развития казачьих образовательных учреждений, рассматривается автором в отдельной публикации [9].

Знакомство с содержанием документов, отражающих видение задач образования в контексте возрождения казачества как представителями федеральных властей, так и идеологами движения, позволяет отметить следующее.

1. Наряду со статьями, непосредственно связанными с образованием, в документах основное внимание всё же уделялось определению статуса казачества, вопросам хозяйственного развития, службы, сохранению и развитию культуры и т. д. Казачье образование должно было обеспечить решение этих вопросов. Задач по сохранению этнической идентичности и традиций не ставилось.

2. В документах делался акцент на «образование и воспитание в целях перехода на государственную службу», но не говорилось о сохранении казачьих традиций и идентичности, об использовании культурного наследия в воспитании и др.

3. В предложениях казачьих лидеров, адресованных Администрации и Минобразования Ростовской области, заметен расчет на развитие казачьего образования на базе государственной образовательной системы.

Речь не идет о создании внебюджетных учреждений образования, о финансировании за счет войсковых средств. Наоборот, ожидания связывались с областным бюджетом, что приводило к противоречиям с законодательством при использовании религиозных компонентов (например, чтение молитвы перед уроком).

4. В документах приводилось очень расплывчатое, некорректное определение понятия «казачество», хотя в научной литературе имелись четкие, аргументированные формулировки. Неточность определений (и конкретных задач) вызывало (и вызывает) вопрос: рассматривать казачьи образовательные учреждения (далее – ОУ) как «чисто» этнические, наподобие армянских, грузинских, еврейских школ; либо – в качестве одного из вариантов русской национальной (этнической) школы. Также до сих пор остается неясным, в чем состоят особенности ОУ казачьего типа.

В 1990-х гг. казачьи образовательные учреждения были представлены в основном на уровне общеобразовательной средней школы: кадетские казачьи корпуса в Новочеркасске (Донской Императора Александра III с 12.12.1991) и Ростове-на-Дону (Второй Донской Императора Николая II с 1995 г.), казачьи гимназии (например, в г. Ростове-на-Дону и станице Вешенской), казачьи классы (например, на базе Ростовской СОШ № 15, спецшколы-интерната с первоначальной летной подготовкой в пос. Неклиновском). Был создан казачий лицей в г. Волгодонске [10].

Следует обратить внимание на сравнительно небольшое количество специальных казачьих образовательных учреждений в 1990-х гг. Масового их появления в эти годы не наблюдалось даже в старых казачьих районах. Положение меняется в 2000-х гг., когда таких учреждений станет значительно больше, в том числе к 2017 г. появятся 10 кадетских казачьих корпусов [11]. Изучение казачьего компонента в образовательном комплексе Ростовской области 2000-х гг. является отдельной темой, в том числе предстоит ответить на вопрос: в какой мере казачьи кадетские корпуса выполняют этнопедагогическую функцию.

«Казачья тематика» была (и остается) более представленной в кружковой, клубной работе, на факультативных занятиях (т. е. на уровне дополнительного школьного образования). На наш взгляд, данное направление в развитии этнического образования является перспективным и наиболее оптимальным в современных условиях. Программы в системе дополнительного образования в меньшей степени «заорганизованы» бюрократическими требованиями в отличие от учреждений акцентированного этнического образования, особенно – кадетских казачьих корпусов. Также над факультативами, кружками и объединениями не тяготеет формальная установка на приоритетность государственной службы, что позволяет

уделять больше внимания изучению и популяризации именно этнических традиций.

Таким образом, в отличие от последних советских десятилетий (1960–1980-е гг.) этническое образование было фактически признано, по данным проблемам проводились конференции, круглые столы, тематика фигурировала в официальных отчетах. Появились казачьи образовательные учреждения, в то время как ранее этническая тематика присутствовала лишь на уровне дополнительного образования.

Этнизация образования прошла в форме «казакизации», так как других национальных школ не появилось. Исключением является только одна школа этнокультуры – еврейская частная гимназия «Ор Менахем» (с 2015 г. – «Ор Авнер»), также появившаяся в 1997 г.

Опыт изучения этнического образования в постсоветский период позволяет сделать некоторые выводы концептуального характера. Во-первых, можно выделить три аспекта диалектического взаимодействия системы образования и этнической (традиционной) культуры, на которые уже обращалось внимание в наших ранних публикациях [12; 13].

1. Система образования выступает потребителем реалий этнокультуры, по мере использования в учебно-воспитательном процессе фольклорно-этнографических материалов. Названный аспект «узнаваем» и имеет реальное воплощение на практике.

2. Система образования выступает как фактор, формирующий и сохраняющий этнокультуру, поскольку целенаправленное обращение к этническим традициям способствует сохранению и воспроизводству информации о них среди больших групп учащихся.

3. В процессе обучения целесообразно осуществлять селекцию материала с учетом современных реалий, поддерживая возрождение и сохранение значимых для этноса компонентов культуры. Более того – инициируя появление новых форм, которые не были присущи ее традиционной модели [14; 15]. О двух последних пока можно говорить преимущественно в концептуальном плане как о перспективной возможности.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что современная школа этнокультурной направленности (не только казачья) должна обучить реалиям традиционной культуры: познакомить с обычаями и обрядами, праздниками, традиционным этикетом и т. д. Зачастую подменяя при этом семьи (особенно городские), в которых этнические традиции сильно изменились либо утрачены.

В современном мире происходит размывание этнокультуры, вытеснение ее реалий в область этнического самосознания, ослабление традиционных механизмов воспроизводства (фольклор, религия, ритуальная

деятельность; присущие этносу формы труда, отдыха и общения). Следовательно, возрастает значение формализованных, институциональных факторов (средства массовой информации, учреждения культуры (музеи, библиотеки, кино)), среди которых особое значение имеет система образования.

При действии традиционных механизмов трансляции культурной информации она передается от старших членов семьи младшим. В современной, особенно городской, семье старшее поколение (не только родители, но уже нередко – деды и бабушки) зачастую связано с советскими традициями, в которых ослаблена либо деформирована этничность. В таком случае с реалиями этнокультуры ребенок скорее может познакомиться в образовательном учреждении (разумеется, речь идет об оптимальной ситуации, подразумевающей хорошо подготовленные программы и методическое обеспечение) и принести информацию в семью, познакомить с ними родителей. Таким образом, изменяется вектор трансляции: от младших к старшим. Опыт развития этнического образования в 1990-х – начале 2000-х гг. выявил ряд проблем [16; 17] организационного, теоретического, методического характера, для решения которых представляются важными следующие исследовательские направления.

Во-первых, комплексное изучение современного состояния культуры казачества и других этнических общностей Дона, определение динамики и тенденций ее развития. Педагоги на практике осуществляют учебно-воспитательный процесс при неизученности современной этнокультурной среды в регионе.

Во-вторых, учитывая культуuroобразующую роль образования, важно определить те ценности, которые предстоит восстанавливать, поддерживать либо создавать на новой основе. Иначе говоря, следует ответить на вопрос: чему учить, что возродить и сохранять.

В-третьих, необходимо разработать конкретные педагогические механизмы обучения, включающие номенклатуру курсов, а также сопутствующие им программы и методики.

И, наконец, следует подчеркнуть, что неверно абсолютизировать этническое образование и некритически воспринимать народные традиции воспитания (народную педагогику). При реализации конкретных программ следует учитывать возможные риски (например, формирование сознания этнического превосходства или изоляционизма) и быть готовыми их избежать либо минимизировать.

В данной работе затронуты лишь некоторые проблемы, решение которых потребует совместных усилий ученых, педагогов и широкой общественности.

Примечания

1. Денисова Г.С. Национальная школа на Юге России // Регионоведение: Юг России: краткий тематический словарь / под общ. ред. Ю.Г. Волкова, А.В. Попова. Ростов н/Д: Изд. СКНЦ ВШ, 2003. С. 281.
2. Шифман М. Этнопедагогика: региональное измерение // Региональное образование. 1998. № 3. С. 5.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 863.
4. Уланов В.П. Хроника казачьего движения (1990–1996 гг.) // Социально-этнические проблемы России и Северного Кавказа на исходе XX в. Ростов н/Д: Изд. РГПУ, 1998. С. 361–365.
5. Горяев П.И. Ростовская область: этносоциальный портрет // Социально-этнические проблемы России и Северного Кавказа на исходе XX века. Ростов н/Д: Изд. РГПУ, 1998. С. 165.
6. Королев В.Н. Казаки донские // Энциклопедия культур народов Юга России: В 9 т. Т. 1. Народы Юга России. Ростов н/Д: Изд. СКНЦ ВШ, 2005. С. 115.
7. Трут В.П. Казаки Донские // Народы Юга России. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Озерова. Ростов н/Д: ООО «Фонд науки и образования», 2016. С. 252.
8. Склярова Е.К. Реабилитация казачества // Регионоведение: Юг России: краткий тематический словарь / под общ. ред. Ю.Г. Волкова, А.В. Попова. Ростов н/Д: Изд. СКНЦ ВШ, 2003. С. 92.
9. Черницын С.В. К вопросу о социокультурных факторах развития современного казачества: образование и традиционная культура // Российское казачество: вопросы истории и современные трансформации. Ростов н/Д: Терра, 2005. С. 124–128.
10. Черницын С.В. Образование и этническая культура: некоторые аспекты взаимодействия в связи с развитием казачьей школы // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Сев. Кавказа за 2002 г.: материалы региональной научной конференции. Дикаревские чтения (6). Краснодар, 2003. С. 213–218.
11. Тикиджьян Р.Г., Шишова Н.В. Актуальные проблемы развития кадетского и казачьего образования в России и Ростовской области (на примере кадетской школы ДГТУ) // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Ростов н/Д, 2016. С. 31–32.
12. Черницын С.В. К вопросу о социокультурных факторах развития современного казачества ...
13. Черницын С.В. Образование и этническая культура: некоторые аспекты взаимодействия // X Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 202.
14. Черницын С.В. К вопросу о социокультурных факторах развития современного казачества ...
15. Черницын С.В. Образование и этническая культура ...
16. Черницын С.В. К вопросу о социокультурных факторах развития современного казачества...
17. Черницын С.В. Образование и этническая культура ...

**Вклад первого атамана возрожденного Кубанского
казачьего войска (1990–2007 гг.) В.П. Громова
в формирование Архивного фонда
Российской Федерации**

Вся трудовая деятельность В.П. Громова связана с научной и педагогической работой, собиранием трудов и документов разных авторов и изданий по истории казачества и Кубани.

Чтобы представить весь объем работы, которой Владимир Прокофьевич постоянно уделяет внимание, обратимся к фактам его биографии.

Громов Владимир Прокофьевич родился 21 февраля 1950 года в хуторе Курчанский Приморско-Ахтарского района Краснодарского края в семье потомственных кубанских казаков. С 1968 по 1970 год служил в рядах Советской армии. С 1971 по 1976 год учился на историческом факультете Кубанского государственного университета.

В 1976 году был оставлен работать ассистентом кафедры дореволюционной отечественной истории. С 1978 года занимал должность заместителя декана исторического факультета по воспитательной работе со студентами.

С 1980 по 1983 год В.П. Громов – аспирант кафедры источниковедения Ростовского государственного университета. В ноябре 1983 года досрочно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Население степного Предкавказья (Ставропольской губернии и Земли Черноморского войска) в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. Формирование. Социальный состав». С 1985 года – доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета. В этой должности работает по настоящее время.

В 1988 году В.П. Громов основал научный студенческий кружок «Проблемы военной истории России и казачества» на историческом факультете. В 1989 году на базе этого кружка и любителей кубанской истории было образовано первое любительское казачье объединение «Кубанской казачий клуб». В состав руководящего органа клуба вошли А. Берлизов, Ф. Бунин, В. Громов, А. Горбань.

Клуб занимался изучением истории казачества, заслушивал лекции, подготовил несколько телевизионных передач. Клуб установил связь с землячеством кубанских казаков в Москве и по их приглашению при-

нял участие в работе Большого Круга казаков и создании «Союза казаков России».

В августе 1990 года Владимир Прокофьевич был избран первым атаманом Пашковского казачьего общества, а 14 октября этого же года – атаманом общественно-патриотической организации «Кубанская казачья Рада». С этого времени он возглавил процесс возрождения кубанского казачества, стал бессменным лидером кубанских казаков. В 1992 году на Объединительном съезде кубанских казаков он вновь был избран атаманом Всекубанского казачьего войска.

В 1998 году Всекубанское казачье войско вошло в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, учрежденный Указом Президента Российской Федерации от 8 августа 1995 года № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», под своим историческим наименованием – Кубанское казачье войско.

В 1998 году В.П. Громов был избран атаманом Кубанского казачьего войска и утвержден в этой должности Указом Президента Российской Федерации. В январе 1999 года Указом Президента Российской Федерации ему был присвоен высший казачий чин – казачий генерал. В 2001 году казачий генерал В.П. Громов был избран атаманом Кубанского казачьего войска на новый срок, возглавляя войско до 17 ноября 2007 года.

После перевыборов атамана Кубанского казачьего войска В.П. Громов продолжил деятельность в Законодательном собрании Краснодарского края в качестве заместителя председателя комитета по военным вопросам, воспитанию допризывной молодежи и делам казачества.

В.П. Громов – Заслуженный работник науки Кубани, Герой труда Кубани. Награжден именной шашкой Министра обороны РФ, медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани» I степени, орденами Русской православной церкви – Сергия Радонежского и Благоверного князя Даниила Московского. В октябре 2002 года Президент Российской Федерации В.В. Путин вручил В.П. Громову орден Дружбы. В 2004 году Владимир Прокофьевич был награжден орденом «Честь и достоинство».

По инициативе В.П. Громова были восстановлены памятники «Двести лет Кубанскому казачьему войску», Екатерине II; восстановлен Войсковой собор Александра Невского.

В 2007 году в г. Краснодар была доставлена первая партия войсковых регалий Войска, которые 87 лет находились за рубежом. В 2008 году был возвращен на родную землю прах известного историка Ф.А. Щербины.

В 2000 году В.П. Громовым были доставлены из США документы В.Г. Науменко – войскового атамана Кубанского казачьего войска за рубежом, которые в 2001 году поступили на государственное хранение в Го-

сударственный архив Краснодарского края. Была проведена экспертиза ценности документов и их научно-техническая обработка, они образовали фонд № Р-1864 в количестве 104 дел за 1909–1987 годы.

По составу и содержанию документы отражают историю Кубанского казачьего войска, событий гражданской войны на Кубани, участие казачества в двух мировых войнах [1].

В данной описи имеются документы о казачьих частях и подразделениях в составе вермахта, боевых действиях 1-й казачьей кавалерийской дивизии под командованием генерала Гельмута фон Паннвица, которая была сформирована 21 апреля 1943 года и 25 февраля 1945 года была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС [2].

В документах этого периода частично имеются сведения о РОА генерала Власова и более подробно освещена деятельность казачьего стана и группы (корпуса) походного атамана генерала Доманова, вплоть до их выдачи в Лиенце и других местах в 1945 году советским властям командованием 8-й английской армии.

В опись вошли дневники генерала Науменко за 1920–1944 годы и воспоминания генерала С.Г. Улагая за 1912–1918 годы, а также 21 выпуск Кубанского исторического и литературного сборника под редакцией В.Г. Науменко.

Большая часть документов представлена журналами, информационными сборниками, бюллетенями и газетами русской эмиграции, изданными в Австралии, Англии, Аргентине, Бельгии, Германии, Канаде, США, Франции и Югославии. Они отражают хронику жизни русского зарубежья, деятельность казачьих организаций и их атаманов, различные политические события в странах пребывания, взгляды идеологического характера времен холодной войны на политические и социально-экономические аспекты жизни в СССР и в других странах лагеря социализма с позиций зарубежной прессы и белой русской эмиграции [3].

В данную опись вошли документы о подготовке и проведении выборов атаманов кубанского казачества в эмиграции, о возникающих противоречиях во взглядах по вопросам обустройства и деятельности войска, об отношении к различным политическим организациям с характеристиками их лидеров и отдельных представителей русского зарубежья.

Включены дела с перепиской В.Г. Науменко с русскими эмигрантами о жизни за рубежом, с лидерами казачества об устройстве и деятельности казачьих организаций за рубежом, с представителями отдельных организаций русской эмиграции о расследовании событий в Лиенце 1945 года.

В опись включены личные фотографии семьи В.Г. Науменко, фотографии, посвященные годовщинам событий в Лиенце и участия кубан-

ского казачества в манифестациях за права человека поработенных народов.

Многие журналы и другие издания, которые были включены в опись, снабжены фотографиями, наглядно дающими представление об общественно-политической жизни русских эмигрантов, встречах с элитой и лидерами белого русского зарубежья, проведении благотворительных балов, участии в панихидах в память о погибших [4].

Практически все документы, вошедшие в опись, представляют большой исторический интерес и составляют ценность архивного фонда документов по истории Кубани. Многие из них подлежат дальнейшему всестороннему и углубленному изучению и исследованию.

В 2009 и 2015 годах была проведена экспертиза ценности и научно-техническая обработка документов личного фонда В.П. Громова, которые отразились в описи за 1904–2014 годы в количестве 154 дел и были приняты на государственное хранение в Государственный архив Краснодарского края, фонд № Р-1913.

Документы описи в основном отражают историю возрожденного Кубанского казачьего войска [5]. В состав описи вошли документы о деятельности В.П. Громова в должности атамана Кубанского казачьего войска, в администрации и Законодательном собрании Краснодарского края; документы биографического характера, его научной и педагогической деятельности; документы, собранные В.П. Громовым по истории казачества России и Кубани; переписка с казаками Дальнего зарубежья; периодические издания казачьих организаций и фотодокументы по истории казачества [6].

В 1996 году в Государственный архив Краснодарского края после 76-летнего перерыва поступили документы Кубанского казачьего войска за 1990–1993 годы. Сама история формирования Архивного фонда Краснодарского края неразрывно связана с черноморским и кубанским казачеством, их документами, датированными концом XVIII – началом XX века.

В этом же году впервые была проведена экспертиза ценности и научно-техническая обработка документов, и был сформирован исторический фонд Кубанского казачьего войска № Р-1843 [7].

На сегодняшний день дела Кубанского казачьего войска упорядочены по 2013 год в количестве 866 дел. На государственное хранение в Государственный архив Краснодарского края переданы дела за 1990–2009 годы в количестве 586 единиц хранения.

Данные документы уже сейчас имеют историческую ценность как документы возрождения казачества России и Кубани, которые отражают его основную деятельность за период с 1990 по 2013 год.

Хочется отметить, что документы Кубанского казачьего войска, возвращенные на историческую Родину, документы казачьего зарубежья, документы личного фонда В.П. Громова заняли достойное место в составе Архивного фонда Российской Федерации. Вклад в его формирование первого атамана возрожденного Кубанского казачьего войска казачьего генерала Громова Владимира Прокофьевича неоспорим и достоин уважения.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1864. Предисловие и дела фонда.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. ГАКК. Ф. Р-1913. Предисловие и дела фонда.
6. Там же.
7. ГАКК. Ф. Р-1843. Предисловие и дела фонда.

Казачество Донбасса в постсоветский период

Начатый в середине 1980-х гг. руководством СССР новый политический курс под названием «перестройка» повсеместно вызвал всплеск национального и этнического самосознания. «Парад суверенитетов» в республиках СССР «разбудил» и казачье движение, начавшее активный процесс возрождения. Общие дезинтеграционные процессы, рост нестабильности и социальной напряженности, обострение межэтнического, межнационального и межгосударственного противоборства на юго-восточных границах; необходимость заполнить духовный вакуум, вызванный отменой официальной коммунистической идеологии и усилением националистических настроений; стремление людей в усложняющейся обстановке включиться в какую-то неофициальную социальную общность, чтобы противостоять нарастающей атомизации общества, – вот те основные факторы, которые стимулировали процессы возрождения казачества.

Первые казачьи организации России возникают в 1989–1990 гг. на основе военно-патриотических клубов и землячеств в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Краснодаре и других городах. 7 октября 1990 г. в Каменске-Шахтинском на Учредительном Большом Круге делегаты из Ростовской области РФ и Луганской области Украины воссоздали Донецкий округ. Атаманом был избран житель Каменска Геннадий Зайцев, хотя среди альтернативных кандидатур был и Михаил Рыльщикова – атаман Станицы Луганской с территории Украины. Представители Станицы, Краснодона, Молодогвардейска, Свердловска в начале 1990-х принимали активное участие в заседаниях казачьих кругов в Каменске и Новочеркасске в рамках трансграничного сотрудничества. На состоявшемся 17–18 ноября 1990 г. в Ростове-на-Дону I Большом съезде (Круге) казаков Дона (417 делегатов из Ростовской, Волгоградской, Луганской областей и 170 гостей) был образован «Союз казаков Области Войска Донского», провозглашенный историческим преемником дореволюционной области Войска Донского (ОВД).

Аналогично на Украине начали появляться организации типа «Вільне козацтво», «Запорозька Січ», «Карпатська Січ» (Львов), «Херсонський курінь», «Мукачівський кіш» и т. п. Дополнительным импульсом стало широко отмеченное в 1990 г. 500-летие Запорожского казачества, собрав-

шее в музейном комплексе на Хортице несколько сотен тысяч активистов «національного відродження». 15 сентября 1990 г. в Киеве прошла «Первая Великая Рада Украинского казачества» (63 организации), принявшая решение о восстановлении Украинского казачества (УК). Главным атаманом стал А. Починок. Активизировалось создание ячеек на Востоке – в Донецке, Луганске. Объединение региональных казацких структур в общегосударственную организацию – Украинское казачество произошло 14 октября 1991 г. в Киеве на новой «Великой Раде», где гетманом был избран Вячеслав Чорновил, известный диссидент-националист, депутат Верховной Рады Украины. 17 марта 1992 г. министерство юстиции зарегистрировало Устав УК.

Развал СССР в конце 1991 г., крупнейшая геополитическая катастрофа XX в., снова разорвал единое пространство Южной России. Это особенно сильно сказалось на судьбе пограничной территории – Донбасса. Здесь, в условиях реставрации казацкого движения, начали активно возникать параллельные структуры «украинского» (запорожского) и донского казачеств. Затем дробление пошло по нарастающей. В 1996 г. вышел из УК и основал собственное объединение «Казачество Запорожское» (КЗ) Дмитрий Сагайдак – бывший Главный атаман (одновременно генерал Центрального казацкого войска России). На Луганщине представителем КЗ являлся Александр Бацманов. В 1999 г. возникли Азово-Черноморское казацкое войско (АЧКВ) УК (на базе Кальмиусской паланки УК, атаман Виталий Каленяк) и Союз Казацких организаций Украины (на базе Донецкой областной паланки «Войска Запорожского», гетман Сергей Лазаренко, верховные атаманы Виктор Дубоград, с 2006 г. Вадим Жмурин). В 2002 г. ректор Донецкого Института искусственного интеллекта Анатолий Шевченко вместе с экс-атаманом Кальмиусской паланки В. Каленяком и атаманом Мариупольского полка АЧКВ В. Муравьевым учредил Украинское реестровое казачество [1], которое возглавил в ранге «гетмана». В том же 2002 г. возникли «Казацкая территориальная самооборона» (Верховный атаман В. Седых, командующий Юго-Восточным округом в Луганске – Олег Матвиенко) и Международный союз казачества.

На Луганщине процесс возрождения казачества начался еще 1 сентября 1988 г., когда в поселке Станично-Луганское открылся первый Музей донского казачества (директор Анатолий Кудав). Специфика региона состоит в том, что современная территория области сформировалась после 1917 г. на базе объединения промышленных уездов Екатеринославской и Харьковской губерний и угольных округов области Войска Донского. Поэтому и возникающее «неоказачество» начало развиваться двумя отдельными потоками: донское и украинское. Естественно, что первое тяготело к «Дону-

батюшке», который по «Беловежскому стовору» оказался за границей. И первый атаман Общества донских казаков Луганска (ОДКЛ) Владимир Федичев, избранный в феврале 1992 г. на Круге в Александровске, получил посвящение в казаки и чин хорунжего именно во «Всевеликом Войске Донском» (ВВД). Затем казачьи структуры начали возникать по всем городам и весям Луганщины: Краснодон (атаман Владимир Герасимов), Трехизбянка (Николай Давыдов), Лисичанск (Виктор Ерофеев), Счастье (А. Ключарев). Параллельно донцам приходилось постоянно отбиваться от обвинений в «антиукраинской деятельности», сыпавшихся со стороны «Руха», «Провсвиты», УРП, «украинского козацтва» (атаман Е. Петренко) и прочих националистических организаций. На Малых кругах ОДКЛ в 1992 г. всерьез обсуждались весьма актуальные в ту пору вопросы двойного гражданства и регионального двуязычия [2]. Тогда же начался выход газеты «Казачий рубеж», которая с перерывами продолжает издаваться до сих пор.

Парадоксом неказачьего движения на Луганщине было то, что его центром стала не областная столица, а поселок городского типа Станично-Луганское, что было подтверждено Кругом 16 мая 1993 г., когда избрали первого Областного атамана Виктора Герасимова [3]. Он же провел и первую регистрацию ЛОО товарищества Донских казаков (рег. № 69). В том же 1993 г. походный атаман Василий Черепакхин организовал и возглавил Луганский клуб военно-исторической реконструкции «Дон». Также зародилась инициатива о возвращении поселку исторического названия «Станица Луганская», которую поддержали более 8 тыс. жителей и даже проголосовал облсовет (83 депутата из 159) [3], но далее процесс завис и был возобновлен лишь в 2003 г., когда группа казачьих активистов Станицы (А. Кудаев, М. Рыльщиков, В. Черепакхин, В. Федичев и др.) начала рассылать обращение к властям. Они добились принятия Постановления Верховной Рады Украины от 7 июня 2007 г. о переименовании [4]. Станичных донцов с 16 мая 1990 г. возглавлял атаман Михаил Рыльщиков (неоднократный участник казачьих Кругов России), затем в 1991–1992 гг. – Петр Носачев, потом Александр Нестеров. А Луганским городским в ноябре 1993 г. стал железнодорожник Владислав Карабулин, впоследствии известный публицист, автор книги «Закат Украины» (1997). В октябре 1994 г. его сменил Алексей Полковников, позже уступивший пост Леониду Свешникову. Донцы вели твердо прорусскую линию, заявляли о поддержке крымской автономии и президента Ю. Мешкова [5], выступали против раскольника митрополита Филарета [6]. Однако в середине 1990-х начались общие для всего казачьего движения негативные явления, связанные с расколом Войска Донского на «реестровиков» и «общественников».

Например, в Красном Луче казачья станица (позже юрт) была создана в декабре 1991 г. атаманом Соловьевым, в составе организаций Новопавловки, Антрацита, Красного Луча, затем Вахрушево и Снежного. В конце 1990-х гг. Юрт распался на две части. Одна часть казаков вошла в реестр Казачества РФ с атаманом А. Ивановым, другая перешла под управление Международного Союза Общественных Объединений (МСОО) ВВД под руководством Н. Козицына. Атаманом Станицы Красный Луч был выбран А. Шкатулин, а в 2004 г. – Геннадий Зинченко, при котором в 2006 г. Реестровое казачество и МСОО ВВД Станицы Красный Луч снова объединились в Юртовую Станицу МСОО ВВД. Атаманом был выбран А. Иванов, в 2007 г. его сменил Виктор Савин [7]. В середине 1990-х гг. на базе Новопавловского казачьего подразделения Краснолучского юрта Вячеслав Петров организовал кош Кубанского казачества и возглавил его, позже именовался председателем ОО «Кубанское казачество» и атаманом Донбасского коша Кубанского казачьего войска.

Миусский юрт (г. Вахрушево) во главе с есаулом Александром Колосовым к 1997 г. вырос в станицу Красный Кут во главе с хорунжим Виктором Мендеровым, а в 1999 г. был переименован в станицу Вахрушевскую. При атамане Александре Лупане (2005–2008) станица одной из первых вошла в состав МОО «Союз Казачьих Формирований», поэтому после его смерти станице присвоили его имя [8].

В городе Свердловске, в связи с неприемлемостью для казаков этого названия, в сентябре 1992 г. около 70 казаков провели первый круг в поселке Павловка, учредив «Союз Донских казаков станицы Должанская». Атаманом избрали Виктора Носова. Станица «Должанская» была зарегистрирована в горисполкоме Свердловска 30.01.1996 (рег. № 13), с атаманом Александром Мاستихиным. Позже было легализовано еще Свердловское городское общество Донских казаков (рег. № 444 от 23.10.2001), с атаманом Василием Мельником. В 2011 г. они объединились в Должанский юрт и в 2012 г., к 20-летию юбилею, была издана памятная брошюра «От станицы Должанской к Должанскому юрту» [9].

Похоже развивались события и в Краснодоне, где в 1990 г. был учрежден Сорокинский юрт Гундоровской станицы во главе с атаманом Владимиром Герасимовым (с 1994 г. – атаман Молодогвардейска). В 1997 г. Юртовым атаманом Краснодона стал Анатолий Башкатов, который в 2000 г. основал в городе Музей истории донского казачества.

В «украинском» же казачестве региона с самого начала наблюдались некоторые разброд и шатания, ибо оно зачастую являлось лишь плацдармом для формирования в Донбассе ячеек более радикальных националистических партий. Первыми руководителями стали Александр Дудник (ху-

дожник-график, музыкант, скульптор), возглавивший Луганское областное товарищество Украинского козацтва «Лугарі» в чине генерал-есаула, и Николай Дураков (шофер на пенсии), первый глава ячейки ВО «Свобода», с 1994 г. – атаман Луганской городской организации «Вергунская слободская паланка» УК, которая одновременно являлась районной ячейкой ТУМ «Просвита». В 1996 г. между ними возник громкий конфликт, усугубивший раскол и без того не очень единого лагеря украинских казаков Луганщины. Поскольку многие из них одновременно состояли в УНА-УНСО, после отставки «провидныка» Д. Корчинского в 1997 г. Луганская облорганизация УНА-УНСО в полном составе заявила о выходе из партии в связи с тем, что их присяга сюзерену Дмитру на новое руководство не распространяется.

В Донецке процесс возрождения донского казачества запустил Иван Беломесов (полковник милиции в отставке). В январе 1991 г. он зарегистрировал городскую общественную организацию «Казачья станица Донецкая», в апреле 1992 г. на ее основе организовал Миусский округ Всевеликого Войска Донского в Донецкой области и был избран атаманом. В начале XXI в. появились новые лидеры: Сергей Гращенко, первоначально командир казачьего полка имени П. Дорошенко (Ясиноватая), с 2007 г. – атаман Донецкого казачьего округа Азово-Черноморского казачества, затем перешел в МСОО ВВД. В сентябре 2008 г. он принимал участие в миротворческой миссии в Абхазии, был награжден медалями от РФ и РА, а от атамана ВВД Н. Козицына получил чин генерал-лейтенанта. Юрий Сафоненко в 2009 г. как Войсковой атаман возглавил ДООО «Казачий Союз “Область Войска Донского”», зарегистрированный 9 сентября 2009 г. С января 2010 г. начала издаваться газета «Казак Донбасса» (главред – Олег Мартынецов), 1 июля 2013 г. переименованная в «Казак» (международное издание).

Украинское крыло здесь представляли: Николай Пантелюк, в 1993 г. организовавший и возглавивший Кальмиусскую паланку УК Донецкой области (рег. № 17); краевой атаман, одним из последних указов президента В. Ющенко 23 февраля 2010 г. награжденный Крестом И. Мазепы; Анатолий Безручко, с 2006 г. – атаман Союза казаков Донбасса «Вільність», генерал-есаул Запорожского казачества; Борис Беркович, с 2008 г. – атаман Харцызского Отдельного казацкого коша имени Богуна Кальмиусской паланки, генерал-хорунжий УК; Александр Ерохин, с 2008 г. – атаман Енакиевского казачьего оперативного полка Кальмиусской паланки, генерал-хорунжий УК; Петр Гурницкий, атаман Снежнянского казачьего полка имени Богуна Войска Запорожского, одновременно атаман реестрового полка им. Богуна УРК; Сергей Задорожный, с 2004 г. – атаман

Краматорского «Северного окружного казачьего полка» Кальмиусской паланки УК.

В 2004 г., когда на Украине началась Оранжевая революция, в Луганском казачьем движении возник кризис вокруг корневой Станично-Луганской организации, для преодоления которого было принято оригинальное решение о вхождении Луганской городской организации в ее состав «на правах хутора», чтобы прекратить многовластие (В. Лаврухин, Н. Баранов) и сосредоточить всю легитимность в руках нового атамана Григория Атанова. В то же время Л. Свешников, собравший в своих руках посты Луганского городского и областного атаманов ОДКЛ, возглавил Луганский казачий округ МСОО ВВД, во время Оранжевой революции активно поддерживал кандидата Януковича и коммунистов, поэтому вошел в конфликт с редакцией «Казачьего рубежа» (А. Климов), вплоть до запрета газеты. В результате орган ушел под контроль нового (с ноября 2008 г.) городского атамана ОДКЛ В. Черепяхина, который начал проповедовать с ее страниц откровенно «белодельческие» идеи, вплоть до апологетических статей об атамане-коллораборационисте Краснове [10]. Свешников же начал с ноября 2009 г. выпускать новую газету «Казачья застава», гораздо более «левую» и антиющенкоовскую.

В соответствии с указом президента В. Ющенко, 1 сентября 2005 г. был учрежден Совет казачьих обществ при главе Луганской облгосадминистрации, секретарем которого стал атаман казачьего общества «ЛугаКий» Валентин Кравченко, представитель «новой генерации» украинского казачества. В состав Совета вошли в основном представители разных ветвей УК: О. Матвиенко, А. Дудник, В. Гужвинский, В. Аркатов, Н. Баранов. Однако в 2006 г. новый губернатор А. Антипов изменил состав Совета. Заместителями председателя стали О. Матвиенко и атаман ЛОО «Союз донских казаков» Павел Орлов. И в Совете появились представители донского казачества: войсковой старшина ОДК Станично-Луганского района П. Носачов, глава ЛКВИР «Дон» В. Черепяхин. Старейшая из существующих казачьих организаций, – ЛОО ОДК, к тому времени влилась в новую организацию «Союз донских казаков», зарегистрированную в 2005 г. во главе с П. Орловым (декан военно-казачьего факультета Луганского института МАУП, зампред Станично-Луганской районной госадминистрации) и связанную с Союзом казаков-воинов России и зарубежья. Впрочем, вскоре он утратил свою руководящую должность в Совете, и сам этот орган впал в анабиоз и более двух лет не проводил заседаний.

Свою руку к этому приложил представитель УК В. Кравченко, развивший весьма бурную деятельность в период избирательных кампаний 2006–2007 гг. и даже начавший выпускать газету «Козацька честь». Он

также активно раздавал титулы «почетного атамана» и «генерала УК» «оранжевому» губернатору Г. Москалю, лидеру малоизвестной националистической партии «Украина Соборна» Т. Яхеевой, одиозному мэру Северодонецка В. Грицишину и др. В конце 2009 г., накануне президентских выборов, он прославился на всю Украину, явившись в Крым агитировать за Ю. Тимошенко от имени «луганских казаков». В результате 19 декабря 2009 г. Кравченко был исключен из Совета Генеральной старшины УК Н. Пантелюка за «использование бренда Украинского казачества в своих интересах, что повлекло за собой нанесение непоправимого вреда единству и авторитету УК», а 30 января 2010 г. был снят с поста атамана КТ «ЛугаКий» [11].

В 2009 г. была предпринята новая попытка объединения. На совещании в Луганской областной госадминистрации был оглашен проект Программы поддержки развития казачьего движения в области, разработанный А. Крамаренко и А. Каташовым. 6 сентября 2009 г. в Луганске 37 атаманов, собравшись на Совет, создали оргкомитет для учреждения Луганского округа ВВД под председательством атамана Донецкого округа ВВД В. Демьяненко (гражданин РФ). Однако «оранжевые» СМИ подняли шум, обвиняя казаков чуть ли не в шпионаже. Когда в начале октября Демьяненко попытался приехать в Луганск, его задержали на границе, предъявив документ о запрещении его пребывания на территории Украины. Атаман П. Орлов заявил протест: «То, что Виктора Демьяненко не пустили в Украину, – еще одно действие, направленное на раскол, на разъединение русского мира, разрушение нашего единства. Естественно, мы не можем ни согласиться с этим, ни смириться» [12]. Союз казачьих организаций Украины направил первым лицам страны официальное письмо с протестом против таких действий, но безрезультатно. Ранее, в 2008 г., персональной нон-грата на Украине был объявлен Верховный атаман ВВД, депутат Госдумы РФ генерал В. Водолацкий.

Тем не менее 31 октября 2009 г. донские казаки Луганского округа собрались на организационный круг. Прибыли атаман и делегаты из 30 населенных пунктов, всего 184 человека. Вместо «запрещенных» Водолацкого и Демьяненко ВВД представили заместитель войскового атамана по идеологии Владимир Воронин и начальник штаба Виктор Могильный. Было объявлено о создании Луганского округа донских казаков, утвержден Устав, подготовленный председателем «Союза казачьего народа Луганщины» А. Каташовым. Однако на выборах атамана официально поддерживаемая местными властями кандидатура полковника П. Орлова (которого презентовал лично зампредела облсовета Е. Харин и которого поддерживали представители ВВД) получила лишь 14 голосов. А явный второй,

заявлявший даже самоотвод, есаул Леонид Рубан (атаман Луганского общества донских казаков имени М. Платова) получил 139 голосов [13].

Свои попытки объединения предпринимали и украинские казаки. 13 октября 2009 г. прошел Второй Совет атаманов казачьих товариществ Луганщины, принявший Меморандум объединения казачьих товариществ «Козацтво Луганщини». В нем приняли участие представители 4 организаций: ТУК «Лугари», «Східне козацтво України», «Слобожанский полк им. С. Паляя» и МГО «Українське козацтво». Однако «патриарх» движения генерал-хорунжий А. Дудник от поста «главного атамана Луганской области» отказался. В 2012 г. новую попытку объединения 5 организаций украинских казаков возглавил Сергей Коротун, начальник штаба КТ «ЛугаКий» и МОО «Украинское казачество». Он стал секретарем Совета атаманов так называемого «Консолидированного казачества Луганской области» (ККЛО).

В Донецкой области консолидирующим центром с 2011 г. выступал Совет атаманов «Дикое поле», с участием представителей Днепропетровской и Запорожской областей (координаторы – А. Исаев и П. Гурницкий). В частности, на заседании Совета 19 марта 2011 г. в Шахтерске произошло уникальное явление: на призыв главы Синодального отдела УПЦ по делам пастырской опеки казачества епископа Конотопского и Глуховского Иосифа «снять генеральские погоны, смирить свои амбиции и гордыню» отозвался Верховный атаман СКОУ Николай Коваленко, сняв с себя генеральские погоны и одев погоны казачьего полковника.

В 2013 г. на Луганщине последовал новый тур расколов. 7 июля на Совете атаманов ЛКО ВВД в Петровке Л. Свешников отрекся от Козицына, возмущившись, что сей лидер альтернативного ВВД подбирает исключенные им кадры и формирует из них параллельные структуры в обход ЛКО. Было принято решение: «выйти из состава МСОО ВВД». Газета «Казачья застава» № 3 напечатала целую подборку: «Открытое письмо Козицыну», Обращение атамана Свешникова, его Доклад на Совете, Решение, Протокол... А также «черный вариант» биографии Козицына, имевший хождение в СМИ задолго до этого.

Таким образом, к началу военных событий на Восточной Украине (Новороссии) казачье движение пребывало в состоянии перманентного разброда и шатаний. «Русская весна» 2014 г. дала всем участникам этого движения шанс на реализацию. Казакам представилась уникальная возможность продемонстрировать свои боевые качества в реальных условиях. Изложение того, что вышло из этого на практике, выходит за пределы нашего доклада. Кратко отметим, что практически все казачьи лидеры современной Новороссии – люди совершенно новые, до 2014 г. мало засвеченные в казачьем движении.

Примечания

1. Головешко Л., Нестерова А. Роль и место общественных казачьих организаций Приазовья Донбасса в годы независимости Украины (1991–2010 гг). // Науковий праці Маріупольського інституту МАУП. Маріуполь, 2010. Вип. 3.
2. В Верховный Совет Украины // Казачий рубеж. № 1. Май 1992; Черепяхин В. Мы не пыль на ветру // Казачий рубеж. № 2. Июль 1992; Чепурнов Ю. Кто сеет ветер... // Казачий рубеж. № 3. Ноябрь 1992 и др.
3. Казачий рубеж. № 5–6. Июль 1993.
4. Сизенко А., Федичев В., Черепяхин В. Мы – донские казаки. Луганск, 2008. С. 17–18.
5. Казачий рубеж. № 7. Ноябрь 1993; Казачий рубеж. № 11. Июль 1994.
6. Казачий рубеж. № 8–9. Февраль 1994; Казачий рубеж. № 10. Май 1994.
7. История юртовой станицы Красный Луч. URL: <http://kazakidona.wixsite.com/donskiekazaki/about> (дата обращения: 18.04.2017).
8. Вахрушевская станица. URL: <http://vvdmiysurt.narod.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
9. Должанский юрт Луганского округа. URL: http://dolzhanskyurt.at.ua/news/ot_stanic_dolzhanskoj_k_dolzhanskomu_jurtu/2013-02-03-1 (дата обращения: 18.04.2017).
10. Казачий рубеж. № 3–6. Июнь–декабрь 2009.
11. Пресс-служба Украинского казачества информирует // XXI век. 10.03.2010.
12. Депутат областного Совета Павел Орлов... URL: <http://oblrada.lg.ua/content/deputat-oblastnogo-soveta-pavel-orlov-%E2%80%99Catamana-demyanenko-ne-pustili-v-ukrainu-te-kto-khoche> (дата обращения: 18.04.2017).
13. «Казачий листок» № 1 Луганского округа Донских казаков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВАКОВ Петр Ашотович – кандидат исторических наук; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); старший преподаватель

АВЕРЬЯНОВ Антон Викторович – кандидат исторических наук; Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений; доцент; Черноморско-Каспийский региональный информационно-аналитический центр РИСИ

АФНАСЬЕВ Николай Юрьевич – заместитель главы Администрации Егорлыкского района по социальным вопросам

БАБИЧ Александр Владимирович – главный специалист ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края»

БАРАНОВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; профессор кафедры политологии и политического управления

БЕЛЕЦКАЯ Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент; независимый исследователь (г. Тверь)

БРОВАРЬ Александр Витальевич – доктор исторических наук; ГОУ ВПО ДНР «Донбасская юридическая академия»; заведующий кафедрой международного права и государственно-правовых дисциплин, доцент

ВАСИЛЬЕВ Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук; научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУ КК «Кубанский казачий хор»; старший научный сотрудник

ВЕЛИКАНОВ Владимир Сергеевич – кандидат экономических наук; эксперт Фонда «Русские витязи»

ВЕНКОВ Андрей Вадимович – доктор исторических наук, профессор; заведующий лабораторией казачества Южного научного центра РАН

ВОСКОБОЙНИКОВ Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук; Донской государственный технический университет; доцент кафедры истории и культурологии

ГОДОВОВА Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; Оренбургский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ГРИЩЕНКО Алексей Николаевич – кандидат исторических наук; Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет»; доцент кафедры истории, философии и социальных технологий

ДЕОРДИЕВА Анжела Николаевна – кандидат исторических наук, доцент; Южный федеральный университет; Институт истории и международных отношений; доцент кафедры исторической политологии

ДЮКАРЕВ Андрей Викторович – директор АНО научно-образовательный центр «Интеллектуальные ресурсы»

ЕВДОКИМОВ Роман Николаевич – кандидат исторических наук; Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II, Гуманитарный институт; доцент кафедры политологии, истории и социальных технологий

ЗАЙЦЕВ Геннадий Алексеевич – главный специалист ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края»

ЗАХАРЕВИЧ Алексей Владимирович – кандидат исторических наук; научный консультант Президиума Совета Ростовского регионального отделения ВООПИиК

ИВИНА Анастасия Викторовна – хранитель фондов музейного комплекса Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет»

КУЛТЫШЕВ Павел Геннадьевич – кандидат исторических наук; Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений; старший преподаватель

КУСАИНОВ Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент; ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ); специалист Управления по организации региональных структур, сетевому взаимодействию и базовым кафедрам

КУСАИНОВА Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ); специалист Центра организации, проведения и планирования учебного процесса по дополнительному профессиональному образованию

ЛИТВИНЕНКО Евгений Евгеньевич – научный сотрудник Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва»

ЛУКОШКИНА Екатерина Валерьевна – ведущий специалист ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края»

ЛЫСЕНКО Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор; Государственный университет управления (г. Москва)

МАКСИМОВ Константин Николаевич – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научно-го центра РАН

МАТВЕЕВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент; Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений

МЕРЗЛЯКОВ Михаил Петрович – ученый секретарь Раздорского этнографического музея-заповедника

МИРСКИЙ Станислав Викторович – младший научный сотрудник Научно-исследовательского института регионального развития при Волгоградском филиале РАНХиГС

МОРОЗОВА Ольга Михайловна – доктор исторических наук, доцент; профессор Донского государственного технического университета

ПАНАРИН Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор; ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; профессор кафедры всеобщей и отечественной истории

ПАРШУКОВ Владимир Александрович – независимый исследователь (г. Ульяновск)

РВАЧЕВА Ольга Владимировна – кандидат исторических наук; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС; доцент кафедры государственного управления и политологии

РЫБАЛКО Наталия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент; Волгоградский государственный университет; доцент кафедры истории России

РЫБЛОВА Марина Александровна – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник лаборатории казачества ЮНЦ РАН (г. Волгоград)

САНИН Дмитрий Николаевич – директор МБУК ЕР «Егорлыкский историко-краеведческий музей»

СЕМЕНЬКО Светлана Павловна – учитель МБОУ общеобразовательная школа № 10 станицы Павловской Краснодарского края

СЕНЬ Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук; Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений; профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документо-ведения

СИВКОВ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент; ЧОУ ВО Южный институт менеджмента; заведующий кафедрой гуманитарных и математических дисциплин

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории

СЛОБОДЕНЮК Виктор Викторович – главный специалист ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края»

СТЕПАНЕНКО Никита Сергеевич – Армавирский государственный педагогический университет; магистрант 2-го курса социально-исторической магистратуры исторического факультета

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук; главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

ТАТАРИНОВ Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук; ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»; доцент кафедры политологии и международных отношений

ТИКИДЖЬЯН Руслан Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент; Донской государственный технический университет; доцент кафедры истории и культурологии

ТРУТ Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор; Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений; профессор кафедры отечественной истории

ТЮМЕНЦЕВ Игорь Олегович – доктор исторических наук; директор Волгоградского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ФЕДОРОВСКИЙ Юлий Рудольфович – кандидат исторических наук; ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»; доцент кафедры отечественной и всеобщей истории

ЧЕРНИЦЫН Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент; Донской государственный технический университет

ЩУКИНА Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, Донской государственный технический университет; доцент кафедры «Документоведение и языковая коммуникация»

ЮРЧЕНКО Иван Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент; независимый исследователь (г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (акад. Г.Г. Матишов)	5
---	---

РАЗДЕЛ 1. Российское казачество в период Смутного времени

<i>Тюменцев И.О.</i> Социально-экономическая природа русской Смуты начала XVII столетия: к вопросу о незаконченной дискуссии о крестьянских войнах в России	9
<i>Юрченко И.Ю.</i> Казаки в бунтах, смутах и революциях: новейшая историография XX – начала XXI вв.	19
<i>Рыбалко Н.В., Ивина А.В.</i> Казачий приказ в Смутное время начала XVII в.	27
<i>Мирский С.В.</i> Казаки в событиях Смутного времени начала XVII в. (по мемуарам М. Мархоцкого)	33
<i>Кусаинова Е.В.</i> Казачество в Поволжье в 1614 г.	48
<i>Евдокимов Р.Н.</i> Корпорация белозерцев как пример решения проблемы привлечения казачества к государственной службе Московского царства в период преодоления последствий Смутного времени (20–40-е гг. XVII в.)	56
<i>Суцкий С.Я.</i> Динамика численности донского казачества и народные движения XVII – начала XVIII вв.	63

РАЗДЕЛ 2. Специфика участия казачества России в социальных конфликтах XVIII – начала XIX вв.

<i>Великанов В.С.</i> Несостоявшийся поход М.Г. Ромодановского в 1703 г. (меры российского правительства по поддержке И.С. Мазепы в его конфликте с казаками С.И. Самуся и запорожцами)	73
<i>Аваков П.А.</i> Черкасск и Булавинское восстание в 1708 г. (нехрестоматийная хроника)	80
<i>Сень Д.В.</i> Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708 г. с Кубанью	89
<i>Белецкая Е.М.</i> Песни терских казаков о социальных конфликтах XVII–XVIII вв.	98
<i>Броварь А.В., Татаринов И.Е.</i> Роль донского казачества в формировании русского облика Донбасса	108

<i>Воскобойников С.Г., Шукина Т.В.</i> Донские казаки в боевых действиях против подразделений Е.И. Пугачёва	116
<i>Захаревич А.В.</i> Степень участия войскового старшины Ф.М. Персиянова 1-го в отводе донских казаков на Кубань после подавления Есауловского восстания в 1794 г.	122
<i>Степаненко Н.С.</i> Беглые казаки среди горцев Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в.	127

РАЗДЕЛ 3. Казачество России и Первая русская революция 1905–1907 гг.

<i>Трут В.П.</i> Казачество в революции 1905–1907 гг.: неизвестное об известном	137
<i>Годовова Е.В.</i> К вопросу о восприятии казаками своей роли в революционных событиях 1905–1907 гг.	145
<i>Деордиева А.Н.</i> Донские казаки и кадеты на выборах в Учредительное собрание	150
<i>Лукошкина Е.В.</i> Периодическая печать на Кубани в период революционных событий 1905–1907 гг.	157

РАЗДЕЛ 4. Российское казачество в событиях 1917 года

<i>Матвеев В.А.</i> Евфратское казачье войско: геополитический проект и реальность воплощения	163
<i>Култышев П.Г.</i> Пятая Донская казачья дивизия в боях под Тарноваткой и спасение XIX армейского корпуса (15–18 августа 1914 г.)	170
<i>Лысенко Н.Н.</i> Атаман Алексей Каледин: трагедия этнополитического выбора	177
<i>Максимов К.Н.</i> Участие калмыков-казаков в Гражданской войне на Дону и его последствия	184
<i>Морозова О.М.</i> Мир или война: роман из донской жизни	192
<i>Тикиджьян Р.Г.</i> Казачество, коренное и иногороднее крестьянство Дона в период революции и на начальном этапе Гражданской войны (март 1917 г. – 1918 г.)	199

<i>Васильев И.Ю.</i> Отношение кубанских казаков к революционным событиям и гражданской войне.....	208
<i>Бабич А.В.</i> Документы Войскового штаба Кубанского казачьего войска о событиях революции и гражданской войны на Кубани 1917–1920 гг.: археографический обзор.....	215
<i>Дюкарев А.В.</i> Память о прошлом казачества в сознании современного кубанского общества: сквозь призму революции 1917 года.....	221
<i>Паршуков В.А.</i> 1917-й год и начальный период Гражданской войны в истории енисейского казачества	225
<i>Венков А.В.</i> Массовое восстание казаков на Дону весной 1918 г.	233
<i>Скорик А.П.</i> Формирование и боевые действия Милютинского отряда белых казаков в апреле – мае 1918 г.	242
<i>Санин Д.Н.</i> Егорлыкское казачество в событиях 1917–1920 гг.	250
<i>Слободенюк В.В.</i> Деятельность штаба казачьих войск Таманского полуострова в 1918 г.	257
<i>Сивков С.М.</i> Взаимодействие кубанского казачества с Белым движением в период Гражданской войны 1918–1920 гг.: проблемы и точки соприкосновения	263
<i>Мерзляков М.П.</i> Путь донского казака в Советскую Россию через призму судьбы Ивана Михайловича Мерзлякова	269
РАЗДЕЛ 5. Казачество России после окончания Гражданской войны	
<i>Грищенко А.Н.</i> «Настроение казачьего населения не в пользу советской власти, крестьянского – шкурническое...»: о причинах недовольства властью населения Донской области осенью 1920 г.	279
<i>Литвиненко Е.Е.</i> Особенности пребывания донского и кубанского казачества в Турции в 1920–1921 гг. (по материалам фондов Музея-заповедника «Сталинградская битва»)	287
<i>Афанасьев Н.Ю.</i> Социальные и экономические перемены в повседневной жизни населения задонских станиц после Октябрьской революции 1917 года	294
<i>Панарин А.А., Семенько С.П.</i> Эволюция казачьей семьи на Кубани в 1920-е гг.	302

<i>Баранов А.В.</i> Экономические и социальные изменения жизненного уклада кубанского казачества после Гражданской войны (1920–1927 гг.)	309
<i>Кусаинов А.А.</i> Политические репрессии в Прихопёрье в 20–30-х гг. XX в.	317
<i>Рвачева О.В.</i> Казачьи контрреволюционные организации в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: причины возникновения и масштабы деятельности	324
РАЗДЕЛ 6. Деятельность российских казачьих структур в постсоветский период	
<i>Аверьянов А.В.</i> Казачье возрождение на Дону во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.: проблемы взаимоотношений с властью	335
<i>Рыблова М.А.</i> Конструкты, образы и символы «этнического казачьего возрождения» на Юге России	341
<i>Черницын С.В.</i> Использование казачьих традиций в этническом образовании Ростовской области: опыт 1990-х гг.	349
<i>Зайцев Г.А.</i> Вклад первого атамана возрожденного Кубанского казачьего войска (1990–2007 гг.) В.П. Громова в формирование Архивного фонда Российской Федерации	356
<i>Федоровский Ю.Р.</i> Казачество Донбасса в постсоветский период.....	361
Сведения об авторах	371

TABLE OF CONTENTS

Foreword (Academician RAS G.G. <i>Matishov</i>)	5
---	---

SECTION 1. The Russian Cossacks in the Time of Troubles

<i>Tyumentsev I.O.</i> Socio-economic nature of the Russian Time of Troubles of the early XVII century: to the issue of an unfinished discussion about the peasant wars in Russia.....	9
--	---

<i>Yurchenko I.Yu.</i> The Cossacks in revolts, times of troubles, and revolutions: newest historiography of the XX – early XXI centuries.....	19
--	----

<i>Rybalko N.V., Ivina A.V.</i> Prikaz of Cossacks in the Time of Troubles of the early XVII century.....	27
---	----

<i>Mirskiy S.V.</i> The Cossacks in the events of the Time of Troubles of the early XVII century (based on memoirs of M. Markhotskiy)	33
---	----

<i>Kusainova E.V.</i> The Cossacks in the Volga Region in 1614	48
--	----

<i>Evdokimov R.N.</i> Community of the Belozersk Cossacks as an example of solving the problem of involvement of the Cossacks to the public service of the Tsardom of Muscovy in the period of overcoming the consequences of the Time of Troubles (the 20–40s of the XVII century)	56
---	----

<i>Sushchiy S.Ya.</i> Population dynamics of the Don Cossacks and people's movements of the XVII – early XVIII centuries	63
--	----

SECTION 2. Specific features of participation of the Russian Cossacks in social conflicts of the XVIII – early XIX centuries

<i>Velikanov V.S.</i> A failed campaign of M.G. Romodanovsky in 1703 (measures of the Russian government to support I.S. Mazepa in his conflict with the Cossacks of S.I. Samus and the Zaporozhian Cossacks)	73
---	----

<i>Avakov P.A.</i> Cherkassk and Bulavin revolt in 1708 (non-chrestomathic chronicle).....	80
--	----

<i>Sen D.V.</i> Information space of Bulavin revolt and rebel correspondence of 1708 with the Kuban Region	89
--	----

<i>Beletskaya E.M.</i> Songs of the Terek Cossacks about social conflicts of the XVII–XVIII centuries	98
---	----

<i>Brovar A.V., Tatarinov I.E.</i> The role of the Don Cossacks in the formation of the Russian image of the Donbass	108
--	-----

<i>Voskoboynikov S.G., Shchukina T.V.</i> The Don Cossacks in military operations against the units of Ye.I. Pugachev	116
<i>Zakharevich A.V.</i> The degree of participation of Host Starshina F.M. Persiyanov the 1-st in the withdrawal of the Don Cossacks to the Kuban Region after the suppression of Esaulovsky revolt in 1794.....	122
<i>Stepanenko N.S.</i> Runaway Cossacks among the highlanders of the Northwest Caucasus in the first half of the XIX century	127

SECTION 3. The Cossacks of Russia and the First Russian revolution of 1905–1907

<i>Trut V.P.</i> The Cossacks in the Revolution of 1905–1907: unknown about the known	137
<i>Godovova E.V.</i> To the question of the perception by the Cossacks of their role in revolutionary events of 1905–1907	145
<i>Deordieva A.N.</i> The Don Cossacks and the Cadets at the elections to the Constituent Assembly.....	150
<i>Lukoshkina E.V.</i> Periodicals in the Kuban Region in the period of revolutionary events of 1905–1907.....	157

SECTION 4. The Russian Cossacks during the events of 1917

<i>Matveev V.A.</i> Euphrates Cossack host: a geopolitical project and the reality of implementation.....	163
<i>Kultyshev P.G.</i> The 5-th Don Cossack Division in the battle near Tarnawatka and salvation of the XIX Army Corps (15–18 August 1914)	170
<i>Lysenko N.N.</i> Ataman Alexey Kaledin: a tragedy of an ethno-political choice.....	177
<i>Maksimov K.N.</i> Participation of Kalmyk Cossacks in the Civil War in the Don Region and its consequences	184
<i>Morozova O.M.</i> Peace or war: a novel of the life in the Don Region	192
<i>Tikidzhyan R.G.</i> The Cossacks, indigenous and non-resident peasantry in the Don Region during the revolution and at the initial stage of the Civil War (March 1917–1918)	199
<i>Vasilev I. Yu.</i> The attitude of the Kuban Cossacks to revolutionary events and the Civil War.....	208

<i>Babich A. V.</i> The documents of Military headquarters of the Kuban Cossack Host about events of the Revolution and the Civil War in the Kuban Region of 1917–1920: an archeographic overview.....	215
<i>Dyukarev A. V.</i> The memory about the past of the Cossacks in the consciousness of modern Kuban society: through the prism of Revolution of 1917	221
<i>Parshukov V.A.</i> 1917 and the initial period of the Civil War in the history of the Yenisei Cossacks.....	225
<i>Venkov A. V.</i> A mass uprising of the Cossacks in the Don Region in the spring of 1918	233
<i>Skorik A.P.</i> Formation and battles of Milyutinskiy squad of the White Cossacks in April-May 1918	242
<i>Sanin D.N.</i> The Yegorlyk Cossacks during the events of 1917–1920.....	250
<i>Slobodenyuk V.V.</i> The activity of headquarters of the Cossack army of the Taman Peninsula in 1918	257
<i>Sivkov S.M.</i> The interaction of the Kuban Cossacks with the White Movement in the period of Civil War of 1918–1920: problems and common grounds	263
<i>Merzlyakov M.P.</i> The way of the Don Cossack to Soviet Russia through the prism of the fate of Ivan Mikhaylovich Merzlyakov	269
SECTION 5. The Cossacks of Russia after the Civil War	
<i>Grishchenko A.N.</i> “The mood of the Cossack population is not in favor of the Soviet power, the mood of the peasantry – selfish...”: on the causes of discontent of the Don Region population with the authorities in autumn 1920.....	279
<i>Litvinenko E.E.</i> Specific features of stay of the Don and Kuban Cossacks in Turkey in 1920–1921 (based on the materials of the stock of Museum-Reserve “The Battle of Stalingrad”)	287
<i>Afanasiev N.Yu.</i> Social and economic changes in everyday life of the population of the Cossack villages over the Don after the October Revolution of 1917	294
<i>Panarin A.A., Semenko S.P.</i> Evolution of a Cossack family in the Kuban Region in the 1920s	302

<i>Baranov A. V.</i> Economic and social changes of the way of life of the Kuban Cossacks after the Civil War (1920–1927).....	309
<i>Kusainov A.A.</i> Political repressions in the Khopyor Region in the 20–30s of the XX century.....	317
<i>Rvacheva O.V.</i> Cossack counter-revolutionary organizations in the late 1920s – early 1930s. The causes and scales of activities	324
SECTION 6. The activity of the Russian Cossack structures in the post-Soviet period	
<i>Averianov A. V.</i> Cossack’s revival in the Don Region during the second half of the 1980s – early 1990s: the problem of relations with the authorities	335
<i>Ryblova M.A.</i> Constructs, images, and symbols of “ethnic Cossack revival” in the South of Russia	341
<i>Chernitsyn S. V.</i> The usage of Cossack traditions in the ethnic education in Rostov Region: the practice of the 1990s.....	349
<i>Zaytsev G.A.</i> The contribution of the first ataman of the revived Kuban Cossack Host (1990–2007) V.P. Gromov to the formation of Archival Fund of the Russian Federation	356
<i>Fedorovskiy Yu.R.</i> The Cossacks of the Donbass in the post-Soviet period	361
Information about the authors.....	371

Научное издание

**КАЗАЧЕСТВО РОССИИ В БУНТАХ,
СМУТАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ
(к столетию событий 1917 года)**

Материалы Всероссийской научной конференции

г. Ростов-на-Дону
4–5 октября 2017 г.

Редакторы: *А.С. Бабаева, А.В. Стахеева,
С.А. Шестак, А.А. Яковлева*
Перевод: *Д.И. Узнародов, Р.Г. Михалюк*
Оригинал-макет *А.В. Стахеева*
Оформление обложки *Л.В. Безбородова*

Подписано в печать 15.09.2017
Формат 70×100/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 31,2. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Печатная лавка»
344068, г. Ростов-на-Дону, ул. Евдокимова, 37г
Тел.: (863)256-45-15, 221-35-10

